3
1429.
60.5
К83
Инв.
№ 59551

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Обл. тип., г. Кострома

ПРОВЕРЕНО
Включено в каталог

68
К 83

НАУЧНО-АНАРХИСТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1987
1965

П. Кропоткинъ.

1953
368

ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ,
КАКЪ ФАКТОРЪ ЭВОЛЮЦІИ.

Инв.
№ 59551

МОСКВА
1918.

3/1429

ВВЕДЕНІЕ.

Двѣ отличительныя черты въ животной жизни Восточной Сибири и Сѣверной Маньчжуріи особенно поразили меня во время путешествій, совершенныхъ мною въ молодости въ этихъ частяхъ Восточной Азіи. Меня поразила, съ одной стороны, необыкновенная суровость борьбы за существованіе, которую большинству животныхъ видовъ приходится вести здѣсь противъ безжалостной природы, а также вымираніе громаднѣйшаго количества ихъ особей, случающееся періодически въ силу естественныхъ причинъ, — вслѣдствіе чего получается необыкновенная скудость жизни и малонаселенность на площади обширныхъ территорій, гдѣ я производилъ свои изслѣдованія.

Другой особенностью было то, что даже въ тѣхъ немногихъ отдѣльныхъ пунктахъ, гдѣ животная жизнь являлась въ изобиліи, я не находилъ,—хотя и тщательно искалъ ея слѣдовъ,— той ожесточенной борьбы за средства существованія *среди животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому-же виду*, которую большинство дарвинистовъ (хотя не всегда самъ Дарвинъ) разсматривали, какъ преобладающую характерную черту борьбы за жизнь, и какъ главный факторъ эволюціи.

Ужасныя мятели, проносящіяся надъ сѣверной частью Азіи въ концѣ зимы, и гололедица, часто слѣдующая за мятелью; морозы и бураны, которые каждый годъ возвращаются въ первой половинѣ мая, когда деревья уже въ полномъ цвѣту, а жизнь насѣкомыхъ уже въ разгарѣ; ранніе заморозки и, по временамъ, глубокіе снѣга, выпадающіе уже въ іюлѣ и августѣ, даже въ луговыхъ степяхъ Западной Сибири, и внезапно уничтожающіе міріады насѣкомыхъ, а также и вторые выводки птицъ; проливные дожди—результатъ муссоновъ,—выпадающіе въ августѣ, въ болѣе умѣренныхъ областяхъ Амура и Уссури, и продолжающіеся цѣлыя недѣли, вслѣдствіе чего въ низменностяхъ Амура и Сунгари происходятъ наводненія въ такихъ размѣрахъ, какіе извѣстны только въ Америкѣ, да въ восточной Азіи, а на высокомъ плоскогоріи обращаются въ болота громаднѣйшія пространства, равныя по размѣрамъ цѣлымъ европейскимъ государствамъ, и, наконецъ, глубокіе снѣга, выпадающіе иногда въ началѣ октября, вслѣдствіе чего обширная территорія, равная пространствомъ Франціи или Германіи, дѣлается совершенно необитаемой для жвачныхъ животныхъ, которыя и гибнутъ тогда тысячами.— Таковы условія, при которыхъ идетъ борьба за жизнь среди животнаго міра въ Сѣверной Азіи. Эти условія уже тогда обратили мое вниманіе на чрезвычайную важность въ природѣ того разряда явленій, которыя Дарвинъ называетъ „естественными ограниченіями размноженія“,—по сравненію съ борьбою за средства

существованія, которая можетъ совершаться въ томъ или другомъ мѣстѣ между особями одного и того же вида, но всегда остается въ ограниченныхъ размѣрахъ и никогда не достигаетъ значенія вышеуказаннаго фактора. Скудость жизни, недостаточность населенія, а не избытокъ его—отличительная черта той громадной части земного шара, которую мы называемъ Сѣверной Азіей. Таковы были результаты моихъ наблюденій, и уже съ тѣхъ поръ я началъ питать серьезныя сомнѣнія, которыя позднѣе лишь подтвердились, относительно той ужасной будто-бы борьбы за пищу и жизнь, въ предѣлахъ одного и того же вида, которая составляетъ настоящій символъ вѣры для большинства дарвинистовъ. Точно также началъ я сомнѣваться тогда и относительно господствующаго вліянія, которое этого рода борьба играетъ, по предположенію дарвинистовъ, въ развитіи новыхъ видовъ.

Съ другой стороны, гдѣ бы мнѣ ни приходилось видѣть изобильную, кипучую животную жизнь,—какъ напр., на озерахъ, весною, гдѣ десятки видовъ птицъ и милліоны особей соединяются для вывода потомства, или-же въ людныхъ колоніяхъ грызуновъ, или во время перелета птицъ, который совершался тогда въ чисто американскихъ размѣрахъ вдоль долины Уссури, или же во время одного громаднаго переселенія косуль, которое мнѣ пришлось наблюдать на Амурѣ и во время котораго десятки тысячъ этихъ умныхъ животныхъ убѣгали съ огромной территоріи, спасаясь отъ выпавшихъ глубокихъ снѣговъ, и собирались большими стадами съ цѣлью пересѣчь Амуръ въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ, въ Маломъ Хинганѣ,—во всѣхъ этихъ сценахъ животной жизни, проходившихъ передъ моими глазами, я видѣлъ взаимную помощь и взаимную поддержку, доведенныя до такихъ размѣровъ, что невольно приходилось задуматься надъ громаднымъ значеніемъ, которое онѣ должны имѣть для поддержанія существованія каждаго вида, его сохраненія въ экономіи природы и его будущаго развитія.

Наконецъ, мнѣ пришлось наблюдать среди полудикаго рогатаго скота и лошадей въ Забайкальѣ, и повсемѣстно среди бѣлокъ и дикихъ животныхъ вообще, что когда животнымъ приходилось бороться съ недостаткомъ пищи, вслѣдствіе одной изъ вышеуказанныхъ причинъ, то *вся* та часть даннаго вида, которую постигло это несчастье, выходитъ изъ выдержаннаго ею испытанія съ такимъ сильнымъ ущербомъ энергіи и здоровья, что *никакая прогрессивная эволюція видовъ не можетъ быть основана на подобныхъ періодахъ остраго соревнованія.*

Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, когда, позднѣе, вниманіе мое было привлечено къ отношеніямъ между Дарвинизмомъ и Соціологіей, я не могъ согласиться ни съ одной изъ многочисленныхъ работъ, такъ или иначе обсуждавшихъ этотъ, чрезвычайно важный, вопросъ. Всѣ онѣ пытались доказать, что человѣкъ, благодаря своему высшему разуму и познаніямъ, *можетъ* смягчать остроту борьбы за жизнь между людьми: но всѣ онѣ въ то-же самое время признавали, что борьба за средства существованія каждаго отдѣльнаго животнаго противъ всѣхъ его сородичей, и каждаго отдѣльнаго человѣка противъ всѣхъ людей, является „закономъ природы“. Я однако не могъ согла-

ситься съ этимъ взглядомъ, такъ какъ убѣдился раньше, что признать безжалостную внутреннюю борьбу за существованіе въ предѣлахъ каждаго вида, и смотрѣть на такую войну, какъ на условіе прогресса,—значило бы допустить и нѣчто такое, что не только еще не доказано, но и прямо-таки не подтверждается непосредственнымъ наблюденіемъ.

Съ другой стороны, познакомившись съ лекціей „О законѣ Взаимопомощи", прочитанной на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей въ январѣ 1880 года профессоромъ Кесслеромъ, бывшимъ деканомъ С.-Петербургскаго университета, я увидалъ, что она проливаетъ новый свѣтъ на весь этотъ вопросъ. По мнѣнію Кесслера, помимо закона *Взаимной Борьбы*, въ природѣ существуетъ еще законъ *„Взаимной Помощи"*, который для успѣшности борьбы за жизнь, и въ особенности для прогрессивной эволюціи видовъ, играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ законъ Взаимной Борьбы. Это предположеніе, которое, въ дѣйствительности, явилось лишь дальнѣйшимъ развитіемъ идей, высказанныхъ самимъ Дарвиномъ въ его „Происхожденіи Человѣка", казалось мнѣ настолько правильнымъ и имѣющимъ такое громадное значеніе, что, съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ нимъ (въ 1883 году), я началъ собирать матеріалы для дальнѣйшаго развитія этой идеи, которой Кесслеръ лишь слегка коснулся въ своей рѣчи и которой онъ не успѣлъ развить, такъ какъ умеръ въ 1881 году.

Лишь въ одномъ пунктѣ я не могъ вполнѣ согласиться со взглядами Кесслера. Онъ упоминалъ о „родительскихъ чувствахъ" и заботахъ о потомствѣ (см. ниже главу 1), какъ объ источникѣ взаимнаго расположенія животныхъ другъ къ другу. Но я думаю, что опредѣленіе того, насколько эти два чувства дѣйствительно содѣйствовали развитію общительныхъ инстинктовъ среди животныхъ и насколько другіе инстинкты дѣйствовали въ томъ же направленіи,—составляетъ особливый, очень сложный вопросъ, на который мы теперь едва-ли въ состояніи отвѣтить. Лишь послѣ того, когда мы хорошо установимъ самые факты взаимопомощи среди различныхъ классовъ животныхъ, и ихъ важность для эволюціи, сможемъ мы отдѣлить, что принадлежитъ въ эволюціи общительныхъ инстинктовъ родительскимъ чувствамъ, и и что—самой общительности; при чемъ происхожденія послѣдней, очевидно, придется искать въ самыхъ раннихъ стадіяхъ эволюціи животнаго міра,—быть можетъ, даже въ „колоніальныхъ стадіяхъ" [1]). Вслѣдствіе этого, я обратилъ главное вниманіе на установку, прежде всего, важности Взаимной Помощи *какъ фактора эволюціи*, оставляя дальнѣйшимъ изслѣдователямъ задачу о *происхожденіи* инстинктовъ Взаимной Помощи въ природѣ.

Важность фактора Взаимной Помощи,—„если только его общность можетъ быть доказана", не ускользнула отъ вниманія Гёте, въ которомъ такъ ярко проявился геній естествоиспытателя. Когда Эккерманъ разсказалъ однажды Гёте,—это было въ 1827

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду тѣ стадіи, когда самыя низшія животныя, въ родѣ Volvoxglobator, или Сальпъ, соединяются въ группы. См. объ колоніальныхъ стадіяхъ: Огюста Конта, очеркъ біологіи въ «Politique positive», гдѣ онъ резюмируетъ свою «Philosophie positive»; «Основы Біологіи» Спенсера и особенно сочиненіе «Животныя Колоніи», Перье (Perrier).

году,—что два маленькихъ птенчика корольки, убѣжавшіе отъ него, послѣ того, какъ онъ подстрѣлилъ ихъ мать, были найдены имъ на слѣдующій день въ гнѣздѣ реполововъ, которые кормили птенчиковъ-корольковъ наравнѣ со своими собственными. Гёте былъ очень взволнованъ этимъ сообщеніемъ. Онъ видѣлъ въ немъ подтвержденіе своихъ пантеистическихъ взглядовъ на природу и сказалъ: „Если бы оказалось справедливымъ, что подобное кормленіе чужаковъ—присуще всей природѣ, какъ нѣчто, имѣющее характеръ общаго закона,—тогда многія загадки были бы разрѣшены". Онъ возвратился къ этому вопросу на слѣдующій день и упрашивалъ Эккермана (онъ, какъ извѣстно, былъ зоологъ) заняться спеціальнымъ изученіемъ этого вопроса, прибавляя, что Эккерманъ, несомнѣнно, сможетъ такимъ образомъ пріобрѣсти „драгоцѣнные, неоцѣненные результаты" (Gespräche, изданіе 1848 года, т. III, стр. 219, 221). Къ несчастью, подобное изученіе никогда не было предпринято, хотя весьма вѣроятно, что Брэмъ, собравшій въ своихъ работахъ такіе богатые матеріалы относительно взаимопомощи среди животныхъ, могъ быть наведенъ на эту мысль вышеприведеннымъ замѣчаніемъ Гёте.

Въ теченіе 1872—1886 годовъ было напечатано нѣсколько крупныхъ работъ относительно смышленности и умственной жизни животныхъ (объ этихъ работахъ упоминается въ примѣчаніи къ 1-ой главѣ настоящей книги), при чемъ три изъ нихъ имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ интересующему насъ вопросу, а именно: „Les Sociétés animales" Эспинаса (Парижъ, 1877); „La Lutte pour l'existence et l'association pour la lutte", лекція Ланессана (апрѣль 1881); и книга Луи Бюхнера, „Liebe und Liebes—Leben in der Thierwelt", первое изданіе которой появилось въ 1881 году или 1882 году, а второе, значительно расширенное, въ 1885. Но, несмотря на превосходныя качества каждой изъ этихъ работъ, онѣ, тѣмъ не менѣе, оставляютъ широкое мѣсто для работы, въ которой Взаимная Помощь разсматривалась бы не только въ качествѣ аргумента въ пользу до человѣческаго происхожденія нравственныхъ инстинктовъ, но также, какъ законъ природы и факторъ эволюціи. Эспинасъ обратилъ вниманіе на такія общества животныхъ (муравьевъ, пчелъ), которыя основаны на физіологическомъ различіи строенія въ различныхъ членахъ того же вида и физіологическомъ раздѣленіи между ними труда; и хотя его работа даетъ превосходныя указанія во всевозможныхъ направленіяхъ, она все-таки была написана въ такое время, когда развитіе человѣческихъ обществъ не могло быть разсматриваемо такъ, какъ мы можемъ сдѣлать это теперь, благодаря накопившемуся съ тѣхъ поръ запасу знаній. Лекція Ланессана скорѣе имѣетъ характеръ блестяще изложеннаго общаго плана работы, въ которой взаимная поддержка разсматривалась бы, начиная со скалъ на морѣ, а затѣмъ въ мірѣ растеній, животныхъ и людей. Что же касается до работы Бюхнера, то хотя она наводитъ на размышленія о роли Взаимопомощи въ природѣ и богата фактами, я не могу согласиться съ ея руководящей идеей. Книга начинается гимномъ Любви, и почти всѣ ея примѣры являются попыткой доказать существованіе любви и симпатіи между животными. Но—свести общительность животныхъ къ *любви*

и симпатіи, значитъ сузить ея всеобщность и ея значеніе,—точно также, какъ людская этика, основанная на любви и личной симпатіи, ведетъ лишь къ суженію понятія о нравственномъ чувствѣ въ цѣломъ. Я вовсе не руковожусь любовью къ хозяину даннаго дома,—котораго я часто совершенно не знаю,—когда, увидавъ его домъ въ огнѣ, я схватываю ведро съ водой и бѣгу къ его дому, хотя бы нисколько не боялся за свой: мною руководитъ болѣе широкое, хотя и болѣе неопредѣленное чувство, вѣрнѣе инстинктъ, общечеловѣческой солидарности, т. е. круговой поруки между всѣми людьми, и общежительности. То-же самое наблюдается и среди животныхъ. Не любовь, и даже не симпатія (понимаемыя въ истинномъ значеніи этихъ словъ), побуждаютъ стадо жвачныхъ или лошадей образовать кругъ, съ цѣлью защиты отъ нападенія волковъ; вовсе не любовь заставляетъ волковъ соединяться въ своры для охоты, точно также не любовь заставляетъ ягнятъ или котятъ предаваться играмъ, и не любовь сводитъ вмѣстѣ осенніе выводки птицъ, которыя проводятъ вмѣстѣ цѣлые дни почти всю осень; и наконецъ нельзя приписать ни любви, ни личной симпатіи то обстоятельство, что многія тысячи косуль, разбросанныхъ по территоріи, пространствомъ равняющейся Франціи, собираются въ десятки отдѣльныхъ стадъ, которыя всѣ направляются къ извѣстному пункту, съ цѣлью переплыть тамъ рѣку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ главную роль играетъ чувство несравненно болѣе широкое, чѣмъ любовь или личная симпатія;—здѣсь выступаетъ инстинктъ общительности, который медленно развивался среди животныхъ и людей въ теченіе чрезвычайно долгаго періода эволюціи, съ самыхъ раннихъ ея стадій и который научилъ въ равной степени животныхъ и людей сознавать ту силу, которую они пріобрѣтаютъ, практикуя взаимную помощь и поддержку, и сознавать удовольствія, которыя можно найти въ общественной жизни.

Важность этого различія будетъ легко оцѣнена всякимъ, кто изучаетъ психологію животныхъ, а тѣмъ болѣе—людскую этику. Любовь, симпатія и самопожертвованіе, конечно, играютъ громадную роль въ прогрессивномъ развитіи нашихъ нравственныхъ чувствъ. Но общество, въ человѣчествѣ, зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатіи. Оно зиждется на сознаніи — хотя бы инстинктивномъ,—человѣческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на безсознательномъ или полусознанномъ признаніи силы, заимствуемой каждымъ человѣкомъ изъ общей практики взаимопомощи; на тѣсной зависимости счастья каждой личности отъ счастья всѣхъ, и на чувствѣ справедливости или безпристрастія, которое вынуждаетъ индивидуума разсматривать права каждаго другого, какъ равныя его собственнымъ правамъ. Но этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящаго труда, и я ограничусь лишь указаніемъ на мою лекцію „Справедливость и Нравственность“, которая была отвѣтомъ на „Этику“ Гексли и въ которой я коснулся этого вопроса съ большей подробностью [1]).

---

[1]) См. также первыя главы моей работы объ Этикѣ, появившіяся недавно въ „Nineteenth Century“: „Задачи Этики“ и „Нравственность Природы“.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я думалъ, что книга о „Взаимной Помощи, какъ законѣ природы и факторѣ эволюціи“ могла бы заполнить очень важный пробѣлъ. Когда Гексли выпустилъ въ 1888 году свой „манифестъ“ о борьбѣ за существованіе („Struggle for Existence and its Bearing upon Man“),—который, съ моей точки зрѣнія, былъ совершенно невѣрнымъ изображеніемъ явленій природы, какъ мы ихъ видимъ въ тайгѣ и въ степяхъ,—я обратился къ редактору „Nineteenth Century“, прося его дать мѣсто на страницахъ редактируемаго имъ журнала, для обработанной критики взглядовъ одного изъ наиболѣе выдающихся дарвинистовъ; и м-ръ Джемсъ Ноульзъ (Knowles) отнесся къ моему предложенію съ полной симпатіей. Я также говорилъ по этому поводу съ В. Бэтсомъ (Bates),—великимъ „Натуралистомъ на Амазонкѣ“, который собиралъ, какъ извѣстно, матеріалы для Уоллэса и Дарвина, и котораго Дарвинъ совершенно вѣрно охарактеризовалъ въ своей автобіографіи какъ одного изъ умнѣйшихъ встрѣченныхъ имъ людей. „Да, конечно; это истинный Дарвинизмъ“,—воскликнулъ Бэтсъ.—„Просто возмутительно, во что они обратили Дарвина. Пишите ваши статьи, и когда онѣ будутъ напечатаны, я напишу вамъ письмо, которое вы сможете опубликовать“. Къ несчастью, составленіе этихъ статей заняло у меня почти семь лѣтъ и когда послѣдняя изъ нихъ была напечатана, Бэтса уже не было въ живыхъ.

Подвергнувъ обсужденію важность Взаимной Помощи среди различныхъ классовъ животныхъ, я, очевидно, обязанъ былъ обсудить важность того же фактора въ развитіи человѣка. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что имѣются эволюціонисты, готовые допустить важность Взаимной Помощи среди животныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Герберту Спенсеру, отрицающіе ее по отношенію къ человѣку. Для первобытнаго человѣка,—утверждаютъ они,—война каждаго противъ всѣхъ была преобладающимъ закономъ жизни. Насколько это утвержденіе, которое чрезчуръ охотно повторяютъ безъ надлежащей провѣрки со временъ Гоббса, совпадаетъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно раннихъ фазъ человѣческаго развитія, я постарался разобрать въ настоящей книгѣ, въ главахъ посвященныхъ жизни дикарей и варваровъ.

Число и важность различныхъ учрежденій Взаимной помощи, которыя развились въ человѣчествѣ, благодаря созидательному генію дикихъ и полудикихъ массъ, въ теченіе самаго ранняго періода родового быта, и еще болѣе того впослѣдствіи—въ теченіе слѣдующаго періода деревенской общины, а также громадное вліяніе, которое эти раннія учрежденія оказали на дальнѣйшее развитіе человѣчества, вплоть до настоящаго времени, побудили меня распространить область моихъ изысканій и на болѣе поздніе, историческія времена; въ особенности я остановился на наиболѣе интересномъ періодѣ—средневѣковыхъ свободныхъ городовъ-республикъ, которыхъ повсемѣстность и вліяніе на современную нашу цивилизацію до сихъ поръ еще недостаточно оцѣнены. Наконецъ, я попытался также указать вкратцѣ на громадную важность, которую привычки взаимной поддержки, унаслѣдованныя человѣчествомъ за чрезвычайно долгій періодъ его разви-

тія, играютъ даже теперь, въ нашемъ современномъ обществѣ, хотя объ немъ думаютъ и говорятъ, что оно покоится на принципѣ: „Каждый для себя и Государство для всѣхъ“,— принципъ, которому человѣческія общества никогда не слѣдовали вполнѣ, и который никогда не будетъ приведенъ въ осуществленіе.

Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что въ настоящей книгѣ, какъ люди, такъ и животныя изображены съ черезчуръ благопріятной точки зрѣнія: что ихъ общежительныя качества черезчуръ выдвинуты впередъ, въ то время какъ ихъ противо-общественныя наклонности и инстинкты самоутвержденія едва отмѣчены. Но это, однако, было неизбѣжно. За послѣднее время мы столько наслышались о „суровой, безжалостной борьбѣ за жизнь“, которая яко-бы ведется каждымъ животнымъ противъ всѣхъ остальныхъ, каждымъ „дикаремъ“ противъ всѣхъ остальныхъ „дикарей“, и каждымъ цивилизованнымъ человѣкомъ противъ всѣхъ его согражданъ, — причемъ подобныя утвержденія сдѣлались своего рода догматомъ, религіей образованнаго общества,—что было необходимо, прежде всего, противопоставить имъ обширный рядъ фактовъ, рисующихъ жизнь животныхъ и людей съ совершенно другой стороны. Необходимо было показать сперва преобладающую роль, которую играютъ общительныя привычки въ жизни природы и въ прогрессивной эволюціи, какъ животныхъ видовъ, такъ равно и человѣческихъ существъ. Надо было доказать, что онѣ даютъ животнымъ лучшую охрану противъ ихъ враговъ, что онѣ облегчаютъ имъ добываніе пищи (зимніе запасы, переселенія, кормленіе подъ охраной сторожей и т. п.) и увеличиваютъ предѣлъ жизненности, и, вслѣдствіе этого,— облегчаютъ развитіе умственныхъ способностей; что онѣ дали людямъ, помимо вышеуказанныхъ, общихъ съ животными, выгодъ, возможность выработать тѣ учрежденія, которыя помогли человѣчеству выжить въ суровой борьбѣ съ природой и совершенствоваться, не взирая на всѣ превратности исторіи. Я это и сдѣлалъ. А потому, настоящая книга есть книга о законѣ Взаимопомощи, разсматриваемомъ, какъ одинъ изъ главныхъ факторовъ эволюціи, а не о *всѣхъ* факторахъ эволюціи и ихъ относительной цѣнности; и эту книгу надо было написать раньше, чѣмъ станетъ возможнымъ изслѣдованіе вопроса объ относительномъ значеніи различныхъ факторовъ эволюціи.

Я, конечно, менѣе всего склоненъ недооцѣнивать роль, которую самоутвержденіе личности играло въ развитіи человѣчества. Но этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ разсмотрѣнія, гораздо болѣе глубокаго, чѣмъ какое онъ встрѣчалъ до сихъ поръ. Въ исторіи человѣчества, самоутвержденіе личности часто представляло, и продолжаетъ представлять, нѣчто совершенно отличное и нѣчто болѣе обширное и глубокое, чѣмъ та мелочная, неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдаетъ за „индивидуализмъ“ и „самоутвержденіе“. Равнымъ образомъ, двигавшія исторію личности вовсе не сводились на однихъ тѣхъ, кого историки изображаютъ намъ въ качествѣ героевъ. Вслѣдствіе этого, я имѣю въ виду, если удастся, подробно разобрать впослѣдствіи роль, которую сыграло самоутвержденіе личности въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Те-

перь же я ограничусь лишь слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ.

Когда учрежденіе Взаимопомощи—т. е. родовой строй, деревенская община, гильдія, средневѣковый городъ — начинали въ теченіе историческаго процесса, терять свой первоначальный, характеръ, когда въ нихъ начинали появляться паразитные, чуждые имъ, наросты, вслѣдствіе чего сами эти учрежденія становились помѣхой прогрессу, тогда возмущеніе личностей противъ этихъ учрежденій всегда принимало двоякій характеръ. Часть возстававшихъ стремилась къ очищенію старыхъ учрежденій отъ чуждыхъ имъ элементовъ, или къ выработкѣ высшихъ формъ свободнаго общежитія, основанныхъ, опять-таки, на началахъ Взаимной Помощи; они пытались, напримѣръ, ввести въ уголовное право начало „возмѣщенія“ (виры) на мѣсто закона кроваваго возмездія, а позднѣе провозглашали „прощеніе обидъ“, то-есть, еще болѣе высокій идеалъ равенства предъ человѣческою совѣстью, взамѣнъ „возмѣщенія“, которое платилось сообразно классовой цѣнности пострадавшаго. Но въ то же самое время другая часть тѣхъ же личностей, возставшихъ противъ окристаллизовавшагося строя, пыталась просто разрушить охранительныя учрежденія взаимной поддержки, съ тѣмъ, чтобы на мѣсто ихъ поставить свой собственный произволъ, и такимъ образомъ увеличить свои собственныя богатства и усилить свою собственную власть. Въ этой тройственной борьбѣ,—между двумя разрядами возмутившихся личностей и защитниками существующаго, и состоитъ вся истинная трагедія исторіи. Но для того, чтобы изобразить эту борьбу и честно изучить роль, сыгранную въ развитіи человѣчества каждою изъ вышеуказанныхъ трехъ силъ, потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, столько же лѣтъ труда, сколько мнѣ пришлось отдать на то, чтобы написать эту книгу.

Изъ работъ, разсматривающихъ приблизительно тотъ же вопросъ, но появившихся уже послѣ появленія моихъ статей о Взаимной Помощи среди животныхъ, я долженъ упомянуть „The Lowell Lectures on the Ascent of Man“, Генри Дрэммонда (Henry Drummond), Лондонъ, 1894 г. и „The Origin and Growth of the Moral Instinct“, А. Сэдерланда (A. Suderland), Лондонъ, 1898 г. Объ книги построены въ значительной степени по тому же плану, какъ вышеупомянутая книга Бюхнера; при чемъ въ книгѣ Сэдерланда довольно подробно разсматриваются родительскія и семейныя чувства, въ качествѣ единственнаго фактора въ дѣлѣ развитія нравственныхъ чувствъ. Третьей работой этого рода, относящейся къ человѣку и написанной по тому же плану, является книга американскаго профессора Ф. А. Гиддингса (Giddings), первое изданіе которой появилось въ 1896 году, въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ, подъ заглавіемъ: „The Principles of Sociology“, и руководящія идеи которой были изложены авторомъ въ брошюрѣ въ 1894 году. Я долженъ, однако, предоставить вполнѣ литературной критикѣ разборъ совпаденій, сходства и расхожденія между вышеуказанными работами и моей.

Всѣ главы настоящей книги были напечатаны сначала въ Nineteenth Century („Взаимопомощь среди животныхъ“, въ сентябрѣ

ноябрѣ 1890 года; „Взаимопомощь среди дикарей“, въ апрѣлѣ 1891 г.; „Взаимопомощь среди варваровъ“, въ январѣ 1892 г.; „Взаимопомощь въ средне-вѣковомъ городѣ“, въ августѣ и сентябрѣ 1894 г.; и „Взаимопомощь въ настоящее время“, въ январѣ и іюнѣ 1896 г.). Выпуская ихъ въ формѣ книги, я сначала думалъ включить въ видѣ приложенія массу собранныхъ мною матеріаловъ, которыми я не могъ воспользоваться для статей, появившихся въ журналѣ, а также обсужденіе различныхъ второстепенныхъ пунктовъ, которые пришлось опустить. Оказалось, однако, что подобныя приложенія удвоили бы размѣръ книги, и я былъ принужденъ отказаться отъ изданія ихъ, или по крайней мѣрѣ отложить его. Въ текстъ первоначальныхъ статей мной введено было лишь очень немного такого матеріала, который можно было ввести, не нарушая общаго построенія этой работы.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить издателю „Nineteenth Century“, James Knowles'y мою благодарность за любезное гостепріимство, оказанное имъ настоящей работѣ, лишь только онъ ознакомился съ ея общей идеей, а также и за его любезное разрѣшеніе перепечатать настоящій трудъ.

Бромлей, Кентъ. 1902.

Приготовляя русское изданіе этой книги, я тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ весь текстъ и сдѣлалъ нѣкоторыя добавленія.

ГЛАВА I.

Взаимная помощь у животныхъ.

«Борьба за существованіе».—Взаимная помощь—законъ природы и главное условіе прогрессивнаго развитія.—Безпозвоночныя животныя.—Муравьи и пчелы.—Птицы: ихъ союзы для охоты и рыбной ловли.—Ихъ общительность.—Взаимная охрана у мелкихъ птицъ.—Журавли; попугаи.

Понятіе о борьбѣ за существованіе, какъ объ условіи прогрессивнаго развитія, внесенное въ науку Дарвиномъ и Уоллэсомъ, позволило намъ охватить въ одномъ обобщеніи громаднѣйшую массу явленій; и это обобщеніе легло, съ тѣхъ поръ, въ основу всѣхъ нашихъ философскихъ, біологическихъ и общественныхъ теорій. Несмѣтное количество самыхъ разнообразныхъ фактовъ, которые мы прежде объясняли каждый своею причиною, было охвачено Дарвиномъ въ одно широкое обобщеніе. Приспособленіе живыхъ существъ къ обитаемой ими средѣ, ихъ прогрессивное развитіе, анатомическое и физіологическое, умственный прогрессъ и даже нравственное совершенствованіе,—всѣ эти явленія стали представляться намъ, какъ части одного общаго процесса. Мы начали понимать ихъ, какъ рядъ непрерывныхъ усилій,—какъ *борьбу* противъ различныхъ неблагопріятныхъ условій, ведущую къ развитію такихъ личностей, расъ, видовъ и обществъ, которые представляли бы собою наибольшую полноту, наибольшее разнообразіе и наибольшую интенсивность жизни.

Весьма возможно, что, въ началѣ своихъ работъ, Дарвинъ самъ не сознавалъ всего значенія и общности того явленія—борьбы за существованіе,—къ которому онъ обратился за объясненіемъ одной группы фактовъ, а именно—накопленія отклоненій отъ первоначальнаго типа и образованія новыхъ видовъ. Но онъ понималъ, что выраженіе, которое онъ вводилъ въ науку, утратило бы свой философскій точный смыслъ, если бы оно было понято исключительно въ его узкомъ смыслѣ, какъ борьба между индивидуумами изъ-за средствъ существованія. А потому, уже въ самомъ началѣ своего великаго изслѣдованія о происхожденіи видовъ, онъ настаивалъ на томъ, что „борьбу за существованіе“ слѣдуетъ понимать „въ ея широкомъ и переносномъ (метафорическомъ) смыслѣ, т. е., включая сюда зависимость одного живого существа отъ другихъ, а также,—что гораздо важнѣе,—не только жизнь самого индивидуума, но и возможность для него оставить по себѣ потомство“ [1]).

---

[1]) «Происхожденіе видовъ», начало III-ей главы.

Такимъ образомъ, хотя самъ Дарвинъ, для своей спеціальной цѣли и употреблялъ слова „борьба за существованіе“ преимущественно въ ихъ узкомъ смыслѣ, онъ предупреждалъ, однако, своихъ послѣдователей отъ ошибки (въ которую, повидимому, онъ самъ, было, впалъ одно время) — отъ слишкомъ узкаго пониманія этихъ словъ. Въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи, „Происхожденіе Человѣка“, онъ написалъ даже нѣсколько прекрасныхъ сильныхъ страницъ, чтобы выяснить истинный широкій смыслъ этой борьбы. Онъ показалъ здѣсь, какъ въ безчисленныхъ животныхъ сообществахъ борьба за существованіе между отдѣльными членами этихъ сообществъ *совершенно исчезаетъ* и, какъ, вмѣсто *борьбы*, является *содѣйствіе* (кооперація), ведущее къ такому развитію умственныхъ способностей и нравственныхъ качествъ, которое обезпечиваетъ данному виду наилучшіе шансы жизни и распространенія. Онъ указалъ, такимъ образомъ, что въ этихъ случаяхъ „наиболѣе приспособленными“ оказываются вовсе не тѣ, кто физически сильнѣе или хитрѣе, или ловче другихъ, а тѣ, кто лучше умѣетъ соединяться и поддерживать другъ друга—какъ сильныхъ такъ и слабыхъ,—ради блага всего своего общества. „Тѣ общества“, писалъ онъ, „которыя содержатъ наибольшее количество сочувствующихъ другъ другу членовъ, будутъ наиболѣе процвѣтать, и оставятъ по себѣ наибольшее количество потомства“. (Второе, англійское изданіе, стр. 163).

Выраженіе, заимствованное Дарвиномъ изъ Мальтусовскаго представленія о борьбѣ всѣхъ противъ каждаго, потеряло, такимъ образомъ, свою узость, когда оно переработалось въ умѣ человѣка, глубоко понимавшаго природу.

Къ несчастью, эти замѣчанія Дарвина, которыя могли бы стать основою самыхъ плодотворныхъ изслѣдованій, прошли незамѣченными—изъ-за массы фактовъ, въ которыхъ выступала, или предполагалась, дѣйствительная борьба между индивидуумами изъ-за средствъ существованія. При томъ же Дарвинъ не подвергъ болѣе строгому изслѣдованію сравнительную важность и относительную распространенность двухъ формъ „борьбы за жизнь“ въ животномъ мірѣ: непосредственной борьбы отдѣльныхъ особей между собою и общественной борьбы многихъ особей—сообща, и онъ не написалъ также сочиненія, которое собирался написать, о *природныхъ* препятствіяхъ чрезмѣрному размноженію животныхъ, каковы засуха, наводненія, внезапные холода, повальныя болѣзни и т. п.

Между тѣмъ, именно такое изслѣдованіе и было необходимо, чтобы опредѣлить истинные размѣры и значеніе въ природѣ единичной борьбы за жизнь между членами одного и того же вида животныхъ, по сравненію съ борьбой цѣлымъ обществомъ противъ природныхъ препятствій и враговъ изъ другихъ видовъ. Мало того, въ той же самой книгѣ о происхожденіи человѣка, гдѣ онъ писалъ только что указанныя мѣста, опровергающія узкое мальтузіанское пониманіе „борьбы“, опять-таки пробивалась мальтусовская закваска,—напримѣръ тамъ, гдѣ онъ задавался вопросомъ: слѣдуетъ ли поддерживать жизнь „слабыхъ умомъ и тѣломъ“ въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ? (гл. V). Какъ

будто бы тысячи „слабыхъ тѣломъ," поэтовъ, ученыхъ, изобрѣтателей и реформаторовъ, а также такъ-называемыхъ „слабоумныхъ энтузіастовъ", не были самымъ сильнымъ орудіемъ человѣчества въ его борьбѣ за жизнь,—борьбѣ умственными и нравственными средствами, значеніе которыхъ самъ Дарвинъ такъ прекрасно выставилъ въ этихъ же главахъ своей книги.

Съ теоріей Дарвина случилось то же, что случается со всѣми теоріями, имѣющими отношеніе къ человѣческой жизни. Его послѣдователи не только не расширили ея, согласно его указаніямъ, а напротивъ того, сузили ее еще болѣе. И въ то время, какъ Спенсеръ, работая независимо, но въ сходномъ направленіи, постарался до нѣкоторой степени расширить изслѣдованіе вопроса: „кто же оказывается лучше приспособленнымъ?" (въ особенности въ приложеніи къ *третьему* изданію „Data of Ethics"), многочисленные послѣдователи Дарвина сузили понятіе о борьбѣ за существованіе до самыхъ тѣсныхъ предѣловъ. Они стали изображать міръ животныхъ, какъ міръ непрерывной борьбы между вѣчно-голодающими существами, жаждующими каждое крови своихъ собратьевъ. Они наполнили современную литературу возгласами: „Горе побѣжденнымъ"! и стали выдавать этотъ кличъ за послѣднее слово науки о жизни.

„Безпощадную" борьбу изъ-за личныхъ выгодъ они возвели на высоту принципа, закона всей біологіи, которому человѣкъ обязанъ подчиняться,—иначе онъ погибнетъ въ этомъ мірѣ, основанномъ на взаимномъ уничтоженіи. Оставляя въ сторонѣ экономистовъ, которые изо всей области естествознанія обыкновенно знаютъ лишь нѣсколько ходячихъ фразъ, и то заимствованныхъ у второстепенныхъ популяризаторовъ, мы должны признать, что даже наиболѣе авторитетные представители взглядовъ Дарвина употребляютъ всѣ усилія для поддержанія этихъ ложныхъ идей. Если взять, напримѣръ Гёкели, который, несомнѣнно, считается однимъ изъ лучшихъ представителей теоріи развитія (эволюціи), то мы видимъ, что въ статьѣ, озаглавленной „Борьба за существованіе и ея отношеніе къ человѣку", онъ учитъ насъ, что „съ точки зрѣнія моралиста животный міръ находится на томъ же уровнѣ, что борьба гладіаторовъ. Животныхъ хорошо кормятъ и выпускаютъ ихъ на борьбу: въ результатѣ—лишь наиболѣе сильные, наиболѣе ловкіе и наиболѣе хитрые выживаютъ для того только, чтобы на слѣдующій день тоже вступить въ борьбу. Зрителю нѣтъ нужды даже, повернувши палецъ книзу требовать, чтобы слабые были убиты: здѣсь и безъ того никому не бываетъ пощады".

Въ той же статьѣ Гексли дальше говоритъ, что среди животныхъ, какъ и среди первобытныхъ людей, „наиболѣе слабые и наиболѣе глупые обречены на гибель, въ то время какъ выживаютъ наиболѣе хитрые и тѣхъ, кого труднѣе пронять, тѣ, которые лучше сумѣли приспособиться къ обстоятельствамъ, но вовсе не лучшіе въ другихъ отношеніяхъ. Жизнь, говоритъ онъ, была постоянной всеобщей борьбой, и за исключеніемъ ограниченныхъ и временныхъ отношеній въ предѣлахъ семьи, Гоб-

бсовская война каждаго противъ всѣхъ была нормальнымъ состояніемъ существованія“ [1]).

Насколько подобный взглядъ на природу оправдывается дѣйствительно, видно будетъ изъ тѣхъ фактовъ, которые приведены въ этой книгѣ, какъ изъ міра животныхъ, такъ и изъ жизни первобытнаго человѣка. Но мы теперь уже можемъ сказать, что взглядъ Гексли на природу имѣетъ такъ же мало правъ на признаніе его научнымъ выводомъ, какъ и противоположный взглядъ Руссо, который видѣлъ въ природѣ лишь любовь, миръ и гармонію, нарушенные появленіемъ человѣка. Дѣйствительно, первая же прогулка въ лѣсу, первое наблюденіе надъ любымъ животнымъ обществомъ, или даже ознакомленіе съ любымъ серьезнымъ трудомъ; трактующимъ о жизни животныхъ (напр. Д'Орбиньи, Одюбона, Ле Вальяна) должны заставить натуралиста задуматься надъ ролью, которую играетъ общественная жизнь въ мірѣ животныхъ и предостеречь его, какъ отъ пониманія природы въ видѣ всеобщаго поля битвы, такъ и отъ противоположной крайности, видящей въ природѣ одну гармонію и миръ. Ошибка Руссо заключалась въ томъ, что онъ совершенно упустилъ изъ вида борьбу, ведущуюся клювомъ и когтями, а Гёксли повиненъ въ ошибкѣ противоположнаго характера; но ни оптимизмъ Руссо, ни пессимизмъ Гёксли не могутъ быть признаны безпристрастнымъ научнымъ истолкованіемъ природы.

Едва только мы начинаемъ изучать животныхъ — не въ одинѣхъ лишь лабораторіяхъ и музеяхъ, но также и въ лѣсу, въ лугахъ, въ степяхъ и въ горныхъ странахъ, — какъ тотчасъ же мы замѣчаемъ, что хотя между различными видами, и въ особенности между различными классами животныхъ, ведется въ чрезвычайно обширныхъ размѣрахъ борьба и истребленіе,—въ то же самое время, въ такихъ же, или даже въ еще большихъ размѣрахъ, наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, или, по крайней мѣрѣ, къ тому же сообществу. Общественность является такимъ же закономъ природы, какъ и взаимная борьба. Конечно, чрезвычайно затруднительно было бы опредѣлить, хотя бы приблизительно, относительное числовое значеніе обоихъ этихъ разрядовъ явленій. Но если прибѣгнуть къ косвенной провѣркѣ, и спросить природу: „Кто же оказывается болѣе приспособленнымъ: тѣ ли кто постоянно ведетъ войну другъ съ другомъ, или же, напротивъ, тѣ, кто поддерживаетъ другъ друга?“—то мы тотчасъ увидимъ, что тѣ животныя, которыя пріобрѣли привычки взаимной помощи, оказываются, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе приспособленными. У нихъ больше шансовъ выжить, и единично, и какъ виду, и они достигаютъ въ своихъ соотвѣтствующихъ классахъ (насѣкомыхъ, птицъ, млекопитающихъ), наивысшаго развитія ума и тѣлесной организаціи. Если же принять во вниманіе безчисленные факты, которые всѣ говорятъ въ поддержку этого взгляда, то съ увѣренностью можно сказать, что взаимная помощь пред-

[1]) «Nineteenth Century», февраль 1888 г., стр. 165. Перепечатано въ его книгѣ «Essays».

ставляетъ такой же законъ животной жизни, какъ и взаимная борьба. Болѣе того. Какъ факторъ эволюціи, т. е., какъ условіе развитія вообще—она, по всей вѣроятности, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ взаимная борьба, потому что способствуетъ развитію такихъ привычекъ и свойствъ, которыя обезпечиваютъ поддержаніе и дальнѣйшее развитіе вида, при наибольшемъ благосостояніи и наслажденіи жизнью для каждой отдѣльной особи, и въ то же время, при наименьшей безполезной растратѣ ею энергіи, силъ.

Насколько мнѣ извѣстно, изъ ученыхъ послѣдователей Дарвина, первымъ признавшимъ за взаимной помощью значеніе *закона природы* и *главнаго фактора эволюціи*, былъ очень извѣстный русскій зоологъ, бывшій деканъ Петербургскаго Университета, профессоръ К. Ѳ. Кесслеръ. Онъ развилъ эту мысль въ рѣчи, произнесенной въ январѣ 1880 года, за нѣсколько мѣсяцевъ, до своей смерти, на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей; но, подобно многимъ другимъ хорошимъ вещамъ, напечатаннымъ лишь на одномъ только русскомъ языкѣ, эта замѣчательная рѣчь осталась почти совершенно неизвѣстной [1]). Какъ старый зоологъ, говорилъ Кесслеръ, онъ чувствовалъ себя обязаннымъ выразить протестъ противъ злоупотребленія терминомъ „борьба за существованіе“, заимствованнымъ изъ зоологіи, или, по крайней мѣрѣ, противъ черезчуръ преувеличенной оцѣнки его значенія. „Особенно въ зоологіи“, говорилъ онъ, „и въ наукахъ, посвященныхъ разностороннему изученію человѣка, на каждомъ шагу указываютъ на жестокій законъ борьбы за существованіе, и часто совершенно упускаютъ изъ виду, что есть другой законъ, который можно назвать *закономъ взаимной помощи* и который, по крайней мѣрѣ по отношенію къ животнымъ, едва-ли не важнѣе закона борьбы за существованіе“ [2]). Затѣмъ, Кесслеръ указывалъ на то, какъ

---

[1]) Оставляя въ сторонѣ писателей, выступавшихъ до Дарвина, какъ Toussenel, Fée и мн. др., нѣсколько работъ, заключающихъ не мало поразительныхъ образчиковъ взаимной помощи,—но иллюстрирующихъ, главнымъ образомъ, умъ животныхъ,—были опубликованы до появленія труда Кесслера. Изъ нихъ я могу упомянуть: Houzeau: «Les facultés mentales des animaux», 2 т., Брюссель, 1872; L. Büchner's «Aus dem Geistesleben der Thiere», 2-е изд., 1877; и Maximilian Perty's «Ueber das Seelenleben der Thiere», Лейпцигъ, 1876. Эспинасъ опубликовалъ свой чрезвычайно замѣчательный трудъ «Les Sociétés animales» въ 1877 году и въ этомъ трудѣ указалъ на значеніе животныхъ сообществъ и ихъ вліяніе на сохраненіе вида, давъ при этомъ чрезвычайно цѣнныя соображенія о происхожденіи обществъ вообще. Фактически, въ книгѣ Эспинаса собрано все, что до тѣхъ поръ было написано о взаимопомощи, помимо другихъ очень полезныхъ указаній. Если я, несмотря на это, дѣлаю спеціальное указаніе на рѣчь Кесслера, то это потому, что онъ поднялъ взаимопомощь до высоты закона, имѣющаго въ эволюціи болѣе значенія, чѣмъ законъ взаимной борьбы. Тѣ же идеи были развиты въ слѣдующемъ году (въ апрѣлѣ 1881) J. Lanessan'омъ въ лекціи, напечатанной въ 1882 году подъ заглавіемъ: «La lutte pour l'existence et l'association pour la lutte». Капитальная работа G. Romanes'a «Animal intelligence» была издана въ 1882 году, а въ слѣдующемъ году появилась другая его работа «Mental Evolution in Animals». Приблизительно въ то же время (1882 г.) Бюхнеръ издалъ новую работу, «Liebe und Liebes—Leben in der Thierwelt», второе изданіе которой появилось въ 1885 году Идея, какъ мы видимъ, носилась въ воздухѣ.

[2]) Рѣчь «О законѣ взаимной помощи», въ «Трудахъ С.-Петербургскаго Общ. Естествоиспытателей», т. XI, вып. 1, 1880, стр. 128—129.

потребность оставить послѣ себя потомство, неизбѣжно соединяетъ животныхъ, и „чѣмъ тѣснѣе дружатся между собою недѣлимые извѣстнаго вида, чѣмъ больше оказываютъ взаимной помощи другъ другу, тѣмъ больше упрочивается существованіе вида, и тѣмъ больше получается шансовъ, что данный видъ пойдетъ дальше въ своемъ развитіи и усовершенствуется, между прочимъ, также и въ интеллектуальномъ отношеніи". „Взаимную помощь другъ другу оказываютъ животныя всѣхъ классовъ, особенно высшихъ", продолжалъ Кесслеръ (стр. 131), и онъ подтверждалъ свою идею примѣрами, взятыми изъ жизни жуковъ-гробокопателей и изъ общественной жизни птицъ и нѣкоторыхъ млекопитающихъ. Примѣры эти были немногочисленны, какъ и слѣдовало быть въ краткой вступительной рѣчи, но главные пункты были ясно установлены. Упомянувъ далѣе о томъ, что въ развитіи человѣчества взаимная помощь играла еще болѣе значительную роль, Кесслеръ закончилъ свою рѣчь слѣдующими замѣчаніями:

„Я вѣдь не отрицаю борьбы за существованіе, но только утверждаю, что прогрессивному развитію, какъ всего животнаго царства, такъ спеціально человѣчества, не столько содѣйствуетъ взаимная борьба, сколько взаимная помощь... Всѣмъ органическимъ тѣламъ присущи двѣ коренныя потребности,—потребность питанія и потребность размноженія. Потребность въ питаніи ведетъ ихъ къ борьбѣ за существованіе и къ взаимному истребленію другъ друга, а потребность въ размноженіи ведетъ ихъ къ сближенію между собою и къ взаимной помощи другъ другу. Но на развитіе органическаго міра, на преобразованіе однихъ формъ въ другія оказываетъ едва ли не болѣе вліянія сближеніе между недѣлимыми одного и того же вида, нежели борьба между ними» [1].

Правильность вышеприведенныхъ взглядовъ обратила на себя вниманіе большинства присутствовавшихъ на съѣздѣ русскихъ зоологовъ, и Н. А. Сѣверцовъ, работы котораго хорошо извѣстны орнитологамъ и географамъ, поддержалъ ихъ и пояснилъ на нѣсколькихъ добавочныхъ примѣрахъ. Онъ упомянулъ о нѣкоторыхъ видахъ соколовъ, которые одарены „почти идеальною организаціею въ цѣляхъ нападенія", но тѣмъ не менѣе вымираютъ, въ то время какъ другіе виды соколовъ, практикующіе взаимопомощь, процвѣтаютъ. „Съ другой стороны, возьмите такую общительную птицу, какъ утка", говорилъ онъ, „въ общемъ она плохо организована, но она практикуетъ взаимную поддержку, и, судя по ея безчисленнымъ видамъ и разновидностямъ, она положительно стремится распространиться по всему земному шару".

Готовность русскихъ зоологовъ воспринять воззрѣнія Кесслера объясняется весьма естественно тѣмъ, что почти всѣ они имѣли случай изучать животный міръ въ обширныхъ незаселенныхъ областяхъ Сѣверной Азіи или Восточной Россіи, а изученіе подобныхъ областей неизбѣжно приводитъ къ тѣмъ же выводамъ. Я помню впечатлѣніе, произведенное на меня животнымъ міромъ Сибири, когда я изслѣдовалъ Олекминско-Витимское нагорье, въ сообществѣ съ такимъ выдающимся зоологомъ, какимъ былъ мой другъ Иванъ Семеновичъ Поляковъ. Мы оба были подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Происхожденія Видовъ" Дарвина, но тщетно

[1] Тамъ же, стр. 135 и 136.

искали того обостреннаго соперничества между животными одного и того же вида, къ которому приготовило насъ чтеніе работы Дарвина,—даже принявши во вниманіе замѣчанія въ III-ей главѣ этой работы (стр. 54).

— „Гдѣ-же эта борьба?"—спрашивалъ я его. Мы видѣли множество приспособленій для борьбы, очень часто борьбы общей противъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, или противъ различныхъ враговъ, и П. С. Поляковъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ о взаимной зависимости хищныхъ, жвачныхъ и грызуновъ въ ихъ географическомъ распредѣленіи. С другой стороны мы видѣли значительное количество фактовъ взаимной поддержки, въ особенности во время переселеній птицъ и жвачныхъ; но даже въ Амурской и Уссурійской областяхъ, гдѣ животная жизнь отличается очень большимъ изобиліемъ, факты дѣйствительнаго соперничества и борьбы между особями одного и того же вида среди высшихъ животныхъ мнѣ пришлось наблюдать очень рѣдко, хотя я и искалъ ихъ. То же впечатлѣніе выносишь и изъ трудовъ большинства русскихъ зоологовъ, и это обстоятельство, можетъ быть, объясняетъ, почему идеи Кесслера были такъ хорошо встрѣчены русскими дарвинистами, тогда какъ подобные взгляды не въ ходу среди послѣдователей Дарвина въ Западной Европѣ.

Первое, что поражаетъ насъ, какъ только мы начинаемъ изучать борьбу за существованіе, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи этого выраженія, это—изобиліе фактовъ взаимной помощи, практикуемой не только въ цѣляхъ воспитанія потомства, какъ это признается большинствомъ эволюціонистовъ, но также и въ цѣляхъ безопасности особи и добыванія ею необходимой пищи. Во многихъ общирныхъ подраздѣленіяхъ животнаго царства взаимная помощь является общимъ правиломъ. Взаимная помощь встрѣчается даже среди самыхъ низшихъ животныхъ, и мы, вѣроятно, узнаемъ когда-нибудь отъ лицъ, изучающихъ микроскопическую жизнь стоячихъ водъ, о фактахъ безсознательной взаимной поддержки, даже среди мельчайшихъ микро-организмовъ.

Конечно, наши познанія о жизни безпозвоночныхъ,—за исключеніемъ термитовъ, муравьевъ и пчелъ,—чрезвычайно ограничены; но, несмотря на это, даже изъ жизни низшихъ животныхъ мы можемъ привести нѣсколько фактовъ вполнѣ удостовѣрной взаимопомощи. Безчисленныя сообщества саранчи, бабочекъ—особенно ванессъ—сверчковъ, жучковъ (цицинделъ) и т. д., въ сущности, совершенно еще не изслѣдованы; но уже самый фактъ ихъ существованія указываетъ на то, что они должны составляться приблизительно на такихъ же началахъ, какъ и временныя сообщества муравьевъ и пчелъ для цѣлей переселенія [1]). Что же касается жуковъ, то извѣстны вполнѣ точно наблюденные факты взаимной помощи среди могильщиковъ (Necrophorus). Имъ нуженъ какой-нибудь разлагающійся органическій матеріалъ для кладки въ немъ яицъ и обезпеченія ихъ личинокъ

[1]) См. Приложеніе I.

пищей; но гніеніе подобнаго матеріала не должно происходить слишкомъ быстро. Вслѣдствіе этого, жуки-могильщики закапываютъ въ землю трупы всякихъ мелкихъ животныхъ, которые случайно попадаются имъ во время ихъ поисковъ. Вообще, жуки этой породы живутъ особнякомъ; но когда одинъ изъ нихъ находитъ трупъ мыши, или птицы, который онъ не можетъ самъ закопать, онъ созываетъ еще нѣсколько другихъ могильщиковъ (ихъ сходится иногда до шести), чтобы совершить эту операцію соединенными силами. Если нужно они переносятъ трупъ на болѣе подходящую, мягкую почву. Вообще, закапываніе производится чрезвычайно обдуманнымъ образомъ и совершенно безъ спора относительно того, кому придется воспользоваться привилегіей положить яички въ закопанномъ трупѣ. И когда Гледичъ привязывалъ мертвую птицу къ кресту, сдѣланному изъ двухъ палочекъ, или подвѣшивалъ лягушку къ палкѣ, воткнутой въ землю, могильщики самымъ дружественнымъ образомъ, направляя усилія своихъ соединенныхъ умовъ, чтобы преодолѣть хитрость человѣка. То же самое сочетаніе усилій наблюдается и у навозныхъ жуковъ.

Но даже среди животныхъ, стоящихъ на нѣсколько низшей ступени организаціи, мы можемъ найти подобные же примѣры. Нѣкоторые земноводные крабы Вестъ-Индіи и Сѣверной Америки соединяются громадными полчищами, когда направляются къ морю, для метанія икры, при чемъ каждое такое переселеніе непремѣнно предполагаетъ нѣкоторое взаимное соглашеніе для совмѣстнаго дѣйствія и взаимную поддержку. Что же касается большихъ Молуккскихъ крабовъ (Limulus), то я былъ пораженъ, увидавши въ 1882 году, въ Брайтонскомъ акваріумѣ, насколько эти неуклюжія животныя способны оказывать другъ другу помощь, когда она оказывается нужной одному изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ перевернулся на спину въ углу большого чана, гдѣ ихъ содержатъ въ акваріумѣ, и его тяжелый, похожій на большую кастрюлю, панцырь мѣшалъ ему принять обычную позу, тѣмъ болѣе, что въ этомъ углу была сдѣлана желѣзная перегородка, которая еще болѣе затрудняла его попытки перевернуться. Тогда его сотоварищи поспѣшили къ нему на помощь, и въ теченіе цѣлаго часа я наблюдалъ, какъ они старались помочь своему товарищу по заключенію. Сначала явились двое крабовъ, толкавшихъ своего друга снизу, и послѣ усердныхъ усилій имъ удавалось поставить его ребромъ, но желѣзная перегородка мѣшала имъ закончить дѣло, и крабъ снова тяжело валился на спину. Послѣ многихъ попытокъ одинъ изъ спасителей отправился въ глубину чана и привелъ съ собой еще двухъ крабовъ, которые со свѣжими силами принялись снова поднимать и подталкивать своего безпомощнаго товарища. Мы пробыли въ акваріумѣ болѣе двухъ часовъ и, уходя, снова подошли заглянуть въ чанъ: работа освобожденія все еще продолжалась! Послѣ того, какъ я былъ свидѣтелемъ этого эпизода, я вполнѣ вѣрю наблюденію, упоминаемому Эразмомъ Дарвиномъ, а именно, что „обыкновенный крабъ во время линянія ставитъ въ качествѣ часовыхъ неполинявшихъ еще крабовъ, или же особей съ отвердѣвшей уже скурлупой, дабы защищать поли-

нявшія особи, въ ихъ беззащитномъ состояніи, отъ нападеній морскихъ враговъ“ [1]).

Факты взаимопомощи у термитовъ, муравьевъ и пчелъ настолько хорошо извѣстны, почти всякому читателю, въ особенности благодаря популярнымъ книгамъ Романеса, Бюхнера и Джона Лэббока, что я могу ограничиться весьма немногими указаніями [2]). Если мы возьмемъ муравейникъ, то мы не только увидимъ, что всякаго рода работа—воспитаніе потомства, фуражировка, постройка, воспитаніе куколокъ, выкармливаніе тлей и т. п.—выполняется согласно принципамъ добровольной взаимной помощи; но вмѣстѣ съ Форелемъ мы должны будемъ также признать, что главною, основною чертою жизни многихъ видовъ муравьевъ является тотъ фактъ, что каждый муравей дѣлится и обязанъ дѣлиться своей пищей, уже проглоченной и отчасти переваренной, съ каждымъ членомъ общины, предъявляющимъ на нее требованіе. Два муравья, принадлежащіе къ двумъ различнымъ видамъ или къ двумъ враждебнымъ муравейникамъ, будутъ, при случайной встрѣчѣ, избѣгать другъ друга. Но два муравья, принадлежащіе къ одному и тому же муравейнику или къ одной и той же колоніи муравейниковъ, всегда подходятъ другъ къ другу, обмѣниваются нѣсколькими движеніями щупалецъ, и „если одинъ изъ нихъ голоденъ или чувствуетъ жажду, и въ особенности, если у другого въ это время зобикъ полонъ, то первый немедленно проситъ пищи“. Муравей къ которому такимъ образомъ обратились съ просьбой, никогда не отказываетъ; онъ раздвигаетъ свои челюсти и, придавъ тѣлу надлежащее положеніе, отрыгиваетъ каплю прозрачной жидкости, которая слизывается голоднымъ муравьемъ. Отрыгиваніе пищи для кормленія другихъ является такой важной чертой въ жизни муравьевъ (на волѣ) и такъ постоянно примѣняется, какъ для кормленія голодныхъ товарищей, такъ и для выкармливанія личинокъ, что, по мнѣнію Фореля, пищеварительные органы муравьевъ состоятъ изъ двухъ различныхъ частей: одна изъ нихъ, задняя, предназначается для спеціальнаго пользованія самого индивидуума, а другая, передняя—главнымъ образомъ на пользу общины. Если бы какой-нибудь муравей съ полнымъ зобикомъ оказался настолько себялюбивымъ, что отказалъ бы въ пищѣ товарищу, съ нимъ поступили бы какъ съ врагомъ, или даже хуже. Если бы отказъ былъ сдѣланъ въ такое время, когда его сородичи сражаются съ какимъ-либо инымъ видомъ муравьевъ, или съ чужимъ муравейникомъ, они напали бы на своего жаднаго товарища съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ на самихъ враговъ. Но если бы муравей не отказался накормить другого

---

[1]) George J. Romanes, «Animal Intelligence», первое изданіе, стр. 233.

[2]) Pierre Huber, «Recherches sur les fourmis», Женева, 1810; перепечатана подъ заглавіемъ «Les fourmis indigénes», Женева, 1861; Forel, «Recherches sur les fourmis de la Suisse», Цюрихъ, 1874 и J. T. Moggridge, «Harvesting Ants and Trapdoor Spiders», Лондонъ 1873 и 1874. Книги эти слѣдовало бы дать въ руки каждому мальчику и дѣвочкѣ. См. также: Blanchard «Métamorphoses des insectes», Парижъ, 1868; J. H. Sabre, «Souvenirs entomologiques», Парижъ 1886 и слѣд. Ebrard, «Etudes de moeurs des fourmis», Женева, 1864; Sir John Lubbock, «Ants, Bees, and Wasps», и др.

муравья, принадлежащаго къ вражескому муравейнику, то сородичи послѣдняго стали бы обращаться съ нимъ, какъ съ другомъ. Все это подтверждено чрезвычайно точными наблюденіями и опытами, не оставляющими никакого сомнѣнія, ни въ дѣйствительности самихъ фактовъ, ни въ правильности ихъ истолкованія [1]).

Такимъ образомъ, въ этомъ огромномъ отдѣлѣ животнаго міра, который охватываетъ болѣе тысячи видовъ и настолько многочисленъ, что Бразилія, по увѣренію бразильцевъ, принадлежитъ не людямъ, а муравьямъ,—совершенно отсутствуетъ борьба и состязаніе изъ-за пищи между членами одного и того же муравейника, или колоніи муравейниковъ. Какъ бы ни были ужасны войны между различными видами муравьевъ и различными муравейниками, какія бы жестокости не совершались во время войны, взаимная помощь внутри общины и самоотреченіе на пользу общую обратились въ привычку, а самопожертвованіе индивидуума для общаго блага является общимъ правиломъ. Муравьи и термиты отреклись такимъ образомъ отъ „Гоббсовой войны“ и только выиграли отъ этого. Ихъ поразительные муравейники, ихъ постройки, превосходящія по относительной высотѣ людскія постройки; ихъ мощеныя дороги и крытыя галлереи—между муравейниками; ихъ обширныя залы и зернохранилища; ихъ хлѣбныя поля, ихъ жатвы и „соложеніе“ ими зерна [2]); удивительные „огороды“ „зонтичнаго муравья“, который объѣдаетъ листья и удобряетъ кусочки земли катышками изъ пережеванныхъ кусочковъ листа, при чемъ въ этихъ огородахъ растетъ только одна порода грибковъ, а всѣ остальные уничтожаются; ихъ раціональные методы выпяиьчиванія яичекъ и личинокъ, общіе всѣмъ муравьямъ, и построеніе спеціальныхъ гнѣздъ и загородей для выращиванія тлей, которыхъ Линней такъ живописно назвалъ „муравьиными коровами“, и, наконецъ, ихъ храбрость, отважность и высокое умственное развитіе,—все это естественные результаты взаимной помощи, практикуемой ими на каждомъ шагу ихъ дѣятельной и трудолюбивой жизни. Общительность муравьевъ привела также къ развитію другой существенной черты ихъ жизни, а именно, къ огромному развитію личнаго почина, который въ свою очередь содѣйствовалъ развитію у муравьевъ такихъ высокихъ и разнообразныхъ умственныхъ способностей, что онѣ вызываютъ восторгъ и удивленіе каждаго наблюдателя [3]).

[1]) Forel «Recherches», стр. 244, 275, 278. Превосходное описаніе этого процесса принадлежитъ Гюберу; ему же принадлежитъ указаніе на возможное происхожденіе инстинкта (популярное изд. стр. 158, 160).—См. также приложеніе II въ концѣ этой книги.

[2]) Агрикультура муравьевъ настолько удивительна, что въ ней долго сомнѣвались. Существованіе ея хорошо доказано теперь трудами Moggridge, Dr. Lincecum, Mac Cook, полк. Sykes и Dr. Jerdon и поставлено внѣ сомнѣній. См. прекрасный сводъ доказательствъ въ трудѣ Romanes'a. См. также: „Die Pilzgaerten einiger Süd—Americanishen Ameisen“. Альф. Меллера, въ Schimpesr' Botan. Mitth. aus den Tropen“, т. VI. 1893.

[3]) Этотъ второй принципъ распознанъ былъ не сразу. Прежніе наблюдатели часто говорили о «короляхъ», «королевахъ», «управителяхъ» и т. п., но съ тѣхъ поръ, какъ Huber и Sorel обнародовали свои тщательныя и добросовѣстныя наблюденія, невозможны сомнѣнія въ томъ, что во всѣхъ дѣйст-

Если бы мы не были знакомы ни съ какими другими фактами изъ жизни животныхъ, кромѣ тѣхъ, которые извѣстны о муравьяхъ и термитахъ, мы могли бы уже съ увѣренностью заключить, что взаимная помощь, (ведущая къ взаимному довѣрію—первому условію мужества) и индивидуальная инициатива (первое условіе умственнаго прогресса) являются двумя условіями, несравненно болѣе важными въ эволюціи міра животныхъ, чѣмъ взаимная борьба. Дѣйствительно, муравей процвѣтаетъ, хотя и не обладаетъ ни одной изъ тѣхъ „защитительныхъ" чертъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно изъ животныхъ, ведущихъ однакую жизнь. Ихъ окраска дѣлаетъ ихъ очень замѣтными для ихъ враговъ, а высокіе муравейники многихъ видовъ сразу обращаютъ на себя вниманіе въ лѣсахъ и на лугахъ. У муравья нѣтъ твердаго панцыря, а его жало, какъ бы ни было оно опасно, когда сотни жалъ вонзаются въ тѣло животнаго, не имѣетъ большой цѣны для цѣлей индивидуальной защиты. Въ то же время личинки и куколки муравьевъ (такъ наз. муравьиныя яйца) составляютъ лакомство для многихъ обитателей лѣсовъ. И тѣмъ не менѣе, муравьи, несмотря на ихъ многочисленность, не подвергаются сильному истребленію птицами и даже муравьѣдами и внушаютъ ужасъ насѣкомымъ, гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ они сами. Когда Форель опорожнивалъ мѣшокъ съ муравьями на лугу, онъ видѣлъ, какъ „сверчки разбѣгались, оставляя свои норы на разграбленіе муравьямъ; пауки и жуки бросали свои жертвы, изъ боязни самимъ очутиться въ положеніи жертвы"; муравьи захватывали даже гнѣзда осъ, послѣ битвы, во время которой многіе изъ нихъ гибли для блага общины. Даже самыя быстрыя насѣкомыя не успѣвали спастись, и Форелю часто приходилось видѣть, какъ муравьи внезапно нападали и убивали бабочекъ, комаровъ, мухъ и т. д. Сила ихъ заключается во взаимной поддержкѣ и взаимномъ довѣріи. И если муравей,—не говоря о еще болѣе развитыхъ термитахъ,—стоитъ на самой вершинѣ цѣлаго класса насѣкомыхъ по своимъ умственнымъ способностямъ; если по храбрости его можно приравнять къ наиболѣе мужественнымъ позвоночнымъ, и его мозгъ,—говоря словами Дарвина, — „представляетъ одинъ изъ самыхъ чудесныхъ атомовъ матеріи въ мірѣ—можетъ быть, даже болѣе удивительный, чѣмъ мозгъ человѣка"—то не обязанъ-ли муравей всѣмъ этимъ тому, что взаимная помощь совершенно замѣнила взаимную борьбу въ его общинахъ?

То же самое справедливо и относительно пчелъ. Эти маленькія насѣкомыя, которымъ такъ легко было бы стать добычей многочисленныхъ птицъ, и медъ которыхъ привлекаетъ всѣ классы животныхъ, начиная съ жука и кончая медвѣдемъ, также не имѣютъ ни одной изъ защитительныхъ особенностей въ строеніи, или въ области мимикріи [1]), безъ которыхъ насѣкомыя,

---

віяхъ муравьевъ (включая и ихъ войны), каждому индивидууму предоставляется широкій просторъ для проявленія личной иниціативы.

[1]) Мимикріей—„подражательностью"—называютъ тотъ фактъ, что многія животныя пріобрѣтаютъ цвѣтъ той среды, въ которой живутъ, и это спасаетъ ихъ отъ преслѣдованія врагами. У пчелъ, какъ и у муравьевъ, этого нѣтъ. Ихъ черный цвѣтъ не помогаетъ имъ скрываться отъ враговъ.

живущія въ одиночку, едва ли могли бы избѣжать полнаго истребленія; но, несмотря на это, вслѣдствіе практикуемой пчелами взаимной помощи, онѣ, какъ извѣстно, успѣли широко распространиться по земному шару, обладаютъ поразительною смышленностью и выработали поразительныя формы общежитія.

Работая сообща, онѣ этимъ умножаютъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ свои индивидуальныя силы; а прибѣгая ко временному раздѣленію труда,—при чемъ за каждой пчелой сохраняется способность исполнять, когда это понадобится, любого рода работу,—онѣ достигаютъ такой степени благосостоянія и безопасности, какой нельзя ожидать ни у одного изолированнаго животнаго, какъ бы оно ни было сильно или хорошо вооружено. Въ своихъ сообществахъ пчелы часто превосходятъ человѣка, когда онъ пренебрегаетъ выгодами обдуманной взаимной помощи. Такъ, напримѣръ, когда рой пчелъ готовится покинуть улей, чтобы основать новое сообщество, нѣкоторое количество пчелъ предварительно изслѣдуетъ сосѣднюю мѣстность, и если имъ удается открыть удобное мѣсто для жилья—напримѣръ, старую корзину, или что-нибудь въ этомъ родѣ—онѣ завладѣваютъ имъ, чистятъ его и охраняютъ, иногда въ продолженіе цѣлой недѣли, пока рой не выроится и не осядетъ здѣсь, на выбранномъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ людямъ сплошь да рядомъ приходилось погибать при переселеніи въ новыя страны, потому только, что переселенцы не понимали необходимости объединенія усилій! При помощи коллективнаго ума, пчелы съ успѣхомъ борясь даже противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, иногда совершенно непредвидѣнныхъ и необычныхъ, какъ, напр., это случилось съ пчелами на Парижской выставкѣ, гдѣ онѣ залѣпили пчелинымъ клеемъ (узой) ставню, закрывавшую окно, устроенное въ стѣнѣ ихъ улья [1]). Кромѣ того, онѣ вовсе не отличаются кровопролитными наклонностями и любовью къ безполезнымъ битвамъ, которыми многіе писатели такъ охотно надѣляютъ всѣхъ животныхъ. Часовые, охраняющіе входъ въ улей, безжалостно убиваютъ всѣхъ пчелъ-грабительницъ, стремящихся проникнуть къ нимъ; но пчелы-чужаки, попадающія по-ошибкѣ, остаются не тронутыми, въ особенности, если онѣ прилетаютъ обремененныя запасомъ собранной цвѣточной пыли, или если это—молодыя пчелы, которыя могутъ легко сбиться съ пути. Такимъ образомъ военныя дѣйствія сводятся къ строго-необходимымъ.

Общественность пчелъ тѣмъ болѣе поучительна, что хищническіе инстинкты и лѣность продолжаютъ существовать среди нихъ и вновь проявляются каждый разъ, когда тому благопріятствуютъ обстоятельства. Извѣстно, что всегда имѣется нѣкоторое количество пчелъ, которыя предпочитаютъ жизнь грабителей трудолюбивой жизни рабочаго; при чемъ въ періоды скудости, какъ и въ періоды необычайнаго изобилія пищи, число

[1]) Ихъ держали въ ульѣ, снабженномъ стекляннымъ оконцемъ, которое давало возможность видѣть то, что дѣлалось внутри. Оконце закрывалось снаружи ставней. Тамъ какъ пчелъ, вѣроятно, безпокоилъ свѣтъ, падавшій на нихъ всякій разъ, какъ посѣтители открывали ставню, онѣ черезъ нѣсколько дней залѣпили его тѣмъ смолистымъ веществомъ, которое называютъ пчелинымъ клеемъ, или узой (propolis).

грабителей быстро возрастаетъ. Когда жатва кончена и на нашихъ полякъ и лугахъ остается мало матеріала для выводки меда, пчелы-грабительницы появляются въ большомъ числѣ: съ другой стороны, на сахарныхъ плантаціяхъ Вестъ-Индіи и на рафинадныхъ заводахъ Европы грабежъ, лѣность и очень часто пьянство становятся обычнымъ явленіемъ среди пчелъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что противо-общественные инстинкты продолжаютъ существовать среди пчелъ, но естественный подборъ безпрерывно долженъ уничтожать ихъ, такъ какъ въ концѣ концовъ практика взаимности оказывается болѣе выгодной для вида, чѣмъ развитіе особей, одаренныхъ хищническими наклонностями. „Наиболѣе хитрые и наиболѣе безцеремонные“, о которыхъ говорилъ Гёкели, уничтожаются, чтобы дать мѣсто особямъ, понимающимъ выгоды общительной жизни и взаимной поддержки.

Конечно, ни муравьи, ни пчелы, ни даже термиты не поднялись до пониманія высшей солидарности, которая охватывала бы весь ихъ видъ. Въ этомъ отношеніи они очевидно не достигли той ступени развитія, которой мы не находимъ даже среди политическихъ, научныхъ и религіозныхъ руководителей человѣчества. Ихъ общественные инстинкты почти не переходятъ за предѣлы муравейника или улья. Тѣмъ не менѣе, Форель описалъ колоніи муравьевъ на Монъ-Тандрѣ и на горѣ Салевѣ, заключавшія въ себѣ не менѣе двухъ сотъ муравейниковъ, причемъ обитатели такихъ колоній принадлежали къ двумъ различнымъ видамъ (Formica exsecta и F. pressilabris). Форель утверждаетъ при этомъ, что каждый членъ этихъ колоній узнаетъ всѣхъ остальныхъ членовъ, и что всѣ они принимаютъ участіе въ общей защитѣ. Макъ-Кукъ наблюдалъ въ Пенсильваніи цѣлую націю муравьевъ, состоявшую изъ 1600—1700 муравейниковъ, живущихъ въ полномъ согласіи; а Бэтсъ описалъ огромныя пространства въ Бразильскихъ „кампосахъ“ (степяхъ), покрытыя холмиками термитовъ, при чемъ нѣкоторые муравейники служили убѣжищемъ для двухъ или трехъ различныхъ видовъ, и большинство этихъ построекъ было соединено между собою сводчатыми галлереями и крытыми аркадами [1]). Такимъ образомъ, попытки объединенія довольно обширныхъ подотдѣловъ вида, для цѣлей взаимной защиты и общественной жизни, встрѣчаются даже среди безпозвоночныхъ животныхъ.

Переходя теперь къ высшимъ животнымъ, мы находимъ еще больше случаевъ несомнѣнно сознательной взаимной помощи, практикуемой для всевозможныхъ цѣлей,—хотя, впрочемъ, мы должны замѣтить, что наши познанія о жизни даже высшихъ животныхъ все еще отличаются большой недостаточностью. Множество фактовъ этого рода было собрано самыми первоклассными зоологами, но тѣмъ не менѣе имѣются цѣлые отдѣлы животнаго царства, о которыхъ намъ почти ничего не извѣстно.

Особенно мало у насъ достовѣрныхъ свѣдѣній относительно рыбъ, отчасти вслѣдствіе затруднительности наблюденій, а отчасти вслѣдствіе того, что на этотъ предметъ до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Что же касается до млекопитаю-

[1]) H. W. Bates, „The Naturalist on the River Amazons“ т. III, стр. 59 и слѣд.

щихъ, то уже Кесслеръ замѣтилъ, какъ мало мы знакомы съ ихъ жизнью. Многія изъ нихъ только по ночамъ выходятъ изъ своихъ логовищъ; другія скрываются подъ землей; тѣ же хищныя, которыхъ общественная жизнь и переселенія представляютъ глубочайшій интересъ, не даютъ человѣку близко подойти къ ихъ стадамъ. Больше всего мы знаемъ о птицахъ; но все же общественная жизнь очень многихъ видовъ остается намъ очень мало извѣстной. Впрочемъ, въ общемъ нечего жаловаться на недостатокъ хорошо установленныхъ фактовъ, какъ это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на сообществахъ между самцомъ и самкою для воспитанія ихъ потомства, для обезпеченія его пищей на первыхъ ступеняхъ жизни и для совмѣстной охоты; хотя и можно упомянуть, что подобныя семейныя ассоціаціи широко распространены даже у наименѣе общительныхъ плотоядныхъ животныхъ и хищныхъ птицъ; при чемъ ихъ главный интересъ состоитъ въ томъ, что семейное общество представляетъ среду, въ которой развиваются болѣе нѣжныя чувства, даже среди животныхъ, чрезвычайно свирѣпыхъ въ другихъ отношеніяхъ. Можно также прибавить, что рѣдкость сообществъ, выходящихъ за предѣлы семьи, у плотоядныхъ животныхъ и хищныхъ птицъ,—хотя и является въ большинствѣ случаевъ результатомъ образа ихъ питанія, но можетъ быть также объяснена, до извѣстной степени, какъ слѣдствіе тѣхъ перемѣнъ въ животномъ мірѣ, которыя были вызваны быстрымъ размноженіемъ человѣчества. Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ замѣтить, что есть виды, которыхъ особи живутъ совершенно одинокою жизнью въ густо-населенныхъ областяхъ, въ то время какъ тѣ же самые виды, или ихъ ближайшіе сородичи, живутъ стадами въ мѣстностяхъ, не обитаемыхъ человѣкомъ. Для примѣра въ этомъ отношеніи можно указать на волковъ, лисицъ и нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ.

Впрочемъ, сообщества, не переходящія за предѣлы семьи, представляютъ для насъ сравнительно малый интересъ; тѣмъ болѣе, что извѣстно много другихъ сообществъ, гораздо болѣе общаго характера, какъ, напримѣръ, ассоціаціи, составляемыя многими животными для охоты, для взаимной защиты, или же просто для наслажденія жизнью. Одюбонъ уже указывалъ, что орлы иногда слетаются вмѣстѣ, по нѣсколько особей, и его разсказъ о двухъ лысыхъ орлахъ, самцѣ и самкѣ, охотившихся на Миссисипи, хорошо извѣстенъ, какъ образецъ художественнаго описанія. Но одно изъ наиболѣе убѣдительныхъ наблюденій въ этомъ направленіи принадлежитъ Сѣверцову. Изучая фауну русскихъ степей, онъ однажды увидалъ орла, принадлежащаго къ стайному виду (бѣлохвостъ, Haliaetos albicilla), поднимавшагося въ вышину; въ продолженіе получаса онъ молча описывалъ широкіе круги, и вдругъ внезапно раздался его пронзительный клекотъ. На этотъ крикъ вскорѣ отвѣтилъ крикъ другого орла, подлетѣвшаго къ первому, за нимъ послѣдовалъ третій, четвертый и т. д., пока не собралось девять или десять орловъ, которые вскорѣ исчезли изъ виду. Послѣ полудня Сѣверцовъ отправился къ тому мѣсту, куда, какъ онъ замѣтилъ, полетѣли орлы; укры-

ваясь за однимъ изъ волнообразныхъ возвышеній степи, онъ приблизился къ орлиной стаѣ и увидалъ, что она собралась вокругъ лошадинаго трупа. Старые орлы, которые вообще кормятся первые,—таковы правила приличія въ орлиномъ обществѣ—уже сидѣли на сосѣднихъ стогахъ сѣна, въ качествѣ часовыхъ, въ то время какъ молодые продолжали кормиться, окруженные стаями воронъ. Изъ этого и другихъ подобныхъ наблюденій Сѣверцовъ вывелъ заключеніе, что бѣлохвостые орлы соединяются между собою для охоты; поднявшись всѣ на большую высоту, они, если ихъ будетъ, напримѣръ, около десятка, могутъ осмотрѣть площадь по крайней мѣрѣ около пятидесяти квадратныхъ верстъ; при чемъ, какъ только одинъ изъ нихъ открываетъ что-нибудь, онъ тотчасъ сообщаетъ объ этомъ сотоварищамъ [1]).

Конечно, можно было бы сказать, что инстинктивный крикъ перваго орла при видѣ добычи, или даже его движенія, могли привлечь другихъ; но въ вышеприведенномъ случаѣ есть указаніе въ пользу взаимнаго предупрежденія, такъ какъ орлы слетѣлись раньше, чѣмъ спуститься къ павшей лошади. Кромѣ того, Сѣверцову приходилось нѣсколько разъ позже убѣждаться въ томъ, что бѣлохвостые орлы всегда слетаются по нѣскольку на падаль, и что нѣкоторые изъ нихъ (въ началѣ пиршества молодые) всегда выполняютъ роль часовыхъ, въ то время, какъ другіе ѣдятъ. Дѣйствительно, бѣлохвостые орлы—одни изъ самыхъ храбрыхъ и наилучшихъ охотниковъ—вообще стайная птица, и Брэмъ говоритъ, что, попадая въ неволю, они быстро привязываются къ человѣку.

Общительность является общей чертой для очень многихъ другихъ хищныхъ птицъ. Бразильскій коршунъ (Каракара)—одинъ изъ самыхъ „безстыжихъ“ грабителей, оказывается, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно общительнымъ. Его сообщества для охоты были описаны Дарвиномъ и другими натуралистами, при чемъ оказывается, что если онъ схватитъ черезчуръ крупную добычу, то созываетъ пять или шесть товарищей, чтобы унести ее. Вечеромъ, когда эти коршуны, все время находящіеся въ движеніи, налетавшись за-день, отправляются на покой и садятся на какое-нибудь одинокое дерево въ степи, они всегда собираются небольшими стаями, при чемъ къ нимъ присоединяются перкноптеры, небольшіе темнокрылые коршуны, похожіе на ворону, — „ихъ истинные друзья“, говоритъ Д'Орбиньи [2]). Въ Старомъ Свѣтѣ, въ Закаспійскихъ степяхъ, коршуны имѣютъ, по наблюденіямъ Заруднаго, ту-же привычку вить свои гнѣзда по нѣсколько въ одномъ мѣстѣ. Общительный грифъ [3])—одна изъ самыхъ сильныхъ породъ коршуновъ,—получилъ самое свое названіе за любовь къ обществу. Они живутъ огромными стаями, и въ Африкѣ попадаются горы, буквально покрытыя, въ каждомъ свободномъ мѣстечкѣ, ихъ гнѣздами. Они положительно наслаждаются общественной жизнью, и собираются очень большими стаями для

[1]) Сѣверцовъ. «Періодическія явленія въ жизни млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся Воронежской губ.» Москва, 1885 г.

[2]) D'Orbigny, «Voyage dans l'Amerique méridionale», t. IV; Brehm, Oiseaux, t. III.

[3]) Otogyps auricularis.

высокихъ полетовъ, составляющихъ своего рода спортъ. „Они живутъ въ большой дружбѣ“, говоритъ Ле-Вальянъ, и „иногда въ одной и той же пещерѣ я находилъ до трехъ гнѣздъ“ [1]). Коршуны Урубу въ Бразиліи отличаются, пожалуй, еще большей общительностью, чѣмъ грачи, говоритъ Бэтсъ [2]). Маленькіе египетскіе коршуны (Percnopterus stercorarius) тоже живутъ въ большой дружбѣ. Они играютъ стаями въ воздухѣ, вмѣстѣ проводятъ ночь, и утромъ гурьбою отправляются въ поиски за пищей, при чемъ между ними не бываетъ никакихъ, даже мелкихъ, ссоръ; такъ свидѣтельствуетъ Брэмъ, имѣвшій полную возможность наблюдать ихъ жизнь. Красногорлый соколъ также встрѣчается многочисленными стаями въ Бразильскихъ лѣсахъ, а соколъ пустельга (Tinnunculus cenchris), оставивъ Европу и достигнувъ зимой степей и лѣсовъ Азіи, собирается въ большія сообщества. Въ степяхъ южной Россіи онъ ведетъ (вѣрнѣе, велъ) такую общительную жизнь, что Нордманъ видалъ его въ большихъ стаяхъ, совмѣстно съ другими соколами (Falco tinnunculus, F. oesulon и F. subbuteo), которые собирались въ ясные дни около четырехъ часовъ по-полудни, и наслаждались своими полетами до поздней ночи. Они обыкновенно летѣли всѣ вмѣстѣ, по совершенно прямой линіи, вплоть до извѣстной опредѣленной точки, послѣ чего немедленно возвращались по той же линіи и затѣмъ снова повторяли тотъ же полетъ [3]).

Подобные полеты стаями, ради самаго удовольствія полета, очень обыкновенны среди всякаго рода птицъ. Ч. Диксонъ сообщаетъ, что въ особенности по рѣкѣ Эмберъ (Humber) на болотистыхъ равнинахъ, часто появляются въ концѣ августа многочисленныя стаи куликовъ (Tringa alpina, горный песочникъ, зовутъ также чернозобикъ) и остаются на зиму. Полеты этихъ птицъ чрезвычайно интересны, такъ какъ, собравшись огромною стаею, они описываютъ въ воздухѣ круги, затѣмъ разсѣиваются, а затѣмъ снова собираются, продѣлывая этотъ маневръ съ аккуратностью хорошо обученныхъ солдатъ. Среди нихъ бываютъ разсѣяны многіе случайные песочники другихъ видовъ, улиты и кулики [4]).

Перечислить здѣсь различныя охотничьи сообщества птицъ было бы просто невозможно: они представляютъ самое обыкновенное явленіе; но слѣдуетъ отмѣтить по крайней мѣрѣ рыбачьи сообщества пеликановъ, въ которыхъ эти неуклюжія птицы проявляютъ замѣчательную организацію и смышленность. Они всегда отправляются на рыбную ловлю большими стаями и, выбравъ

---

[1]) Le Vaillant, «Histoire naturelle des oiseaux d'Afrique». 1795, t. I, p. 70, изъ котораго Брэмъ даетъ большую выписку.\«Жизнь животныхъ», т. III, стр 477. Всѣ цитаты изъ Брэма по французскому изданію.

[2]) Bates, «A Naturalist on the Amazon», p. 151.

[3]) Catalogue raisonné des oiseaux de la faune pontique въ «Voyage» Демидова; выдержки у Брэма, III, 360.—Во время перелета хищныя птицы также собираются стаями. Одна стая, перелетъ которой черезъ Пиренеи наблюдалъ H. Seebohm, представляла курьезное собраніе девяти коршуновъ, одного журавля и странствующаго сокола (Falco peregrinus) См. «The Birds of Siberia», 1901, стр. 417.

[4]) «Scattered among them are many odd Stints and Sanderlings and ringed plovers». (Ch. «Dixon, Birds in the Northern Shires», стр. 207.

подходящую губу, составляютъ широкій полукругъ, лицомъ къ берегу; мало-по-малу полукругъ этотъ стягивается, по мѣрѣ того, какъ птицы подгребаются къ берегу, и, благодаря этому маневру, вся рыба, попавшая въ полукругъ, вылавливается. На узкихъ рѣкахъ и на каналахъ пеликаны даже раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая составляетъ свой полукругъ, и обѣ плывутъ на встрѣчу другъ къ другу, совершенно такъ же, какъ если бы двѣ партіи людей шли навстрѣчу другъ къ другу съ двумя длинными неводами, чтобы захватить рыбу, попавшую между неводовъ. Съ наступленіемъ ночи пеликаны улетаютъ на свое обычное мѣсто отдыха—всегда одно и то же для каждой отдѣльной стаи—и никто никогда не видалъ, чтобы между ними происходили драки изъ-за того или другого мѣста рыбной ловли, или мѣста отдыха. Въ южной Америкѣ пеликаны собираются стаями до 40,000 и до 50,000 птицъ, часть которыхъ наслаждается сномъ, въ то время какъ другіе стоятъ на стражѣ, а часть отправляется на рыбную ловлю [1]).

Наконецъ, я совершилъ бы большую несправедливость по отношенію къ нашему столь оклеветанному домашнему воробью, если бы не упомянулъ о томъ, какъ охотно каждый изъ нихъ дѣлится всякой находимой имъ пищей съ членами того общества, къ которому онъ принадлежитъ. Этотъ фактъ былъ хорошо извѣстенъ древнимъ грекамъ, и до насъ дошло преданіе о томъ, какъ греческій ораторъ воскликнулъ однажды (цитирую на память): „Въ то время, какъ я говорилъ вамъ, прилеталъ воробей, чтобы сказать другимъ воробьямъ, что какой-то рабъ разсыпалъ мѣшокъ съ зерномъ, и всѣ они улетѣли подбирать зерно“. Тѣмъ болѣе пріятно мнѣ было найти подтвержденіе этого наблюденія древнихъ въ современной небольшой книгѣ Гёрнея, который вполнѣ убѣжденъ, что домашніе воробьи всегда увѣдомляютъ другъ друга, когда можно гдѣ-нибудь поживиться пищей. Онъ говоритъ: „какъ бы далеко отъ двора фермы ни обмолачивался скирдъ хлѣба—воробьи во дворѣ фермы всегда оказывались съ зобами, набитыми зерномъ“ [2]). Правда, воробьи съ чрезвычайной щепетильностью охраняютъ свои владѣнія отъ вторженій чужаковъ; такъ, напримѣръ, воробьи Люксембургскаго сада въ Парижѣ жестоко нападаютъ на всѣхъ другихъ воробьевъ, которые пытаются въ свою очередь, воспользоваться садомъ и щедростью его посѣтителей; но внутри своихъ собственныхъ общинъ или группъ они чрезвычайно широко практикуютъ взаимную поддержку, хотя иногда дѣло и не обходится безъ ссоръ,—какъ это бываетъ, впрочемъ, даже между лучшими друзьями [3]).

Охота группами и кормленіе стаями настолько обычны въ мірѣ птицъ, что едва ли нужно приводить еще примѣры: эти два явленія слѣдуетъ разсматривать, какъ вполнѣ установленный фактъ. Что же касается силы, которую даютъ птицамъ подобныя сообщества, то она вполнѣ очевидна. Самые крупные хищники вынуждены бываютъ пасовать предъ ассоціаціями самыхъ мелкихъ

---

[1]) Max. Perty, «Ueber das Seelenleben der Thiere» (Leipzig, 1876), стр. 87, 103.

[2]) G. H. Gurney, «The House-Sparrow» (London, 1885), стр. 5.

[3]) См. приложеніе III.

птицъ. Даже орлы—даже самый могучій и страшный орелъ-могильникъ или боевой орелъ, которые отличаются такой силой, что могутъ поднять въ своихъ когтяхъ зайца или молодую антилопу,—бываютъ принуждены оставлять свою добычу стаямъ коршуновъ, которые устраиваютъ правильную охоту за ними, какъ только замѣтятъ, что одному изъ нихъ попалась хорошая добыча. Коршуны также охотятся за быстрою скопою-рыболовомъ и отнимаютъ у нея наловленную ею рыбу; но никому еще не приходилось наблюдать, чтобы коршуны дрались за обладаніе похищенной такимъ образомъ добычей. На островѣ Кергеленѣ д-ръ Coues видѣлъ, какъ Buphagus (изъ скворцоваго семейства, *морская курочка* промышленниковъ) преслѣдуетъ чаекъ съ цѣлью заставить ихъ отрыгнуть пищу; хотя, съ другой стороны, чайки, въ соединеніи съ морскими ласточками, прогоняютъ морскую курочку, какъ только она приближается къ ихъ владѣніямъ, особливо во время гнѣздованія [1]). Маленькія, но очень быстрыя пиголицы (Vanellus cristatus) смѣло атакуютъ хищныхъ птицъ. „Атака пиголицъ на сарыча, на коршуна, на ворону или на орла—одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ. Чувствуется, что они увѣрены въ побѣдѣ, и видишь ярость хищника. Въ подобныхъ случаяхъ пиголицы въ совершенствѣ поддерживаютъ другъ друга, и чѣмъ многочисленнѣе онѣ, тѣмъ храбрѣе“ [2]). Пиголица вполнѣ заслужила прозвище „доброй матери“, которое ей дали греки, такъ какъ она никогда не отказывается защищать другихъ водяныхъ птицъ отъ нападеній ихъ враговъ. Но даже маленькій обитатель нашихъ садовъ, бѣлая трясогузка (Motacilla alba), вся длина которой едва достигаетъ восьми дюймовъ, заставляетъ иногда воробьинаго ястреба прекратить охоту. „Я часто восхищался ихъ мужествомъ и проворствомъ,—писалъ старикъ Брэмъ,—и я убѣжденъ, что одинъ только соколъ способенъ поймать трясогузку... Когда ихъ стая заставитъ какого-нибудь хищника удалиться, онѣ оглашаютъ воздухъ торжествующимъ писком и затѣмъ разлетаются“. Въ такихъ случаяхъ онѣ собираются съ опредѣленною цѣлью,—погоняться за врагомъ, совершенно такъ же, какъ намъ приходилось наблюдать, что все птичье населеніе лѣса вдругъ поднималось при извѣстіи о появленіи въ немъ какой-нибудь ночной птицы и всѣ—какъ хищныя птицы, такъ и маленькія безобидныя пѣвуньи—начинали гоняться за пришельцемъ и, въ концѣ концовъ, принуждали его вернуться въ свое убѣжище.

Какая громадная разница между силами коршуна, сарыча или ястреба, и такихъ маленькихъ пташекъ, какъ луговая трясогузка! А между тѣмъ эти маленькія птички, благодаря своимъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ и храбрости одерживаютъ верхъ надъ грабителями, которые обладаютъ могучимъ полетомъ и превосходно вооружены для нападенія! Въ Европѣ трясогузки не только гоняются за тѣми хищными птицами, которыя могутъ быть опасны для нихъ, но также и за ястребами рыболовами—„скорѣе для забавы, чѣмъ для нанесенія имъ вреда“, говоритъ Брэмъ. Въ Индіи, по свидѣтельству доктора Джердона, галки гоняются за

[1]) Dr. Elliot Coues, «Birds of the Kerguelen Island», въ «Smithsonian Miscellaneous Collections», т. XIII, № 2, стр. 11.
[2]) Brehm, IV, 567.

коршунами (Gowinda) „просто для развлеченія“; а князь Видъ (Wied) говоритъ, что бразильскаго орла, urubitinga, часто окружаютъ безчисленныя стаи тукановъ („насмѣшниковъ“) и классиковъ (птица, находящаяся въ близкомъ родствѣ съ нашими грачами) и издѣваются надъ нимъ. „Орелъ“—прибавляетъ Видъ,—„обыкновенно относится къ подобнымъ надоѣданіямъ очень спокойно; впрочемъ, отъ времени до времени, онъ таки схватитъ одного изъ пристающихъ къ нему насмѣшниковъ“. Мы видимъ, такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ (а такихъ примѣровъ можно было бы привести десятки), какъ маленькія птицы, неизмѣримо уступающія по силѣ хищнику, оказываются тѣмъ не менѣе сильнѣе его, благодаря тому, что дѣйствуютъ сообща [1]).

Самыхъ поразительныхъ результатовъ, въ смыслѣ обезпеченія личной безопасности, наслажденія жизнью и развитія умственныхъ способностей путемъ общественной жизни, достигли два большихъ семейства птицъ, а именно, журавли и попугаи. Журавли чрезвычайно общительны и живутъ въ превосходныхъ отношеніяхъ, не только со своими сородичами, но и съ большинствомъ водяныхъ птицъ. Ихъ осторожность не менѣе удивительна, чѣмъ ихъ умъ. Они сразу разбираются въ новыхъ условіяхъ и дѣйствуютъ сообразно новымъ требованіямъ. Ихъ часовые всегда находятся на стражѣ, когда стая кормится или отдыхаетъ, и охотники по опыту знаютъ, какъ трудно къ нимъ подобраться. Если человѣку удается захватить ихъ гдѣ-нибудь врасплохъ — они больше уже не возвращаются на это мѣсто, не выславши впередъ, сперва—одного развѣдчика, а вслѣдъ за нимъ—партію развѣдчиковъ; и когда эта партія возвратится съ извѣстіемъ, что опасности не предвидится, высылается вторая партія развѣдчиковъ, для провѣрки показанія первыхъ, прежде чѣмъ вся стая рѣшится двинуться впередъ. Со сродными видами журавли вступаютъ въ дѣйствительную дружбу, а въ неволѣ нѣтъ другой птицы,—за исключеніемъ только не менѣе общительнаго и смышленнаго попугая,—которая вступала бы въ такую дѣйствительную дружбу съ человѣкомъ. „Журавль видитъ въ человѣкѣ не хозяина, а друга, и всячески старается выразить это“, говоритъ Брэмъ, на основаніи личнаго опыта. Съ ранняго утра до поздней ночи журавль находится въ непрерывной дѣятельности; но онъ посвящаетъ всего нѣсколько часовъ утромъ на добываніе пищи, главнымъ образомъ растительной; остальное же время онъ отдаетъ жизни въ обществѣ. „Онъ схватываетъ маленькіе кусочки дерева или камешки, подбрасываетъ ихъ на воздухъ, пытаясь потомъ

[1]) Что касается домашняго воробья, то Новозеландскій наблюдатель T. W. Kirk слѣдующимъ образомъ описываетъ нападеніе этихъ «безстыжихъ» птицъ на «злосчастнаго» ястреба: «Онъ услыхалъ однажды необычайный шумъ, какъ будто всѣ мелкія пташки округа завели колоссальную ссору. Выйдя поглядѣть, въ чемъ дѣло, онъ увидалъ большого ястреба (C. Gouldi,—питающагося падалью), котораго со всѣхъ сторонъ тѣснила стая воробьевъ. Они бросались на него десятками, сразу со всѣхъ сторонъ. Злосчастный ястребъ оказался совершенно безсильнымъ противостоять этому нападенію. Наконецъ, достигнувъ одного куста, ястребъ бросился къ нему и скрылся въ немъ; но тогда группа воробьевъ окружила кустъ, продолжая наполнять воздухъ немолчнымъ шумомъ» (Изъ доклада, читаннаго въ засѣданіи Новозеландскаго Института; Nature. Октября 10-го, 1891).

снова схватить ихъ; онъ выгибаетъ шею, распускаетъ крылья, пляшетъ, подпрыгиваетъ, бѣгаетъ и всячески выражаетъ свое хорошее настроеніе, и всегда остается красивымъ и граціознымъ“ [1]). Такъ какъ онъ постоянно живетъ въ обществѣ, то почти не имѣетъ враговъ, и хотя Брэму приходилось иногда наблюдать, какъ одного изъ нихъ случайно схватилъ крокодилъ, но за исключеніемъ крокодила, онъ не зналъ никакихъ другихъ враговъ у журавля. Осторожность журавля, вошедшая въ пословицу, спасаетъ его отъ всѣхъ враговъ, и вообще онъ доживаетъ до глубокой старости. Не удивительно, поэтому, что для сохраненія вида журавлю нѣтъ надобности воспитывать многочисленное потомство, и онъ обыкновенно кладетъ не болѣе двухъ яицъ. Что касается до высокаго развитія его ума, то достаточно сказать, что всѣ наблюдатели единогласно признаютъ, что умственныя способности журавля сильно напоминаютъ способности человѣка.

Другая чрезвычайно общительная птица, попугай, стоитъ, какъ извѣстно, по развитію ея умственныхъ способностей, во главѣ всего пернатаго міра. Ихъ образъ жизни, такъ превосходно описанъ Брэмомъ, что мнѣ достаточно будетъ привести нижеслѣдующій отрывокъ, какъ лучшую характеристику:

«Попугаи, говоритъ онъ, живутъ очень многочисленными обществами или стаями, за исключеніемъ періода спариванія. Они выбираютъ для стоянки мѣсто въ лѣсу, откуда каждое утро отправляются на свои охотничьи экспедиціи. Члены каждой стаи очень привязаны другъ къ другу и дѣлятъ между собою и горе, и радость. Каждое утро они вмѣстѣ отправляются въ поле, или въ садъ, или на какое-нибудь фруктовое дерево, чтобы кормиться тамъ фруктами или плодами. Они разставляютъ часовыхъ для охраны всей стаи и внимательно относятся къ ихъ предостереженіямъ. Въ случаѣ опасности, всѣ спѣшатъ улетѣть, оказывая поддержку другъ другу, а вечеромъ всѣ въ одно и то же время возвращаются на мѣсто отдохновенія. Короче говоря, они всегда живутъ въ тѣсномъ дружественномъ союзѣ».

Они также находятъ удовольствіе въ обществѣ другихъ птицъ. Въ Индіи—говоритъ Латардъ—сойки и вороны слетаются изъ-за многихъ миль, чтобы провести ночь вмѣстѣ съ попугаями, въ бамбуковыхъ зарослях. Отправляясь на охоту, попугаи проявляютъ не только удивительную смышленность и осторожность, но и умѣнье соображаться съ обстоятельствами. Такъ, напримѣръ, стая бѣлыхъ какаду въ Австраліи, прежде чѣмъ начать грабить хлѣбное поле, непремѣнно сперва вышлетъ развѣдочную партію, которая располагается на самыхъ высокихъ деревьяхъ по сосѣдству съ намѣченнымъ полемъ, тогда какъ другіе развѣдчики садятся на промежуточныя деревья, между полемъ и лѣсомъ, и передаютъ сигналы. Если сигналы извѣщаютъ, что „все въ порядкѣ“, тогда десятокъ какаду отдѣляется отъ стаи, дѣлаетъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ и направляется къ деревьямъ, ближайшимъ къ полю. Эта вторая партія, въ свою очередь, довольно долго осматриваетъ окрестности и только послѣ такого осмотра даетъ сигналъ къ общему передвиженію,—послѣ чего вся стая снимается сразу и быстро обираетъ поле. Австралійскіе колонисты съ большимъ трудомъ преодолѣваютъ бдительность попу-

[1]) Brehm, IV, 671, seq.

гаевъ; но если человѣку, при всей его хитрости и съ его оружіемъ, удастся убить нѣсколько какаду, то они становятся послѣ того настолько бдительными и осторожными, что уже разстраиваютъ вслѣдъ за тѣмъ всѣ ухищренія враговъ [1]).

Нѣтъ никаго сомнѣнія, что только благодаря общественному характеру ихъ жизни, попугаи могли достичь того высокаго развитія смышленности и чувствъ, почти доходящихъ до человѣческаго уровня, которое мы встрѣчаемъ у нихъ. Высокая ихъ смышленность побудила лучшихъ натуралистовъ назвать нѣкоторые виды—а именно сѣрыхъ попугаевъ,—„птицей—человѣкомъ". А что касается до ихъ взаимной привязанности, то извѣстно, что если одинъ изъ ихъ стаи бываетъ убитъ охотникомъ, остальные начинаютъ летать надъ трупомъ своего сотоварища съ жалостными криками и „сами падаютъ жертвами своей дружеской привязанности",—какъ писалъ Одюбонъ; а если два плѣнныхъ попугая, хотя бы принадлежащихъ къ двумъ разнымъ видамъ, подружились между собою, и одинъ изъ нихъ случайно умираетъ, то другой также нерѣдко погибаетъ отъ тоски и горя по умершемъ другѣ.

Не менѣе очевидно и то, что въ своихъ сообществахъ попугаи находятъ несравненно большую защиту отъ враговъ, чѣмъ они могли бы найти при самомъ идеальномъ развитіи у нихъ „клюва и когтей". Весьма немногія хищныя птицы и млекопитающія осмѣливаются нападать на попугаевъ,—и то только на мелкія породы,—и Брэмъ совершенно правъ, говоря о попугаяхъ, что у нихъ, какъ у журавлей и у общительныхъ обезьянъ, едва ли имѣются какіе-либо иные враги, помимо человѣка; при чемъ онъ прибавляетъ: „весьма вѣроятно, что большинство крупныхъ попугаевъ умираетъ отъ старости, а не отъ когтей своихъ враговъ. Одинъ только человѣкъ, благодаря своему высшему разуму и вооруженію,—которые также составляютъ результатъ его жизни обществами,—можетъ до извѣстной степени истреблять попугаевъ. Самая ихъ долговѣчность оказывается, такимъ образомъ, результатомъ ихъ общественной жизни. И, по всей вѣроятности, нужно то же сказать и относительно ихъ поразительной памяти, развитію которой несомнѣнно способствуетъ жизнь обществами, а также долговѣчность, сопровождаемая полнымъ сохраненіемъ какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ способностей вплоть до глубокой старости.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что война всѣхъ противъ каждаго вовсе не является преобладающимъ закономъ природы. Взаимная помощь—настолько же законъ природы, какъ и взаимная борьба, и этотъ законъ станетъ для насъ еще очевиднѣе, когда мы разсмотримъ нѣкоторыя другія сообщества птицъ и общественную жизнь млекопитающихъ. Нѣкоторыя бѣглыя указанія на значеніе закона взаимной помощи въ эволюціи животнаго царства уже сдѣланы были на предыдущихъ страницахъ; но значеніе его выяснится съ большею опредѣленностью, когда, приведя нѣсколько фактовъ, мы сможемъ сдѣлать на основаніи ихъ наши заключенія.

---

[1]) R. Lendenfeld въ газетѣ «Der soologishe Carten», 1889 года.

ГЛАВА II.

Взаимная помощь у животныхъ.

(Продолженіе).

Перелетъ птицъ.—Сообщества для изслѣдованія.—Осеннія сообщества.—Млекопитающія: малое число видовъ необщительныхъ.—Охотничьи сообщества волковъ, и т. д.—Сообщества грызуновъ; обезьянъ.—Взаимная помощь въ борьбѣ за жизнь.—Аргументація Дарвина для доказательства борьбы за жизнь въ предѣлахъ вида.—Естественныя препятствія чрезмѣрному размноженію.—Предполагаемое уничтоженіе промежуточныхъ звеньевъ.—Устраненіе соперничества въ Природѣ.

Лишь только весна снова наступаетъ въ умѣренномъ поясѣ, цѣлыя миріады птицъ, разсѣянныхъ по теплымъ странамъ юга, собираются въ безчисленныя стаи и, полныя радостной энергіи, спѣшатъ на Сѣверъ — выводить потомство. Каждая изгородь, каждая роща, каждая скала на берегахъ океана, каждое озеро или прудъ, которыми усѣяны Сѣверная Америка, Сѣверная Европа и Сѣверная Азія, могли бы разсказать намъ въ эту пору года о томъ, что представляетъ собою взаимная помощь въ жизни птицъ; какую силу, какую энергію и сколько защиты она даетъ каждому живому существу, какъ бы слабо и беззащитно оно ни было само по себѣ.

Возьмите, напримѣръ, одно изъ безчисленныхъ озеръ русскихъ или Сибирскихъ степей, раннею весною. Берега его населены миріадами водяныхъ птицъ, принадлежащихъ, по меньшей мѣрѣ, къ двадцати различнымъ видамъ, живущимъ въ полномъ согласіи и постоянно защищающимъ другъ друга. Вотъ какъ Сѣверцовъ описываетъ одно изъ такихъ озеръ:

„Затемнѣло озеро между желто-рыжими песками и темно-зелеными талами и камышами... Оно кипитъ птицами. Голова кружится отъ этого вихря... Воздухъ наполненъ рыбниками (Larus rudibundus и Sterna hirundo), потрясаясь ихъ звонкимъ крикомъ. Тысячи куликовъ снуютъ и посвистываютъ по берегу.., далѣе, почти на каждой волнѣ колышется, крякаетъ утка Высоко тянутъ стада казарокъ; ниже то и дѣло налетаютъ на озеро подорлики (Aquila clanga) и болотные луни, немедленно преслѣдуемые крикливой стаей рыбниковъ... У меня глаза разбѣжались“ [1]).

Вездѣ жизнь бьетъ ключомъ. Но вотъ и хищники—„наиболѣе сильные и ловкіе“, какъ говоритъ Гёксли, „и идеально приспособленные для нападенія“, какъ говоритъ Сѣверцовъ. И вы слышите ихъ голодные, жадные, озлобленные крики, когда они, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, выжидаютъ удобнаго случая, чтобы выхватить изъ этой массы живыхъ существъ хотя бы одну беззащитную особь. Но лишь только они приближаются, какъ объ ихъ появленіи возвѣщаютъ дюжины добровольныхъ часовыхъ, и сейчасъ же сотни чаекъ и морскихъ ласточекъ начи-

[1]) Н. А. Сѣверцовъ: «Періодическія явленія въ жизни звѣрей и пр. въ Воронежской губерніи», Москва, 1855, стр. 251.

наютъ гонять хищника. Обезумѣвъ отъ голода, онъ, наконецъ, отбрасываетъ обычныя предосторожности: онъ внезапно бросается на живую массу птицъ; но, атакованный со всѣхъ сторонъ, онъ снова бываетъ вынужденъ отступить. Въ порывѣ голоднаго отчаянія онъ набрасывается на дикихъ утокъ; но смышленыя общительныя птицы быстро собираются въ стаю и улетаютъ, если хищникъ оказался рыбнымъ орломъ; если это соколъ, онѣ ныряютъ въ озеро; если же это коршунъ,—онѣ поднимаютъ облака водяной пыли и приводятъ хищника въ полное замѣшательство [1]). И въ то время, какъ жизнь по-прежнему кишмя-кишитъ на озерѣ, хищникъ улетаетъ съ гнѣвными криками и ищетъ падали или какой-нибудь молоденькой птички или полевой мышки, которыя еще не привыкли повиноваться во время предостереженіямъ товарищей. Въ присутствіи всей этой, потоками льющейся, жизни, идеально вооруженному хищнику приходится довольствоваться одними отбросами жизни.

Еще далѣе къ сѣверу, въ Арктическихъ архипелагахъ „вы можете плыть цѣлыя мили вдоль берега, и вы видите, что всѣ выступы, всѣ скалы и уголки горныхъ склоновъ, на двѣсти, а не то и на пятьсотъ футовъ надъ моремъ, буквально покрыты морскими птицами, бѣлыя грудки которыхъ выдѣляются на фонѣ темныхъ скалъ, такъ что скалы кажутся какъ будто обрызганы мѣломъ. Воздухъ, вблизи и вдали, переполненъ птицами“ [2]).

Каждая изъ такихъ „птичьихъ горъ“ представляетъ живой примѣръ взаимной помощи, а также безконечнаго разнообразія характеровъ, личныхъ и видовыхъ, являющихся результатомъ общественной жизни. Такъ, напримѣръ, устричникъ [3]) извѣстенъ своей готовностью нападать на любую хищную птицу. Болотный куличокъ [4]) славится своей бдительностью и умѣньемъ—дѣлаться вожакомъ болѣе мирныхъ птицъ. Близкій предыдущей „переводчикъ“ [5]), когда онъ окруженъ товарищами, принадлежащими къ болѣе крупнымъ видамъ, предоставляетъ имъ заботиться объ охранѣ всѣхъ, и даже становится довольно боязливою птицею; но когда ему приходится быть окруженнымъ мелкими пташками онъ принимаетъ на себя, въ интересахъ сообщества, обязанность часового, и заставляетъ себя слушаться, говоритъ Брэмъ. Здѣсь вы можете наблюдать властолюбивыхъ лебедей; и на ряду съ ними—чрезвычайно общительныхъ, даже нѣжныхъ чаекъ китти-ваке [6]), между которыми, какъ говоритъ Науманнъ, ссоры случаются очень рѣдко и всегда бываютъ кратковременны; вы видите привлекательныхъ полярныхъ кайръ, постоянно расточающихъ ласки другъ другу; эгоистокъ-гусынь, отдающихъ на произволъ судьбы сиротъ, оставшихся послѣ убитой подруги, и рядомъ съ ними—другихъ гусынь, которыя заботятся о такихъ сиротахъ и

---

[1]) Зейфферлицъ, цитированный Брэмомъ, IV, 760.

[2]) «The Arctic Voyages of A. E. Nordenskjöld», Лондонъ, 1879 г., стр 135. См. также сильное описаніе острововъ Св. Кильды г. Диксономъ (цитируется г-номъ Seebohm), а также, впрочемъ, описаніе любого Арктическаго путешествія.

[3]) Haematopus.

[4]) Limosa.

[5]) Тоже «Камнетарка», Strepsilas interpres.

[6]) Трехпалая Rissa tridactyla.

плаваютъ, окруженныя 50—60 малышами, о которыхъ онѣ заботятся, какъ будто всѣ были ихъ родными дѣтьми. На ряду съ пингвинами, ворующими другъ у друга яйца, вы увидите пыжиковъ [1]), семейныя отношенія которыхъ такъ „очаровательны и трогательны“, что даже страстные охотники не рѣшаются стрѣлять въ самку пыжика, окруженную выводкомъ, или гагокъ, среди которыхъ (подобно бархатнымъ уткамъ, или „corоyas“ саваннъ) нѣсколько самокъ высиживаютъ яйца въ одномъ и томъ-же гнѣздѣ; или кайръ, которыя—такъ утверждаютъ достойные довѣрія наблюдатели—иногда поочередно сидятъ надъ общимъ выводкомъ. Природа—само разнообразіе, и она представляетъ всевозможные оттѣнки характеровъ, до самыхъ возвышенныхъ; поэтому-то природу нельзя и изобразить однимъ какимъ-нибудь широко-вѣщательнымъ утвержденіемъ. Еще менѣе можно судить о ней съ точки зрѣнія моралиста, такъ какъ взгляды моралиста сами являются результатомъ,—большею частью безсознательнымъ,—наблюденій надъ природой [2]).

Привычка собираться вмѣстѣ въ періодъ гнѣздованія настолько обыкновенна у большинства птицъ, что едва ли надо приводить дальнѣйшіе примѣры. Вершины нашихъ деревьевъ увѣнчаны группами вороньихъ гнѣздъ; живыя изгороди полны гнѣздъ мелкихъ пташекъ; на фермахъ гнѣздятся колоніи ласточекъ; въ старыхъ башняхъ и колокольняхъ укрываются сотни ночныхъ птицъ; и легко было бы наполнить цѣлыя страницы самыми очаровательными описаніями мира и гармоніи, встрѣчаемыхъ почти во всѣхъ этихъ птичьихъ сообществахъ для гнѣздованія. А насколько такія сообщества служатъ защитою для самыхъ слабыхъ птицъ, само собою очевидно. Такой превосходный наблюдатель, какъ американскій д-ръ Coues видѣлъ, напримѣръ, какъ маленькія ласточки (cliff Swallous) устраивали свои гнѣзда въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ степнымъ соколомъ (Falco polyargus). Соколъ свилъ свое гнѣздо на верхушкѣ одного изъ тѣхъ глиняныхъ минаретовъ, которыхъ такъ много въ каньонахъ Колорадо, а колонія ласточекъ жила непосредственно пониже его. Маленькія миролюбивыя птички не боялись своего хищнаго сосѣда: онѣ просто не позволяли ему приближаться къ своей колоніи. Если онъ это дѣлалъ, онѣ немедленно окружали его и начинали гонять, такъ что хищнику приходилось тотчасъ же удалиться [3]).

---

[1]) Uria brunnichii.

[2]) См. Приложеніе III.

[3]) Elliot Couës, въ «Bulletin U. S. Geol. Survey of territories, IV, № 7 стр. 556, 579 etc.—Среди чаекъ (Larus argentatus) Полякову пришлось наблюдать на болотахъ Сѣверной Россіи, что мѣста, гдѣ находятся гнѣзда значительнаго количества этихъ птицъ, всегда были охраняемы самцомъ, который предупреждалъ всю колонію о приближающейся опасности. Въ такомъ случаѣ всѣ птицы поднимались сразу и съ большой энергіей нападали на врага. Самки, у которыхъ было 5—6 гнѣздъ, рядомъ на каждомъ бугоркѣ болота, держались извѣстной очереди, когда оставляли гнѣзда для поисковъ за пищей. Птенцы, совершенно беззащитные и легко могущіе сдѣлаться добычей хищныхъ птицъ «никогда не оставлялись одни, безъ охраны («Семейные обычаи у водяныхъ птицъ», въ «Извѣстіяхъ Зоол. Отд. С.-пбургск. Общ. Естест.» дек. 17, 1874).

Жизнь сообществами не прекращается и тогда, когда закончено время гнѣздованія; она только принимаетъ новую форму. Молодые выводки собираются тогда въ сообщества молодежи, въ которыя обыкновенно входитъ по нѣсколько видовъ. Общественная жизнь практикуется въ это время главнымъ образомъ ради доставляемаго ею удовольствія, а также, отчасти, ради безопасности. Такъ, мы находимъ осенью въ нашихъ лѣсахъ сообщества, составленныя изъ молодыхъ кедровокъ (Sitta coesia), вмѣстѣ съ синицами, зябликами, корольками, пищухами и зелеными дятлами [1]). Въ Испаніи, ласточки встрѣчаются въ компаніи съ пустельгами, мухоловками и даже голубями. На американскомъ Дальнемъ Западѣ молодые хохлатые жаворонки (horned lark) живутъ въ большихъ сообществахъ, совмѣстно съ другимъ видомъ полевыхъ жаворонковъ (Spraque's lark), съ воробьемъ саваннъ (Savannah Sparrow) и нѣкоторыми видами овсянокъ и подорожниковъ [2]). Въ сущности гораздо легче было бы описать всѣ виды, ведущіе изолированную жизнь, чѣмъ поименовать тѣ виды, которыхъ молодежь составляетъ осеннія сообщества, вовсе не въ цѣляхъ охоты и гнѣздованія, а лишь только для того, чтобы наслаждаться жизнью въ обществѣ и проводить время въ играхъ и спортѣ, послѣ тѣхъ немногихъ часовъ, которые имъ приходится отдавать на поиски за кормомъ.

Наконецъ, мы имѣемъ передъ собою еще одну громаднѣйшую область взаимопомощи у птицъ, во время ихъ перелета; она до того обширна, что я могу только въ немногихъ словахъ напомнить этотъ великій фактъ природы. Достаточно сказать, что птицы, жившія до тѣхъ поръ цѣлые мѣсяцы маленькими стаями, разсыпанными на обширномъ пространствѣ, начинаютъ собираться весною или осенью тысячами; нѣсколько дней подъ рядъ, иногда недѣлю и болѣе,—онѣ слетаются въ опредѣленное мѣсто, прежде чѣмъ пуститься въ путь и, очевидно, обсуждаютъ подробности предстоящаго путешествія. Нѣкоторые виды каждый день, подъ вечеръ, упражняются въ подготовительныхъ полетахъ, готовясь къ дальнему путешествію. Всѣ они поджидаютъ своихъ запоздавшихъ сородичей и наконецъ, всѣ вмѣстѣ исчезаютъ въ одинъ прекрасный день, т. е. улетаютъ въ извѣстномъ, всегда хорошо выбранномъ, направленіи, представляющемъ несомнѣнно плодъ накопленнаго коллективнаго опыта. При этомъ самыя сильныя особи летятъ во главѣ стаи, смѣняясь поочередно для выполненія трудовой обязанности. Такимъ образомъ птицы перелетаютъ даже широкія моря, большими стаями, состоящими, какъ изъ крупныхъ, такъ и изъ мелкихъ птицъ; и когда на слѣдующую весну онѣ возвращаются въ ту же мѣстность, каждая птица направляется въ то же, хорошо знакомое мѣсто, и въ большинствѣ случаевъ

---

[1]) Брэмъ-отецъ, цитируемый у A. Brehm, IV. 34, seg.; любопытно, что между собою кедровики вовсе не общительны. См. также Whit's «Natural History of Selborne», письмо XI. На Оби, г. Дерюгинъ встрѣчалъ поползней (Sitta uralenais) вмѣстѣ съ бродячими стаями гаичекъ (преимущественно Poecile cincta). Труды Спб. Общ. Ест., т. XXIX. вып. 2, 1898, с. 90.

[2]) Dr. Coues, «Birds of Dakota and Montana», въ Bulletin U. S. Survey of Territories, IV, № 7.

даже каждая пара занимаетъ то же гнѣздо, которое она чинила или строила въ предыдущемъ году [1]).

Это явленіе перелета настолько распространено, и въ то же время такъ недостаточно изучено; оно создало столько поразительныхъ привычекъ взаимопомощи, при чемъ какъ эти привычки, такъ и самъ фактъ переселеній требовали бы спеціальной разработки, что я вынужденъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ подробностей. Я упомяну только о многочисленныхъ и оживленныхъ собраніяхъ птицъ, которыя происходятъ изъ года въ годъ на томъ же самомъ мѣстѣ, прежде чѣмъ онѣ начнутъ свое далекое путешествіе на сѣверъ, или на югъ; а, равнымъ образомъ, о тѣхъ собраніяхъ, которыя можно видѣть на сѣверѣ,—напримѣръ при устьяхъ Енисея, или же въ сѣверныхъ графствахъ Англіи,—когда птицы прилетаютъ съ юга въ свои обычныя мѣста гнѣздованія, но еще не засѣли въ свои гнѣзда. Въ теченіе многихъ дней, иногда даже цѣлый мѣсяцъ, онѣ собираются каждое утро и проводятъ вмѣстѣ около часа, прежде чѣмъ разлетѣться на поиски за пищей,—быть можетъ, обсуждая мѣста, гдѣ онѣ собираются вить свои гнѣзда [2]). И если, во время перелета, случится, что колонны переселяющихся птицъ захватитъ буря, то это общее горе объединяетъ птицъ самыхъ различныхъ видовъ. Разнообразіе птицъ, которыя, будучи захвачены мятелью во время перелета, бьются о стекла маяковъ Англіи, просто поразительно. Нужно также замѣтить, что птицы неперелетныя, но медленно передвигающіяся къ сѣверу или югу соотвѣтственно временамъ года, т. е. такъ называемыя бродячія птицы, тоже совершаютъ свои передвиженія небольшими стаями. Онѣ не переселяются въ одиночку, чтобы такимъ образомъ обезпечить себѣ, каждая порознь, лучшій кормъ, найти лучшее убѣжище въ новой области, но всегда поджидаютъ другъ друга и собираются въ стаи, прежде чѣмъ начать свою медленную перекочевку къ сѣверу или къ югу [3]).

Переходя теперь къ млекопитающимъ, первое, что поражаетъ насъ въ этомъ обширномъ классѣ животныхъ,—это громаднѣйшее численное преобладаніе общительныхъ видовъ надъ тѣми немногими хищниками, которые живутъ особнякомъ. Плоскогорья, горныя страны, степи и низменности Стараго и Новаго свѣта буквально кишатъ стадами оленей, антилопъ, газелей, буйволовъ, дикихъ козъ и дикихъ овецъ, т. е. все животными обществен-

---

[1]) Часто высказывалось предположеніе, что болѣе крупныя птицы, можетъ быть, переносятъ на себѣ маленькихъ, при перелетѣ надъ Средиземнымъ моремъ; но факты подобнаго рода до сихъ поръ остаются подъ сомнѣніемъ. Съ другой стороны, вполнѣ установленно, что нѣкоторыя болѣе мелкія птицы пристаютъ во время переселенія къ болѣе крупнымъ видамъ. Этотъ фактъ былъ наблюдаемъ неоднократно и еще недавно былъ подтвержденъ Л. Вуксбаумомъ въ Раунгеймѣ. Онъ видѣлъ нѣсколько партій журавлей, съ которыми въ срединѣ и по бокамъ ихъ колоннъ летѣли жаворонки. (Der Zoologische Garten», 1886, стр. 133). См. приложеніе V.

[2]) H. Seebohm и Ch. Dixon оба упоминаютъ объ этой привычкѣ.

[3]) Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ всякому натуралисту, изучавшему жизнь природы; относительно Англіи нѣкоторые примѣры могутъ быть найдены въ работѣ Charles Dixon, „Amons the Birds in Northern Shires". Зяблики прилетаютъ во время зимы большими стаями; около того-же времени, т. е. въ ноябрѣ, прилетаютъ стаи вьюнковъ; дрозды также посѣщаютъ эти мѣста «такими же большими компаніями» и т. д.

ными. Когда европейцы начали проникать въ преріи Сѣверной Америки, они нашли ихъ до того густо заселенныхъ буйволами, что піонерамъ приходилось иногда останавливаться, и надолго, когда колонна перекочевывающихъ буйволовъ пересѣкала ихъ путь; такое шествіе буйволовъ густою колонною продолжалось иногда два и три дня; а когда русскіе заняли Сибирь—они нашли въ ней такое огромное количество оленей, антилопъ, косуль, бѣлокъ и другихъ общительныхъ животныхъ, что самое завоеваніе Сибири было не что иное какъ охотничья экспедиція, растянувшаяся на два столѣтія. Травянистыя же степи Восточной Африки до сихъ поръ переполнены стадами зеброъ и разнообразныхъ видовъ антилопъ [1]).

Вплоть до очень недавняго времени мелкія рѣки Сѣверной Америки и Сѣверной Сибири были еще заселены колоніями бобровъ, а Европейской Россіи, вся сѣверная ея часть, еще въ XVII-мъ вѣкѣ была покрыта подобными же колоніями. Луговыя равнины четырехъ великихъ континентовъ до сихъ поръ еще густо заселены безчисленными колоніями кротовъ, мышей, сурковъ, тарбагановъ, „земляныхъ бѣлокъ“ и другихъ грызуновъ. Въ болѣе низкихъ широтахъ Азіи и Африки лѣса по сію пору являются жилищемъ многочисленныхъ семей слоновъ, носороговъ, гиппопотамовъ, и безчисленныхъ сообществъ обезьянъ. На дальнемъ Сѣверѣ олени собираются въ безчисленныя стада, а еще дальше на сѣверъ мы находимъ стада мускусныхъ быковъ и неисчислимыя сообщества песцовъ. Берега океана оживлены стадами тюленей и моржей, а его воды—стадами общительныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ семейству китовъ; наконецъ, даже въ пустыняхъ высокаго плоскогорія Центральной Азіи мы находимъ стада дикихъ лошадей, дикихъ ословъ, дикихъ верблюдовъ и дикихъ овецъ. Всѣ эти млекопитающія живутъ сообществами и племенами, насчитывающими иногда сотни тысячъ особей, хотя теперь, послѣ трехъ вѣковъ цивилизаціи, пользовавшейся порохомъ, мы находимъ лишь жалкіе остатки тѣхъ неисчислимыхъ сообществъ животныхъ, которыя существовали въ былыя времена.

Какъ ничтожно, по сравненію съ ними, число хищниковъ! И какъ ошибочна, вслѣдствіи этого, точка зрѣнія тѣхъ, кто говоритъ о животномъ мірѣ, точно онъ весь состоитъ изъ однихъ только львовъ и гіенъ, запускающихъ окровавленные клыки въ свою добычу! Это все равно, какъ если-бы мы стали утверждать, что вся жизнь человѣчества сводится на однѣ войны и избіенія.

Ассоціація и взаимная помощь являются правиломъ у млекопитающихъ. Привычка къ общественной жизни встрѣчается даже у хищниковъ, и, во всемъ этомъ обширномъ классѣ животныхъ, мы можемъ назвать только одно семейство Кошачьихъ (львы, тигры, леопорды и т. д.), котораго члены дѣйствительно предпочитаютъ одинокую жизнь жизни общественной и только изрѣдка встрѣчаются—теперь, по крайней мѣрѣ—небольшими группами. Впрочемъ, даже среди львовъ, «самое обыкновенное дѣло—охотиться группами“ говоритъ извѣстный охотникъ и знатокъ

[1]) См. Приложеніе VI.

С. Бэкеръ [1]); а недавно г. Н. Шиллингсъ, охотившійся въ экваторіальной восточной Африкѣ, даже снялъ фотографію—ночью, при внезапной вспышкѣ магніеваго свѣта—со львовъ, собиравшихся группами въ три взрослыхъ особи, и охотившихся сообща; утромъ же онъ насчитывалъ у рѣки, къ которой во время засухи стекались ночью на водопой стада зебровъ, слѣды еще большаго количества львовъ—до тридцати,—приходившихъ охотиться за зебрами, при чемъ, конечно, никогда, за много лѣтъ, ни Шиллингсъ, ни кто-либо другой, не слыхалъ чтобы львы дрались или ссорились изъ-за добычи [2]). Что же касается до леопардовъ и до южно-американской пумы (родъ небольшого льва), то ихъ общительность хорошо извѣстна.

Въ семействѣ Виверъ (виверы, циветы и т. д.),—хищниковъ, представляющихъ нѣчто среднее между кошками и куницами, и въ семействѣ Куницъ (куница, горностай, ласка, хорекъ, барсукъ и др.) также преобладаетъ одинокій образъ жизни. Но можно считать вполнѣ установленнымъ, что, не дальше какъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка, обыкновенная ласка (Mustela vulgaris) была болѣе общежительна, чѣмъ теперь; она встрѣчалась тогда въ Шотландіи, а также въ Унтервальденскомъ кантонѣ Швейцаріи, болѣе многочисленными группами [3]).

Что касается до обширнаго семейства Собакъ (собаки, волкъ, шакалъ, лисица, песецъ), то ихъ общительность и ихъ общества въ цѣляхъ охоты можно разсматривать, какъ характерную черту для многочисленныхъ видовъ этого семейства. Всѣмъ извѣстно, какъ волки собираются стаями для охоты, и изслѣдователь природы Альпъ, Чуди, оставилъ превосходное описаніе того, какъ расположившись полукругомъ, они окружаютъ корову, пасущуюся на горномъ склонѣ, а потомъ, выскочивши внезапно съ громкимъ лаемъ, заставляютъ ее свалиться въ пропасть [4]). Одюбонъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, также видѣлъ какъ Лабрадорскіе волки охотились стаями, при чемъ одна стая гналась за человѣкомъ вплодь до его хижины и разорвала его собакъ. Въ суровыя зимы стаи волковъ дѣлаются настолько многочисленными, что онѣ становятся опасными для людскихъ поселеній, какъ это было во Франціи въ сороковыхъ годахъ. Въ русскихъ степяхъ волки никогда не нападаютъ на лошадей, иначе какъ стаями, при чемъ имъ приходится выдерживать ожесточенную борьбу, во время которой лошади (по свидѣтельству Коля) иногда переходятъ въ наступленіе; въ подобномъ случаѣ, если волки не поспѣшатъ отступить, они рискуютъ быть окруженными лошадьми, которыя убиваютъ ихъ ударами копытъ. Извѣстно также, что степные волки (Canis latrans) американскихъ прерій собираются стаями въ 20 и 30 штукъ, чтобы напасть на буйвола,

---

[1]) Samuel W. Baker «Wild Beasts», etc. vol. I, стр. 316.

[2]) C. G. Schillings, «With Hashlight and Riffe in Aequatorial East Africa», travel by Whyte, 1906.

[3]) Tschudi („Thierleben der Alpenwelt") и John. Franklin („Vie des animaux"), цитируемые Брэмомъ, I, 620.

[4]) Tschudi, „Thierleben der Alpenwelt", стр. 404.

случайно отбившагося отъ стада [1]). Шакалы, которые отличаются большою храбростью и могутъ считаться одними изъ самыхъ умныхъ представителей псоваго семейства, постоянно охотятся стаями: объединенные, такимъ образомъ, они не страшатся болѣе крупныхъ хищниковъ [2]). Что-же касается до дикихъ собакъ Азіи (Ползуны, или Dholes), то Вильямсонъ видѣлъ, что ихъ большія стаи нападаютъ рѣшительно на всѣхъ крупныхъ животныхъ, кромѣ слона и носорога, и что имъ удается побѣждать даже медвѣдей и тигровъ, у которыхъ они, какъ извѣстно, постоянно отнимаютъ дѣтенышей.

Гіены всегда живутъ обществами и охотятся стаями, и Кемингъ съ большой похвалой отзывается объ охотничьихъ организаціяхъ пятнистыхъ гіенъ (Lucaon). Даже лисицы, которыя въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ неизмѣнно живутъ въ одиночку, собираются иногда для охоты, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые наблюдатели [3]). Полярная же лисица, т. е. песецъ, является, или, точнѣе, была во времена Стеллера, въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, однимъ изъ самыхъ общительныхъ животныхъ, Читая разсказъ Стеллера о той войнѣ, которую пришлось вести злосчастному экипажу Беринга съ этими маленькими смышлеными животными, не знаешь чему больше удивляться: необычайному-ли уму песцовъ и взаимной поддержкѣ, которую они проявляли при откапываніи пищи, зарытой подъ камнями, или же сложенной на столбахъ (одинъ изъ нихъ въ такомъ случаѣ взбирался на верхушку столба и сбрасывалъ пищу поджидавшимъ внизу товарищамъ), или же безсердечію человѣка, доведеннаго до отчаянія ихъ многочисленными стаями. Даже нѣкоторые медвѣди живутъ сообществами, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не безпокоитъ человѣкъ. Такъ, Стеллеръ видѣлъ многочисленныя стада черныхъ камчатскихъ медвѣдей, а полярныхъ медвѣдей иногда встрѣчали небольшими группами. Даже не очень смышленыя насѣкомоядныя не всегда пренебрегаютъ ассоціаціей [4]).

Впрочемъ, наиболѣе развитыя формы взаимопомощи мы находимъ въ особенности среди грызуновъ, копытныхъ и жвачныхъ. Бѣлки въ значительной мѣрѣ индивидуалистки. Каждая изъ нихъ строитъ свое уютное гнѣздо и запасаетъ свою провизію. Онѣ склонны къ семейной жизни, и Брэмъ находилъ, что онѣ особенно бываютъ счастливы, когда оба выводка того же лѣта соберутся со своими родителями въ какомъ-нибудь глухомъ уголкѣ лѣса. Но бѣлки все-таки поддерживаютъ общественныя отношенія. Обитатели отдѣльныхъ гнѣздъ находятся въ тѣсныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, и если въ лѣсу, гдѣ онѣ живутъ, окажется недородъ сосновыхъ шишекъ, онѣ переселяются цѣлыми большими отрядами. Что же касается до черныхъ бѣлокъ Дальняго Запада въ Америкѣ, то онѣ особенно отличаются своей об-

---

[1]) Houzeau „Etudes“, II, 463.

[2]) Объ ихъ охотничьихъ ассоціаціяхъ см. Sir E. Tennant's „Natural History of Ceylon“, цитируемаго Романесомъ, въ „Animal Intelligence“, стр. 432.

[3]) См. письмо Эмиля Гютера въ „Liebe“ Бюхнера.

[4]) См. Приложеніе VII-е.

щительностью. За исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, затрачиваемыхъ ежедневно на фуражировку, онѣ проводятъ свою жизнь въ играхъ, собираясь для этой цѣли многочисленными группами. Когда же онѣ размножаются черезчуръ быстро въ какой-нибудь области, какъ было, напримѣръ, въ Пенсильваніи въ 1749 году, онѣ собираются стадами, почти столь же многочисленными, какъ тучи саранчи, и двигаются на юго-западъ,—въ данномъ случаѣ,—опустошая по пути лѣса, поля и сады; при этомъ, конечно, вслѣдъ за ихъ густыми колоннами пробираются лисицы, хорьки, соколы и всякія ночныя птицы, кормящіеся отсталыми особями. Сродный обыкновенной бѣлкѣ бурундукъ отличается еще большей общительностью. Онъ — большой скопидомъ, и въ своихъ подземныхъ ходахъ накопляетъ большіе запасы съѣдобныхъ корней и орѣховъ, которые осенью обыкновенно грабятъ люди. По мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, бурундукъ даже знакомъ до извѣстной степени съ радостями, испытываемыми скрягою. Но, тѣмъ не менѣе, онъ остается общительнымъ животнымъ. Онъ всегда живетъ большими поселеніями, и когда Одюбонъ вскрывалъ зимою нѣкоторыя жилища хаки (ближайшаго американскаго сородича нашего бурундука), онъ находилъ по нѣсколько особей въ одномъ помѣщеніи; запасы въ такихъ норахъ, очевидно, были заготовлены общими усиліями.

Большое семейство Сурковъ, въ которое входятъ три обширныхъ рода: собственно сурковъ, сусликовъ и американскихъ „луговыхъ собакъ“ (Arctomys, Spermophilus Cynomys) отличаются еще большею общительностью и еще большею смышленостью. Всѣ представители этого семейства также предпочитаютъ имѣть каждый свое жилище; но живутъ они большими поселеніями. Страшный врагъ хлѣбныхъ посѣвовъ въ южной Россіи—сусликъ – около десяти милліоновъ котораго истребляется ежегодно однимъ человѣкомъ, живетъ безчисленными колоніями: и въ то время, какъ русскія земства серьезно обсуждаютъ средства, какъ избавиться отъ этого „врага общества“, суслики, собравшись тысячами въ своихъ поселкахъ, наслаждаются жизнью. Ихъ игры такъ очаровательны, что нѣтъ ни одного наблюдателя, который не выразилъ бы сперва своего восхищенія и не разсказалъ бы объ мелодическихъ концертахъ, составляющихся изъ рѣзкаго свиста самцовъ и меланхолическаго посвистыванья самокъ,—прежде чѣмъ, вспомнивъ о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ, онъ займется изобрѣтеніемъ различныхъ дьявольскихъ средствъ для истребленія этихъ маленькихъ грабителей. Такъ какъ разведеніе всякаго рода хищныхъ птицъ и звѣрей для борьбы съ сусликами оказалось тщетнымъ, то теперь послѣднее слово науки въ этой борьбѣ—прививка холеры.

Поселенія „луговыхъ собакъ“ (Cynomys) въ преріяхъ Сѣверной Америки представляютъ одно изъ самыхъ привлекательныхъ зрѣлищъ. Насколько глазъ можетъ охватить пространство преріи, онъ вездѣ видитъ маленькія земляныя кучки, и на каждой изъ нихъ стоитъ звѣрокъ, ведущій самый оживленный разговоръ со своими сосѣдями, путемъ отрывистыхъ звуковъ въ родѣ лая. Какъ только поданъ кѣмъ-нибудь сигналъ о приближеніи человѣка, всѣ въ одно мгновеніе ныряютъ въ свои норки,

исчезая какъ по волшебству. Но, какъ только опасность миновала, звѣрки немедленно выползаютъ. Цѣлыя семьи выходятъ изъ своихъ норъ и начинаютъ играть. Молодые царапаютъ и задираютъ другъ друга, ссорятся, граціозно становятся на заднія лапки, тогда какъ старики стоятъ на стражѣ. Цѣлыя семьи ходятъ въ гости другъ къ другу, и хорошо протоптанныя тропинки между земляными кучами показываютъ, что такія посѣщенія повторяются очень часто. Короче говоря, нѣкоторыя изъ лучшихъ страницъ нашихъ лучшихъ естествоиспытателей посвящены описанію сообществъ луговыхъ собакъ въ Америкѣ, сурковъ въ Старомъ Свѣтѣ и полярныхъ сурковъ въ альпійскихъ областяхъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ приходится повторить относительно сурковъ то же, что я сказалъ о пчелахъ. Они сохранили свои боевые инстинкты, которые и проявляются у нихъ въ неволѣ. Но въ ихъ большихъ сообществахъ, въ общеніи съ вольной природой, противообщественные инстинкты не имѣютъ почвы для своего развитія, и въ конечномъ результатѣ получается миръ и гармонія.

Даже такія сварливыя животныя, какъ крысы, которыя вѣчно грызутся между собою въ нашихъ погребахъ, достаточно умны, чтобы не только не ссориться, когда онѣ занимаются грабежомъ кладовыхъ, но чтобы оказывать помощь другъ другу во время своихъ набѣговъ и переселеній. Извѣстно, что онѣ иногда даже кормятъ своихъ инвалидовъ. Зато бобровая, или мускусная крыса Канады (наша ондатра) и выхухоль отличаются высокою общественностью. Одюбонъ съ восхищеніемъ говоритъ объ ихъ „мирныхъ общинахъ, для счастья которыхъ нужно только, чтобы ихъ не тревожили.“ Подобно всѣмъ общительнымъ животнымъ, онѣ жизнерадостны, игривы, легко соединяются съ другими видами животныхъ и вообще объ нихъ можно сказать, что онѣ достигли высокой степени умственнаго развитія. При постройкѣ ихъ поселеній, всегда расположенныхъ на берегахъ озеръ и рѣкъ, онѣ, повидимому, принимаютъ въ разсчетъ измѣняющійся уровень воды, говоритъ Одюбонъ; ихъ куполообразныя жилища, сбитыя изъ глины съ камышомъ, имѣютъ отдѣльные уголки для органическихъ отбросовъ; а ихъ залы, въ зимнее время, хорошо устланы листьями и травою: въ нихъ тепло, но но въ то же время онѣ хорошо провѣтриваются. Что же касается до бобровъ, которые, какъ извѣстно, одарены чрезвычайно симпатичнымъ характеромъ, то ихъ поразительныя плотины и поселенія, въ которыхъ живутъ и умираютъ цѣлыя поколѣнія, не зная другихъ враговъ, кромѣ выдры и человѣка, представляютъ поразительные образцы того, что можетъ дать животному взаимная помощь для сохраненія вида, для выработки общественныхъ привилегій и для развитія умственныхъ способностей. Плотины и поселенія бобровъ хорошо извѣстны всѣмъ интересующимся жизнью животныхъ, а потому я не буду долѣе останавливаться на нихъ. Замѣчу только, что у бобровъ, у ондатры и у нѣкоторыхъ другихъ грызуновъ мы уже находимъ ту черту, которая также является отличительной чертой человѣческихъ сообществъ, а именно—работу сообща.

Я прохожу молчаніемъ два большихъ семейства, въ составъ которыхъ входятъ прыгающія мыши (египетская жербоа, или

эмуранчикъ, и алактага), шиншила, вискача (американскій земляной заяцъ) и тушканчикъ (земляной заяцъ южной Россіи), хотя нравы всѣхъ этихъ мелкихъ грызуновъ могли бы служить прекраснымъ образчикомъ тѣхъ удовольствій, которыя извлекаются животными изъ общественной жизни [1]). Именно—удовольствій, такъ какъ чрезвычайно трудно опредѣлить, что сводитъ животныхъ вмѣстѣ: потребность ли во взаимной защитѣ, или просто удовольствіе, привычка чувствовать себя окруженнымъ своими сородичами. Во всякомъ случаѣ, наши обыкновенные зайцы, которые не собираются въ сообщества для совмѣстной жизни и даже не одарены особенно сильными родительскими чувствами, тѣмъ не менѣе не могутъ жить безъ того, чтобы не собираться для совмѣстныхъ игръ. Дитрихъ Де-Винкелль, считающійся лучшимъ знатокомъ жизни зайцевъ, описываетъ ихъ, какъ страстныхъ игруновъ, которые такъ опьяняются процессомъ игры, что извѣстенъ случай, когда разыгравшіеся зайцы приняли подкравшуюся лисицу за товарища по игрѣ [2]). Что же касается кроликовъ, то они постоянно живутъ обществами, и вся ихъ семейная жизнь покоется на началахъ древней патріархальной семьи; молодежь находится въ полномъ подчиненіи у отца и даже у дѣдушки [3]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ очень интересный случай: эти два очень близкихъ вида, кролики и зайцы, не выносятъ другъ друга, не потому, чтобы они питались одинаковою пищею, какъ обыкновенно принято объяснять подобные случаи, но, вѣроятнѣе всего, потому, что страстный заяцъ, большой индивидуалистъ при томъ, не можетъ вести дружбу съ такимъ покойнымъ, смирнымъ и покорнымъ созданіемъ, какъ кроликъ. Ихъ темпераменты настолько различны, что должны быть препятствіемъ дружбѣ.

Въ обширномъ семействѣ Лошадиныхъ, въ которое входятъ дикія лошади и дикіе ослы Азіи, зебры, мустанги, cimarrones пампасовъ и полу-дикія лошади Монголіи и Сибири, мы опять находимъ самую тѣсную общительность. Всѣ эти виды и породы живутъ многочисленными табунами, изъ которыхъ каждый слагается изъ многихъ косяковъ, по нѣсколько кобылъ въ каждомъ, подъ руководствомъ одного жеребца. Эти безчисленные обитатели Стараго и Новаго Свѣта, вообще говоря довольно слабо организованные для борьбы съ ихъ многочисленными врагами, а также для защиты отъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, скоро исчезли бы съ лица земли, если бы не ихъ общительный духъ.

---

[1]) Относительно вискачи должно отмѣтить тотъ очень интересный фактъ, что эти высоко-общительныя маленькія животныя не только миролюбиво живутъ вмѣстѣ въ своихъ поселеніяхъ, но по ночамъ навѣщаютъ цѣлыми поселками своихъ сосѣдей. Общительность, такимъ образомъ, простирается на весь видъ, а не только на данное сообщество или племя, какъ мы видимъ у муравьевъ. Когда фермеръ разоряетъ нору вискачъ, погребая ея обитателей подъ кучей земли, другія вискачи, по словамъ Hudson,а приходятъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей, чтобы откопать этихъ заживо-погребенныхъ. («A Naturalist in La Plata», 1892, стр 311). Этотъ общеизвѣстный въ Ла-Платѣ фактъ былъ провѣренъ самимъ авторомъ.

[2]) «Handbuch für jäger und Jagdberechtigte», цитируемый Брэмомъ, II, 223.

[3]) Buffon. «Histoire Naturelle».

Когда къ нимъ приближается хищникъ, нѣсколько косяковъ немедленно соединяются вмѣстѣ; они отражаютъ нападеніе хищника и иногда даже преслѣдуютъ его: вслѣдствіе этого ни волкъ, ни медвѣдь, ни даже левъ не могутъ выхватить лошади, или хотя бы даже зебры, пока она не отбилась отъ косяка. Даже ночью, благодаря ихъ необыкновенной стадной осторожности и предварительному осмотру мѣстности опытными особями, зебры могутъ ходить на водопой къ рѣкѣ, несмотря на львовъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ [1]). Когда засуха выжигаетъ траву въ преріяхъ, косяки лошадей и зебръ собираются стадами, численность которыхъ доходитъ иногда до десяти тысячъ головъ, и переселяются на новыя мѣста. А когда зимой въ нашихъ азіатскихъ степяхъ разражается мятель, косяки держатся близко другъ отъ друга и вмѣстѣ ищутъ защиты въ какой-нибудь лощинѣ. Но если взаимное довѣріе почему-либо исчезаетъ въ косякѣ, или же труппу лошадей охватитъ паника и онѣ разбѣгутся, то большинство ихъ гибнетъ, а уцѣлѣвшихъ находятъ послѣ мятели полумертвыми отъ усталости. Объединеніе является, такимъ образомъ, ихъ главнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, а человѣкъ—ихъ главнымъ врагомъ. Отступая предъ увеличивающейся численностью этого врага, предки нашей домашней лошади (наименованные Поляковымъ Equus Przewalskii) предпочли переселиться въ самыя дикія и наименѣе доступныя части высокаго плоскогорья на границахъ Тибета, гдѣ они выжили до сихъ поръ, окруженныя, правда, хищниками, и въ климатѣ, мало уступающимъ по суровости Арктической области, но зато въ мѣстности, недоступной для человѣка [2]).

Много поразительныхъ примѣровъ общественности можно было бы заимствовать изъ жизни оленей, и въ особенности того обширнаго отдѣла жвачныхъ, въ который можно включить косулей, антилопъ, газелей, каменныхъ козловъ и т. д.—въ сущности, изъ жизни всѣхъ трехъ многочисленныхъ семействъ: антилоповыхъ, козловыхъ и овцовыхъ (Antelopides, Caprides и Ovides). Бдительность, съ которой они охраняютъ свои стада отъ нападеній хищниковъ; безпокойство, обнаруживаемое цѣлымъ стадомъ сернъ, пока всѣ не перейдутъ какое-нибудь опасное мѣсто черезъ скалистые утесы; усыновленіе сиротъ; отчаяніе газели, у которой убитъ самецъ или самка, или даже товарищъ того же самаго пола; игры молодежи и много другихъ чертъ можно было бы привести для характеристики ихъ общительности. Но, быть

---

1) Это прекрасно видно изъ очерковъ Шиллингса въ указанной выше книгѣ.

2) Относительно семейства лошадей слѣдуетъ отмѣтить, что квагга-зебра, которая никогда не сходится съ dauw зеброю, тѣмъ не менѣе живетъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, не только съ страусами, которые превосходно исполняютъ обязанности часовыхъ, но также съ газелями, нѣкоторыми видами антилопъ и гну. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ образчикъ взаимнаго нерасположенія между квагтою и dauw, которое нельзя объяснить соревнованіемъ изъ-за пищи. Уже тотъ фактъ, что квагга живетъ вмѣстѣ со жвачными, питающимися той же травой, какъ и она, исключаетъ подобную гипотезу, и мы должны искать объясненія въ несходствѣ характера, какъ и въ отношеніяхъ зайца къ кролику. См. между прочимъ, Clive Philippo-Wolley «Big Game Shooting» (Badmington Library), которая содержитъ превосходные примѣры сожительства различныхъ видовъ въ Восточной Африкѣ.

можетъ, самый поразительный примѣръ взаимной поддержки представляютъ случайныя переселенія косуль, подобныя тому, которое я однажды наблюдалъ на Амурѣ.

Когда я пересѣкалъ высокое плоскогоріе Восточной Азіи и его окраинный хребетъ, Большой Хинганъ, по дорогѣ изъ Забайкалья въ Мергенъ, а затѣмъ ѣхалъ далѣе по высокимъ равнинамъ Манчжуріи, на пути къ Амуру, я могъ удостовѣриться, какъ скудно были заселены косулями эти почти необитаемыя мѣста [1]). Два года спустя я ѣхалъ верхомъ вверхъ по Амуру, и къ концу октября достигъ нижняго края того живописнаго узкаго прохода, которымъ Амуръ пробивается черезъ Доуссэ-Алинъ (Малый Хинганъ), прежде чѣмъ достигнуть низменностей, гдѣ онъ соединяется съ Сунгари. Здѣсь, въ станицахъ, расположенныхъ въ этой части Малаго Хингана, я засталъ казаковъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи, такъ какъ оказалось, что тысячи и тысячи косуль переплывали здѣсь черезъ Амуръ, въ узкомъ мѣстѣ большой рѣки, съ тѣмъ, чтобы добраться до сунгарійскихъ низменностей. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, на протяженіи около шестидесяти верстъ вверхъ по рѣкѣ, казаки неустанно избивали косуль, переправлявшихся черезъ Амуръ, по которому въ то время уже несло много льда. Ихъ убивали тысячами каждый день, но движеніе косуль не прекращалось. Подобнаго переселенія никогда не видали—ни раньше, ни позже—и причины его надо искать, по всей вѣроятности, въ томъ, что въ Большомъ Хинганѣ и на его восточныхъ склонахъ выпали тогда глубокіе ранніе снѣга, которые и принудили косуль сдѣлать отчаянную попытку—достичь низменностей на востокѣ отъ Малаго Хингана. И, дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, когда я сталъ пересѣкать эти послѣднія горы, я нашелъ ихъ глубоко засыпанными рыхлымъ снѣгомъ, доходившимъ до двухъ и до трехъ футовъ глубины. Надъ этимъ переселеніемъ косуль стоитъ задуматься. Нужно представить себѣ, съ какой огромной территоріи (верстъ въ 200 шириною и верстъ 700 въ длину), должны были собраться разбросанныя по ней группы косуль, чтобы начать переселеніе, предпринятое ими подъ давленіемъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ. Нужно представить себѣ затѣмъ трудности, которыя пришлось преодолѣть косулямъ, прежде чѣмъ онѣ пришли къ одной общей мысли о необходимости пересѣчь Амуръ,—не гдѣ попало, а именно южнѣе, тамъ, гдѣ его русло сужено въ хребтѣ; и гдѣ, пересѣкая рѣку, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ пересѣкали хребетъ и выходили къ теплымъ низменностямъ; и тогда, когда все это представишь себѣ конкретно, нельзя не почувствовать глубокаго удивленія передъ степенью и силою общительности, проявленной въ данномъ случаѣ этими умными животными. Не менѣе поразительны также, въ смыслѣ способности къ объединенію, и дѣйствію сообща, переселенія бизоновъ, или буйволовъ, совершавшіяся въ Сѣверной Америкѣ. Правда, буйволы обык-

[1]) Сопровождавшій насъ охотникъ-тунгузъ собирался жениться и поэтому старался собрать какъ можно больше шкуръ косуль, для чего онъ цѣлые дни рыскалъ верхомъ по склонамъ холмовъ, въ поискахъ за оленями, пока нашъ караванъ двигался по дну долины. Несмотря на это, за весь день ему часто не удавалось убить даже одну косулю, а онъ былъ прекраснымъ охотникомъ.

новенно паслись въ громадныхъ количествахъ въ преріяхъ; но эти количества составлялись изъ безконечнаго числа небольшихъ стадъ, которыя никогда не смѣшивались другъ съ другомъ. И всѣ эти мелкія группы, какъ бы онѣ ни были разбросаны по огромной территоріи, въ случаѣ необходимости, сходились между собою и образовывали тѣ огромныя колонны въ сотни тысячъ особей, о которыхъ я упоминалъ на одной изъ предшествующихъ страницъ.

Мнѣ слѣдовало бы также сказать хотя нѣсколько словъ о «сложныхъ семействахъ» слоновъ, объ ихъ взаимной привязанности, объ обдуманности, съ которой они разставляютъ своихъ часовыхъ, и о чувствахъ симпатіи, развивающихся среди нихъ, подъ вліяніемъ такой жизни, полной близкой взаимной поддержки [1]). Я могъ бы упомянуть также объ общительныхъ чувствахъ, существующихъ среди непользующихся доброю славой дикихъ кабановъ, и могъ бы лишь похвалить ихъ за умѣнье объединяться въ случаѣ нападенія на нихъ хищнаго звѣря [2]). Гиппопотамы и носороги также должны будутъ имѣть мѣсто въ трудѣ, посвященномъ общительности животныхъ. Нѣсколько поразительныхъ страницъ можно было бы также написать объ общительности и взаимной привязанности у тюленей и моржей; и, наконецъ, можно было бы упомянуть и о хорошихъ чувствахъ, развитыхъ среди общительныхъ видовъ Китоваго семейства. Но мнѣ нужно поговорить еще о сообществахъ обезьянъ, которыя особенно интересны тѣмъ, что представляютъ переходъ къ обществамъ первобытныхъ людей.

Едва ли нужно напоминать о томъ, что эти млекопитающія, стоящія на самой вершинѣ животнаго міра и наиболѣе приближающіяся къ человѣку по своему строенію и по своему уму, отличаются чрезвычайной общительностью. Конечно, въ такомъ огромномъ отдѣлѣ животнаго міра, включающемъ сотни видовъ, мы неизбѣжно встрѣчаемъ самые разнообразные характеры и нравы. Но, принявши все это во вниманіе, слѣдуетъ признать, что общительность, дѣйствіе сообща, взаимная защита и высокое развитіе тѣхъ чувствъ, которыя бываютъ необходимымъ послѣдствіемъ общественной жизни, являются отличительной чертой почти всего обширнаго отдѣла обезьянъ. Начиная съ самыхъ мелкихъ видовъ и кончая крупнѣйшими, общительность является правиломъ, изъ котораго имѣется лишь очень немного исключеній. Ночныя обезьяны предпочитаютъ одинокую жизнь; капуцины (cebus capucinus), ателп—самые большіе ревуны, живущіе въ Бразиліи и вообще ревуны—живутъ небольшими семьями; орангъ-утанговъ Уоллэсъ (Wallace) никогда не встрѣ-

---

[1]) Согласно Semuel W. Baker'у, слоны иногда объединяются въ группы болѣе обширныя, чѣмъ «сложныя семейства». «Я часто наблюдалъ»,—говоритъ онъ,—«въ той части Цейлона, которая извѣстна подъ именемъ «страны парковъ», слѣды многочисленныхъ слоновъ; очевидно, это были довольно большія стада, собравшіяся вмѣстѣ для общаго отступленія изъ мѣстности, которую они сочли небезопасной». («Wilds Beasts and Theiv Ways», т. I, стр. 102).

[2]) Домашнія свиньи, когда на нихъ нападаютъ волки, поступаютъ такимъ же образомъ (Hudson, l. c.).

чалъ иначе, какъ по одиночкѣ, или очень небольшими группами въ три-четыре особи; а гориллы, повидимому, никогда не сходятся въ группы. Но всѣ остальные виды обезьянъ—чимпанзе, гиббоны, древесныя обезьяны Азіи и Африки, макаки, мартышки, всѣ собако-подобные павьяны, мандрилы и всѣ мелкіе игрунки—общительны въ высшей степени. Они живутъ большими стадами, и нѣкоторые соединяются даже по нѣсколько разныхъ видовъ. Большинство изъ нихъ чувствуютъ себя совершенно несчастными въ одиночествѣ. Призывный крикъ каждой обезьяны немедленно собираетъ все стадо, и всѣ вмѣстѣ храбро отражаютъ нападенія почти всѣхъ плотоядныхъ животныхъ и хищныхъ птицъ. Даже орлы не рѣшаются нападать на обезьянъ. Наши поля онѣ всегда грабятъ стаями, при чемъ старики берутъ на себя заботу о безопасности сообщества. Маленькія ти-ти, дѣтскія личики которыхъ такъ поразили Гумбольдта, обнимаютъ и защищаютъ другъ друга отъ дождя, обвертывая хвосты вокругъ шей дрожащихъ отъ холода сотоварищей. Нѣкоторые виды съ чрезвычайной заботливостью относятся къ своимъ раненымъ товарищамъ, и во время отступленія никогда не бросаютъ раненаго, пока не убѣдятся, что онъ умеръ, и что онѣ не въ силахъ возвратить его къ жизни. Такъ, Джемсъ Форбзъ разсказываетъ въ своихъ «Oriental Memoirs» («Запискахъ о Востокѣ»), съ какой настойчивостью обезьяны требовали отъ его отряда выдачи имъ трупа одной убитой самки, при чемъ это требованіе сдѣлано было въ такой формѣ, что вполнѣ понимаешь, почему «свидѣтели этой необычайной сцены рѣшили впредь никогда не стрѣлять въ обезьянъ» [1]). Обезьяны нѣкоторыхъ видовъ соединяются по нѣсколько, когда хотятъ перевернуть камень, съ цѣлью найти находящіяся подъ нимъ муравьиныя яйца. Павьяны Сѣверной Африки (hamadryas), живущіе очень большими стадами, не только ставятъ часовыхъ, но вполнѣ достовѣрные наблюдатели видѣли, какъ они устанавливали цѣпь для передачи награбленныхъ плодовъ въ безопасное мѣсто. Ихъ храбрость хорошо извѣстна, и достаточно напомнить классическое описаніе Брэма, который подробно разсказалъ о регулярномъ сраженіи, выдержанномъ его караваномъ, прежде чѣмъ павьяны позволили ему продолжать путешествіе въ долину Менсы, въ Абиссиніи [1]). Извѣстна также игривость хвостатыхъ обезьянъ, заслужившихъ самое свое названіе (игрунки) благодаря этой чертѣ ихъ сообществъ, равно какъ и взаимная привязанность, господствующая въ семействахъ чимпанзе. И если среди высшихъ обезьянъ имѣются два вида (орангъ-утангъ и горилла), не отличающихся общительностью, то нужно помнить, что оба эти вида, ограниченные очень небольшими площадями распространенія (одинъ живетъ въ Центральной Африкѣ, а другой на островахъ Борнео и Суматрѣ), по всей видимости представляютъ послѣдніе вымирающіе остатки двухъ видовъ, бывшихъ прежде несравненно болѣе многочисленными. Горилла, по

---

[1]) Разсказъ Форбза воспроизведенъ вполнѣ въ книгѣ Ромонеса, «Animal Intelligence», стр. 472. Есть и въ русскомъ переводѣ.

[1]) Brehm, I. 82; Дарвинъ, «Происхожденіе Человѣка», глава III.—Экспедиціи Козлова (1899—1901) также пришлось выдержать подобную схватку въ Сѣверномъ Тибетѣ.

крайней мѣрѣ, была, повидимому, общительною въ былыя времена,—если только обезьяны, упомянутыя въ Periplus, были дѣйствительно гориллами.

Такимъ образомъ, даже изъ нашего бѣглаго обзора видно, что жизнь сообществами не представляетъ исключенія въ животномъ мірѣ; она, напротивъ, является общимъ правиломъ—закономъ природы—и достигаетъ своего полнѣйшаго развитія у высшихъ безпозвоночныхъ. Видовъ, живущихъ въ одиночествѣ, или только небольшими семействами, очень мало, и они сравнительно немногочисленны. Мало того, есть основаніе предполагать, что, за немногими исключеніями, всѣ тѣ птицы и млекопитающія, которыя въ настоящее время не живутъ стадами или стаями, жили ранѣе сообществами, пока родъ людской не размножился на земной поверхности и не началъ вести противъ нихъ истребительной войны, а равнымъ образомъ не сталъ истреблять ихъ источниковъ прокормленія. «On ne s'associe pas pour mourir» (для умиранія не собираются вмѣстѣ),—справедливо замѣтилъ Эспинасъ, а Хузо (Houzeau), хорошо знавшій животный міръ нѣкоторыхъ частей Америки, раньше чѣмъ животныя подверглись истребленію человѣкомъ въ большихъ размѣрахъ, высказалъ въ своихъ произведеніяхъ ту же мысль.

Ассоціація встрѣчается въ животномъ мірѣ на всѣхъ ступеняхъ эволюціи; и, соотвѣтственно великой идеѣ Герберта Спенсера, такъ блестяще развитой въ работѣ Перье, «Colonies Animales», «колоніи», т.-е. сообщества, появляются уже въ самомъ началѣ развитія животнаго міра. Но по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ эволюціи, мы видимъ, какъ ассоціація становится все болѣе и болѣе сознательной. Она теряетъ свой чисто-физическій характеръ, она перестаетъ быть просто инстинктивной, и становится обдуманной. Среди высшихъ позвоночныхъ она уже бываетъ временною, періодичною, или же служитъ для удовлетворенія какой-нибудь опредѣленной потребности,—напримѣръ, для воспроизведенія, для переселеній, для охоты или же для взаимной защиты. Она становится даже случайной,—напримѣръ, когда птицы объединяются противъ хищника, или млекопитающіяся сходятся для эмиграціи подъ давленіемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ассоціація становится добровольнымъ отклоненіемъ отъ обычнаго образа жизни.

Затѣмъ, объединеніе бываетъ иногда въ двѣ или три степени—сначала семья, потомъ группа и, наконецъ, ассоціація группъ, обыкновенно разсѣянныхъ, но соединяющихся въ случаѣ нужды, какъ мы это видѣли на примѣрѣ буйволовъ и другихъ жвачныхъ. Ассоціація также принимаетъ высшія формы, и тогда обезпечиваетъ бо́льшую независимость для каждаго отдѣльнаго индивидуума, не лишая его, вмѣстѣ съ тѣмъ,—выгодъ общественной жизни. Такимъ образомъ, у большинства грызуновъ каждая семья имѣетъ свое собственное жилище, куда она можетъ удалиться, если пожелаетъ уединенія, но эти жилища располагаются селеніями и цѣлыми городами, такъ, чтобы всѣмъ обитателямъ были обезпечены всѣ удобства и удовольствія общественной жизни. И, наконецъ, у нѣкоторыхъ видовъ, какъ, напримѣръ,

крысъ, сурковъ, зайцевъ и т. д., общительность жизни поддерживается, несмотря на сварливость, или вообще на эгоистическія наклонности отдѣльно взятыхъ особей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общественная жизнь уже не обусловливается, какъ у муравьевъ и пчелъ, физіологическою структурою; она культивируется ради выгодъ, даваемыхъ взаимной помощью, или же ради приносимыхъ ею удовольствій. И это, конечно, проявляется во всѣхъ возможныхъ степеняхъ и при величайшемъ разнообразіи индивидуальныхъ и видовыхъ признаковъ,—при чемъ самое разнообразіе формъ общественной жизни является послѣдствіемъ, а для насъ и дальнѣйшимъ доказательствомъ, ея всеобщности [1]).

Общительность, т.-е. ощущаемая животнымъ потребность въ общеніи съ себѣ подобными, любовь къ обществу ради общества, соединенная съ «наслажденіемъ жизнью», только теперь начинаетъ получать должное вниманіе со стороны зоологовъ [2]). Въ настоящее время намъ извѣстно, что всѣ животныя, начиная съ муравьевъ, переходя къ птицамъ и кончая высшими млекопитающими, любятъ игры, любятъ бороться и гоняться одинъ за другимъ, пытаясь поймать другъ друга, любятъ поддразнивать другъ друга и т. д. И если многія игры являются, такъ сказать, подготовительной школой для молодыхъ особей, приготовляя ихъ къ надлежащему поведенію, когда наступитъ зрѣлость, то наряду съ ними имѣются и такія игры, которыя, помимо ихъ утилитарныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ танцами и пѣніемъ, представляютъ простое проявленіе избытка жизненныхъ силъ—«наслажденія жизнью», и выражаютъ желаніе, тѣмъ или инымъ путемъ, войти въ общеніе съ другими особями того же, или даже иного вида. Короче говоря, эти игры представляютъ проявленіе общительности въ истинномъ смыслѣ этого слова, являющейся отличительной чертой всего животнаго міра [1]). Будетъ ли это чувство страха, испытываемаго при появленіи хищной птицы, или «взрывъ радости», проявляющійся, когда животныя здоровы и въ особенности молоды, или же просто стремленіе освободиться отъ избытка впечатлѣній и кипящей жизненной силы,—необходимость сообщенія своихъ впечатлѣній другимъ, необходимость совмѣстной игры, болтовни, или просто ощущенія близости другихъ родственныхъ живыхъ существъ,—эта потребность проникаетъ всю природу; и въ столь же сильной степени, какъ и любая физіо-

[1]) Тѣмъ болѣе было странно читать въ вышеупомянутой статьѣ Гёкели слѣдующій парафразъ общеизвѣстной фразы Руссо: «Первый человѣкъ, замѣтившій взаимнымъ договоромъ взаимную войну—каковы бы ни были мотивы, принудившіе его сдѣлать этотъ шагъ—создалъ общество». («Nineteenth Century», февр. 1888, стр. 165). Общество не было создано человѣкомъ; оно предшествовало человѣку.

[2]) Такія монографіи, какъ глава о «Музыкѣ и пляскѣ въ природѣ» (W. Hudson, «Naturalist on the La Plata») и Carl Gross, «Play of animals», уже въ значительной степени освѣтили вопросъ объ этомъ инстинктѣ, имѣющемъ абсолютную всеобщность въ природѣ.

[3]) Не только многочисленные виды птицъ обладаютъ привычкой собираться вмѣстѣ во многихъ случаяхъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ—для всякаго года забавъ и танцевъ, но, по наблюденію W. H. Gudson, почти всѣ млекопитающія и птицы («можетъ быть въ дѣйствительности всѣ безъ исключенія») часто предаются болѣе или менѣе регулярнымъ и опредѣленнымъ играмъ, молчаливымъ или сопровождаемымъ звуками, или же исключительно звуковымъ. (стр. 264).

логическая функція, она составляетъ отличительную черту жизни и впечатлительности вообще. Эта потребность составляетъ высшее развитіе и принимаетъ наиболѣе прекрасныя формы у млекопитающихъ, особенно у молодыхъ особей, и еще болѣе у птицъ; но она проникаетъ всю природу. Ее обстоятельно наблюдали лучшіе натуралисты, включая Пьера Гюбнера, даже среди муравьевъ; и нѣтъ сомнѣнія, что та же потребность, тотъ же инстинктъ собираетъ бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ въ огромныя колонны, о которыхъ мы говорили выше.

Привычка птицъ сходиться вмѣстѣ для танцевъ и украшеніе ими мѣстъ, гдѣ онѣ обыкновенно предаются танцамъ, вѣроятно хорошо извѣстна читателямъ, хотя бы по тѣмъ страницамъ, которыя Дарвинъ посвятилъ этому предмету въ «Происхожденіи Человѣка» (гл. XIII). Посѣтители Лондонскаго Зоологическаго Сада знакомы также съ красиво-украшенной бесѣдкой «атласной птицы» [2]), устраиваемой съ тою же цѣлью. Но этотъ обычай танцевъ оказывается гораздо болѣе распространеннымъ, чѣмъ предполагалось прежде, и В. Гедсонъ (W. Hudson), въ своей мастерской работѣ о Ла-Платѣ, даетъ чрезвычайно интересное описаніе (чтобы оцѣнить его вполнѣ, надо прочесть его въ оригиналѣ) сложныхъ танцевъ, выполняемыхъ многочисленными видами птицъ: дергачами, цеглами, пиголицами и т. д.

Привычка пѣть совмѣстно, существующая у нѣкоторыхъ видовъ птицъ, принадлежитъ къ той же категоріи общественныхъ инстинктовъ. Въ поразительной степени она развита у южноамериканскаго чакара (Chauna chavaria, изъ породы близкой къ гусямъ), которому англичане дали самое прозаическое прозвище «хохлатаго крикуна». Эти птицы собираются иногда громадными стаями и въ такихъ случаяхъ часто устраиваютъ цѣлый концертъ. В. Гедсонъ встрѣтилъ ихъ однажды въ безчисленномъ количествѣ, сидящими вокругъ озера въ камышахъ, отдѣльными стаями, около 500 птицъ въ каждой.

«Вскорѣ»,—говоритъ онъ,—«одна изъ стай, находившаяся вблизи меня, начала пѣть, и этотъ могущественный хоръ не замолкалъ въ теченіе трехъ или четырехъ минутъ; когда онъ затихъ, сосѣдняя стая начала пѣть, вслѣдъ за ней слѣдующая, и т. д., пока не пришелось ко мнѣ пѣніе стай, находившихся на противоположномъ берегу озера, и звуки его звонко и ясно неслись по водѣ; затѣмъ они мало-по-малу затихли и снова начинали раздаваться возлѣ меня».

Другой разъ тому же зоологу пришлось наблюдать безчисленное стадо чакаровъ, покрывавшее всю равнину, но на этотъ разъ не разбитое на отдѣлы, а разбросанное парами и небольшими группами. Около девяти часовъ вечера, «внезапно вся эта масса птицъ, покрывавшая болота на цѣлыя мили кругомъ, разразилась могущественной вечернею пѣснью... Стоило проѣхать сотню миль,

---

[2]) Эта австралійская птица, сродная нашей иволгѣ и называемая англичанами Satin Bower bird строитъ себѣ, вмѣсто гнѣзда, бесѣдку, (bower) изъ вѣтвей, съ колыбелькою, украшенной всевозможными яркими предметами: перьями попугаевъ, ракушками и т. д Латинское названіе этой птицы: Ptilonorhynchus holosericlus.

чтобы послушать такой концертъ [1]). Къ вышеприведенному можно прибавить, что чакаръ, подобно всѣмъ общительнымъ животнымъ, легко дѣлается ручнымъ и очень привязывается къ человѣку. Объ нихъ говорятъ, что «это—очень миролюбивыя птицы, которыя рѣдко ссорятся», хотя онѣ хорошо вооружены и снабжены довольно грозными шпорами на крыльяхъ. Жизнь сообществами дѣлаетъ, однако, это оружіе излишнимъ.

Тотъ фактъ, что жизнь сообществами служитъ самымъ могущественнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе (принимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), былъ поясненъ, какъ мы видѣли, на предыдущихъ страницахъ довольно разнообразными примѣрами, и такихъ примѣровъ, если бы это было нужно, можно было бы привести неравненно больше. Жизнь сообществами, (мы это видѣли), даетъ возможность самымъ слабымъ насѣкомымъ, самымъ слабымъ птицамъ и самымъ слабымъ млекопитающимъ, защищаться противъ нападеній самыхъ ужасныхъ хищниковъ изъ среды птицъ и животныхъ или же охранять себя отъ нихъ; она обезпечиваетъ имъ долголѣтіе; она даетъ возможность виду—выкармливать свое потомство съ наименьшей ненужной растратой энергіи и поддерживать свою численность, даже при очень слабой рождаемости; она позволяетъ стаднымъ животнымъ совершать переселенія и находить себѣ новыя мѣстожительства. Поэтому, хотя и признавая вполнѣ, что сила, быстрота, предохранительная окраска, хитрость и выносливость къ холоду и голоду, упоминаемые Дарвиномъ и Уоллэсомъ, дѣйствительно представляютъ качества, которыя дѣлаютъ особь или видъ наиболѣе приспособленными при нѣкоторыхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ,—мы вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ, что общительность является величайшимъ преимуществомъ въ борьбѣ за существованіе при в с я к и х ъ, какихъ бы то ни было, природныхъ обстоятельствахъ. Тѣ виды, которые волей или неволей отказываются отъ нея, обречены на вымираніе; тогда какъ животныя, умѣющія наилучшимъ образомъ объединяться, имѣютъ наибольшіе шансы на выживаніе и на дальнѣйшую эволюцію, хотя бы они и оказались ниже другихъ въ к а ж д о й изъ особенностей, перечисленныхъ Дарвиномъ и Уоллэсомъ, за исключеніемъ только умственныхъ способностей. Высшія позвоночныя, и въ особенности человѣческій родъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ этого утвержденія. Что же касается до умственныхъ способностей, то каждый дарвинистъ согласится съ Дарвиномъ въ томъ, что онѣ представляютъ наиболѣе могущественное орудіе въ борьбѣ за существованіе и наиболѣе могущественный факторъ дальнѣйшей эволюціи; онъ согласится также и съ тѣмъ, что умственныя способности, еще болѣе всѣхъ остальныхъ, обусловливаются въ своемъ развитіи общественною жизнью. Языкъ, подражаніе другимъ и накопленный опытъ необходимые элементы для развитія умственныхъ способностей, и именно ихъ бываютъ лишены животныя не общественныя. Потому-то мы и находимъ, что на вершинѣ различныхъ классовъ стоятъ такія животныя, какъ муравьи и термиты, попугаи, обезьяны, у ко-

[1]) О хорахъ обезьянъ см. у Брэма, т. I.

торыхъ высоко развиты какъ умственныя способности, такъ и общительность. «Наиболѣе приспособленными», наилучше приспособленными для борьбы со всѣми враждебными элементами, оказываются, такимъ образомъ, наиболѣе общительныя животныя,—такъ что общительность можно принять главнымъ факторомъ эволюціи, какъ непосредственно, потому что онъ обезпечиваетъ благосостояніе вида, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ безполезной растраты энергіи, такъ и косвенно, потому что онъ благопріятствуетъ росту умственныхъ способностей.

Кромѣ того, очевидно, что жизнь сообществами была бы совершенно невозможна безъ соотвѣтственнаго развитія общественныхъ чувствъ и въ особенности если бы извѣстное коллективное чувство справедливости (начало нравственности) не развивалось и не обращалось въ привычку. Если бы каждый индивидуумъ постоянно злоупотреблялъ своими личными преимуществами, а остальные не заступались бы за обиженнаго, никакая общественная жизнь не была бы возможна. Поэтому, у всѣхъ общительныхъ животныхъ, въ большей или меньшей степени, развивается чувство справедливости. Какъ бы ни было велико разстояніе, съ котораго прилетѣли ласточки или журавли, и тѣ и другіе возвращаются, каждый и каждая, къ тому гнѣзду, которое было выстроено или починено ими въ предыдущемъ году. Если какой-нибудь лѣнивый (или молодой) воробей пытается овладѣть гнѣздомъ, которое вьетъ его товарищъ, или даже украдетъ изъ него нѣсколько соломинокъ, вся мѣстная группа воробьевъ вмѣшивается въ дѣло противъ лѣниваго товарища; и, очевидно, что если бы подобное вмѣшательство не было общимъ правиломъ, то сообщества птицъ для гнѣздованія были бы невозможны. Отдѣльныя группы пингвиновъ имѣютъ свои мѣста для отдыха и свои мѣста для рыбной ловли, и не дерутся изъ-за нихъ. Стада рогатаго скота въ Австраліи имѣютъ каждое свое опредѣленное мѣсто, куда оно неизмѣнно, изо дня въ день, отправляется на отдыхъ, и т. д.[1]).

Мы располагаемъ очень большимъ количествомъ непосредственныхъ наблюденій, говорящихъ о томъ согласіи, которое господствуетъ среди гнѣздующихъ сообществъ птицъ, въ поселеніяхъ грызуновъ, въ стадахъ травоядныхъ, и т. д.; но, съ другой стороны, намъ извѣстны лишь весьма немногія общительныя животныя, которыя постоянно ссорились бы между собою, какъ это дѣлаютъ крысы въ нашихъ погребахъ, или же моржи, которые дерутся изъ-за мѣста на солнечномъ пригрѣвѣ на занимаемомъ ими берегу. Общительность, такимъ образомъ, кладетъ предѣлъ физической борьбѣ и даетъ мѣсто для развитія лучшихъ нравственныхъ чувствъ. Высокое развитіе родительской любви во всѣхъ рѣшительно классахъ животныхъ, не исключая даже львовъ и тигровъ,—достаточно общеизвѣстно. Что же касается до молодыхъ птицъ и млекопитающихъ, которыхъ мы постоянно видимъ въ общеніи другъ съ другомъ, то въ ихъ сообществахъ получаетъ дальнѣйшее развитіе уже симпатія, а не любовь. Оста-

---

1) Haygarth, «Buch-Life in Australia», стр. 58. То же относилось и до буйволовъ.

вляя въ сторонѣ дѣйствительно трогательные факты взаимной привязанности и сострадания, которые наблюдались, какъ среди домашнихъ животныхъ, такъ и среди дикихъ, содержавшихся въ неволѣ,—мы располагаемъ достаточнымъ числомъ хорошо удостовѣренныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о проявленіи чувства сострадания среди дикихъ животныхъ на свободѣ. Максъ Перти и Л. Бюхнеръ собрали не мало такихъ фактовъ [2]). Разсказъ Вуда о томъ, какъ одна ласка явилась, чтобы поднять и унести съ собой пострадавшаго товарища, пользуется вполнѣ заслуженной популярностью [1]). Къ тому же разряду фактовъ относится извѣстное наблюденіе капитана Стансбюри, во время путешествія его по высокому плоскогорію Utah, въ Скалистыхъ горахъ, цитируемое Дарвиномъ. Стансбюри видѣлъ слѣпого пеликана, котораго кормили, и при томъ хорошо кормили, другіе пеликаны рыбой, принося ее изъ-за сорока пяти верстъ [3]). Или же Г. А. Уэдделль, во время своего путешествія по Боливіи и Перу, неоднократно наблюдалъ, что, когда стадо вигоней преслѣдуется охотниками, сильные самцы прикрываютъ отступленіе стада, нарочно отставая, чтобы охранять отступающихъ. Что же касается фактовъ о выраженіи сострадания животными къ ихъ раненымъ сотоварищамъ, то о нихъ постоянно упоминается зоологами, изучавшими жизнь природы. Подобные факты—совершенно естественны. Состраданіе необходимо развивается при общественной жизни. Но состраданіе, въ свою очередь, указываетъ на значительный общій прогрессъ въ области умственныхъ способностей и чувствительности. Оно является первымъ шагомъ на пути къ развитію высшихъ нравственныхъ чувствъ и, въ свою очередь, становится могущественнымъ факторомъ дальнѣйшей эволюціи.

Если взгляды, развитые на предыдущихъ страницахъ, правильны, то естественно возникаетъ вопросъ: на сколько они согласуются съ теоріей о борьбѣ за существованіе въ томъ видѣ, какъ она была развита Дарвиномъ, Уоллэсомъ и ихъ послѣдователями? И я вкратцѣ отвѣчу теперь на этотъ важный вопросъ. Прежде всего, ни одинъ натуралистъ не усомнится въ томъ, что идея о борьбѣ за существованіе, проведенная черезъ всю органическую природу, представляетъ величайшее обобщеніе нашего вѣка. Жизнь **есть** борьба; и въ этой борьбѣ выживаютъ наиболѣе приспособленные. Но если поставить вопросъ: «какимъ оружіемъ ведется главнымъ образомъ эта борьба?» и «кто въ этой борьбѣ оказывается наиболѣе приспособленнымъ?» то отвѣты на

---

[1]) Приведу лишь нѣсколько примѣровъ: раненый барсукъ былъ унесенъ другимъ барсукомъ, внезапно явившимся на помощь; наблюдали крысъ, которыя кормили двухъ слѣпыхъ товарищей («Seelen leben der Thiere», стр. 64 seg.). Брэму самому удалось видѣть двухъ воронъ, кормившихъ въ дуплѣ дерева третью ворону, которая была ранена, и ея раны были нанесены нѣсколькими недѣлями раньше («**Hausfreund**, 1874, 715; Büchner «**Liebe**» 203. Blyth видѣлъ индійскихъ воронъ, которыя кормили двухъ или трехъ слѣпыхъ товарокъ, и т. д.

[2]) J. C. Woad. «**Man and Beast**», стр. 344. Вудъ былъ натуралистъ, котораго популярныя книги пользуются въ Англіи широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью.

[3]) L. H. Morgan, «**The American Beaver**», 1868 стр. 272; Дарвинъ «**Происхожденіе Человѣка**», гл. IV.

эти два вопроса будутъ совершенно различны, смотря по тому, какое значеніе будетъ придано двумъ различнымъ сторонамъ этой борьбы: прямой борьбѣ за пищу и безопасность между отдѣльными особями, и той борьбѣ, которую Дарвинъ назвалъ «метафорическою», т.-е. борьбѣ, очень часто совмѣстной, противъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Никто не станетъ отрицать, что въ предѣлахъ каждаго вида имѣется нѣкоторая степень состязанія изъ-за пищи, хотя бы по временамъ. Но вопросъ заключается въ томъ,—доходитъ ли это состязаніе до предѣловъ, допускаемыхъ Дарвиномъ, или даже Уоллэсомъ? и играло ли оно въ эволюціи животнаго царства ту роль, которая ему приписывается?

Идея, которую Дарвинъ проводитъ черезъ всю свою книгу о происхожденіи видовъ, есть, несомнѣнно, идея о существованіи настоящаго состязанія[1]), борьбы, въ предѣлахъ каждой животной группы, изъ-за пищи, безопасности и возможности оставить послѣ себя потомство. Онъ часто говоритъ объ областяхъ, переполненныхъ животной жизнью до крайнихъ предѣловъ и изъ такого переполненія онъ выводитъ неизбѣжность состязанія, борьбы, между обитателями. Но если мы станемъ искать въ его книгѣ дѣйствительныхъ доказательствъ такого состязанія, то мы должны признать, что достаточно убѣдительныхъ доказательствъ—нѣтъ. Если мы обратимся къ параграфу, озаглавленному: «Борьба за существованіе—наиболѣе суровая между особями и разновидностями одного и того же вида», то мы не найдемъ въ немъ того обилія доказательствъ и примѣровъ, которые мы привыкли находить во всякой работѣ Дарвина. Въ подтвержденіе борьбы между особями одного и того же вида, не приводится подъ вышеупомянутымъ заголовкомъ ни одного примѣра: она принимается какъ акеіома; состязаніе же между близкими видами животныхъ подтверждается лишь пятью примѣрами, изъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, одинъ (относящійся къ двумъ видамъ дроздовъ) оказывается по позднѣйшимъ наблюденіямъ сомнительнымъ [2]). Но если мы станемъ искать дальнѣйшихъ по-

[1]) Дарвинъ употребляетъ слово Competition, которое по-французски приходится переводить слово competition, а по-русски, большею частью, переводится соревнованіе или соперничество. Въ данномъ случаѣ, слово состязаніе лучше, мнѣ кажется, передаетъ дарвинское competition. Авторъ.

[2]) Одинъ видъ ласточекъ, какъ утверждаютъ, вызвалъ уменьшеніе численности одного другого вида ласточекъ въ Сѣверной Америкѣ; недавнее увеличеніе въ Шотландіи числа дроздовъ, большихъ рябинниковъ (T. viscivorus), повело къ уменьшенію числа пѣвчихъ дроздовъ; бурая крыса заняла мѣсто черной крысы въ Европѣ; въ Россіи маленькіе тараканы вездѣ вытѣснили своихъ болѣе крупныхъ сородичей; и въ Австраліи привозныя ульевыя пчелы быстро истребляютъ туземныхъ маленькихъ, безжалыхъ пчелъ. Два другіе случая, но относящіеся уже къ прирученнымъ животнымъ, упомянуты въ предшествующемъ параграфѣ. Приводя тѣ же факты, А. Р. Уоллэсъ, замѣчаетъ въ сноскѣ, по поводу Шотландскихъ дроздовъ: «Проф. А. Ньютонъ, однако, сообщаетъ мнѣ, что эти виды не сталкиваются между собой, такимъ образомъ, какъ сказано» («Darwinism», стр. 34). Что же касается до бурой крысы то извѣстно, что, вслѣдствіе ея земноводныхъ привычекъ, она обыкновенно водится въ низко лежащихъ помѣщеніяхъ человѣческихъ жилищъ (въ подвалахъ, водосточныхъ трубахъ и т. п.), а также на берегахъ каналовъ и рѣкъ; она пускается въ отдаленныя переселенія, собираясь для этого безчисленными стадами. Черная же крыса, напротивъ, предпочитаетъ помѣщаться въ самихъ людскихъ жили-

дробностей, съ цѣлью убѣдиться, на сколько уменьшеніе одного вида дѣйствительно обусловливается возрастаніемъ другого вида, то мы найдемъ, что Дарвинъ, со своей обычной прямотой, говоритъ слѣдующее:

«Мы можемъ догадываться (dimly see) почему состязаніе должно быть особенно сурово между родственными формами, заполняющими почти одно и то же мѣсто въ природѣ; но, вѣроятно, ни въ одномъ случаѣ мы не могли бы съ точностью опредѣлить, почему одинъ видъ одержалъ побѣду надъ другимъ въ великой битвѣ жизни».

Что же касается Уоллэса, приводящаго, въ своемъ изложеніи дарвинизма тѣ же самые факты, но подъ слегка видоизмѣненнымъ заголовкомъ (Борьба за существованіе между близкородственными животными и растеніями часто бываетъ наиболѣе сурова»), то онъ дѣлаетъ нижеслѣдующее замѣчаніе, дающее вышеприведеннымъ фактамъ совершенно иное освѣщеніе. Онъ говоритъ (курсивъ мой):

«Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, ведется дѣйствительная война между двумя видами, при чемъ болѣе сильный видъ убиваетъ болѣе слабый; но это вовсе не является необходимостью, и могутъ быть случаи, когда виды, болѣе слабые физически, могутъ одержать верхъ, вслѣдствіе своей способности къ болѣе быстрому размноженію, большей выносливости по отношенію къ враждебнымъ климатическимъ условіямъ, или большей хитрости, помогающей имъ избѣгать нападеній со стороны ихъ общихъ враговъ».

Такимъ образомъ, въ подобныхъ случаяхъ, то, что приписывается состязанію, борьбѣ, можетъ быть вовсе не состязаніемъ и борьбою. Одинъ видъ вымираетъ вовсе не потому, что другой видъ истребилъ его или выморилъ, отнявши у него средства пропитанія, а потому, что онъ не смогъ хорошо приспособиться къ новымъ условіямъ, тогда какъ другому виду удалось это сдѣлать. Выраженіе «борьба за существованіе», стало быть, употребляется здѣсь опять-таки въ переносномъ смыслѣ и, можетъ быть, другого смысла не имѣетъ. Что же касается до дѣйствительнаго состязанія изъ-за пищи между особями одного и того же вида, которое Дарвинъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ примѣромъ, взятымъ изъ жизни рогатаго скота въ Южной Америкѣ во время засухи, то цѣнность этого примѣра значительно уменьшается тѣмъ, что онъ взятъ изъ жизни прирученныхъ животныхъ. Бизоны, при подобныхъ обстоятельствахъ, переселяются, съ цѣлью избѣжать состязанія изъ-за пищи. Какъ бы ни была сурова борьба между растеніями—а она вполнѣ доказана мы можемъ только повторить относительно ея замѣчаніе Уоллэса, «что растенія живутъ тамъ, гдѣ могутъ», тогда какъ животныя въ значительной мѣрѣ имѣютъ возможность сами выбирать себѣ мѣстожительство. И мы снова себя спрашиваемъ: «До

щахъ, подъ полами, а также въ конюшняхъ и амбарахъ. Она, такимъ образомъ, подвергается въ гораздо большей степени опасности быть истребленной человѣкомъ; и по этому нельзя утверждать, съ какой бы то ни было степенью увѣренности, чтобы черная крыса истреблялась, или вытѣснялась, путемъ лишенія пищи, бурою крысою, а не изводилась человѣкомъ.

какихъ же размѣровъ дѣйствительно существуетъ состязаніе, борьба, въ предѣлахъ каждаго животнаго вида? На чемъ основано это предположеніе?».

То же самое замѣчаніе приходится мнѣ сдѣлать относительно того «косвеннаго» аргумента въ пользу дѣйствительности суроваго состязанія и борьбы за существованіе въ предѣлахъ каждаго вида, который можно вывести изъ «истребленія переходныхъ разновидностей», такъ часто упоминаемаго Дарвиномъ. Какъ извѣстно, Дарвина долгое время смущало затрудненіе, которое онъ видѣлъ въ отсутствіи длинной цѣпи промежуточныхъ формъ между близко-родственными видами; и извѣстно, что онъ нашелъ разрѣшеніе этого затрудненія въ предположенномъ имъ истребленіи этихъ промежуточныхъ формъ [1]). Однако, внимательное чтеніе различныхъ главъ, въ которыхъ Дарвинъ и Уоллэсъ говорятъ объ этомъ предметѣ, вскорѣ приводитъ къ заключенію, что слово «истребленіе», употребляемое ими, вовсе не имѣетъ въ виду дѣйствительнаго истребленія; то замѣчаніе, которое Дарвинъ сдѣлалъ относительно смысла его выраженія «борьба за существованіе», очевидно прилагается въ равной мѣрѣ и къ слову «истребленіе». Послѣднее никоимъ образомъ не можетъ быть понимаемо въ его прямомъ значеніи, но только въ «метафорическомъ», переносномъ смыслѣ.

Если мы отправимся отъ предположенія, что данная площадь переполнена животными до крайнихъ предѣловъ ея вмѣстимости, и что вслѣдствіе этого между всѣми ея обитателями ведется обостренная борьба изъ-за насущныхъ средствъ существованія—при чемъ каждое животное вынуждено бороться противъ всѣхъ своихъ сородичей, чтобы добыть себѣ дневное пропитаніе,—тогда появленіе новой и успѣшной разновидности несомнѣнно будетъ состоять во многихъ случаяхъ (хотя не всегда въ появленіи такихъ индивидуумовъ, которые смогутъ захватить болѣе, чѣмъ приходящуюся имъ по справедливости долю средствъ существованія; результатомъ тогда дѣйствительно было бы то, что подобныя особи обрекли бы на недоѣданіе, какъ первоначальную родительскую форму, не усвоившую новой разновидности, такъ и всѣ тѣ переходныя формы, которыя не обладали бы новою особенностью въ той же степени, какъ они. Весьма возможно, что сперва Дарвинъ понималъ появленіе новыхъ разновидностей именно въ такомъ видѣ; по крайней мѣрѣ частое употребленіе слова «истребленіе» производитъ такое впечатлѣніе. Но онъ, какъ и Уоллэсъ, знали природу черезчуръ хорошо, чтобы не увидать, что это вовсе не единственно возможный и необходимый исходъ.

---

[1]) «Можно было бы, однако, замѣтить», писалъ онъ въ «Происхожденіи Видовъ» (начало VI-й главѣ), «что тамъ, гдѣ нѣсколько близко сродныхъ видовъ живутъ на той же самой территоріи, мы необходимо должны были бы находить и теперь многія промежуточныя формы.. По моей теоріи эти сродные виды произошли отъ общаго прародителя; и во время процесса ихъ видоизмѣненія, каждый приспособился къ условіямъ жизни въ своей области, и замѣстилъ и истребилъ первоначальную прародительскую форму, равно какъ и всѣ промежуточныя формы между своимъ прежнимъ и теперешнимъ состояніемъ». (стр. 134, 6-го англ. изд.). См. также стр. 137 и 296 (весь параграфъ о «вымираніи»).

Если бы физическія и біологическія условія данной поверхности, а также пространство, занимаемое даннымъ видомъ, и образъ жизни всѣхъ членовъ этого вида оставались всегда неизмѣнными, тогда внезапное появленіе новой разновидности, дѣйствительно, могло бы повести къ недоѣданію и истребленію всѣхъ тѣхъ особей, которые не усвоили бы въ достаточной мѣрѣ новую черту, характеризующую новую разновидность. Но именно подобной комбинаціи условій, подобной неизмѣняемости мы не видимъ въ природѣ. Каждый видъ постоянно стремится къ расширенію своего мѣстожительства, и переселенія въ новыя мѣстожительства являются общимъ правиломъ, какъ для быстролетающей птицы, такъ и для медлительной улитки. Затѣмъ въ каждомъ данномъ пространствѣ земной поверхности постоянно совершаются физическія измѣненія, и характерною чертою новыхъ разновидностей среди животныхъ, въ громадномъ числѣ случаевъ—пожалуй, въ большинствѣ—бываетъ вовсе не появленіе новыхъ приспособленій для выхватыванія пищи изо рта сородичей—пища является лишь однимъ изъ сотни разнообразныхъ условій существованія,—но, какъ самъ Уоллэсъ показалъ въ прекрасномъ параграфѣ, «о расхожденіи характеровъ» (Darvinism, стр. 107), началомъ новой разновидности бываетъ образованіе новыхъ привычекъ, передвиженіе въ новыя мѣстожительства и переходъ къ новымъ видамъ пищи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не произойдетъ никакого истребленія, даже будетъ отсутствовать борьба за пищу, такъ какъ новое приспособленіе послужитъ къ облегченію соперничества, если послѣднее дѣйствительно существовало, и, тѣмъ не менѣе, при этомъ тоже получится существованіе нѣкоторое время, отсутствіе переходныхъ звеньевъ, какъ результатъ простого выживанія тѣхъ, которые наилучше приспособлены къ новымъ условіямъ—и совершится это такъ же несомнѣнно, какъ если бы происходило предполагаемое гипотезой истребленіе первоначальной формы. Едва ли нужно добавлять, что если мы вмѣстѣ съ Спенсеромъ, вмѣстѣ со всѣми ламаркистами и съ самимъ Дарвиномъ, допустимъ измѣняющее вліяніе среды на живущіе въ ней виды,—а современная наука все болѣе и болѣе движется въ этомъ направленіи,—то окажется еще менѣе надобности въ гипотезѣ истребленія переходныхъ формъ.

Значеніе переселеній и послѣдующей изоляціи группъ животныхъ для появленія и закрѣпленія новыхъ разновидностей, а въ концѣ-концовъ и новыхъ видовъ, на которыя указалъ Морицъ Вагнеръ, вполнѣ было признано впослѣдствіи самимъ Дарвиномъ. Позднѣйшія же изысканія еще болѣе подчеркнули важность этого фактора, и они указали также, какимъ образомъ обширность территоріи, занимаемой даннымъ видомъ—этой обширности Дарвинъ вполнѣ основательно придавалъ большое значеніе для появленія новыхъ разновидностей—можетъ быть соединена съ изоляціею отдѣльныхъ частей даннаго вида, въ силу мѣстныхъ геологическихъ перемѣнъ или возникновенія мѣстныхъ преградъ. Входить здѣсь въ обсужденіе всего этого обширнаго вопроса было бы невозможно; но нѣсколькихъ замѣчаній будетъ достаточно, чтобы пояснить соединенное дѣйствіе такихъ вліяній. Извѣстно, что части даннаго вида нерѣдко переходятъ къ новому роду пищи

Бѣлки, напримѣръ, если случится неурожай на шишки въ лиственичныхъ лѣсахъ, переходятъ въ сосновые боры и эта перемѣна пищи производитъ извѣстные физіологическіе эффекты въ организмѣ этихъ бѣлокъ. Если это измѣненіе привычекъ будетъ не продолжительно,—если въ слѣдующемъ же году будетъ опять изобиліе шишекъ въ темныхъ лиственичныхъ лѣсахъ, то никакой новой разновидности бѣлокъ, очевидно, не образуется. Но если часть обширнаго пространства, занимаемаго бѣлками, начнетъ измѣнять свой физическій характеръ—скажемъ вслѣдствіе смягченія климата, или высыханія, при чемъ объ эти причины будутъ способствовать увеличенію площади сосновыхъ боровъ, въ ущербъ лиственичнымъ лѣсамъ,—и если нѣкоторыя другія условія будутъ содѣйствовать тому, чтобы часть бѣлокъ держалась на окраинахъ области, тогда получится новая разновидность, т.-е. зарождающійся новый видъ бѣлокъ; но появленіе этой разновидности не будетъ сопровождаться рѣшительно ничѣмъ такимъ, что могло бы заслужить названіе истребленія среди бѣлокъ. Каждый годъ нѣсколько бо́льшая пропорція бѣлокъ этой новой, лучше приспособленной, разновидности будетъ выживать по сравненію съ другими, и промежуточныя звенья будутъ вымирать съ теченіемъ времени, изъ года въ годъ, вовсе не будучи обрекаемы на голодную смерть своими мальтузіанскими конкурентами. Именно подобные процессы и совершаются на нашихъ глазахъ, вслѣдствіе великихъ физическихъ измѣненій, происходящихъ на обширныхъ пространствахъ Центральной Азіи вслѣдствіе высыханія, которое идетъ тамъ со времени ледниковаго періода.

Возьмемъ другой примѣръ. Доказано геологами, что современная дикая лошадь (Equus Przewalskii) есть результатъ медленнаго процесса эволюціи, совершавшагося въ теченіе позднѣйшихъ частей третичнаго и всего четвертичнаго (ледниковаго и послѣледниковаго) періода; но что въ теченіе этого длиннаго ряда столѣтій предки теперешней лошади не оставались на какомъ-нибудь одномъ опредѣленномъ пространствѣ земного шара. Напротивъ того, они странствовали по Старому и Новому Свѣту, и по всѣмъ вѣроятіямъ вернулись въ концѣ-концовъ, вполнѣ видоизмѣненные, къ тѣмъ самымъ пастбищамъ, которыя они когда-то оставили въ теченіе своихъ многихъ переселеній [1]). Изъ этого ясно, что если мы не находимъ теперь въ Азіи всѣхъ промежуточныхъ звеньевъ между современной дикой лошадью и ея азіатскими по-третичными предками, это вовсе не значитъ, чтобы промежуточныя звенья были истреблены. Подобнаго истребленія никогда не происходило. Даже никакой особенно-высокой смертности могло не быть среди прародительскихъ видовъ нынѣшней лошади: особи, принадлежавшія къ промежуточнымъ разновидностямъ и видамъ, умирали при самыхъ обычныхъ условіяхъ—

[1]) Согласно изслѣдованіямъ г-жи Маріи Павловой, которая спеціально изучала этотъ предметъ, ранніе предки теперешней лошади переселились изъ Азіи въ Африку, оставались тамъ нѣкоторое время, и возвратились опять назадъ въ Азію. Будетъ-ли это двойное переселеніе подтверждено, или не будетъ,—во всякомъ случаѣ остается внѣ всякаго сомнѣнія фактъ прежняго распространенія предковъ нашей лошади по Азіи, Африкѣ и Америкѣ.

часто даже среди изобилія пищи—и ихъ остатки разсѣяны теперь въ нѣдрахъ земли по всему земному шару.

Короче говоря, если мы вдумаемся въ этотъ предметъ и внимательно перечитаемъ то, что самъ Дарвинъ писалъ о немъ, мы увидимъ, что если уже употреблять слово «истребленіе» въ связи съ переходными разновидностями, то его слѣдуетъ употреблять въ метафорическомъ, переносномъ смыслѣ. Что же касается до «соперничества», или «состязанія» (competition), то это выраженіе также постоянно употреблялось Дарвиномъ (см. напр. главу «объ угасаніи»), скорѣе какъ образъ, или какъ способъ выраженія, не придавая ему значенія дѣйствительной борьбы за средства существованія между двумя частями одного и того же вида. Во всякомъ случаѣ отсутствіе промежуточныхъ формъ не составляетъ аргумента въ пользу интенсивной борьбы и состязанія. Въ дѣйствительности, главнымъ аргументомъ для доказательства остраго состязанія изъ-за средствъ существованія,—соревнованія, продолжающагося непрестанно въ предѣлахъ каждаго животнаго вида, является, по выраженію проф. Геддса, «ариѳметическій аргументъ», заимствованный у Мальтуса.

Но этотъ аргументъ ничего подобнаго не доказываетъ. Съ такимъ же правомъ мы могли бы взять нѣсколько селъ въ юго-восточной Россіи, обитатели которыхъ не терпѣли недостатка въ пищѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не имѣли никакихъ санитарныхъ приспособленій; и замѣтивши, что за послѣдніе семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ средняя рождаемость достигала у нихъ 60-ти на 1000, а между тѣмъ населеніе за это время нисколько не увеличилось,—мы могли бы притти къ заключенію, что между обитателями этихъ деревень идетъ чрезвычайно обостренная борьба за пищу. Въ дѣйствительности же окажется, что населеніе не возрастаетъ, по той простой причинѣ, что одна треть новорожденныхъ умираетъ каждый годъ, не достигнувъ шестимѣсячнаго возраста; половина дѣтей умираетъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, и изъ каждой сотни родившихся только семнадцать достигаютъ двадцатилѣтняго возраста. Такимъ образомъ, новые пришельцы въ мірѣ уходятъ изъ него раньше, чѣмъ достигаютъ возраста, когда они могли бы стать конкурентами. Очевидно, что если нѣчто подобное можетъ происходить въ людской средѣ, то тѣмъ болѣе вѣроятно оно среди животныхъ. И дѣйствительно, въ мірѣ пернатыхъ уничтоженіе яицъ идетъ въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что въ началѣ лѣта яйца составляютъ главную пищу нѣсколькихъ видовъ животныхъ; не говоря уже о буряхъ и наводненіяхъ, истребляющихъ милліоны гнѣздъ въ Америкѣ и въ Азіи, и о внезапныхъ перемѣнахъ погоды, отъ которыхъ массами гибнутъ молодыя особи у млекопитающихъ. Каждая буря, каждое наводненіе, каждое посѣщеніе птичьяго гнѣзда крысою, каждая внезапная перемѣна температуры уничтожаютъ тѣхъ соперниковъ, которые кажутся столь страшными въ теоріи.

Что же касается до фактовъ чрезвычайно быстраго размноженія лошадей и рогатаго скота въ Америкѣ, а также свиней и кроликовъ въ Новой Зеландіи, съ тѣхъ поръ, какъ европейцы ввезли ихъ въ эти страны, и даже дикихъ животныхъ, ввезен-

ныхъ изъ Европы (гдѣ количество ихъ уменьшается человѣкомъ... а вовсе не соперничествомъ), то они, повидимому, скорѣе противорѣчатъ теоріи избыточнаго населенія. Если лошади и рогатый скотъ могли съ такой быстротой размножиться въ Америкѣ, т... это просто доказываетъ, что какъ ни были въ то время бе...численны бизоны и другія жвачныя въ Новомъ Свѣтѣ, его травоядное населеніе все-таки было далеко ниже того количества, которое могло бы прокормиться въ преріяхъ. Если милліоны новыхъ пришельцевъ все-таки находили достаточно пищи, не заставляя голодать прежнее населеніе прерій, мы скорѣе должны притти къ заключенію, что европейцы нашли въ Америкѣ не излишекъ, а недостаточное количество травоядныхъ. И у насъ имѣются серьезныя основанія думать, что такая недостаточность животнаго населенія представляетъ естественное положеніе вещей на поверхности всего земного шара, за немногими, и то временными, исключеніями изъ этого общаго правила. Дѣйствительно, наличное количество животныхъ на данномъ пространствѣ земли опредѣляется вовсе не высшею продовольственной способностью этого пространства, а тѣмъ, что оно представляетъ въ каждый годъ при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ. Такъ что, вслѣдствіе одной этой причины, состязаніе, борьбы изъ-за пищи едва-ли можетъ быть нормальнымъ условіемъ жизни; но помимо этого есть еще другія причины, которыя въ свою очередь низводятъ животное населеніе еще ниже этого невысокаго уровня. Если мы возьмемъ лошадей (также и рогатый скотъ), которыя всю зиму проводятъ на подножномъ корму въ степяхъ Забайкалья, то мы найдемъ всѣхъ ихъ очень исхудалыми и истощенными къ концу зимы. Это истощеніе, впрочемъ, оказывается, результатомъ не недостатка въ кормѣ, такъ какъ подъ тонкимъ слоемъ снѣга вездѣ имѣется трава въ изобиліи, причина его лежитъ въ трудности добыванія травы изъ подъ снѣга, а эта трудность одинакова для всѣхъ лошадей. Кромѣ того, ранней весною обыкновенно бываетъ гололедица, и если она продолжится нѣсколько дней подъ рядъ, то лошади приходятъ въ еще большее изнуреніе. Но вслѣдъ затѣмъ часто наступаютъ бураны, мятели, и тогда животныя, уже ослабѣвшія, вынуждены бываютъ оставаться по нѣсколько дней совершенно безъ корма, вслѣдствіе чего они падаютъ въ очень большихъ количествахъ. Потери въ теченіе весны бываютъ такъ велики, что, если весна отличалась особою суровостью, онѣ не могутъ быть пополнены даже новымъ приплодомъ—тѣмъ болѣе, что всѣ лошади бываютъ истощены, и жеребята родятся слабыми. Количество лошадей и рогатаго скота всегда остается, такимъ образомъ, гораздо ниже того уровня, на которомъ оно могло бы держаться, если бы не было этой специальной причины—холодной и бурной весны: въ продолженіе всего года имѣется пища въ изобиліи: ее хватило бы на количество животныхъ, въ пять или десять разъ большее чѣмъ то, которое существуетъ въ дѣйствительности, а между тѣмъ животное населеніе степей возрастаетъ чрезвычайно медленно. Но лишь только буряты, владѣльцы скота и табуновъ, начинаютъ дѣлать, хотя бы самые незначительные запасы сѣна въ степи, и открываютъ къ нимъ доступъ во время гололедицы или глубокихъ сне-

онъ, какъ немедленно замѣчается увеличеніе ихъ стадъ и табуновъ. Почти въ такихъ же условіяхъ находятся почти всѣ живущія на свободѣ травоядныя животныя и многіе грызуны Азіи и Америки, а потому мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что ихъ численность понижается не путемъ соперничества и взаимной борьбы; что ни въ какое время года имъ не приходится бороться изъ-за пищи; и что если они никогда не размножаются до степени перенаселенія, то причина этого лежитъ въ климатѣ, а не во взаимной борьбѣ изъ-за пищи.

Значеніе въ природѣ естественныхъ препятствій къ излишнему размноженію, и въ особенности ихъ отношеніе къ гипотезѣ соревнованія, повидимому, никогда еще не принимались въ разсчетъ въ должной мѣрѣ. Объ этихъ препятствіяхъ, или точнѣе, объ нѣкоторыхъ изъ нихъ, упомянается мимоходомъ, но до сихъ поръ ихъ воздѣйствіе не разбиралось въ подробности. Между тѣмъ, если сравнить дѣйствительное воздѣйствіе естественныхъ причинъ на жизнь животныхъ видовъ, съ возможнымъ воздѣйствіемъ соперничества внутри вида, мы тотчасъ же должны признать, что послѣднее не выдерживаетъ никакого сравненія съ преобладущимъ. Такъ, напримѣръ, Бэтсъ упоминаетъ о просто невообразимомъ количествѣ крылатыхъ муравьевъ, которые гибнутъ, когда роятся. Мертвыя или полумертвыя тѣла огненныхъ муравьевъ (Myrmica saevissima), нанесенныя въ рѣку во время шторма, «представляли валикъ въ дюймъ или два высоты и такой же ширины, при чемъ этотъ валикъ тянулся безъ перерыва на протяженіи нѣсколькихъ миль у края воды [1]). Міріады муравьевъ были такимъ образомъ уничтожены, среди природы, которая могла бы прокормить въ тысячу разъ больше муравьевъ, чѣмъ ихъ жило тогда въ этомъ мѣстѣ. Д-ръ Альтумъ, нѣмецкій лѣсничій, который написалъ очень поучительную книгу о животныхъ, вредящихъ нашимъ лѣсамъ, также даетъ много фактовъ, указывающихъ на огромную важность естественныхъ препятствій чрезмѣрному размноженію. Онъ говоритъ, что рядъ бурь, или же холодная и туманная погода во время отраиванья сосновой моли (Bombyx pini) уничтожаетъ ее въ невѣроятныхъ количествахъ. И весной 1871 года вся эта моль исчезла сразу, вѣроятно, уничтоженная рядомъ холодныхъ ночей [2]). Много подобныхъ примѣровъ можно было бы привести относительно насѣкомыхъ разныхъ частей Европы. Д-ръ Альтумъ также упоминаетъ о птицахъ, поѣдающихъ сосновую моль, и объ огромномъ количествѣ яицъ этого насѣкомаго, уничтожаемыхъ лисицами; но онъ добавляетъ, что паразитные грибки, нападающіе на нее періодически, оказываются гораздо болѣе ужасными врагами моли, чѣмъ какая бы то ни была птица, такъ какъ они уничтожаютъ моль сразу на огромномъ пространствѣ. Что же касается до различныхъ видовъ мышей (Mus sylvaticus, Arvicola arvalis, и A. agrestis), то Альтумъ, приведя длинный списокъ ихъ враговъ, за-

[1]) «The Naturalist on the River Amazons». («Натуралистъ на Амазонкѣ»), томъ II, стр. 85, 95 англ. изданія. Тоже самое я видѣлъ однажды у южномъ берегу Англіи, и вообще такое явленіе довольно обыкновенно.

[2]) Dr. B. Altum, «Waldbeschädigungen durch Thiere und Gegenmittel» (Berlin, 1880), стр. 207 и слѣд.).

мѣчаетъ: «Однако, самыми страшными врагами мышей являются не другія животныя, а тѣ внезапныя перемѣны погоды, которыя случаются почти каждый годъ». Если морозы и теплая погода начинаютъ чередоваться, они уничтожаютъ ихъ въ безчисленныхъ количествахъ; «одна такая внезапная перемѣна погоды можетъ изъ многихъ тысячъ мышей оставить въ живыхъ всего нѣсколько особей». Съ другой стороны, теплая зима, или зима, наступающая постепенно, даетъ имъ возможность размножаться въ угрожающей пропорціи не взирая ни на какихъ враговъ; такъ было въ 1876 и 1877 годахъ [1]). Соперничество оказывается, такимъ образомъ, по отношенію къ мышамъ, совершенно ничтожнымъ факторомъ въ сравненіи съ погодой. Факты такого же рода даны тѣмъ же авторомъ и относительно бѣлокъ.

Что же касается птицъ, то всѣмъ намъ хорошо извѣстно, какъ онѣ страдаютъ отъ внезапныхъ перемѣнъ погоды. Мятели поздней весною такъ же гибельны для птицъ на дикихъ мѣстахъ Англіи (moors), какъ и въ Сибири; и г. Диксону приходилось видѣть красныхъ тетеревовъ [2]), доведенныхъ до того исключительно-суровыми зимними холодами, что они въ большихъ количествахъ покидали дикія мѣста «и намъ извѣстны случаи, когда ихъ ловили на улицахъ Шефильда. Продолжительная сырая погода»,—прибавляетъ онъ,—«почти также гибельна для нихъ».

Съ другой стороны, заразныя болѣзни, которыя посѣщаютъ по временамъ большинство животныхъ видовъ, уничтожаютъ ихъ въ такихъ количествахъ, что потери часто не могутъ быть пополнены въ теченіе многихъ лѣтъ, даже среди наиболѣе быстро размножающихся животныхъ. Такъ, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ суслики внезапно исчезли въ окрестностяхъ Саренты, въ юго-восточной Россіи, вслѣдствіе какой-то эпидеміи, и въ теченіе многихъ лѣтъ въ этой мѣстности нельзя было встрѣтить ни одного суслика. Прошло много лѣтъ, раньше чѣмъ они размножились по-прежнему [3]).

Подобныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый уменьшаетъ значеніе, придаваемое соперничеству и борьбѣ внутри вида, можно было бы привести множество [4]). Конечно, можно было бы отвѣтить на нихъ словами Дарвина,—что, тѣмъ не менѣе, каждое органическое существо «въ какой-нибудь періодъ своей жизни, въ продолженіе какого-нибудь времени года, въ каждомъ поколѣніи или по временамъ, должно бороться за существованіе и претерпѣвать великое истребленіе», и что лишь наиболѣе приспособленные переживаютъ подобные періоды тяжелой борьбы за существованіе. Но если бы эволюція животнаго міра была основана исключительно, или даже преимущественно, на переживаніи наиболѣе приспособленныхъ въ періоды бѣдствій; если бы естественный подборъ былъ ограниченъ въ своемъ воздѣйствіи періодами исключительной засухи, или внезапныхъ перемѣнъ температуры, или наводненій,—то регрессъ былъ бы общимъ правиломъ

---

[1]) Dr. B. Altum, тоже сочиненіе, стр. 13 и 187.

[2]) Lagopus scoticus; Res Grouse.

[3]) А. Беккеръ, въ «Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou», 1889, стр. 625.

[4]) См. Приложеніе IX.

въ животномъ мірѣ. Тѣ, которые переживаютъ голодъ, или эпидемію холеры, осны или дифтерита, свирѣпствующихъ въ тѣхъ размѣрахъ, которыя наблюдаются въ нецивилизованныхъ странахъ, вовсе не являются ни наиболѣе сильными, ни наиболѣе здоровыми, ни наиболѣе разумными. Никакой прогрессъ не могъ бы основаться на подобныхъ переживаніяхъ,—тѣмъ болѣе, что всѣ пережившіе обыкновенно выходятъ изъ испытанія съ подорваннымъ здоровьемъ, подобно тѣмъ забайкальскимъ лошадямъ, о которыхъ мы упоминали выше, или экипажамъ арктическихъ судовъ, или гарнизонамъ крѣпостей, вынужденнымъ жить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на половинныхъ раціонахъ, и по прекращеніи осады выходящимъ съ разбитымъ здоровьемъ и съ проявляющейся впослѣдствіи склонностью къ совершенно ненормальной смертности. Все, что естественный подборъ можетъ сдѣлать въ періоды бѣдствій, сводится къ сохраненію особей, одаренныхъ наибольшею выносливостью въ перенесеніи всякаго рода лишеній. Такова и есть роль естественнаго подбора среди сибирскихъ лошадей и рогатаго скота. Они, дѣйствительно, отличаются выносливостью; они могутъ питаться, въ случаѣ необходимости, полярной березой; они могутъ противостоять холоду и голоду. Но за то сибирская лошадь можетъ нести только половину того груза, который безъ напряженія несетъ европейская лошадь; ни одна сибирская корова не даетъ половины того количества молока, которое даетъ джерсейская корова, и ни одинъ туземецъ нецивилизованныхъ странъ не выдержитъ сравненія съ европейцами. Такіе туземцы могутъ легче выносить голодъ и холодъ, но ихъ физическія силы гораздо ниже силъ хорошо-питающагося европейца, а ихъ умственный прогрессъ совершается съ отчаянной медленностью. «Зло не можетъ порождать добра», какъ писалъ Чернышевскій въ замѣчательномъ очеркѣ, посвященномъ дарвинизму [1]).

Къ счастью, состязаніе не составляетъ общаго правила, ни для животнаго міра, ни для человѣчества. Оно ограничивается, среди животныхъ, извѣстными періодами, и естественный подборъ находитъ лучшую почву для своей дѣятельности. Лучшія условія для прогрессивнаго подбора создаются устраненіемъ состязанія, путемъ взаимной помощи и взаимной поддержки [2]). Въ великой борьбѣ за существованіе—за наиболѣе возможную полноту и интенсивность жизни, при наименьшей ненужной растратѣ энергіи—естественный подборъ постоянно выискиваетъ пути, именно съ цѣлью избѣжать, насколько возможно, состязанія. Муравьи объединяются въ гнѣзда и племена; они дѣлаютъ запасы, всспитываютъ для своихъ нуждъ «коровъ»—и такимъ образомъ избѣгаютъ состязанія; и естественный подборъ выбираетъ изъ всѣхъ муравьевъ тѣ виды, которые лучше умѣютъ избѣгать вну-

---

[1]) «Русская Мысль», №9, 1888. «Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь», Стараго Трансформиста.

[2]) «Одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ, которыми дѣйствуетъ естественный подборъ», говоритъ Дарвинъ, «это—приспособленіе нѣкоторыхъ особей даннаго вида къ нѣсколько различному образу жизни, вслѣдствіе чего они могутъ захватить еще не захваченныя мѣста въ природѣ» (Происхожденіе Видовъ, гл. VI)—другими словами—избѣгнуть состязанія.

прочихъ состязанія, съ его неизбѣжными пагубными послѣдствіями. Большинство нашихъ птицъ медленно перекочевываетъ къ югу, но мѣрѣ наступленія зимы, или же онѣ собираются безчисленными сообществами и предпринимаютъ далекія путешествія,—и, такимъ образомъ, избѣгаютъ состязанія. Многіе грызуны впадаютъ въ спячку, когда наступаетъ время возможнаго состязанія, а другія породы грызуновъ запасаются на зиму пищей и собираются вмѣстѣ обширными поселеніями, дабы имѣть необходимую защиту во время работы. Олени, когда оленій мохъ засыхаетъ внутри материка, переселяются по направленію къ морю. Буйволы пересѣкаютъ огромные материки ради изобилія пищи. А колонія бобровъ, когда они черезчуръ расплодятся на рѣкѣ, раздѣляется на двѣ части: старики уходятъ внизъ по рѣкѣ, а молодые идутъ вверхъ, для того, чтобы избѣжать состязанія. А если, наконецъ, животныя не могутъ ни впасть въ спячку, ни переселиться, ни сдѣлать запасовъ пищи, ни сами выращивать потребную пищу, какъ это дѣлаютъ муравьи,—тогда они поступаютъ, какъ синицы (прекрасное описаніе см. у Уоллэса, «Darwinism», гл. V); а именно: они переходятъ къ новому роду пищи—и, такимъ образомъ, опять-таки избѣгаютъ состязанія [1]).

«Избѣгайте состязанія! Оно всегда вредно для вида, и у васъ имѣется множество средствъ избѣжать его!» Такова тенденція природы, не всегда сю вполнѣ осуществляемая, но всегда ей присущая. Таковъ лозунгъ, доносящійся до насъ изъ кустарниковъ, лѣсовъ, рѣкъ, океановъ. «А потому объединяйтесь—практикуйте взаимную помощь! Она представляетъ самое вѣрное средство для обезпеченія наибольшей безопасности, какъ для каждаго въ отдѣльности, такъ и для всѣхъ вмѣстѣ; она является лучшей гарантіей для существованія и прогресса физическаго, умственнаго и нравственнаго». Вотъ чему учитъ насъ Природа; и этому голосу Природы вняли всѣ тѣ животныя, которыя достигли наивысшаго положенія въ своихъ соотвѣтственныхъ классахъ. Этому же вѣнію Природы подчинился и человѣкъ—самый первобытный человѣкъ—и лишь вслѣдствіе этого онъ достигъ того положенія, которое мы занимаемъ теперь. Въ справедливости этого читатель убѣдится изъ послѣдующихъ главъ, посвященныхъ взаимной помощи въ человѣческихъ обществахъ.

ГЛАВА III.

Взаимная помощь среди дикарей.

Предполагаемая война каждаго противъ всѣхъ.—Родовое происхожденіе человѣческаго общества.—Позднѣе появленіе отдѣльной семьи.—Бушмены и Готтентоты.—Австралійцы, Папуасы.—Эскимосы, Алеуты.—Черты жизни дикарей, съ затрудненіемъ принимаемыя европейцами.—Понятіе о справедливости у Даяковъ.—Обычное право.

Громадную роль, которую играетъ взаимная помощь и взаимная поддержка въ эволюціи животнаго міра, мы бѣгло разсмотрѣли въ предыдущихъ двухъ главахъ. Теперь намъ предстоитъ бро-

[1]) См. Приложеніе X.

сить взглядъ на роль, которую тѣ же факторы играли въ эволюціи человѣчества. Мы видѣли, какъ незначительно число животныхъ видовъ, ведущихъ одинокую жизнь, и какъ, напротивъ того, безчисленно количество тѣхъ видовъ, которые живутъ сообществами, объединяясь въ цѣляхъ взаимной защиты, или для охоты и накопленія запасовъ пищи, ради воспитанія потомства, или—просто для наслажденія жизнью сообща. Мы видѣли также, что, хотя между различными классами животныхъ, различными видами или даже различными группами того же вида, происходитъ не мало борьбы, но, вообще говоря, въ предѣлахъ группы и вида господствуютъ миръ и взаимная поддержка; при чемъ тѣ виды, которые обладаютъ наибольшимъ умѣніемъ объединяться и избѣгать состязанія и борьбы, имѣютъ и лучшіе шансы на переживаніе и дальнѣйшее прогрессивное развитіе. Такіе виды процвѣтаютъ, въ то время, какъ виды, чуждые общительности, идутъ къ упадку.

Очевидно, что человѣкъ явился бы противорѣчіемъ всему тому, что намъ извѣстно о природѣ, если бы онъ представлялъ исключеніе изъ этого общаго правила: если бы существо столь беззащитное, какимъ былъ человѣкъ на зарѣ своего существованія, нашло бы для себя защиту и путь къ прогрессу не во взаимной помощи, какъ другія животныя, а въ безразсудной борьбѣ изъ-за личныхъ выгодъ, не обращающей никакого вниманія на интересы всего вида. Для всякаго ума, освоившагося съ идеею о единствѣ природы, такое предположеніе покажется совершенно недопустимымъ. А между тѣмъ, несмотря на его невѣроятность и нелогичность, оно всегда находило сторонниковъ. Всегда находились писатели, глядѣвшіе на человѣчество, какъ пессимисты. Они знали человѣка, болѣе или менѣе поверхностно, изъ своего личнаго ограниченнаго опыта, въ исторіи своей ограничивались знаніемъ того, что разсказали намъ лѣтописцы, всегда обращавшіе вниманіе, главнымъ образомъ, на войны, на жестокости, и угнетеніе; и эти пессимисты приходили къ заключенію, что человѣчество представляетъ собою не что иное, какъ слабо связанное сообщество существъ, всегда готовыхъ драться между собою, и лишь вмѣшательствомъ какой-нибудь власти удерживаемыхъ отъ всеобщей свалки.

Гоббсъ стоялъ на такой точкѣ зрѣнія; и хотя нѣкоторые изъ его преемниковъ въ XVIII вѣкѣ пытались доказать, что ни въ какую пору своего существованія,—даже въ самомъ первобытномъ періодѣ—человѣчество не жило въ состояніи непрерывной войны, что человѣкъ былъ существомъ общественнымъ, даже въ «естественномъ состояніи», и что скорѣе отсутствіе знаній, чѣмъ природныя свирѣпыя наклонности, довели человѣчество до всѣхъ ужасовъ, которыми отличалась его прошедшая историческая жизнь,—но многочисленные послѣдователи Гоббса продолжали тѣмъ не менѣе утверждать, что такъ-называемое «естественное состояніе» было ни чѣмъ инымъ, какъ постоянной борьбой между индивидуумами, случайнымъ образомъ столпившимися подъ импульсами ихъ звѣриной природы. Правда, со времени Гоббса наука сдѣлала кое-какіе успѣхи, и теперь у насъ подъ ногами болѣе твердая почва, чѣмъ была во времена Гоббса, или Руссо.

Но философія Гоббса по сію пору имѣетъ достаточно поклонниковъ, и въ послѣднее время создалась цѣлая школа писателей, которые, вооружившись не столько идеями Дарвина, сколько его терминологіей, воспользовались послѣдней для аргументаціи въ пользу взглядовъ Гоббса на первобытнаго человѣка; имъ удалось даже придать этой аргументаціи какое-то подобіе научной внѣшности. Гексли, какъ извѣстно, сталъ во главѣ этой школы, и въ статьѣ, напечатанной въ 1888 году, онъ изобразилъ первобытныхъ людей чѣмъ-то въ родѣ тигровъ или львовъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было этическихъ понятій, не останавливающихся ни предъ чѣмъ въ борьбѣ за существованіе,—вся жизнь которыхъ проходила въ «постоянной дракѣ». «За предѣлами ограниченныхъ и временныхъ семейныхъ отношеній, Гоббсовская война каждаго противъ всѣхъ была, говорилъ онъ, нормальнымъ состояніемъ ихъ существованія» [1]).

Не разъ уже замѣчено было, что главная ошибка Гоббса, а также и философовъ XVIII вѣка, заключалась въ томъ, что они представляли себѣ первобытный родъ людской въ формѣ маленькихъ бродячихъ семей, на подобіе «ограниченныхъ и временныхъ» семействъ болѣе крупныхъ хищныхъ животныхъ. Между тѣмъ, теперь положительно установлено, что подобное предположеніе совершенно невѣрно. Конечно, у насъ нѣтъ прямыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ образѣ жизни первыхъ человѣкообразныхъ существъ. Даже время перваго появленія такихъ существъ еще въ точности не установлено, такъ какъ современные геологи склонны видѣть ихъ слѣды уже въ пліоценовыхъ и даже въ міоценсвыхъ отложеніяхъ третичнаго періода. Но мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи косвенный методъ, который даетъ намъ возможность освѣтить до извѣстной степени даже этотъ отдаленный періодъ. Дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ сдѣланы были очень тщательныя изслѣдованія общественныхъ учрежденій у самыхъ низшихъ расъ, и эти изслѣдованія раскрыли въ теперешнихъ учрежденіяхъ первобытныхъ народовъ слѣды болѣе древнихъ учрежденій, давно уже исчезнувшихъ, но тѣмъ не менѣе оставившихъ несомнѣнные признаки своего существованія. Мало-по-малу, цѣлая наука, посвященная эмбріологіи человѣческихъ учрежденій, была создана трудами Бахофена, Макъ-Леннана, Моргана, Эдуарда Б. Тейлора, Мэна, Поста, Ковалевскаго и мн. др. И эта наука установила теперь, внѣ всякаго сомнѣнія, что человѣчество начало свою жизнь не въ формѣ небольшихъ одинокихъ семей.

Семья не только не была первобытной формой организаціи, но, напротивъ, она является очень позднимъ продуктомъ эволюціи человѣчества. Какъ бы далеко мы ни восходили вглубь палеоэтнологіи человѣчества, мы вездѣ находимъ людей, жившихъ тогда сообществами, группами, подобными стадамъ высшихъ млекопитающихъ. Очень медленная и продолжительная эволюція потребовалась для того, чтобы довести эти сообщества до организаціи рода или клана, которая въ свою очередь должна была подвергнуться другому, тоже очень продолжительному процессу эво-

[1]) «Nineteenth Century», Февраль 1888, стр. 165.

люціи, прежде чѣмъ могли появиться первые зародыши семьи, полигамной или моногамной. Сообщества, банды, роды, племена— а не семьи—были, такимъ образомъ, первобытной формой организаціи человѣчества и его древнѣйшихъ прародителей. Къ такому выводу пришла этнологія послѣ тщательныхъ кропотливыхъ изслѣдованій. Въ сущности этотъ выводъ могли бы предсказать зоологи, такъ какъ ни одно изъ высшихъ млекопитающихъ, за исключеніемъ весьма немногихъ плотоядныхъ и немногихъ, несомнѣнно вымирающихъ, видовъ обезьянъ (орангъ-утановъ и гориллъ), не живетъ маленькими семьями, изолированно бродящими по лѣсамъ. Всѣ остальныя живутъ сообществами. И Дарвинъ такъ прекрасно понялъ, что изолированно живущія обезьяны никогда не смогли бы развиться въ человѣкоподобныя существа, что онъ былъ склоненъ разсматривать человѣка происходящимъ отъ какого-нибудь, сравнительно слабаго, но непремѣнно общительнаго вида обезьянъ, въ родѣ чимпанзе, а не отъ болѣе сильнаго, но необщительнаго вида, въ родѣ гориллы [1]). Зоологія и палео-этнологія приходятъ, такимъ образомъ, къ одинаковому заключенію, что древнѣйшей формой общественной жизни была группа, племя, а не семья. Первыя человѣческія сообщества просто были дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ сообществъ, которыя составляютъ самую сущность жизни высшихъ животныхъ [2]).

Если перейти теперь къ положительнымъ даннымъ, то мы увидимъ, что самые ранніе слѣды человѣка, относящіеся къ ледниковому или раннему послѣ-ледниковому періоду, даютъ несомнѣнныя доказательства того, что человѣкъ уже тогда жилъ сообществами. Очень рѣдко случается найти одинаковое каменное орудіе, даже изъ древнѣйшаго, палеолитическаго періода; напротивъ того, гдѣ бы ни находили одно или два кремневыхъ орудія, тамъ всегда находили вскорѣ и другія, почти всегда въ очень большихъ количествахъ. Уже въ тѣ времена, когда люди жили еще въ пещерахъ, или укрывались подъ нависшими скалами, вмѣстѣ съ исчезнувшими съ тѣхъ поръ млекопитающими, и едва умѣли выдѣлывать кремневые топоры самаго грубаго вида, они уже были знакомы съ выгодами жизни сообществами. Во Франціи, въ долинахъ притоковъ Дордони, вся поверхность скалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта пещерами, служившими убѣжищемъ

---

[1]) «The Descent of Man», конецъ II гл., стр. 63 и 64, 2-го изданія.

[2]) Нѣкоторые антропологи, вполнѣ раздѣляющіе вышеизложенные взгляды на человѣка, тѣмъ не менѣе иногда утверждаютъ, что обезьяны живутъ полигамическими семьями, подъ предводительствомъ «сильнаго и ревниваго самца». Я не знаю, насколько подобное утвержденіе опирается на совершенно достовѣрныхъ наблюденіяхъ. Но та страница въ «Жизни животныхъ» Брэма, на которую обыкновенно ссылаются, едва ли можетъ считаться особенно доказательной. Она составляетъ часть его общаго описанія обезьянъ; но его же болѣе подробныя описанія отдѣльныхъ видовъ, или противорѣчатъ такому общему выводу, или же не подтверждаютъ его. Даже относительно мартышекъ (Cercopithecus) Брэмъ положительно утверждаетъ, что «онѣ почти всегда живутъ группами и очень рѣдко семьями» (Франц. изд., т. I, стр. 59). Что же касается другихъ видовъ, то уже самое количество изъ группъ, въ которыхъ всегда имѣется много самцовъ, дѣлаетъ предположеніе о «полигамической семьѣ» болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Очевидно требуются дальнѣйшія наблюденія.

палеолитическому человѣку [1]). Иногда пещерныя жилища расположены этажами и несомнѣнно болѣе напоминаютъ гнѣзда колоній ласточекъ, чѣмъ логовища хищныхъ животныхъ. Что же касается до кремневыхъ орудій, найденныхъ въ этихъ пещерахъ, то, по выраженію Леббока, «безъ преувеличенія можно сказать, что они—безчисленны». То же самое справедливо относительно всѣхъ другихъ палеолитическихъ стоянокъ. Судя по изысканіямъ Мортэ, обитатели округа Ориньякъ, въ южной Франціи, устраивали уже родовые пиры при погребеніи своихъ умершихъ. Такимъ образомъ, люди жили сообществами, и у нихъ проявились зачатки родоваго религіознаго обряда, уже въ ту, чрезвычайно отдаленную, эпоху.

То же самое подтверждается, еще съ бо́льшимъ обиліемъ доказательствъ, относительно позднѣйшаго періода каменнаго вѣка. Слѣды неолитическаго человѣка встрѣчаются въ такихъ громадныхъ количествахъ, что по нимъ можно было, въ значительной мѣрѣ, возстановить весь его образъ жизни. Когда ледяной покровъ (который долженъ былъ простираться отъ полярныхъ областей вплоть до середины Франціи, Германіи и Россіи, и покрывалъ Канаду, а также значительную часть территоріи, занимаемой теперь Соединенными Штатами) началъ таять, то поверхности, освободившіяся отъ льда, покрылись сперва топями и болотами, а позднѣе—безчисленными озерами [2]). Озера заполняли въ ту пору всѣ углубленія и расширенія въ долинахъ, раньше чѣмъ воды промыли себѣ тѣ постоянныя русла, которыя въ послѣдующую эпоху стали нашими рѣками. И, куда бы мы ни обратились теперь, въ Европѣ, Азіи или Америкѣ,—мы находимъ, что берега безчисленныхъ озеръ этого періода,—который по справедливости слѣдовало бы назвать Озернымъ періодомъ—покрыты слѣдами неолитическаго человѣка. Эти слѣды такъ многочисленны, что можно лишь удивляться густотѣ населенія въ ту эпоху. На террасахъ, которыя теперь обозначаютъ берега древнихъ озеръ, «стоянки» неолитическаго человѣка близко слѣдуютъ одна за другой, и на каждой изъ нихъ находятъ каменныя орудія въ такихъ количествахъ, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ продолженіе очень долгаго времени, эти мѣста были обитаемы довольно многочисленными племенами людей. Цѣлыя мастерскія кремневыхъ орудій, которыя, въ свою очередь, свидѣтельствуютъ о количествѣ рабочихъ, собиравшихся въ одномъ мѣстѣ, были открыты археологами.

Слѣды болѣе поздняго періода, уже характеризуемаго употребленіемъ глиняныхъ издѣлій, мы имѣемъ въ такъ называемыхъ «кухонныхъ отбросахъ» Даніи. Какъ извѣстно, эти кучи раковинъ отъ 5-ти до 10-ти футовъ толщиною, отъ 100 до 200 футовъ въ ширину, и въ 1000 и болѣе футовъ въ длину, такъ рас-

[1]) Lubbock. «Prehistoric Times», 5-е изданіе, 1890.

[2]) Большинство геологовъ спеціально изучавшихъ ледниковый періодъ принимаютъ теперь такое распространеніе ледяного покрова. (Русская Геологическая Съемка держится этого взгляда по отношенію къ Россіи, и большинство германскихъ спеціалистовъ поддерживаютъ его по отношенію къ Германіи). Обледенѣніе большей части центральнаго плоскогорья во Франціи неизбѣжно будетъ признано французскими геологами, когда они вообще обратятъ больше вниманія на ледниковыя отложенія.

пространены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ морского побережья Даніи, что долгое время ихъ считали естественными образованіями. А между тѣмъ онѣ состоятъ «исключительно изъ такихъ матеріаловъ, которые такъ или иначе употреблялись человѣкомъ». И онѣ до такой степени переполнены продуктами человѣческаго труда, что Леббокъ въ теченіе всего лишь двухдневнаго пребыванія въ Мильгаардѣ нашелъ 191 кусокъ каменныхъ орудій и четыре обломка глиняныхъ издѣлій[1]). Самые размѣры и распространенность этихъ кучъ кухонныхъ отбросовъ доказываютъ, что въ теченіе многихъ и многихъ поколѣній по берегамъ Даніи основались сотни небольшихъ племенъ или родовъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, жили тамъ же мирно между собою какъ живутъ теперь обитатели береговъ Огненной Земли, которые также набрасываютъ теперь подобныя же кучи раковинъ и всякихъ отбросовъ[2]).

Что же касается до свайныхъ построекъ Швейцаріи, представляющихъ дальнѣйшую ступень на пути къ цивилизаціи, онѣ даютъ еще лучшія доказательства того, что ихъ обитатели жили обществами и работали сообща. Извѣстно, что уже въ каменномъ вѣкѣ, берега Швейцарскихъ озеръ были усѣяны рядами деревень, состоявшихъ каждая изъ нѣсколькихъ хижинъ, построенныхъ на платформѣ, поддерживаемой безчисленными сваями, вбитыми въ дно озера. Не менѣе двадцати четырехъ деревень, изъ которыхъ большинство принадлежало къ каменному вѣку, было открыто за послѣдніе годы на берегахъ Женевскаго озера, тридцать двѣ на Констанцскомъ озерѣ, сорокъ шесть на Нефшательскомъ, и т. д.; и каждая изъ нихъ свидѣтельствуетъ о громадномъ количествѣ труда, выполненнаго сообща,—не семьей, а цѣлымъ родомъ. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ даже, что жизнь этихъ обитателей озеръ была въ замѣчательной степени свободна отъ воинственныхъ столкновеній; и предположеніе это весьма, вѣроятно, если принять въ соображеніе жизнь тѣхъ первобытныхъ племенъ, которыя теперь еще живутъ въ подобныхъ же деревняхъ, построенныхъ на сваяхъ по берегамъ морей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, даже изъ предыдущаго краткаго очерка, что, въ концѣ концовъ, наши свѣдѣнія о первобытномъ человѣкѣ вовсе не такъ скудны, и что они во всякомъ случаѣ скорѣе опровергаютъ, чѣмъ подтверждаютъ, предположенія Гоббса. Сверхъ того, они могутъ быть пополнены въ значительной мѣрѣ, если обратиться къ прямому наблюденію такихъ первобытныхъ племенъ, которыя въ настоящее время стоятъ еще на

---

[1]) «Prehistoric Times», стр. 232 и 242.

[2]) Кухонные остатки, т. е. кучи отбросовъ, около сажени высоты и футовъ сто въ длину, которыя лежатъ на слояхъ извѣстнаго холма въ Хэстингсѣ (Hastings), впереди трещины въ скалѣ, гдѣ нѣкогда обитали неолитическіе люди, принадлежатъ къ той же категоріи. Они были тщательно просѣяны и разслѣдованы г. Льюисъ Абботомъ. Онѣ состоятъ исключительно изъ выѣденныхъ раковинъ, костей и обломковъ кремневыхъ орудій,—эти послѣднія въ такихъ количествахъ, что посѣтивши эти кучи вмѣстѣ съ г. Абботомъ послѣ сильнаго дождя, мы собрали въ часъ около сотни обломаннымъ скребковъ и ножей, которые выбрасывались дикарями въ кучу, впереди ихъ жилья, за негодностью. Эти кучи интересны еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ нѣтъ орудій, которыя могли бы разсматриваться, какъ оружіе для военныхъ дѣйствій или даже для охоты за крупными звѣрями.

томъ же уровнѣ цивилизаціи, на какомъ стояли обитатели Европы въ до-историческія времена.

Что эти первобытныя племена, которыя существуютъ теперь, вовсе не представляютъ,—какъ утверждали нѣкоторые ученые,—выродившихся племенъ, которыя когда-то были знакомы съ болѣе высокой цивилизаціей, но утратили ее—уже было вполнѣ доказано Эд. Б. Тэйлоромъ и Дж. Лёббокомъ. Впрочемъ, къ аргументамъ, приводившимся противъ теоріи вырожденія, можно прибавить еще нижеслѣдующій. За исключеніемъ немногихъ племенъ, которыя держатся въ малодоступныхъ горныхъ странахъ, такъ-называемые «дикари» занимаютъ поясъ, который окружаетъ болѣе или менѣе цивилизованныя націи, преимущественно на тѣхъ оконечностяхъ нашихъ материковъ, которые, большею частью, сохранили до сихъ поръ, или-же недавно еще носили характеръ ранней по-ледниковой эпохи. Сюда принадлежатъ эскимосы и ихъ сородичи въ Гренландіи, Арктической Америкѣ и Сѣверной Сибири, а въ Южномъ полушаріи—австралійскіе туземцы, папуасы, обитатели Огненной Земли, и, отчасти, бушмены; при чемъ въ предѣлахъ пространства, занятаго болѣе или менѣе цивилизованными народами, подобныя первобытныя племена встрѣчаются только въ Гималаяхъ, въ нагорьяхъ юго-восточной Азіи и на Бразильскомъ плоскогоріи. Не должно забывать, при этомъ, что ледниковый періодъ закончился не сразу на всей поверхности земного шара; онъ до сихъ поръ продолжается въ въ Гренландіи. Вслѣдствіе этого, въ ту пору, когда приморскія области Индійскаго океана, Средиземнаго моря, или Мексиканскаго залива уже пользовались болѣе теплымъ климатомъ, и въ нихъ развивалась болѣе высокая цивилизація,—громадныя территоріи въ Средней Европѣ, Сибири и Сѣверной Америкѣ, а также Патагоніи, въ Южной Африкѣ, Юго-восточной Азіи и Австраліи, оставались еще въ условіяхъ ранняго послѣ-ледниковаго періода, которыя дѣлали ихъ необитаемыми для цивилизованныхъ націй жаркаго и умѣреннаго пояса. Въ эту пору, названныя области представляли нѣчто въ родѣ теперешнихъ ужасныхъ «урмановъ» сѣверо-западной Сибири, и ихъ населеніе, недоступное для цивилизаціи и не-затронутое ею, удерживало характеръ ранняго послѣ-ледниковаго человѣка. Только позднѣе, когда высыханіе сдѣлало эти территоріи болѣе пригодными для земледѣлія, стали онѣ заселяться болѣе цивилизованными пришельцами; и тогда часть прежнихъ обитателей была ассимилирована новыми засельщиками, тогда какъ другая часть отступала все дальше и дальше въ направленіи къ приполярнымъ странамъ и осѣла въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы теперь ихъ находимъ. Территоріи, обитаемыя ими въ настоящее время, сохранили по сію пору, или до очень не давняго времени сохраняли въ физическомъ отношеніи, ледниковый характеръ; а искусства и орудія ихъ обитателей до сихъ поръ еще не вышли изъ неолитическаго періода; и, несмотря на расовыя различія и на пространства, которыя раздѣляютъ ихъ другъ отъ друга, образъ жизни и общественныя учрежденія этихъ племенъ поразительно схожи между собою.

Мы можемъ, поэтому, разсматривать этихъ «дикарей», какъ

остатки ранняго послѣ-ледниковаго населенія, занимавшаго то, что теперь представляетъ цивилизованную область.

Первое, что поражаетъ насъ, какъ только мы начинаемъ изучать первобытныя народы, это—сложность организаціи брачныхъ отношеній, подъ которою они живутъ. У большинства изъ нихъ, семья, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, существуетъ только въ зачаточномъ состояніи. Но въ то же самое время «дикари» вовсе не представляютъ изъ себя «мало-связанныхъ между собою скопищъ мужчинъ и женщинъ, сходящихся безпорядочно, подъ вліяніемъ минутныхъ капризовъ». Всѣ они подчиняются, напротивъ, извѣстной организаціи, которую Льюисъ Морганъ описалъ въ ея типичныхъ чертахъ и назвалъ «родовою» или кланною, организаціей [1]).

Излагая вкратцѣ этотъ очень обширный предметъ, мы можемъ сказать, что въ настоящее время нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что человѣчество въ началѣ своего существованія прошло чрезъ стадію брачныхъ отношеній, которую можно назвать «коммунальнымъ бракомъ»; то-есть, мужчины и женщины, цѣлыми родами, жили между собою, какъ мужья съ женами, обращая весьма мало вниманія на кровное родство. Но, несомнѣнно также и то, что нѣкоторыя ограниченія этихъ свободныхъ отношеній между полами были налагаемы уже въ очень раннемъ періодѣ. Брачныя отношенія вскорѣ были запрещены между сыновьями одной матери и ея сестрами, ея внучками и ея тетками. Позднѣе такія отношенія были запрещены между сыновьями и дочерями одной и той же матери, а затѣмъ вскорѣ послѣдовали и другія ограниченія. Развилась мало-по-малу идея рода (gens), который обнималъ собою всѣхъ дѣйствительныхъ, или предполагаемыхъ, потомковъ отъ одного общаго корня (скорѣе,—всѣхъ, объединенныхъ

---

[1]) Bachofen, «Das Mutterrecht», Stuttgart, 1861; Lewis H. Morgan, «Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization», New-York, 1877; Mac Lennan, «Studies in Acient History», 1-я серія; новое изданіе, 1886; 2-я серія, 1896; L. Fison и A. W. Howitt, «Kamilaroi and Kurnai», Melbourne. Эти четыре писателя,—по очень вѣрному замѣчанію Giraud Teulon,—исходя изъ различныхъ фактовъ и различныхъ общихъ идей и употребляя различные методы, пришли къ тому же самому выводу. Бахофену мы обязаны тѣмъ, что онъ установилъ понятіе о материнской семьѣ и о наслѣдованіи черезъ мать; Моргану—за изслѣдованіе системы родства и родѣ, у малайцевъ и туранцевъ, а также за очень умный очеркъ главныхъ фразъ человѣческой эволюціи; Макъ-Леннану—за изслѣдованіе экзогаміи, т. е. женитьбы внѣ своего рода; а Физону и Ховитту—за установленіе «куадро», т. е. схемы родовыхъ брачныхъ соотношеній въ Австраліи. И изслѣдованіе всѣхъ четырехъ сводится къ установленію родового происхожденія семьи. Когда Бахофенъ впервые обратилъ вниманіе на материнскую семью, въ своей работѣ, составившей эпоху въ наукѣ, а Морганъ описалъ родовую (кланову) организацію, при чемъ оба пришли къ заключенію, что эти учрежденія имѣли почти всеобщее распространеніе и утверждали, что брачные законы лежатъ въ самой основѣ послѣдовательныхъ ступеней эволюціи человѣчества,—ихъ обвинили въ преувеличеніи. Однако, самыя тщательныя изысканія цѣлаго ряда изслѣдователей, изучавшихъ древнее право, доказали, что во всѣхъ расахъ человѣчества есть слѣды прохожденія ими чрезъ такія же ступени развитія брачныхъ обычаевъ, каковые мы наблюдаемъ въ настоящее время среди нѣкоторыхъ дикарей. Смотр. работы такихъ авторовъ, какъ Post, Dargun, Ковалевскій, Lubbock и ихъ многочисленные послѣдователи, какъ Lippert, Mucke и др.

въ одну родовую группу такимъ предполагаемымъ родствомъ). А когда родъ размножался, отъ подраздѣленія на нѣсколько родовъ, изъ которыхъ каждый дѣлился въ свою очередь на классы (обыкновенно, на четыре класса), и бракъ разрѣшался лишь между извѣстными, точно-опредѣленными классами. Подобную стадію можно наблюдать еще теперь между туземцами Австраліи, говорящими Камиларойскимъ языкомъ. Что же касается до семьи, то ея первые зародыши появились въ родовой организаціи. Женщина, которая была захвачена въ плѣнъ, во время войны съ какимъ-нибудь другимъ родомъ, и прежде принадлежала бы цѣлому роду, въ болѣе поздній періодъ удерживалась за собой тѣмъ, кто взялъ ее въ плѣнъ, при соблюденіи извѣстныхъ обязательствахъ по отношенію къ роду. Она могла быть помѣщена имъ въ отдѣльной хижинѣ, послѣ того какъ она заплатила извѣстнаго рода дань роду, и, такимъ образомъ, могла основать въ предѣлахъ рода отдѣльную семью, появленіе которой, очевидно, открывало собой новую фазу цивилизаціи. Но ни въ какомъ случаѣ жена, клавшая это основаніе патріархальной семьѣ, не могла быть взята изъ своего рода. Она должна была происходить изъ чужого рода.

Если мы примемъ во вниманіе, что эта сложная организація развилась среди людей, стоявшихъ на самой низшей изъ извѣстныхъ намъ ступеней развитія, и что она поддерживалась въ сообществахъ, не знавшихъ никакой другой власти, кромѣ власти общественнаго мнѣнія, мы сразу поймемъ, какъ глубоко должны были корениться общественные инстинкты въ человѣческой природѣ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ея развитія. Дикарь, который могъ жить при такой организаціи, подчиняясь по собственной волѣ ограниченіямъ, которыя постоянно сталкивались съ его личными пожеланіями, конечно, не былъ похожъ на звѣря, лишеннаго какихъ бы то ни было этическихъ принциповъ и не знающаго узды для своихъ страстей. Но этотъ фактъ становится еще болѣе поразительнымъ, если принять во вниманіе неизмѣримо отдаленную древность родовой организаціи.

Въ настоящее время извѣстно, что первобытные семиты, Гомеровскіе греки, до-историческіе римляне, германцы Тацита, древніе кельты и славяне, всѣ прошли чрезъ періодъ родовой организаціи, очень близко сходной съ родовой организаціей австралійцевъ, краснокожихъ индѣйцевъ, эскимосовъ и другихъ обитателей «пояса дикарей»[1]).

Такимъ образомъ, мы должны допустить одно изъ двухъ: или эволюція брачныхъ обычаевъ шла по какимъ-нибудь причинамъ въ одномъ и томъ же направленіи у всѣхъ человѣческихъ расъ, или же зачатки родовыхъ ограниченій развились среди нѣкоторыхъ общихъ предковъ, бывшихъ родоначальниками семи-

[1]) О семитахъ и арійцахъ см. въ особенности проф. Максима Ковалевскаго, «Первобытное право», Москва 1886 и 1887 гг. А также его Стокгольмскія лекціи («Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriètè», Stockhom, 1890) представляющія превосходный обзоръ всего вопроса. См. также A. Post, «Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit», Oldenburg, 1875.

говъ, арійцевъ, полинезійцевъ и т. д., прежде чѣмъ эти предки дифференцировались въ отдѣльныя расы, и что эти ограниченія поддерживались вплоть до настоящаго времени среди расъ, давно уже отдѣлившихся отъ общаго корня. Объ альтернативы въ равной степени указываютъ, однако, на поразительную устойчивость этого учрежденія—такую устойчивость, которой не могли разрушить никакія посягательства на нее личности, въ теченіе многихъ десятковъ тысячелѣтій. Но самая стойкость родовой организаціи показываетъ, насколько ложенъ тотъ взглядъ, въ силу котораго первобытное человѣчество изображаютъ въ видѣ безпорядочнаго скопища индивидуумовъ, подчиняющихся однимъ лишь собственнымъ страстямъ и пользующихся каждый своею личною силою и хитростью, чтобы одерживать верхъ надъ всѣми другими. Необузданный индивидуализмъ — явленіе новѣйшаго времени, но онъ вовсе не былъ свойственъ первобытному человѣчеству [1]).

Переходя теперь къ существующимъ въ настоящее время дикарямъ, мы можемъ начать съ бушменовъ, стоящихъ на очень низкой ступени развитія—настолько низкой, что они не имѣютъ даже жилищъ, и спятъ въ норахъ, вырытыхъ въ землѣ, или просто подъ прикрытіемъ легкихъ щитовъ изъ травъ и вѣтвей, защищающихъ ихъ отъ вѣтра. Извѣстно, что когда европейцы начали селиться на ихъ территоріи и истребили громадныя дикія стада краснаго звѣря, пасшіяся до того времени на равнинахъ, бушмены начали красть рогатый скотъ у поселенцевъ,—и тогда эти пришельцы начали противъ бушменовъ отчаянную войну, и стали истреблять ихъ со звѣрствомъ, о которомъ я предпочитаю не разсказывать здѣсь. Пятьсотъ бушменовъ было истреблено, такимъ образомъ, въ 1774 году; въ 1808—1809 годахъ, союзъ фермеровъ истребилъ ихъ три тысячи, и т. д. Ихъ отравляли, какъ крысъ, выставляя отравленное мясо этимъ доведеннымъ до голода людямъ, или пристрѣливали, какъ звѣрей, спрятавшись въ засадѣ за трупомъ подброшеннаго животнаго; ихъ убивали

[1]) Мы не можемъ заняться здѣсь обсужденіемъ вопроса о происхожденіи брачныхъ ограниченій. Замѣчу только, что раздѣленіе на группы, подобное описанному Морганомъ у гавайцевъ, существуетъ у птицъ: молодые выводки живутъ вмѣстѣ, отдѣльно отъ своихъ родителей. Подобное же раздѣленіе можно прослѣдить и у нѣкоторыхъ млекопитающихъ. Что же касается до послѣдующаго запрещенія брачныхъ отношеній между братьями и сестрами, то оно возникло, вѣроятно, не вслѣдствіе соображеній о дурномъ вліяніи кровнаго родства, каковыя соображенія едва-ли вѣроятны, а скорѣе изъ стремленія предупредить легко-возникающую близость въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. При тѣсномъ сожительствѣ въ одномъ помѣщеніи подобное ограниченіе становилось положительно необходимымъ, и оно вполнѣ согласно съ предосторожностями, принимаемыми дикарями, чтобы отдѣлять мужскую молодежь въ особый «длинный домъ» подъ надзоромъ воспитателей. Должно также замѣтить, что вообще, при обсужденіи происхожденія новыхъ обычаевъ, должно имѣть въ виду, что дикари, подобно намъ, имѣютъ своихъ «мыслителей» и ученыхъ, знахарей, колдуновъ, лѣкарей, пророковъ—познанія и идеи которыхъ превосходятъ общій уровень массы. Объединенные въ тайные союзы (другая, почти универсальная черта), эти знахари, конечно, могли оказывать огромное вліяніе и устанавливать обычаи, полезность которыхъ еще не сознана была большинствомъ рода.

при всякой встрѣчѣ [1]). Такимъ образомъ, наши свѣдѣнія о бушменахъ, полученныя въ большинствѣ случаевъ отъ тѣхъ самыхъ людей, которые истребляли ихъ, не могутъ отличаться особенной дружелюбностью. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что, во время появленія европейцевъ, бушмены жили небольшими родами, которые иногда соединялись въ федераціи; что они охотились сообща и дѣлили между собою добычу безъ драки и ссоръ; что они никогда не бросали своихъ раненыхъ и выказывали сильную привязанность къ сотоварищамъ. Лихтенштейнъ разсказываетъ чрезвычайно трогательный эпизодъ объ одномъ бушменѣ, который едва не потонулъ въ рѣкѣ и былъ спасенъ товарищами. Они сняли съ себя свои звѣриныя шкуры, чтобы прикрыть его, и сами дрожали отъ холода; они обсушили его, растирали его предъ огнемъ и смазывали его тѣло теплымъ жиромъ, пока, наконецъ, не возвратили его къ жизни. А когда бушмены нашли въ лицѣ Іогана Вандервальта человѣка, обращавшагося съ ними хорошо, они выражали ему свою признательность проявленіями самой трогательной привязанности [2]). Бурчелль и Моффаттъ изображаютъ ихъ добросердечными, безкорыстными, вѣрными своимъ обѣщаніямъ и благодарными [3]),—всѣ качества, которыя могли развиться, лишь будучи постоянно практикуемы въ предѣлахъ рода. Что же касается до ихъ любви къ дѣтямъ, то достаточно напомнить, что когда европеецъ хотѣлъ заполучить себѣ бушменку въ рабство, онъ похищалъ ея ребенка; мать всегда являлась сама и становилась рабыней, чтобы раздѣлить участь своего дитяти [4]).

Та же самая общительность встрѣчается у готтентотовъ, которые немногимъ превосходятъ бушменовъ по развитію. Лёббокъ говоритъ объ нихъ, какъ о «самыхъ грязныхъ животныхъ», и они, дѣйствительно, очень грязны. Все ихъ одѣяніе состоитъ изъ повѣшенной на шею звѣриной шкуры, которую носятъ, пока она не распадется въ куски; а ихъ хижины состоятъ изъ нѣсколькихъ жердей, связанныхъ концами и покрытыхъ цыновками, при чемъ внутри хижинъ нѣтъ ровно никакой обстановки. Хотя они держатъ быковъ и овецъ и, кажется, были знакомы съ употребленіемъ желѣза, уже до встрѣчи съ европейцами, тѣмъ не менѣе они до сихъ поръ стоятъ на одной изъ самыхъ низкихъ ступеней человѣческаго развитія. И все же европейцы, которые были близко знакомы съ ихъ жизнью, съ великой похвалою отзывались объ ихъ общительности и готовности помогать другъ другу. Если дать что-нибудь готтентоту, онъ тотчасъ же дѣлитъ полученное между всѣми присутствующими—обычай, который, какъ извѣстно, поразилъ также Дарвина у обитателей Огненной Земли. Готтентотъ не можетъ ѣсть одинъ, и какъ бы онъ ни былъ голоденъ,

---

[1]) Col. Collins въ «Philips' Researches in South Africa» London 1828. Цитаты даны у Вайцы (Waitz, «Anthropologie der Naturvölker», т. II, с. 334).

[2]) Lichtenstein, «Reisen im Südlichen Africa», II, стр. 92, 97. Berlin, 1881.

[3]) Wiatz, «Anthropologie der Naturvölker» II.° стр. 335 seq. См. также Fritsch, «Die Eingeboren Afrika's» Breslau, 1872, стр. 336 и слѣд.; и «Drei Jahre in Süd-Afrika». Также W. Bleck, «A. Brief Account of Bushmen Folklore», Capetown, 1875.

[4]) Elisée Reclus, «Géographie Universelle», XIII, 475.

онъ подзываетъ прохожихъ и дѣлится съ ними своей пищей. И когда Кольбенъ выразилъ по этому поводу свое удивленіе, ему отвѣтили: «таковъ обычай у готтентотовъ». Но этотъ обычай свойственъ не однимъ готтентотамъ: это—почти повсемѣстный обычай, отмѣченный путешественниками у всѣхъ «дикарей». Кольбенъ, хорошо знавшій готтентотовъ и не обходившій молчаніемъ ихъ недостатковъ, не можетъ нахвалиться ихъ родовою нравственностью.

«Данное ими слово—для нихъ священно»,—пишетъ онъ, «Они совершенно незнакомы съ испорченностью и вѣроломствомъ Европы». «Они живутъ очень мирно и рѣдко воюютъ со своими сосѣдями». Они «полны мягкости и добродушія во взаимныхъ отношеніяхъ... Однимъ изъ величайшихъ удовольствій для готтентотовъ является обмѣнъ подарками и услугами». «По своей честности, по быстротѣ и точности отправленія правосудія, по цѣломудрію, готтентоты превосходятъ всѣ, или почти всѣ, другіе народы» [1]).

Ташаръ (Tachart), Барроу (Barrow) и Муди (Moodie) [2]) вполнѣ подтверждаютъ слова Кольбена. Нужно только замѣтить, что когда Кольбенъ писалъ о готтентотахъ, что «во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ они—самый дружелюбный, самый щедрый и самый добродушный народъ, какой когда-либо существовалъ на землѣ (I, 332),—онъ далъ опредѣленіе, которое съ тѣхъ поръ постоянно повторяется путешественниками при описаніи самыхъ разнообразныхъ дикарей. Когда европейцы впервые сталкивались съ какими-нибудь первобытными расами, они обыкновенно изображали ихъ жизнь карикатурнымъ образомъ; но стоило умному человѣку прожить среди нихъ болѣе продолжительное время, и онъ уже описывалъ ихъ какъ «самый кроткій» или «самый благородный» народъ на земномъ шарѣ. Совершенно тѣми же самыми словами, самые достойные довѣрія путешественники характеризуютъ остяковъ, самоѣдовъ, эскимосовъ, даяковъ, алеутовъ, папуасовъ и т. д. Я также помню, что подобные же отзывы мнѣ приходилось читать о тунгусахъ, о чукчахъ, объ индѣйцахъ Сіу, и нѣкоторыхъ другихъ племенахъ дикарей. Самое повтореніе подобной похвалы уже говоритъ намъ больше, чѣмъ цѣлые томы спеціальныхъ изслѣдованій.

Туземцы Австраліи стоятъ по развитію не выше своихъ южноафриканскихъ братьевъ. Ихъ хижины имѣютъ тотъ же характеръ и очень часто они довольствуются даже простымъ щитомъ или ширмой изъ хвороста, для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ. Въ пищѣ они не отличаются разборчивостью: въ случаѣ нужды они пожираютъ совершенно разложившуюся падаль, а когда случится голодъ, то иногда прибѣгаютъ и къ людоѣдству. Когда австралійскіе туземцы впервые были открыты европейцами, то оказалось, что они не имѣли никакихъ другихъ орудій, кромѣ сдѣланныхъ самымъ грубымъ образомъ изъ камня или кости. Нѣкоторыя племена не имѣли даже лодокъ и были совершенно незнакомы съ мѣновой торговлей. А между тѣмъ, послѣ тщательнаго

[1]) P. Kolben, «The Present State of the Cape of Good Hope» переводъ съ нѣмецкаго Medley, London 1731, томъ I, стр. 59, 71, 333, 336, etc

[2]) Цитируется у Waitz, «Antropologie», т. II, 335 и слѣд.

ученія ихъ привычекъ и обычаевъ, оказалось, что у нихъ существуетъ та самая выработанная родовая организація, о которой говорилось выше [1]).

Территорія, на которой они живутъ, обыкновенно бываетъ подѣлена между различными родами, но область, на которой каждый родъ производитъ охоту или рыбную ловлю, остается въ общественномъ владѣніи, и продукты охоты и ловли идутъ всему роду [2]). Роду же принадлежатъ орудія охоты и рыбной ловли. Бракъ происходитъ сообща. Подобно многимъ другимъ дикарямъ, австралійскіе туземцы держатся извѣстныхъ правилъ относительно сезоновъ, когда разрѣшается сборъ различныхъ видовъ камеди и травъ [3]). Что же касается до ихъ нравственности вообще, то лучше всего привести здѣсь слѣдующіе отвѣты, данные Лумгольцемъ, миссіонеромъ, жившимъ въ Сѣверномъ Квинслан-дѣ, на запросы Парижскаго Антропологическаго общества [4]):

Чувство дружбы имъ знакомо; оно развито очень сильно. Слабые пользуются общественной помощью; за больными очень хорошо смотрятъ: ихъ никогда не бросаютъ на произволъ судьбы и не убиваютъ. Племена эти—людоѣды, но они очень рѣдко ѣдятъ членовъ собственнаго племени (если не ошибаюсь—только тогда, когда убиваютъ по религіознымъ мотивамъ); они ѣдятъ только чужихъ. Родители любятъ своихъ дѣтей, играютъ съ ними и ласкаютъ ихъ. Дѣтоубійство практикуется лишь съ общаго согласія. Со стариками обращаются очень хорошо и никогда не убиваютъ ихъ. У нихъ нѣтъ ни религіи, ни идоловъ, а существуетъ только страхъ смерти. Бракъ—полигамическій. Ссоры, возникающія въ предѣлахъ рода, рѣшаются путемъ дуэлей на деревянныхъ мечахъ и съ деревянными же щитами. Рабства не существуетъ: обработки земли—никакой; глиняныхъ издѣлій не имѣется; одежды—нѣтъ, за исключеніемъ передника, носимаго иногда женщинами. Родъ состоитъ изъ двухъ сотъ человѣкъ, раздѣленныхъ на четыре класса мужчинъ и четыре класса женщинъ; бракъ допускается только между обычными классами, но никогда не въ предѣлахъ самаго рода».

Относительно папуасовъ, близко-родственныхъ австралійцамъ, мы имѣемъ свидѣтельство Г. Л. Бинка, жившаго въ Новой Гвинеѣ, преимущественно въ Geelwinck Bay, съ 1871 по 1883 г. Приводимъ сущность его отвѣтовъ на тѣ же вопросы [5]).

---

[1]) Туземцы, живущіе на сѣверѣ отъ Сиднея и говорящіе на языкѣ Камиларои, наиболѣе изслѣдованы въ этомъ отношеніи, благодаря капитальной работѣ Lorimer Fison и A. W. Howitt «Kamilaroi and Kurnai», Melbourne. 1880. См. также, A. W. Howitt «Further Note on the Australian Class Systems» въ «Journal of the Anthropological Institute», 1889, т. XVIII, стр. 31; въ послѣдней изъ указанныхъ работъ показывается широкое распространеніе той-же организаціи по всей Австраліи.

[2]) «The Folklore, Manners etc, of Australian Aborigines», Adelaide, 1879, стр. 11.

[3]) Grey, «Journals of Two Expiditions of Discovery in North-West and Western Australia», London. 1841, томъ II, стр. 237, 298.

[4]) «Bulletin de la Société d'Anthropologie», 1888, томъ XI, стр. 652. Я привожу отвѣты въ сокращеніи.

[5]) «Bulletin de la Société d'Anthropologie», 1888, томъ XI, стр. 380

Папуасы—общительны и весьма веселаго нрава; они много смѣются. Скорѣе робки, чѣмъ храбры. Дружба довольно сильна между членами разныхъ родовъ, и еще сильнѣе въ предѣлахъ одного и того же рода. Папуасъ часто выплатитъ долги своего друга, съ условіемъ, что послѣдній уплатитъ этотъ долгъ, безъ процентовъ, его дѣтямъ. За больными и стариками присматриваютъ; стариковъ никогда не покидаютъ и не убиваютъ,—за исключеніемъ рабовъ, которые долго болѣли. Иногда съѣдаютъ военнопленныхъ. Дѣтей очень ласкаютъ и любятъ. Старыхъ и слабыхъ военнопленныхъ убиваютъ, а остальныхъ продаютъ въ рабство. У нихъ нѣтъ ни религіи, ни боговъ, ни идоловъ, ни какихъ бы то ни было властей; старѣйшій членъ семьи является судьей. Въ случаѣ прелюбодѣянія, (т.-е. нарушенія ихъ брачныхъ обычаевъ), виновникъ платитъ штрафъ, часть котораго идетъ въ пользу «негоріи» (общины). Земля состоитъ въ общемъ владѣніи, но плоды земли принадлежатъ тому, кто ихъ вырастилъ. Папуасы имѣютъ глиняную посуду и знакомы съ мѣновой торговлей, причемъ, согласно выработавшемуся обычаю, купецъ даетъ имъ товары, а они возвращаются по домамъ и приносятъ туземныя произведенія, въ которыхъ нуждается купецъ; если же они не могутъ добыть нужныхъ произведеній, то возвращаютъ купцу его европейскій товаръ [1]). Папуасы «охотятся за головами», т.-е. практикуютъ кровавую месть. Впрочемъ, «иногда»,—говоритъ Финшъ,—«дѣло передается на разсмотрѣніе Намототскаго раджи, который заканчиваетъ дѣло наложеніемъ виры».

Когда съ папуасами хорошо обращаются, то они очень добродушны. Миклухо-Маклай высадился, какъ извѣстно, на восточномъ берегу Новой Гвинеи, въ сопровожденіи лишь одного только матроса, прожилъ тамъ цѣлыхъ два года среди племенъ, считавшихся людоѣдами, и съ грустью разстался съ ними; онъ обѣщалъ вернуться къ нимъ, и сдержалъ слово,—и прожилъ снова годъ, при чемъ за все время у него не было съ туземцами никакого столкновенія. Правда, онъ держался правила, никогда — ни подъ какимъ предлогомъ—не говорить имъ неправды и не давать обѣщаній, которыхъ онъ не могъ выполнить. Эти бѣдныя созданія, не умѣющія даже добывать огня и потому тщательно поддерживающія огонь въ своихъ хижинахъ, живутъ въ условіяхъ первобытнаго коммунизма, не имѣя никакихъ начальниковъ, и въ ихъ поселкахъ почти никогда не бываетъ ссоръ, о которыхъ стоило бы говорить. Они работаютъ сообща—ровно столько, сколько нужно для добыванія пищи на каждый день; они сообща воспитываютъ своихъ дѣтей; а по вечерамъ наряжаются какъ можно кокетливѣе, и предаются плескамъ. Подобно всѣмъ дикарямъ, они страстно любятъ пляски, представляющія своего рода родовыя мистеріи. Въ каждой деревнѣ имѣется своя «барла или «балай»—«длинный» или «большой» домъ—для холостыхъ, въ которомъ бываютъ общественныя собранія и обсуждаются общественныя дѣла,—опять-таки черта общая почти всѣмъ обитате-

[1]) Точно такимъ же образомъ практикуется мѣновая торговля съ папуасами въ Каймани-бей, которые пользуются репутаціей высокой честности. «Не случалось еще, чтобы папуасъ нарушилъ свое обѣщаніе»,—говоритъ Finsch («Neuguinea und seine Bewohner», Bremen, 1865 стр 829).

лямъ острововъ Тихаго океана, а также эскимосамъ, краснокожимъ индѣйцамъ и т. д. Цѣлыя группы деревень находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ между собою и навѣщаютъ другъ друга цѣлымъ обществомъ.

Къ несчастью, между деревнями нерѣдко возникаетъ вражда,—не изъ-за «излишней густоты населенія», или «обостреннаго соревнованія» и тому подобныхъ измышленій нашего меркантильнаго вѣка, а, главнымъ образомъ, вслѣдствіе суевѣрій. Какъ только кто-нибудь заболѣлъ, собираются его друзья и родственники и тщательнѣйшимъ образомъ обсуждаютъ вопросъ,—кто могъ бы быть виновникомъ болѣзни? При этомъ перебираютъ всѣхъ возможныхъ враговъ, каждый кается въ самыхъ мелкихъ своихъ ссорахъ, и, наконецъ,—истинная причина болѣзни найдена. Ее наслалъ такой-то врагъ изъ сосѣдней деревни—а потому рѣшаютъ произвести на эту деревню набѣгъ. Вслѣдствіе этого, ссоры обыкновенны, даже между береговыми деревнями, не говоря уже о живущихъ въ горахъ людоѣдахъ, которыхъ считаютъ настоящими колдунами и врагами,—хотя при ближайшемъ знакомствѣ оказывается, что они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, живущихъ по морскому побережью [1]).

Много поразительныхъ страницъ можно было бы написать о гармоніи, господствующей въ деревняхъ полинезійскихъ обитателей на островахъ Тихаго океана.

Но они стоятъ уже на нѣсколько высшей ступени цивилизаціи, а потому мы возьмемъ дальнѣйшіе примѣры изъ жизни обитателей дальняго Сѣвера. Прибавлю только, прежде чѣмъ покинуть южное полушаріе, что даже обитатели Огненной Земли, пользовавшіеся такой плохой репутаціей, начинаютъ выступать въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, по мѣрѣ того, какъ мы лучше знакомимся съ ними. Нѣсколько французскихъ миссіонеровъ, живущихъ среди нихъ «не могутъ пожаловаться ни на одинъ враждебный поступокъ». Они живутъ родами, по 120-ти и 150-ти душъ, и такъ же практикуютъ первобытный коммунизмъ, какъ и папуасы. Они все дѣлятъ между собою и очень хорошо обращаются со стариками. Полный миръ господствуетъ между этими племенами [2]).

У эскимосовъ и ихъ ближайшихъ сородичей, тлинкетовъ, колошей и алеутовъ мы находимъ наиболѣе близкое подобіе того, чѣмъ былъ человѣкъ во время ледниковаго періода. Употребляемыя ими орудія едва отличаются отъ орудій древняго каменнаго вѣка; и нѣкоторыя изъ этихъ племенъ до сихъ поръ еще не знаютъ острогой [3]). Они знакомы съ употребленіемъ желѣза, но добываютъ его только отъ европейцевъ, или же находятъ въ остовахъ кораблей послѣ крушенія. Ихъ общественная организація отли-

---

[1]) «Извѣстія Русскаго Географическаго Общества» 1880 стр. 161 и слѣд. Немного найдется книгъ, посвященныхъ путешествіямъ, которыя давали бы лучшее представленіе о мелочахъ повседневной жизни дикарей, какъ эти отрывки изъ записной книжки Миклухи-Маклая.

[2]) L. F. Martial, въ «Mission Scientifique au Cap Horn», Paris, 1883, томъ I, стр. 183—201.

[3]) Экспедиція капитана Гольма въ Восточную Гренландію.

чается полною первобытностью, хотя они уже и вышли изъ стадіи «коммунальнаго брака», даже съ его «классовыми» ограниченіями. Они живутъ уже семьями, но семейныя узы еще слабы, такъ какъ по временамъ у нихъ происходитъ обмѣнъ женъ и мужей [1]). Семьи, однако, остаются объединенными въ роды,—да иначе и быть не можетъ. Какъ могли бы они выдержать тяжелую борьбу за существованіе, если бы не объединяли своихъ силъ самымъ тѣснымъ образомъ? Такъ они и поступаютъ, при чемъ родовыя узы всего тѣснѣе тамъ, гдѣ борьба за жизнь наиболѣе тяжела, а именно—въ сѣверо-восточной Гренландіи. Живутъ они обыкновенно въ «длинномъ домѣ», въ которомъ помѣщается нѣсколько семействъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга небольшими перегородками изъ рваныхъ мѣховъ, но съ общимъ для всѣхъ коридоромъ. Иногда такой домъ имѣетъ форму креста и въ такихъ случаяхъ въ центрѣ его помѣщается общій очагъ. Германская экспедиція, которая провела зиму возлѣ одного изъ такихъ «длинныхъ домовъ» могла убѣдиться, что за всю арктическую зиму «миръ не былъ нарушенъ ни одною ссорою, и никакихъ споровъ не возникало изъ-за пользованія этимъ тѣснымъ пространствомъ». Выговоръ, или даже недружелюбныя слова не допускаются, иначе, какъ въ законной формѣ насмѣшливой пѣсни (nith—song) [2]), которую женщины поютъ хоромъ. Такимъ образомъ, тѣсное сожительство и тѣсная взаимная зависимость достаточны для поддержанія изъ вѣка-въ-вѣкъ того глубокаго уваженія къ интересамъ сообщества, которымъ отличается жизнь эскимосовъ. Даже въ болѣе обширныхъ эскимосскихъ общинахъ «общественное мнѣніе является настоящимъ судебнымъ учрежденіемъ, при чемъ обычное наказаніе состоитъ въ томъ, что провинившагося стыдятъ передъ всѣми» [3]).

Въ основѣ жизни эскимосовъ лежитъ коммунизмъ. Все, добываемое путемъ охоты или рыбной ловли, принадлежитъ всему роду. Но у нѣкоторыхъ племенъ, особенно на Западѣ, подъ вліяніемъ датчанъ, начинаетъ слагаться частная собственность. Они, однако, употребляютъ довольно оригинальное средство, чтобы ослабить неудобства, возникающія изъ накопленія богатства отдѣльными лицами, которое вскорѣ могло бы разрушить ихъ родовое единство. Когда эскимосъ начинаетъ сильно богатѣть, онъ созываетъ всѣхъ своихъ сородичей на пиршество, и когда гости

---

[1]) Въ Австраліи наблюдалось, что цѣлые роды обмѣниваются женами, съ цѣлью предотвращенія какого-либо бѣдствія (Post, «Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts». 1890, стр. 342). Большее проявленіе братскихъ чувствъ, стало-быть, является у нихъ специфическимъ средствомъ противъ бѣдствій.

[2]) Dr. H. Rink, «The Eskimo Tribes», стр. 26 («Meddelelser om Grönland», томъ XI, 1887).

[3]) Dr. Rink, loc. cit., стр. 24. Европейцы, выросшіе въ уваженіи къ римскому праву, рѣдко бываютъ въ состояніи понять силу родовой власти. «Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ Ринкъ,—можно сказать не въ видѣ исключенія, а какъ общее правило, что бѣлый человѣкъ, хотя бы онъ прожилъ десять или болѣе лѣтъ среди эскимосовъ, уѣдетъ отъ нихъ, не обогатитъ себя познаніями о традиціонныхъ идеяхъ, на которыхъ зиждется ихъ общественный строй. Бѣлый человѣкъ, будетъ ли это миссіонеръ или купецъ, всегда держится догматическаго мнѣнія, что самый вульгарный европеецъ все же лучше самаго выдающагося туземца».—«The Eskimo Tribes», стр. 31.

насытятся, онъ раздариваетъ имъ все свое богатство. На рѣкѣ Уконѣ, въ Аляскѣ, Даль видѣлъ, какъ одна алеутская семья раздала такимъ образомъ десять ружей, десять полныхъ мѣховыхъ одеждъ, двѣсти нитокъ бусъ, множество одѣялъ, двѣсти волчьихъ шкуръ, двѣсти бобровыхъ шкуръ и пятьсотъ горностаевыхъ. Затѣмъ они сняли съ себя свои праздничныя одежды, отдали ихъ и, одѣвшись въ старые мѣха, обратились къ своимъ сородичамъ съ краткою рѣчью, говоря, что хотя теперь они стали бѣднѣе каждаго изъ гостей, за то они пріобрѣли ихъ дружбу [1].

Подобныя раздачи богатствъ стали, повидимому, укоренившимся обычаемъ у эскимосовъ и практикуются въ извѣстную пору, каждый годъ, послѣ предварительной выставки всего того, что было пріобрѣтено въ теченіи года [2]). Онѣ представляютъ повидимому, очень древній обычай, возникшій одновременно съ первымъ появленіемъ личнаго богатства, какъ средство возстановленія равенства между сородичами, нарушавшагося обогащеніемъ отдѣльныхъ лицъ. Періодическіе передѣлы земель и періодическое прощеніе всѣхъ долговъ, существовавшіе въ историческія времена у многихъ различныхъ народовъ (семитовъ, арійцевъ и т. д.) были, вѣроятно, пережиткомъ этого стариннаго обычая. Обычай погребенія съ покойникомъ или уничтоженія на его могилѣ всего его личнаго имущества,—который мы находимъ у всѣхъ первобытныхъ расъ,—долженъ, повидимому, имѣть то же самое происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ все принадлежавшее покойнику лично сжигается или же разбивается на его могилѣ, тѣ вещи, которыя принадлежали ему совмѣстно со всѣмъ его родомъ, какъ, напримѣръ, общинныя лодки, сѣти и т. п., оставляются въ цѣлости. Уничтоженію подлежитъ только личная собственность. Въ болѣе позднюю эпоху этотъ обычай становится религіознымъ обрядомъ: ему дается мистическое толкованіе, и уничтоженіе предписывается религіею, когда общественное мнѣніе, одно, оказывается уже не въ силахъ настоять на обязательномъ для всѣхъ соблюденіи обычая. И, наконецъ, дѣйствительное уничтоженіе замѣняется символическимъ обрядомъ, т.-е.,—на могилѣ сжигаютъ простыя бумажныя модели, или изображенія имущества покойника (такъ дѣлается въ Китаѣ), или же на могилу несутъ имущество покойника и приносятъ его обратно въ домъ по окончаніи погребальной церемоніи; въ этой формѣ обычай до сихъ поръ сохранился, какъ извѣстно, между европейцами, по отношенію къ мечамъ, крестамъ и другимъ знакамъ общественнаго отличія [3]).

О высокомъ уровнѣ племенной нравственности эскимосовъ довольно часто упоминается въ общей литературѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдующія замѣтки о нравахъ алеутовъ,—близкихъ сородичей

[1]) Dall, «Alaska and its Resourses», Cambridge, U. S. 1870.

[2]) О. Веніаминовъ и Даль наблюдали этотъ обычай въ Аляскѣ, Якобсенъ въ Игнитокѣ, въ окрестностяхъ Берингова пролива. Джильберъ Спротъ (Sproat, упоминаетъ о существованіи его среди ванкуверскихъ индѣйцевъ; а докторъ Ринкъ, описывая періодическія выставки, о которыхъ мы упомянули, прибавляетъ: «главное употребленіе накопленнаго личнаго богатства состоитъ въ періодической его раздачѣ». Онъ также упоминаетъ (loc. cit. стр. 31) «объ уничтоженіи имущества для той же цѣли» (т. е. для поддержанія равенства).

[3]) См. Приложеніе XII-е.

эскимосовъ.—не лишены интереса, тѣмъ болѣе, что онѣ могутъ служить хорошимъ поясненіемъ нравственности дикарей вообще. Онѣ принадлежатъ перу чрезвычайно выдающагося человѣка, русскаго миссіонера Веніаминова, который написалъ ихъ послѣ десятилѣтняго пребыванія среди алеутовъ и тѣснаго общенія съ ними. Я сокращаю ихъ, удерживая по возможности собственныя выраженія автора.

«Выносливость,—писалъ онъ,—ихъ отличительная черта, и она, по-истинѣ, колоссальна. Они не только ходятъ купаться каждое утро въ покрытое льдомъ море, и стоятъ затѣмъ, нагіе, на берегу, вдыхая морозный воздухъ, но ихъ выносливость, даже при тяжелой работѣ и недостаточной пищѣ,—превосходитъ все, что только можно вообразить. Если случится недостатокъ пищи, алеутъ прежде всего заботится о своихъ дѣтяхъ; онъ отдаетъ имъ все, что имѣетъ, а самъ голодаетъ. Они не склонны къ воровству, какъ это уже было замѣчено первыми русскими пришельцами. Не то, чтобы они никогда не воровали; каждый алеутъ признается, что онъ когда-нибудь уворовалъ что-нибудь, но всегда это какой-нибудь пустякъ, и все это носитъ совершенно ребяческій характеръ. Привязанность у родителей къ дѣтямъ очень трогательна, хотя она никогда не выражается въ ласкахъ или словами. Алеутъ съ трудомъ рѣшается дать какое-нибудь обѣщаніе, но, разъ давши, онъ сдержитъ его во что бы то ни стало. (Одинъ алеутъ подарилъ Веніаминову связку вялёной рыбы, но, при спѣшномъ отъѣздѣ, она была забыта на берегу, и алеутъ унесъ ее обратно домой. Случая отправить ее Веніаминову не представилось вплоть до января, а, между тѣмъ, въ ноябрѣ и декабрѣ среди этихъ алеутовъ была большая недостача съѣстныхъ припасовъ. Но голодающіе алеуты не дотронулись до подаренной уже рыбы, и въ январѣ она была послана по назначенію). Ихъ нравственный кодексъ и разнообразенъ и суровъ. Такъ, напримѣръ, считается постыднымъ: бояться неизбѣжной смерти; просить пощады у врага; умереть не убивъ ни одного врага; быть изобличеннымъ въ воровствѣ; опрокинуться съ лодки въ гавани; бояться выѣхать въ море въ бурную погоду; лишиться силъ раньше другихъ товарищей, если случится недостатокъ въ пищѣ во время длиннаго пути; обнаружить жадность во время дѣлежа добычи,—при чемъ, дабы устыдить такого жаднаго товарища, остальные отдаютъ ему свои доли. Постыднымъ считается также: выболтать общественную тайну своей женѣ; будучи вдвоемъ на охотѣ, не предложить лучшую долю добычи товарищу; хвастать своими подвигами, а въ особенности вымышленными; ругаться со злобою; также—просить милостыню; ласкать свою жену въ присутствіи другихъ и танцовать съ ней; торговаться самолично: продажа всегда должна быть сдѣлана черезъ третье лицо, которое и опредѣляетъ цѣну. Для женщины считается постыднымъ: не умѣть шить и вообще неумѣло исполнять всякаго рода женскія работы; не умѣть танцовать; ласкать мужа и дѣтей или даже говорить съ мужемъ, въ присутствіи постороннихъ [1]).

Такова нравственность алеутовъ, и дальнѣйшее подтвержденіе сказаннаго легко было бы заимствовать изъ ихъ сказокъ и легендъ. Прибавлю только, что когда Веніаминовъ писалъ свои «Записки» (въ 1840 году), среди алеутовъ,—представлявшихъ населеніе въ 60,000 человѣкъ, за шестьдесятъ лѣтъ совершено было только одно убійство, а за сорокъ лѣтъ, среди 1800 алеутовъ, не было совершено ни одного уголовнаго преступленія. Это, впрочемъ, не покажется страннымъ, если вспомнить, что всякаго рода брань и грубыя выраженія абсолютно неизвѣстны въ жизни алеутовъ. Даже ихъ дѣти никогда не дерутся между собой и не оскорбляютъ другъ друга словесно. Самымъ сильнымъ выраженіемъ

[1]) Веніаминовъ. «Записки объ округѣ Уналашкъ», 3 тома, Спб. 1840. Отрывки изъ этихъ записокъ даны по-англійски въ книгѣ Далля «Alaska». —Подобное же описаніе нравственности австралійскихъ туземцевъ очень схожее съ предыдущимъ, было дано въ англійской «Nature», томъ XLII, стр. 639.

въ ихъ устахъ являются фразы въ родѣ: «твоя мать не умѣетъ шить» или «твой отецъ—кривой».[1]).

Многія черты въ жизни дикарей остаются, однако, загадкой для европейцевъ. Въ подтвержденіе высокаго развитія родовой солидарности у дикарей и ихъ добрыхъ взаимныхъ отношеній можно было бы привести какое-угодно количество самыхъ достовѣрныхъ показаній. А между тѣмъ, не менѣе достовѣрно и то, что тѣ же самые дикари практикуютъ дѣтоубійство, что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ убиваютъ своихъ стариковъ, и что всѣ они слѣпо повинуются обычаю кровавой мести. Мы должны, поэтому, попытаться объяснить одновременное существованіе такихъ фактовъ, которые для европейскаго ума кажутся на первый взглядъ совершенно несовмѣстимыми.

Мы только-что упомянули о томъ, какъ алеуты будутъ голодать цѣлыми днями и даже недѣлями, отдавая все съѣдобное своему ребенку; какъ мать-бушменка идетъ въ рабство, чтобы не разлучаться со своимъ ребенкомъ, и можно было бы заполнить цѣлыя страницы описаніемъ дѣйствительно нѣжныхъ отношеній, существующихъ между дикарями и ихъ дѣтьми. У всѣхъ путешественниковъ постоянно попадаются подобные факты. У одного вы читаете о нѣжной любви матери; у другого разсказывается объ отцѣ, который бѣшено мчится по лѣсу, неся на своихъ плечахъ ребенка, ужаленнаго змѣей; или какой-нибудь миссіонеръ повѣствуетъ объ отчаяніи родителей при потерѣ ребенка, котораго онъ же спасъ отъ принесенія въ жертву тотчасъ же послѣ рожденія; или же вы узнаете, что «дикарки»-матери обыкновенно кормятъ дѣтей до четырехъ-лѣтняго возраста, и что, на Ново-Гебридскихъ островахъ, въ случаѣ смерти особенно-любимаго ребенка, его мать или тетка убиваетъ себя, чтобы ухаживать за своимъ любимцемъ на томъ свѣтѣ[2]), и т. д., безъ конца.

Подобные факты упоминаются во множествѣ; а потому, когда мы видимъ, что тѣ же самые любящіе родители практикуютъ дѣтоубійство, мы необходимо должны признать, что такой обычай (каковы бы ни были его позднѣйшія видоизмѣненія) возникъ подъ прямымъ давленіемъ необходимости, какъ результатъ чувства долга по отношенію къ роду и ради возможности выращивать уже подрастающихъ дѣтей. Вообще говоря, дикари вовсе «не плодятся безъ мѣры», какъ выражаются нѣкоторые англійскіе писатели. Напротивъ, они принимаютъ всякаго рода мѣры для уменьшенія рождаемости. Именно въ этихъ видахъ существуетъ у нихъ

---

[1]) Замѣчательно, что нѣсколько писателей (Миддендорфъ, Шренкъ, О Финшъ описывали другихъ обитателей Сѣвера,—остяковъ и самоѣдовъ—почти въ такихъ же выраженіяхъ. Даже когда они напьются пьяны, ссоры между ними бываютъ незначительны. „За пѣлое столѣтіе совершено было только одно убійство въ тундрѣ“, писалъ Миддендорфъ: „ихъ дѣти никогда не дерутся между собой“, „можно оставить въ тундрѣ на цѣлые годы любой предметъ, даже съѣстные припасы и спиртные напитки, и никто не тронетъ ихъ“ и т. д. Такъ говорятъ эти три знатока сѣвера. Giber Sproat „никогда не видѣлъ, чтобы подрались два трезвыхъ туземца“, изъ племени индѣйцевъ Ахтъ на островѣ Ванкувера“. „Ссоры между ихъ дѣтьми также рѣдки“, говоритъ Ринкъ (loc. cit.) и т. д.

[2]) Свидѣтельство Gill'a приводимое въ Gerland und Waitz «Anthropologie der Naturvölker», т. V, стр. 641. См. также стр. 636—640 того же сочиненія, гдѣ приводится много примѣровъ отцовской и сыновней любви.

цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ ограниченій, которыя европейцамъ, несомнѣнно показались бы даже излишне-стѣснительными, и, тѣмъ не менѣе, строго соблюдаются дикарями. Но при всемъ томъ, первобытные народы не въ силахъ выкармливать всѣхъ рождающихся дѣтей, и тогда они прибѣгаютъ къ дѣтоубійству. Впрочемъ, не разъ было замѣчено, что какъ только имъ удается увеличить свои обычныя средства существованія, они тотчасъ же перестаютъ прибѣгать къ этому средству; вообще, родители очень неохотно подчиняются этому обычаю, и при первой возможности прибѣгаютъ ко всякаго рода компромиссамъ, лишь бы сохранить жизнь своихъ новорожденныхъ. Какъ уже было прекрасно указано моимъ другомъ Элли Реклю[1]), они выдумываютъ ради этого счастливые и несчастные дни рожденія, чтобы пощадить хотя жизнь дѣтей, рожденныхъ въ счастливые дни; они всячески пытаются отложить умерщвленіе на нѣсколько часовъ и потомъ говорятъ, что если ребенокъ уже прожилъ сутки, ему суждено прожить всю жизнь[2]). Имъ слышатся крики маленькихъ дѣтей, будто бы доносящіеся изъ лѣса, и они утверждаютъ, что если послышится такой крикъ, онъ предвѣщаетъ несчастіе для цѣлаго рода; а такъ какъ у нихъ нѣтъ ни спеціалистовъ по «производству ангеловъ», ни «яслей», которыя помогали бы имъ отдѣлываться отъ дѣтей, то каждый изъ нихъ содрагается предъ необходимостью выполнить жестокій приговоръ, и потому они предпочитаютъ выставить младенца въ лѣсъ, чѣмъ отнять у него жизнь насильственнымъ образомъ. Дѣтоубійство поддерживается такимъ образомъ, недостаткомъ знаній, а не жестокостью; и вмѣсто пичканья дикарей проповѣдями, миссіонеры сдѣлали бы гораздо лучше, если бы послѣдовали примѣру Веніаминова, который ежегодно, до глубокой старости, переплывалъ Охотское море на плохонькой шкунѣ, для посѣщенія тунгусовъ и камчадаловъ, или же путешествовалъ на собакахъ среди чукчей, снабжая ихъ хлѣбомъ и принадлежностями для охоты. Такимъ образомъ, ему дѣйствительно, удалось совершенно вывести дѣтоубійство[3]).

То же самое справедливо и по отношенію къ тому явленію, которое поверхностные наблюдатели называютъ отцеубійствомъ. Мы только что видѣли, что обычай умерщвленія стариковъ вовсе не такъ широко распространенъ, какъ это разсказывали нѣкоторые писатели. Во всѣхъ этихъ разсказахъ много преувеличенія; но несомнѣнно, что такой обычай встрѣчается, временно, почти у всѣхъ дикарей и въ такихъ случаяхъ онъ объясняется тѣми же причинами, какъ и умерщвленіе дѣтей. Когда старикъ „дикарь“ начинаетъ чувствовать, что онъ становится бременемъ для своего рода; когда каждое утро онъ видитъ, что достающуюся ему долю пищи отнимаютъ у дѣтей,—а малютки, вѣдь, не отличаются стоицизмомъ своихъ отцовъ и плачутъ, когда они голодны; когда каждый день молодымъ людямъ приходится нести его на своихъ плечахъ по каменистому побережью или

[1]) «Les Primitifs». Paris, 1889.

[2]) Gerland, loc. cit. V, 636.

[3]) Я слышалъ это отъ него самого, въ 1864 году, на Амурѣ, когда онъ былъ епископомъ Охотскимъ и Камчатскимъ, прежде чѣмъ стать митрополитомъ Московскимъ.

черезъ дѣвственный лѣсъ,—у дикарей, вѣдь, нѣтъ ни кресель на колесахъ для больныхъ, ни бѣдняковъ, чтобы возить такія кресла,—тогда старикъ начинаетъ повторять то, что и до сихъ поръ говорятъ старики-крестьяне въ Россіи: „чужой вѣкъ заѣдаю,—пора на покой!“ И онъ идетъ на покой. Онъ поступаетъ такъ же, какъ въ такихъ случаяхъ поступаетъ солдатъ. Когда спасеніе отряда зависитъ отъ его дальнѣйшаго движенія впередъ, а солдатъ не можетъ дальше итти, и знаетъ, что долженъ будетъ умереть, если останется позади, онъ умоляетъ своего лучшаго друга оказать ему послѣднюю услугу, прежде чѣмъ отрядъ двинется впередъ. И другъ дрожащими руками разряжаетъ ружье въ умирающее тѣло. Такъ поступаютъ и дикари. Старикъ дикарь проситъ для себя смерти; онъ самъ настаиваетъ на выполненіи этой послѣдней своей обязанности по отношенію къ своему роду. Онъ получаетъ сперва согласіе своихъ сородичей на это. Тогда онъ самъ роетъ для себя могилу и приглашаетъ всѣхъ сородичей на послѣдній прощальный пиръ. Такъ, въ свое время, поступилъ его отецъ,—теперь его чередъ, и онъ дружественно прощается со всѣми, прежде чѣмъ разстаться съ ними. Дикарь до такой степени считаетъ подобную смерть выполненіемъ о б я з а н н о с т и по отношенію къ своему роду, что онъ не только отказывается, чтобы его спасали отъ смерти (какъ это разсказываетъ Моффатъ), но даже не признаетъ такого избавленія, если бы оно было совершено. Такъ, когда одна женщина, которая должна была умереть на могилѣ своего мужа, (въ силу обряда, упомянутаго раньше), была спасена отъ смерти миссіонерами и увезена ими на островъ,—она убѣжала отъ нихъ ночью, переплыла широкій проливъ и явилась къ своему роду, чтобы умереть на могилѣ [1]). Смерть, въ такихъ случаяхъ, становится у нихъ вопросомъ религіи. Но, вообще говоря, дикарямъ настолько противно бываетъ проливать кровь, иначе, какъ въ битвѣ, что даже въ этихъ случаяхъ, ни одинъ изъ нихъ не возьметъ на себя убійство, а потому они прибѣгаютъ ко всякаго рода окольнымъ путямъ, которыхъ европейцы не понимали и совершенно ложно истолковывали. Въ большинствѣ случаевъ, старика, рѣшившагося умереть, оставляютъ въ лѣсу, выдѣливъ ему болѣе чѣмъ должную ему долю изъ общественнаго запаса. Сколько разъ, развѣдочнымъ партіямъ въ полярныхъ экспедиціяхъ случалось поступать точно такъ же, когда онѣ не въ силахъ были болѣе везти заболѣвшаго товарища. „Вотъ тебѣ провизія. Проживи еще нѣсколько дней! Б ы т ь м о ж е т ъ, откуда-нибудь придетъ неожиданная помощь!“

Западно-европейскіе ученые, встрѣчаясь съ такими фактами, оказываются рѣшительно неспособными понять ихъ; они не могутъ примирить ихъ съ фактами, свидѣтельствующими о высокомъ развитіи родовой нравственности, и потому предпочитаютъ набросить тѣнь сомнѣнія на абсолютно надежныя наблюденія, касающіяся послѣдней, вмѣсто того, чтобы искать объясненія для совмѣстнаго существованія двоякаго рода фактовъ: высокой

[1]) Erskine, цитируемый у Gerland und Waitz, «A n t h r o p o l o g i e d e r N a t u r v ö l k e r», томъ V, стр. 640.

родовой нравственности, и рядомъ съ нею—убійства престарѣлыхъ родителей и новорожденныхъ дѣтей. Но если бы тѣ же самые европейцы, въ свою очередь, разсказали дикарю, что люди, чрезвычайно любезные, привязанные къ своимъ дѣтямъ и настолько впечатлительные, что они плачутъ, когда видятъ несчастье, изображаемое на сценѣ театра, живутъ въ Европѣ бокъ-о-бокъ съ такими лачугами, гдѣ дѣти мрутъ прямо-таки отъ недостатка пищи,—то дикарь тоже не понялъ бы ихъ. Я помню, какъ тщетно я старался объяснить моимъ пріятелямъ-тунгусамъ нашу цивилизацію, построенную на индивидуализмѣ: они не понимали меня и прибѣгали къ самымъ фантастическимъ догадкамъ. Дѣло въ томъ, что дикарь, воспитанный въ идеяхъ родовой солидарности, практикуемой во всѣхъ случаяхъ, худыхъ и хорошихъ, точно такъ же неспособенъ понять „нравственнаго“ европейца, не имѣющаго никакого понятія о такой солидарности, какъ и средній европеецъ не способенъ понять дикаря. Впрочемъ, если бы нашему ученому пришлось прожить среди полуголоднаго рода дикарей, у которыхъ всей наличной пищи не хватило бы даже для прокормленія одного человѣка на нѣсколько дней, тогда онъ, можетъ быть, понялъ бы, чѣмъ дикари руководятся въ своихъ поступкахъ. Равнымъ образомъ, если бы дикарь пожилъ среди насъ и получилъ наше „образованіе“, онъ, можетъ быть, понялъ бы наше европейское бездушіе по отношенію къ ближнимъ и наши Королевскія комиссіи, занимающіяся вопросомъ о предупрежденіи различныхъ легальныхъ формъ дѣтоубійства, практикуемыхъ въ Европѣ [1]). „Въ каменныхъ домахъ, сердца становятся каменныя“,—говорятъ русскіе крестьяне, но дикарю все-таки пришлось бы пожить сперва въ каменномъ домѣ.

Подобныя же замѣчанія можно бы было сдѣлать и относительно людоѣдства. Если принять во вниманіе всѣ факты, которые выяснились недавно, во время разсужденій объ этомъ вопросѣ въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ, а также многія случайныя замѣтки, разбросанныя въ литературѣ о „дикаряхъ“, мы обязаны будемъ признать, что людоѣдство было вызвано настоятельною необходимостью; и что, только подъ вліяніемъ предразсудковъ и религіи, оно развилось до тѣхъ ужасныхъ размѣровъ, какихъ оно достигло на островахъ Фиджи или въ Мексикѣ. Извѣстно, что, вплоть до настоящаго времени, многіе дикари бываютъ вынуждены иногда питаться падалью почти совершенно разложившеюся, а, въ случаяхъ совершеннаго отсутствія пищи, нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось разрывать могилы и питаться человѣческими трупами, даже во время эпидеміи. Такого рода факты вполнѣ удостовѣрены. Но если мы перенесемся мысленно къ условіямъ, которыя приходилось переносить человѣку во время ледниковаго періода, въ сыромъ и

[1]) Въ Англіи широко практикуется отдача внѣбрачныхъ дѣтей въ деревню, женщинамъ, которыя спеціально занимаются этимъ ремесломъ, и положительно морятъ несчастныхъ дѣтей голодомъ и холодомъ. Смертность у этихъ «дѣтскихъ фермершъ»—ужасная. Около того времени, когда я писалъ эти строки, засѣдала особая Королевская комиссія для разслѣдованія этого вопроса. Конечно, она ни къ чему не привела.

холодномъ климатѣ, не имѣя въ своемъ распоряженіи почти никакой растительной пищи; если мы примемъ въ расчетъ страшныя опустошенія, производимыя по сію пору цынгой среди голодающихъ полудикихъ народовъ, и вспомнимъ, что мясо и свѣжая кровь были единственными извѣстными имъ укрѣпляющими средствами, мы должны будемъ допустить, что человѣкъ, который сперва былъ зернояднымъ животнымъ, сталъ плотоядным во время ледниковаго вѣка. Конечно, въ то время, вѣроятно, было изобиліе всякаго звѣря; но извѣстно, что звѣри часто предпринимаютъ большія переселенія въ арктическихъ областяхъ [1]), и иногда совершенно исчезаютъ на нѣсколько лѣтъ изъ данной территоріи. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ лишался послѣднихъ средствъ пропитанія. Мы знаемъ, далѣе, что даже европейцы, во время подобныхъ тяжелыхъ испытаній, прибѣгали къ каннибализму: немудрено, что прибѣгали къ нему и дикари. Вплоть до настоящаго времени они, повременамъ, бываютъ вынуждены съѣдать трупы своихъ покойниковъ, а въ прежнія времена они, въ такихъ случаяхъ, вынуждены были съѣдать и умирающихъ. Старики умирали тогда, убѣжденные, что своей смертью они оказываютъ послѣднюю услугу своему роду. Вотъ почему нѣкоторыя племена приписываютъ каннибализму божественное происхожденіе, представляя его, какъ нѣчто, внушенное повелѣніемъ посланника съ неба.

Позднѣе каннибализмъ потерялъ характеръ необходимости и обратился въ суевѣрное „переживаніе". Враговъ надо было съѣдать, чтобы унаслѣдовать ихъ храбрость; потомъ, въ болѣе позднюю эпоху, для той же цѣли съѣдалось уже одно только сердце врага, или его глазъ. Въ то же время, среди другихъ племенъ, у которыхъ развилось многочисленное духовенство и выработалась сложная миѳологія, были придуманы злые боги, жаждущіе человѣческой крови и жрецы требовали человѣческихъ жертвъ для умилостивленія боговъ. Въ этой религіозной фазѣ своего существованія каннибализмъ достигъ наиболѣе возмутительныхъ своихъ формъ. Мексика является хорошо извѣстнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ, а на Фиджи, гдѣ король могъ съѣсть любого изъ своихъ подданныхъ, мы также находимъ могущественную касту жрецовъ, сложную теологію [2]), и полное развитіе неограниченной власти королей. Такимъ образомъ, каннибализмъ, возникшій въ силу необходимости, сдѣлался въ болѣе поздній періодъ религіознымъ учрежденіемъ, и въ этой формѣ онъ долго существовалъ, послѣ того, какъ давно уже исчезъ среди племенъ, которыя, несомнѣнно, практиковали его въ прежнія времена, но не достигли теократической стадіи развитія. То же самое можно сказать относительно дѣтоубійства и оставленія на произволъ судьбы престарѣлыхъ родителей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти явленія также поддерживались, какъ пережитокъ старыхъ временъ, въ видѣ религіозно хранимой традиціи прошлаго.

Въ заключеніе я упомяну еще объ одномъ чрезвычайно важномъ и повсемѣстномъ обычаѣ, который также далъ поводъ

[1]) Олени, напримѣръ, въ Чукотской землѣ, постоянно перекочевываютъ.
[2]) W. T. Pritchard, «Polynesian Reminiscences», London, 1866, стр. 363.

къ литературѣ къ самымъ ошибочнымъ заключеніямъ. Я имѣю въ виду обычай кровавой мести. Всѣ дикари убѣждены, что пролитая кровь должна быть отомщена кровью. Если кто-нибудь былъ убитъ, то убійца тоже долженъ умереть; если кто-нибудь былъ раненъ и пролита была его кровь, то кровь нанесшаго рану тоже должна быть пролита. Никакихъ исключеній изъ этого правила не допускается: оно распространяется даже на животныхъ; если охотникъ пролилъ кровь—убивая медвѣдя, или бѣлку, — его кровь тоже должна быть пролита, по возвращеніи его съ охоты. Таково понятіе дикарей о справедливости—понятіе, до сихъ поръ удержавшееся въ Западной Европѣ по отношенію къ убійству.

Покуда оскорбитель и оскорбленный принадлежатъ къ тому же самому роду, дѣло рѣшается очень просто: родъ и потерпѣвшее лицо сами рѣшаютъ дѣло [1]). Но когда преступникъ принадлежитъ къ другому роду и этотъ родъ, по какимъ-либо причинамъ, отказываетъ въ удовлетвореніи, тогда оскорбленный родъ беретъ на себя отмщеніе. Первобытные люди смотрятъ на поступки каждаго въ отдѣльности, какъ на дѣло всего его рода, получившее одобреніе рода, а потому они считаютъ весь родъ отвѣтственнымъ за дѣянія каждаго его члена. Вслѣдствіе этого отмщеніе можетъ упасть на любого члена того рода, къ которому принадлежитъ обидчикъ [2]). Но часто случается, что месть превзошла обиду. Имѣя въ виду нанести только рану, мстители могли убить обидчика, или же ранить его тяжелѣе, чѣмъ предполагали; тогда получается новая обида, другой стороны, которая требуетъ отъ нея новой родовой мести; дѣло затягивается, такимъ образомъ, безъ конца. А потому первобытные законодатели очень старательно устанавливали точныя границы возмездія: око за око, зубъ за зубъ и кровь за кровь [3]).

Замѣчательно, однако, что у большинства первобытныхъ народовъ подобные случаи кровавой мести несравненно рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать; хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ они

---

[1]) Замѣчательно, однако, что въ случаѣ произнесенія родомъ смертнаго приговора, никто не беретъ на себя роль палача. Всякій, бросая свой камень, или свою стрѣлу, или нанося свой ударъ топоромъ, тщательно избѣгаетъ нанести смертельный ударъ. Въ болѣе позднюю эпоху жрецъ будетъ убивать осужденнаго священнымъ ножомъ; а еще позднѣе, это будетъ дѣлать король, пока, наконецъ, не изобрѣтутъ наемнаго палача. См. глубокія замѣчанія по этому поводу въ извѣстномъ трудѣ Bastian'a, «Der Mensch in der Geschichte», т. III. Die Blutrache, стр. 1—36. Пережитокъ этого обычая изъ родового быта, какъ сообщаетъ мнѣ профессоръ E. Nys, сохранился при военныхъ казняхъ вплоть до нашего времени. Въ срединѣ XIX-го вѣка принято было заряжать ружья двѣнадцати солдатъ, назначенныхъ для разстрѣливанія, одиннадцатью пулями и однимъ холостымъ зарядомъ. Дѣлалось такъ, чтобы солдаты не знали, кому достался холостой зарядъ, и потому каждый изъ нихъ могъ успокоить свою встревоженную совѣсть, думая, что холостой зарядъ былъ у него, и что онъ, такимъ образомъ, не былъ въ числѣ убійцъ.

[2]) Въ Африкѣ, да и въ другихъ мѣстностяхъ, существуетъ широко-распространенный обычай, согласно которому при обнаруженіи воровства, ближайшій родъ возвращаетъ стоимость украденной вещи и затѣмъ самъ разыскиваетъ вора. A. H. Post. «Afrikanische Jurisprudenz», Leipzig, 1887, т. I, стр. 77.

[3]) См. сочиненіе проф. М. Ковалевскаго, «Современный обычай и древній законъ». Москва, 1885, т. II, которое содержитъ много очень важныхъ соображеній по данному вопросу.

достигаютъ совершенно ненормальнаго развитія, особенно среди горцевъ, загнанныхъ въ горы иноземными пришельцами, какъ, напримѣръ, у горцевъ Кавказа и въ особенности у даяковъ на Борнео. У даяковъ—по словамъ нѣкоторыхъ современныхъ путешественниковъ — дѣло дошло до того, что молодой человѣкъ не можетъ ни жениться, ни быть объявленнымъ совершеннолѣтнимъ, прежде чѣмъ онъ принесетъ хоть одну голову врага. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывается, со всѣми подробностями, въ одной англійской книгѣ [1]). Оказывается, однако, что свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой книгѣ, до крайности преувеличены. Во всякомъ случаѣ, то, что англичане называютъ „охота за головами", представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ, когда мы узнаемъ, что предполагаемый „охотникъ" вовсе не „охотится" и даже не руководится личнымъ чувствомъ мести. Онъ поступаетъ сообразно тому, что считаетъ нравственнымъ обязательствомъ по отношенію къ своему роду, а потому поступаетъ точно такъ же, какъ европейскій судья, который, подчиняясь тому же, очевидно, ложному началу: „кровь за кровь", отдаетъ осужденнаго имъ убійцу въ руки палача. Оба — и даякъ и нашъ судья — испытали бы даже угрызенія совѣсти, если бы изъ чувства состраданія пощадили убійцу. Вотъ почему даяки, внѣ этой сферы убійствъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ ихъ понятій о справедливости, оказываются, по единогласному свидѣтельству всѣхъ, кто хорошо познакомился съ ними, чрезвычайно симпатичнымъ народомъ. Самъ Карлъ Боккъ, который далъ такую ужасную картину „охоты за головами", пишетъ объ нихъ:

«Что касается до нравственности даяковъ, то я долженъ отвести имъ высокое мѣсто въ ряду другихъ народовъ... Грабежи и воровство совершенно неизвѣстны среди нихъ. Они также отличаются большой правдивостью... Если я не всегда успѣвалъ добиться отъ нихъ «всей правды», — все же я никогда не слыхалъ отъ нихъ ничего, кромѣ правды. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о малайцахъ» (стр. 209 и 210).

Свидѣтельство Бокка вполнѣ подтверждается Идой Пфейфферъ. „Я вполнѣ поняла".—писала она.—„что съ удовольствіемъ продолжала бы путешествовать среди нихъ. Я обыкновенно находила ихъ честными, добрыми и скромными... въ гораздо большей степени, чѣмъ какой-либо изъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, народовъ" [2]). Штольце, говоря о даякахъ, употребляютъ почти тѣ же самыя выраженія. Даяки обыкновенно имѣютъ по одной только женѣ и хорошо обращаются съ нею. Они очень общительны и каждое утро весь родъ отправляется большими партіями на рыбную ловлю, на охоту или на огородныя работы. Ихъ де-

---

[1]) Carl Bock, «The Head-Hunters of Borneo», London, 1881. Мнѣ, однако, говорилъ Сэръ Гюгъ Лоу, долгое время бывшій губернаторъ Борнео, что утвержденія Бокка страшно преувеличены. Вообще онъ говорилъ о даякахъ съ такой же симпатіей, какъ и Ида Пфейфферъ. Позволю себѣ прибавить, что Мэри Кингслей говоритъ въ своей книгѣ о Западной Африкѣ съ такой же симпатіей о туземномъ племени фановъ, которыхъ раньше изображали, какъ самыхъ «ужасныхъ каннибаловъ».

[2]) Ida Pfeiffer, „Meine zweite Weltreise", Wien, 1856, томъ I стр. 116 и слѣд. См. также, Müller and Temminck, „Dutch Possesions in Archipelagie Indiа", цитируемое Э. Реклю въ „Géographie Universelle", томъ XIII.

ревни состоятъ изъ большихъ хижинъ, въ каждой изъ которыхъ помѣщается около дюжины семействъ, а иногда и нѣсколько сотъ человѣкъ, при чемъ всѣ они живутъ между собою очень мирно любиво. Они съ большимъ уваженіемъ относятся къ своимъ женамъ и очень любятъ своихъ дѣтей; когда кто-нибудь заболѣваетъ—женщины ухаживаютъ за нимъ поочередно. Вообще они очень умѣренны въ пищѣ и питьѣ. Таковы даяки въ своей дѣйствительной повседневной жизни.

Приводить дальнѣйшіе примѣры изъ жизни дикарей, значило бы только повторять, еще и еще, то что уже сказано. Куда бы мы ни обратились, вездѣ мы находимъ тѣ же общительные нравы, тотъ же мірской духъ. И когда мы пытаемся проникнуть въ мракъ былыхъ вѣковъ, мы видимъ въ нихъ ту же родовую жизнь и тѣ же, хотя бы и очень первобытные, союзы людей для взаимной поддержки. Поэтому Дарвинъ былъ совершенно правъ когда видѣлъ въ общественныхъ качествахъ человѣка главную дѣятельную силу его дальнѣйшаго развитія, а вульгаризаторы Дарвина совершенно не правы, когда утверждаютъ противное.

„Сравнительная слабость человѣка и малая быстрота его движеній,—писалъ онъ,—а также недостаточность его природнаго вооруженія и т. д., болѣе чѣмъ уравновѣшивались,—во-первыхъ, его умственными способностями (которыя, какъ замѣтилъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, развивались, главнымъ образомъ, или даже исключительно, въ интересахъ общества); и во-вторыхъ, его *общественными качествами*, въ силу которыхъ онъ подавалъ помощь своимъ собратьямъ людямъ и получалъ ее отъ нихъ“ [1]).

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ было въ ходу идеализировать „дикарей“ и жизнь „въ естественномъ состояніи“. Теперь же люди науки впали въ противоположную крайность, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, стремясь доказать животное происхожденіе человѣка, но не будучи знакомы съ общественностью животныхъ, начали обвинять дикаря во всевозможныхъ воображаемыхъ „скотскихъ“ наклонностяхъ. Очевидно однако, что такое преувеличеніе еще болѣе ненаучно, чѣмъ идеализація Руссо. Первобытный человѣкъ не можетъ считаться ни идеаломъ добродѣтели, ни идеаломъ „дикости“. Но у него есть одно качество, выработанное въ немъ и укрѣпленное самыми условіями его тяжкой борьбы за существованіе: онъ отождествляетъ свое собственное существованіе съ жизнью своего рода и безъ этого качества человѣчество никогда не достигло бы того уровня, на которомъ оно находится теперь.

Первобытные люди, какъ мы уже сказали выше, до такой степени отождествляютъ свою жизнь съ жизнью своего рода, что каждый изъ ихъ поступковъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ самъ по себѣ, разсматривается, какъ дѣло всего рода. Все ихъ поведеніе управляется цѣлымъ безконечнымъ рядомъ устныхъ правилъ благопристойности, которыя являются плодомъ ихъ общаго опыта относительно того, что слѣдуетъ считать добромъ или зломъ—т. е., что полезно или вредно для ихъ собственнаго рода.

---

[1]) „Descent of Man“, 2-е изд., стр. 63. 64.

Конечно, умозаключенія, на которыхъ основаны ихъ правила благопристойности, бываютъ иногда чрезвычайно нелѣпы. Многія изъ нихъ имѣютъ свое начало въ суевѣріяхъ. Вообще, что бы дикарь ни дѣлалъ, онъ видитъ одни только ближайшія послѣдствія своихъ поступковъ; онъ не можетъ предвидѣть ихъ косвенныя и болѣе отдаленныя послѣдствія; но въ этомъ онъ только усиливаетъ ошибку, въ которой Бентамъ упрекалъ цивилизованныхъ законодателей. Мы можемъ находить обычное право дикарей нелѣпымъ, но они подчиняются его предписаніямъ, какъ бы они ни были для нихъ стѣснительными. Они подчиняются имъ даже болѣе слѣпо, чѣмъ цивилизованный человѣкъ подчиняется предписаніямъ своихъ законовъ. Обычное право дикаря—это его религія; это—самое свойство его жизни. Мысль о родѣ всегда присутствуетъ въ его умѣ; а потому самоограниченіе и самопожертвованіе въ интересахъ рода—самое обыденное явленіе. Если дикарь нарушилъ которое-нибудь изъ мелкихъ правилъ, установленныхъ его родомъ, женщины преслѣдуютъ его своими насмѣшками. Если же нарушеніе имѣетъ болѣе серьезный характеръ, тогда его день и ночь мучитъ страхъ, что онъ накликалъ несчастье на весь родъ, пока родъ не сниметъ съ него его вины. Если дикарь случайно ранилъ кого-нибудь изъ своего собственнаго рода, и, такимъ образомъ, совершилъ величайшее изъ преступленій, онъ становится совершенно несчастнымъ человѣкомъ: онъ убѣгаетъ въ лѣса и готовъ покончить съ собой, если родъ не сниметъ съ него вину, причинивши ему какую-нибудь физическую боль, или проливши нѣкоторое количество его собственной крови [1]). Въ предѣлахъ рода все дѣлится сообща; каждый кусокъ пищи раздѣляется между всѣми присутствующими; даже, если дикарь находится одинъ въ лѣсу, онъ не начнетъ ѣсть, не прокричавъ трижды приглашеніе всякому, кто можетъ его услышать и пожелаетъ раздѣлить съ нимъ пищу [2]).

Короче говоря, въ предѣлахъ рода, правило: „каждый за всѣхъ" царствуетъ безусловно, до тѣхъ поръ, пока возникновеніе отдѣльной семьи не начнетъ разрушать родового единства. Но это правило не распространяется на сосѣдніе роды или племена, даже если они вступили въ союзъ для взаимной защиты. Каждое племя или родъ представляетъ отдѣльную единицу. Какъ у млекопитающихъ и у птицъ, территорія не остается нераздѣльной, а распредѣляется между отдѣльными семьями, такъ и у нихъ она распредѣляется между отдѣльными племенами, и за исключеніемъ военнаго времени, эти границы свято соблюдаются. Вступая на территорію сосѣдей, каждый долженъ показать, что онъ не имѣетъ дурныхъ намѣреній и чѣмъ громче онъ возвѣщаетъ о своемъ приближеніи, тѣмъ болѣе онъ пользуется довѣріемъ; если же онъ входитъ въ домъ, то долженъ оставить свой топоръ у входа. Но ни одинъ родъ не обязанъ дѣлиться своей пищей съ другими родами: онъ воленъ дѣлиться, или нѣтъ. Вслѣдствіе этого, вся жизнь первобытнаго человѣка распадается на два рода

[1]) См. Bastian, „Der Mensch in der Geschichte", томъ III, стр. 7 Также Grey, l.o.c. cit, стр. 238.

[2]) Миклухо-Маклай, въ указанномъ сочиненіи. Такой же обычай существуетъ у готтентотовъ.

отношеній, и ее слѣдуетъ разсматривать съ двухъ различныхъ этическихъ точекъ зрѣнія: отношенія въ предѣлахъ рода и отношенія внѣ его; при чемъ (подобно нашему международному праву) „междуродовое“ право сильно отличается отъ обычнаго родового права. Вслѣдствіе этого, когда дѣло доходитъ до войны между двумя племенами, самыя возмутительныя жестокости по отношенію къ врагамъ могутъ разсматриваться, какъ нѣчто заслуживающее высокой похвалы. Такое двойственное пониманіе нравственности проходитъ, впрочемъ, чрезъ всю эволюцію человѣчества, и оно сохранилось вплоть до настоящаго времени. Мы, европейцы, кое-что сдѣлали,—не очень-то много, во всякомъ случаѣ,—чтобы избавиться отъ этой двойной нравственности; но нужно также сказать, что если мы, до извѣстной степени, распространили наши идеи солидарности—по крайней мѣрѣ въ теоріи—на цѣлую націю и отчасти также на другія націи, мы въ то же самое время ослабили узы солидарности въ предѣлахъ нашихъ націй, и даже въ предѣлахъ самой нашей семьи.

Появленіе отдѣльныхъ семей внутри рода неизбѣжнымъ образомъ нарушало установившееся единство. Семья—особнякъ—неизбѣжно ведетъ къ отдѣльной собственности и къ накопленію личнаго богатства. Мы видѣли, однако, какъ эскимосы стремятся предотвратить неудобства этого новаго элемента въ родовой жизни.

Въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества тоже стремленіе принимаетъ новыя формы; и прослѣдить различныя бытовыя учрежденія (деревенскія общины, гильдіи и т. п.), при помощи которыхъ народныя массы стремились поддержать родовое единство, вопреки вліяніямъ, стремившимся его разрушить, составило-бы одно изъ самыхъ поучительныхъ изслѣдованій. Съ другой стороны, первые зародыши познанія, появившіеся въ чрезвычайно отдаленныя времена, когда они еще сливались съ колдовствомъ, также сдѣлались въ рукахъ личности силою, которую можно было направлять противъ интересовъ рода. Эти зародыши знаній держались тогда въ большомъ секретѣ и передавались однимъ лишь посвященнымъ, въ тайныхъ обществахъ колдуновъ, шамановъ и жрецовъ, которыя мы находимъ у всѣхъ рѣшительно первобытныхъ племенъ. Кромѣ того, въ то же время, войны и набѣги создавали военную власть, а также касту воиновъ, которыхъ союзы и „клубы“ мало-по-малу пріобрѣтали громадную силу. Но при всемъ томъ никогда ни въ какой періодъ жизни человѣчества, войны не были нормальнымъ условіемъ жизни. Въ то время, какъ воины истребляли другъ друга, а жрецы прославляли эти убійства, народныя массы продолжали жить обыденной жизнью и отправлять обычную свою повседневную работу. И прослѣдить эту жизнь массъ, изучить средства, при помощи которыхъ онѣ поддерживали свою общественную организацію, основанную на ихъ понятіяхъ о равенствѣ, взаимопомощи и взаимной поддержкѣ—т. е. на ихъ обычномъ правѣ,—даже тогда, когда онѣ были подчинены самой свирѣпой теократіи или автократіи въ государствѣ,—изучить эту сторону развитія человѣчества,—самое главное въ настоящее время для истинной науки о жизни.

ГЛАВА IV.

Взаимная помощь среди варваровъ.

Великія переселенія.—Возникшая необходимость новой организаціи.—Деревенская община.—Общинная работа.—Судебная процедура.—Между-родовое право.—Поясненія, заимствованныя изъ теперешней жизни.—Буряты.—Кабилы.—Кавказскіе горцы.—Африканскія племена.

Изучая первобытныхъ людей, нельзя не удивляться развитію общительности, которую человѣчество проявляло съ самыхъ первыхъ шаговъ своей жизни. Слѣды человѣческихъ обществъ были найдены въ остаткахъ каменнаго вѣка, какъ позднѣйшаго такъ и древнѣйшаго; а когда мы начинаемъ изучать современныхъ дикарей, образъ жизни которыхъ не отличается отъ образа жизни человѣка въ позднѣйшемъ каменномъ вѣкѣ (неолитическомъ періодѣ), мы находимъ, что эти дикари связаны между собой чрезвычайно древнею родовою организаціею, которая даетъ имъ возможность комбинировать свои слабыя индивидуальныя силы, наслаждаться жизнью сообща и подвигаться впередъ въ своемъ развитіи. Человѣкъ, такимъ образомъ, не представляетъ исключенія въ природѣ. Онъ также подчиненъ великому началу взаимной помощи, которая обезпечиваетъ наилучшіе шансы выживанія только тѣмъ, кто оказываетъ другъ другу наибольшую поддержку въ борьбѣ за существованіе. Таковы были заключенія, къ которымъ мы пришли въ предыдущихъ главахъ.

Какъ только, однако, мы переходимъ къ высшей стадіи цивилизаціи и обращаемся къ исторіи, которая уже можетъ разсказать намъ кое-что объ этой стадіи, мы бываемъ поражены той борьбой и тѣми столкновеніями, которыя раскрываетъ намъ исторія. Старыя узы, повидимому, совершенно прорваны. Племена воюютъ съ племенами, одни роды съ другими, индивидуумы съ индивидуумами; и изъ этой хаотической борьбы враждебныхъ силъ человѣчество выходитъ раздѣленнымъ на касты, порабощенное деспотами, распавшееся на отдѣльныя государства, которыя всегда готовы вступить въ войну одно противъ другого. И вотъ, перелистывая такую исторію человѣчества, философъ-пессимистъ съ торжествомъ приходитъ къ заключенію, что война и угнетеніе являются истинной сущностью человѣческой природы; что войнолюбивые и хищническіе инстинкты человѣка могутъ быть, въ извѣстныхъ предѣлахъ, обузданы только какою-нибудь могучею властью, которая путемъ силы водворила бы миръ и, такимъ образомъ, дала бы возможность немногимъ благороднымъ людямъ подготовлять лучшую жизнь для человѣчества въ грядущія времена.

А, между тѣмъ, стоитъ только подвергнуть повседневную жизнь человѣка въ теченіе историческаго періода разсмотрѣнію болѣе тщательному, какъ это и было сдѣлано за послѣднее время многими серьезными изслѣдователями человѣческихъ учрежденій, и жизнь эта немедленно получаетъ совершенно иную окраску. Оставляя въ сторонѣ предвзятыя идеи большинства историковъ и ихъ видимое пристрастіе къ драматическимъ сторонамъ исторіи, мы видимъ, что самые документы, которыми они обыкновенно пользуются, по существу таковы, что въ нихъ преувеличивается

ая часть человѣческой жизни, которая отдавалась на борьбу, и совершенно не дается должной оцѣнки мирной работѣ человѣчества. Ясные и солнечные дни теряются изъ виду, ради описанія бурь и шкваловъ. Даже въ наше время, громоздкія лѣтописи, которыя мы припасаемъ для будущаго историка въ нашей прессѣ, нашихъ судахъ, нашихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и даже въ нашихъ беллетристическихъ произведеніяхъ и поэзіи, страдаютъ той же односторонностью. Они передадутъ потомству самыя подробныя описанія каждой войны, каждаго сраженія и схватки, каждаго спора и акта насилія, они сохранятъ эпизоды всякаго рода индивидуальныхъ страданій; но въ нихъ едва-ли сохранятся какіе-либо слѣды безчисленныхъ актовъ взаимной поддержки и самопожертвованія, которые каждый изъ насъ знаетъ изъ личнаго опыта; въ нихъ почти не обращается вниманія на то, что составляетъ истинную сущность нашей повседневной жизни—наши общественные инстинкты и нравы. Неудивительно, поэтому, если лѣтописи прошлыхъ временъ оказались такими несовершенными. Лѣтописцы древности неизмѣнно заносили въ свои сказанія всѣ мелкія войны и всякаго рода бѣдствія, постигавшія ихъ современниковъ; но они не обращали никакого вниманія на жизнь народныхъ массъ, хотя именно массы занимались больше всего мирнымъ трудомъ, въ то время какъ немногіе предавались возбужденіямъ борьбы. Эпическія поэмы, надписи на памятникахъ, мирные договоры,—словомъ, почти всѣ историческіе документы носятъ тотъ же характеръ: они имѣютъ дѣло съ нарушеніями мира, а не съ самимъ миромъ. Вслѣдствіе этого, даже тѣ историки, которые приступали къ изученію прошлаго съ наилучшими намѣреніями, безсознательно рисовали изуродованное изображеніе того времени, которое они стремились изобразить; и для того, чтобы возстановить дѣйствительное отношеніе между борьбой и единеніемъ, мы обязаны теперь заняться детальнымъ анализомъ мелкихъ фактовъ и блѣдныхъ указаній, случайно сохранившихся въ памятникахъ прошлаго; объяснить ихъ съ помощью сравнительной этнологіи; и, послѣ того какъ мы столько наслышались о томъ, что раздѣляло людей—возсоздать камень за камнемъ-тѣ общественныя учрежденія, которыя объединяли ихъ.

Вѣроятно, уже недалеко то время, когда всю исторію человѣчества придется написать сызнова, въ новомъ направленіи, принимая въ расчетъ оба сейчасъ указанныя теченія человѣческой жизни и оцѣнивая роль, которую каждое изъ нихъ сыграло въ эволюціи. Но, пока такой трудъ будетъ совершенъ, мы можемъ уже воспользоваться громадною подготовительною работою, выполненною въ послѣдніе годы и дающею уже возможность возстановить, хотя въ общихъ чертахъ, это второе теченіе, долго оставшееся въ пренебреженіи. Изъ тѣхъ періодовъ исторіи, которые изучены лучше другихъ, мы можемъ уже набросать нѣсколько картинъ жизни народныхъ массъ, съ цѣлью—показать, какую роль, въ теченіе этихъ періодовъ, играла взаимная помощь. При этомъ, краткости ради, мы не обязаны непремѣнно начинать съ египетской, или даже греческой и римской исторіи, потому что въ дѣйствительности эволюція человѣчества не имѣла характера неразрывной цѣпи событій. Нѣсколько разъ случалось такъ,

что цивизація обрывалась въ данной мѣстности, у данной расы, и начиналась снова въ иномъ мѣстѣ, среди иныхъ расъ. Но каждое ея новое возникновеніе начиналось всегда съ того же родового быта, который мы видѣли сейчасъ у дикарей. Такъ что, если взять послѣднее возникновеніе нашей теперешней цивилизаціи,—съ того времени, когда она началась заново, въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры, среди тѣхъ народовъ, которыхъ римляне называли „варварами",—мы будемъ имѣть полную гамму эволюціи, начиная съ родового быта и кончая учрежденіями нашего времени. Этимъ картинамъ и будутъ посвящены послѣдующія страницы.

Ученые еще не согласились между собою насчетъ тѣхъ причинъ, которыя около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ двинули цѣлые народы изъ Азіи въ Европу и вызвали великія переселенія варваровъ, положившія конецъ Западно Римской имперіи. Географу, однако, естественно предстаВляется одна возможная причина, когда онъ созерцаетъ развалины нѣкогда густо-населенныхъ городовъ въ теперешнихъ пустыняхъ Средней Азіи, или же изслѣдуетъ старыя русла рѣкъ, нынѣ исчезнувшихъ, и остатки озеръ, нѣкогда громадныхъ, которыя нынѣ свелись чуть не до размѣровъ небольшихъ прудовъ. Причина эта—высыханіе: совсѣмъ недавнее высыханіе, продолжающееся и понынѣ, съ быстротой, которую мы раньше считали невозможнымъ допустить [1]). Съ подобнымъ явленіемъ человѣкъ не могъ бороться. Когда обитатели сѣверо-западной Монголіи и восточнаго Туркестана увидѣли, что вода уходитъ отъ нихъ, имъ не оставалось другого выхода, какъ спуститься вдоль широкихъ долинъ, ведущихъ къ низменностямъ и тѣснить на западъ обитателей этихъ низменностей [2]). Племя за племенемъ, такимъ образомъ, вытѣснялось въ Европу, вынуждая другія племена двигаться и передвигаться въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій на западъ, или же обратно на востокъ, въ поискахъ за новыми, болѣе или менѣе постоянными мѣстами

---

[1]) Безчисленные слѣды постъ-пліоценовыхъ озеръ, въ настоящее время исчезнувшихъ, мы находимъ по всей центральной, западной и сѣверной Азіи. Раковины тѣхъ же самыхъ видовъ, которые теперь живутъ въ Каспійскомъ морѣ, разсѣяны въ недавнихъ отложеніяхъ, на поверхности почвы: на востокѣ—на разстояніи полъ-пути къ Аральскому озеру, сѣверѣ—до Казани. Слѣды заливовъ Каспійскаго моря, которые раньше принимались за старыя русла Аму-Дарьи, пересѣкаютъ Туркменскую территорію. Конечно, необходимо принять во вниманіе временныя періодическія колебанія въ количествѣ осадковъ. Но при всемъ томъ высыханіе—очевидно, и оно прогрессируетъ съ быстротой, которой геологи раньше не ожидали. Даже въ сравнительно богатыхъ влагой частяхъ юго-западной Сибири, судя по ряду достовѣрныхъ съемокъ, опубликованныхъ Ядринцевымъ, оказывается, что на участкѣ земли, бывшемъ восемьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ дномъ одного изъ озеръ Чанской группы, теперь расположились деревни; въ тоже время другія озера той же самой группы, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ покрывавшія сотни квадратныхъ верстъ, теперь обратились просто въ пруды. Короче говоря, высыханіе сѣверо-западной Азіи идетъ такимъ темпомъ, который должно измѣрять столѣтіями, вмѣсто тѣхъ громадныхъ геологическихъ единицъ-времени, къ которымъ мы прибѣгали раньше. См. мою статью, «The Dessication of Asia», въ «Geografical Journal Лондонскаго Географическаго Общества», 1903.

[2]) Цѣлыя цивилизаціи, оказывается, исчезли въ эту пору, какъ это доказывается теперь замѣчательными открытіями, сдѣланными въ Монголіи, на Орхонѣ и въ Люкчунской впадинѣ (Дм. Клеменцъ) и около Лобъ-Нора (Sven Hedin).

жительства. Расы смѣшивались съ расами во время этихъ переселеній, аборигены—съ пришельцами, арійцы—съ урало-алтайцами; и ничего не было бы удивительнаго, если бы общественныя учрежденія, которыя объединяли ихъ у себя на родинѣ, совершенно рухнули во время этого наслоенія различныхъ расъ другъ на друга, совершавшагося тогда въ Европѣ и Азіи. Но эти учрежденія не были разрушены: они только подверглись такому видоизмѣненію, какого требовали новыя условія жизни.

Общественная организація тевтонцевъ, кельтовъ, скандинавовъ, славянъ и другихъ народовъ, когда они впервые пришли въ соприкосновеніе съ римлянами, находилась въ переходномъ состояніи. Ихъ родовые союзы, основанные на дѣйствительной или же на предполагаемой общности происхожденія, прослужили для объединенія ихъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Но подобные союзы отвѣчали своей цѣли только до тѣхъ поръ, пока въ предѣлахъ самого рода не появлялось отдѣльныхъ семействъ. Однако же, въ силу указанныхъ выше причинъ, отдѣльныя патріархальныя семьи медленно, но неудержимо создавались среди родоваго быта, и ихъ появленіе, въ концѣ концовъ, очевидно, вело къ индивидуальному накопленію богатствъ и власти, къ ихъ наслѣдственной передачѣ въ семьѣ и къ разложенію рода. Частыя переселенія и сопровождавшія ихъ войны могли только ускорить распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, а разсѣиваніе племенъ во время переселеній и ихъ смѣшеніе съ чужеземцами представляли какъ разъ тѣ условія, которыми облегчалось распаденіе прежнихъ союзовъ, основанныхъ на узахъ родства. Варварамъ,—т.-е. тѣмъ племенамъ, которыхъ римляне называли „варварами“, и которыхъ, слѣдуя классификаціи Моргана, я буду называть тѣмъ же именемъ, въ отличіе отъ первобытныхъ племенъ, или „дикарей“,—предстояло, такимъ образомъ, одно изъ двухъ: либо дать своимъ родамъ разбиться на слабо-связанныя между собою группы семействъ, изъ которыхъ наиболѣе богатыя семьи (въ особенности тѣ, у которыхъ богатство соединялось съ функціями жреца, или съ военной славой) захватили бы власть надъ остальными; или же—отыскать какую-нибудь новую форму общественнаго строя, основаннаго на какомъ-нибудь новомъ началѣ.

Многія племена были не въ силахъ сопротивляться раздробленію: они разсѣялись и были потеряны для исторіи. Но болѣе энергичныя племена не распались: они вышли изъ испытанія, выработавши новый общественный строй—деревенскую общину,—которая и продолжала объединять, ихъ въ теченіе слѣдующихъ пятнадцати или даже болѣе вѣковъ. У нихъ выработалось представленіе объ общей территоріи земли, пріобрѣтенной ими и защищаемой ихъ общими усиліями, и это представленіе заступило мѣсто угасавшаго уже представленія объ общемъ происхожденіи. Ихъ боги постепенно потеряли свой характеръ предковъ и получили новый—мѣстный, территоріальный характеръ. Они становились божествами или впослѣдствіи святыми данной мѣстности; „Земля“ отождествлялась съ ея обитателями. Вмѣсто прежнихъ союзовъ по крови выростали земельные союзы, и этотъ новый строй, очевидно, представлялъ много удобствъ при данныхъ условіяхъ. Онъ признавалъ независимость

семьи и даже усиливалъ эту независимость, такъ какъ деревенская община отказывалась отъ всякихъ правъ на вмѣшательство въ то, что происходило внутри самой семьи; онъ давалъ также гораздо больше свободы личной инициативѣ; онъ не былъ по существу враждебенъ союзамъ между людьми различнаго происхожденія, а между тѣмъ онъ поддерживалъ необходимую связь въ дѣйствіяхъ и въ мысляхъ общинниковъ; и, наконецъ, онъ былъ достаточно-силенъ, чтобы противостоять властолюбивымъ наклонностямъ меньшинства, слагавшагося изъ колдуновъ, жрецовъ и профессіональныхъ или прославившихся воиновъ. Вслѣдствіе этого этотъ новый строй сталъ первичной клѣточкой всей будущей общественной жизни, и у многихъ народовъ деревенская община сохранила этотъ характеръ вплоть до настоящаго времени.

Теперь уже извѣстно—и едва ли кѣмъ-либо оспаривается,—что деревенская община вовсе не была отличительной чертой славянъ или древнихъ германцевъ. Она была распространена въ Англіи, какъ въ саксонскій, такъ и въ нормандскій періоды, и удерживалась мѣстами вплоть до девятнадцатаго вѣка [1]); она же являлась основой общественной организаціи древней Шотландіи, древней Ирландіи и древняго Уэльса. Во Франціи, общинное владѣніе и общинный передѣлъ пахотной земли деревенскимъ мірскимъ сходомъ держались, начиная съ первыхъ столѣтій нашей эры, до временъ Тюрго, нашедшаго мірскіе сходы „чрезчуръ шумными“, а потому и начавшаго уничтоженіе ихъ. Въ Италіи, община пережила римское владычество и возродилась послѣ паденія римской имперіи. Она являлась общимъ правиломъ среди скандинавовъ, славянъ, финновъ (въ pittäyä, и, вѣроятно, въ kihlakunta) у куровъ и у ливовъ. Деревенская община въ Индіи—въ прошломъ и въ настоящемъ, арійская и не-арійская,—хорошо извѣстна, благодаря сдѣлавшимъ эпоху въ этой области трудамъ сэра Генри Мэна; и Эльфинстонъ описалъ ее у афганцевъ. Мы находимъ ее также въ монгольскомъ „улусѣ“, въ кабильскомъ thaddoart'ѣ въ яванской dessa, въ малайской kota или tofa и подъ разнообразными наименованіями, въ Абиссиніи, въ Суданѣ, во внутренней Африкѣ, у туземныхъ племенъ обѣихъ Америкъ и у всѣхъ мелкихъ и крупныхъ племенъ на островахъ Тихаго океана. Однимъ словомъ, мы не знаемъ ни одной человѣческой расы, ни одного народа, которые не прошли бы въ извѣстномъ періодѣ черезъ деревенскую общину. Уже одинъ этотъ фактъ опровергаетъ теорію, въ силу которой деревенскую общину въ Европѣ старались представить порожденіемъ крѣпостного права. Она сложилась гораздо ранѣе крѣпостного права, и даже крѣпостная зависимость не смогла

[1]) Если я придерживаюсь, по отношенію къ Англіи, мнѣній, (называя лишь современныхъ спеціалистовъ) Нассе, Ковалевскаго и Виноградова, а не мнѣній F. Seebohm'a (Denman Ross можетъ быть упомянутъ лишь для полноты), то это не только потому, что взгляды вышеназванныхъ трехъ писателей основаны на глубокомъ знаніи предмета, и при томъ согласны между собою, но также въ виду ихъ превосходнаго знакомства съ деревенской общиной вообще—знакомства, отсутствіе котораго сильно чувствуется въ замѣчательномъ въ другихъ отношеніяхъ трудѣ Seebohm'a. То же самое замѣчаніе можно сдѣлать въ усиленной степени и относительно изящныхъ произведеній Fustel de Coulanges'a, котораго мнѣнія и страстныя истолкованія древнихъ текстовъ не находятъ иныхъ сторонниковъ, кромѣ его самого.

разбить ее. Она представляетъ универсальный фазисъ эволюціи человѣческаго рода, естественное перерожденіе родовой организаціи,—по крайней мѣрѣ у всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя играли или до настоящаго времени играютъ какую нибудь роль въ исторіи [1]).

Деревенская община представляла собою естественно-выросшее учрежденіе, а потому полнаго однообразія въ ея построеніи не могло быть. Вообще говоря, она являлась союзомъ семей, считавшихъ себя происходящими отъ одного общаго корня и владѣвшихъ сообща извѣстной территоріей. Но у нѣкоторыхъ племенъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, семьи чрезвычайно разростались, прежде чѣмъ отъ нихъ почковались новыя семьи; въ такихъ случаяхъ, пять, шесть или семь поколѣній продолжали жить подъ одной кровлей или внутри одной загородки, владѣя сообща хозяйствомъ и скотомъ и собираясь для ѣды передъ общимъ очагомъ. Тогда слагалось то, что извѣстно въ этнологіи подъ именемъ „недѣленой семьи“ или „недѣленаго домохозяйства“, какія мы до сихъ поръ встрѣчаемъ по всему Китаю, въ Индіи, въ южно-славянской „Задругѣ“ и случайно находимъ въ Африкѣ, въ Америкѣ, Даніи, Сѣверной Россіи, въ Сибири („семейскіе“) и Западной Франціи [2]). У другихъ племенъ, или же

[1]) Литература о деревенской общинѣ настолько обширна, что мы ограничимся здѣсь указаніемъ на немногія работы. Такъ, работы Sir Henry Maine'a, F. Seebohm'a и Walter'a «Das alte Wallis» (Bonn, 1859), являются хорошо извѣстными и широко распространенными источниками для Шотландіи, Ирландіи и Уэльса. Для Франціи можно указать: P. Viollet, «Precis de l'histoire du droit français: Droit prive», 1886, и нѣкоторыя изъ его монографій въ «Bibliothique de l'Ecole des Chartes»; Babeau «Le Vileage sous l'ancien regime» («міръ» въ XVIII-мъ вѣкѣ), 3-е изд., 1877; Bonnemère, Doniol и др. Для Италіи и Скандинавіи главныя работы переименованы въ Лавелэ «Первобытная собственность» (нѣмецкій переводъ К. Bücher'a). Для финновъ: Rein's «Foreläsningar», I, 15; Koskinen, «Finische Geschichte» 1874, и различныя монографіи. Для Лифляндіи и Курляндіи см. статью проф. Лучицкаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1891 года. Для Тевтоновъ, помимо общеизвѣстныхъ работъ такихъ авторовъ, какъ Mauter, Sohm («Altdeutsche Reichs und Gerichts Verfassung»), см. также Dahn («Urzeit», «Völkerwanderung», «Langobardische Studien»); Janssen, Wilh. Arnold и др. Для Индіи, помимо такихъ авторовъ, какъ H. Maine и писателей, которыхъ онъ указываетъ, см. также Sir John Phear's «Aryan Village». Для Россіи и южныхъ славянъ см. работы Кавелина, Посникова, Соколовскаго, Ковалевскаго, Ефименко, Иванишева, Клауса и т. д. (Обширный библіографическій указатель, до 1880 года, данъ въ «Сборникѣ свѣдѣній объ общинѣ» въ изд. Русск. Геогр. Общ.). Общіе выводы см. помимо Laveleye, «Propriete», Morgan's «Ancient Society», Lippert's, «Kulturgeschichte», Post-Dargun и т. д., а также лекціи М. Ковалевскаго («Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriete», Stockholm, 1890; имѣется и въ русскомъ изданіи). Должно упомянуть также о многихъ спеціальныхъ монографіяхъ, списокъ которыхъ данъ въ работахъ P. Viollet «Droit prive» и «Droit public». Относительно другихъ см. нижеслѣдующія примѣчанія.

[2]) Нѣкоторые авторитетные ученые склонны разсматривать недѣленую семью, какъ переходную стадію между родомъ и деревенской общиной и несомнѣнно, что въ очень многихъ случаяхъ деревенскія общины выростали изъ такихъ недѣленныхъ семей. Тѣмъ не менѣе, я считаю недѣленую семью фактомъ иного порядка. Мы находимъ ее и внутри рода; съ другой стороны, мы не можемъ утверждать, что недѣленыя семьи существовали когда-нибудь не принадлежа въ то же время къ роду, или деревенской общинѣ, или къ «Gau». Я представляю себѣ, что раннія деревенскія общины медленно возникали непосредственно изъ родовъ, и состояли, согласно расовымъ и мѣстнымъ обстоя-

при другихъ обстоятельствахъ, которыя еще въ точности не опредѣлены, семьи не достигали такихъ большихъ размѣровъ; внуки, а иногда и сыновья, выходили изъ домохозяйства тотчасъ по вступленіи въ бракъ, и каждый изъ нихъ клалъ начало своей собственной ячейкѣ. Но какъ дѣленыя, такъ и недѣленыя семьи, какъ тѣ, которыя селились вмѣстѣ, такъ и тѣ, которыя селились врозь, по лѣсамъ, всѣ онѣ соединялись въ деревенскія общины: нѣсколько деревень соединялись въ роды, или племена, а нѣсколько родовъ объединялись въ конфедераціи. Таковъ былъ общественный строй, который развился среди такъ-называемыхъ „варваровъ", когда они начали осѣдать на болѣе или менѣе постоянное жительство въ Европѣ.

Долгая эволюція потребовалась на то, чтобы родъ сталъ признавать отдѣльное существованіе въ немъ патріархальной семьи, живущей въ отдѣльной хижинѣ, но, даже послѣ такого признанія, родъ, все-таки, вообще говоря, еще не признавалъ личнаго наслѣдованія собственности. Тѣ немногія вещи, которыя могли принадлежать лично индивидууму, или уничтожались на его могилѣ, или погребались вмѣстѣ съ нимъ. Деревенская община, напротивъ того, вполнѣ признала частное накопленіе богатства въ предѣлахъ семьи и наслѣдственную его передачу. Но богатство понималось исключительно въ формѣ движимаго имущества, включая сюда скотъ, орудія и посуду, оружіе и жилой домъ, который, „подобно всѣмъ вещамъ, могущимъ быть уничтоженными огнемъ", причислялся къ той же категоріи [1]). Что же касается до частной поземельной собственности, то деревенская община не признавала и не могла признать ничего подобнаго и, говоря вообще, не признаетъ такого рода собственности и по настоящее время. Земля была общей собственностью всего рода или цѣлаго племени, и сама деревенская община владѣла своею частью родовой территоріи лишь до тѣхъ поръ, пока родъ или племя— точныхъ границъ здѣсь нельзя установить— не находилъ нужнымъ новаго распредѣленія деревенскихъ участковъ. Такъ какъ расчистка земли изъ-подъ лѣса и распашка цѣлины въ большинствѣ случаевъ производились цѣлыми общинами, или, по крайней мѣрѣ, объединеннымъ трудомъ нѣсколькихъ семей,—всегда съ разрѣшенія общины,—то вновь очищенные участки оставались за каждой семьей на четыре, на двѣнадцать, на двадцать лѣтъ, послѣ чего они уже разсматривались какъ части пахатной земли, принадлежащей всей общинѣ. Частная собственность или „вѣчное" владѣніе землею были такъ же несовмѣстными съ основными понятіями и религіозными представленіями деревенской общины, какъ ранѣе они были несовмѣстимы съ понятіями родового быта, такъ что потребовалось продолжительное вліяніе римскаго права и христіанской церкви, которая вскорѣ восприняла законы язычe-

тельствамъ, или изъ нѣсколькихъ недѣленыхъ семей, или же изъ недѣленыхъ и простыхъ семей одновременно или же (въ особенности въ случаяхъ образованія новыхъ поселеній) лишь изъ однихъ простыхъ семей. Если этотъ взглядъ правиленъ, то мы не имѣемъ права установлять такую серію: рядъ, недѣленая семья, деревенская община,—такъ какъ второй членъ рода не имѣетъ той же этнологической цѣнности, какъ два другихъ. См. Приложеніе XIII-е.

[1]) Stobbe, «Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechtes», стр. 62.

скаго Рима, чтобы освоить варваровъ съ возможностью частной земельной собственности [1]). Но даже тогда, когда такая собственность или владѣніе на неопредѣленное время было признано, собственникъ отдѣльнаго участка оставался въ то же время владѣльцемъ общинныхъ пустошей, лѣсовъ и пастбищъ. Мало того, мы постоянно видимъ, въ особенности въ исторіи Россіи, что когда нѣсколько семействъ, дѣйствуя совершенно порознь, завладѣвали какой-нибудь землей, принадлежавшей племенамъ, на которыхъ они смотрѣли какъ на чужаковъ, семьи захватчиковъ вскорѣ объединялись между собой и образовывали деревенскую общину, которая въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи уже вѣрила въ общность своего происхожденія. Сибирь по сію пору полна такихъ примѣровъ.

Цѣлый рядъ учрежденій, отчасти унаслѣдованныхъ отъ родового періода, началъ теперь вырабатываться на этой основѣ общиннаго владѣнія землей, и продолжалъ вырабатываться за тѣ долгіе ряды столѣтій, которые потребовались, чтобы подчинить варваровъ власти государствъ, организованныхъ по римскому или византійскому образцу. Деревенская община была не только союзомъ для обезпеченія каждому справедливой доли въ пользованіи общинною землею; она была также союзомъ для общей обработки земли, для взаимной поддержки во всевозможныхъ формахъ, для защиты отъ насилія и для дальнѣйшаго развитія знаній, національныхъ узъ и нравственныхъ понятій; при чемъ каждое измѣненіе въ юридическихъ, военныхъ, образовательныхъ или экономическихъ правахъ общины рѣшалось всѣми—на мірскомъ сходѣ деревни, на родовомъ вѣчѣ, или на вѣчѣ конфедераціи. Община, будучи продолженіемъ рода, унаслѣдовала всѣ его функціи. Она представляла universitas, „міръ“ въ себѣ самой.

Охота сообща, рыбная ловля сообща, и общественная обработка насажденій фруктовыхъ деревьевъ были общимъ правиломъ при старыхъ родовыхъ порядкахъ. Общественная обработка полей стала такимъ же правиломъ въ деревенскихъ общинахъ варваровъ. Правда, что прямыхъ свидѣтельствъ въ этомъ направленіи мы имѣемъ очень мало, и что въ древней литературѣ мы находимъ всего нѣсколько фразъ у Діодора и у Юлія Цезаря, относящихся къ обитателямъ Липарскихъ острововъ, одному изъ кельто-иберскихъ племенъ, и къ свевамъ. Но за то нѣтъ недостатка въ фактахъ, доказывающихъ, что общинная обработка земли практиковалась у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, у франковъ и у древнихъ шотландцевъ, ирландцевъ и валлійцевъ (Welsh) [2]). Что же касается до позднѣйшихъ пережитковъ обще-

[1]) Немногіе слѣды частной земельной собственности, встрѣчающіеся въ раннемъ варварскомъ періодѣ, находятся лишь у такихъ племенъ (батары, франки въ Галліи), которые въ теченіе нѣкотораго времени находились подъ вліяніемъ императорскаго Рима. Inama—Sternegg, См. „Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland“ т. I, 1878. Также, Besseler, «Neubruch nach demälteren deutschen Rechte», стр. 11—12, цит. у Ковалевскаго, «Современный обычай и древній законъ», Москва, 1886 г, I, 134.

[2]) Maurer'a« Markgenossenschaft»; Lamprecht'a, «Wirthschaft und Recht der Franken zur Zeit der Volksrechte», въ «Historischer Taschenbuch», 1883 и Seebohm'a, «The Englisch Village Community», гл. VI, VII и IX.

ственной обработки, то они—просто безчисленны. Даже въ совершенно романизированной Франціи общинная пахота была обычнымъ явленіемъ всего какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Морбиганѣ (Бретань) [1]) Старинный Уэльскій cyvar, или сборный плугъ, мы находимъ, напр., на Кавказѣ, а общинная обработка земли, отведенной въ пользованіе сельскаго святилища, представляетъ обычное явленіе у кавказскихъ племенъ, наименѣе затронутыхъ цивилизаціей [2]); подобные же факты постоянно встрѣчаются среди русскихъ крестьянъ. Кромѣ того, хорошо извѣстно, что многія племена Бразиліи, центральной Америки и Мексики обрабатывали свои поля сообща, и что тотъ же обычай широко распространенъ по сію пору среди малайцевъ, въ Новой Каледоніи, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ и т. д. [3]). Короче говоря, общинная обработка земли представляетъ такое обычное явленіе у многихъ арійскихъ, урало-алтайскихъ, монгольскихъ, негритянскихъ, краснокожихъ индѣйскихъ, малайскихъ и меланезійскихъ племенъ, что мы должны смотрѣть на нее, какъ на всеобщую—хотя и не единственно возможную—форму первобытнаго земледѣлія [4]).

Нужно помнить, однако, что общинная обработка земли еще не влечетъ за собою необходимо общиннаго потребленія. Уже въ родовомъ бытѣ мы часто видимъ, что, когда лодки, нагруженныя фруктами или рыбой, возвращаются въ деревню, то привезенная въ нихъ пища раздѣляется между отдѣльными хижинами и „длинными домами“ (въ которыхъ помѣщаются или нѣсколько семействъ, или молодежь), при чемъ пища приготовляется отдѣльно у каждаго отдѣльнаго очага. Обычай садиться за трапезу въ болѣе узкомъ кругу родственниковъ или сотоварищей, такимъ образомъ, проявляется уже въ раннемъ періодѣ родовой жизни. Въ деревенской общинѣ онъ становится правиломъ. Даже пищевые продукты, выращенные сообща, обыкновенно дѣлились между домохозяевами, послѣ того, какъ часть ихъ была отложена въ запасъ для общиннаго пользованія. Впрочемъ, традиція общественныхъ пировъ благочестиво сохранялась. При всякомъ удобномъ случаѣ, какъ, напр., въ дни, посвященные поминовенію предковъ, во время религіозныхъ празднествъ, при началѣ и по окончаніи полевыхъ работъ, а также по поводу такихъ событій, какъ рожденіе дѣтей, свадьбы и похороны, община собиралась на

---

[1]) Letourneau, въ «Bulletiu de la Société d'Anthropologie»; 1888, томъ XI, стр. 476.

[2]) Walter, «Das alte Wallis», стр. 323; Дм. Бакрадзе, и Н. Худадовъ въ «Запискахъ Кавказскаго Географическаго Общ.» т. XIV, часть I.

[3]) Bancroft «Native Races»; Waitz, «Anthropologie», III, 423 Montrozier, въ «Bull. Soc. d'Anthropologie», 1070; Post, «Studien» и т. д.

[4]) Работы Ory, Luro, Laudes и Sylvestre о деревенской общинѣ въ Аннамѣ, доказывающія, что она имѣла тамъ тѣ же формы, какъ и въ Германіи или Россіи, упоминаются въ критической статьѣ Jobbe-Duval'a въ „Nouvelle Revue historique de droit francais etétranger“, октябрь и декабрь, 1896 Хорошая работа о деревенской общинѣ въ Перу, до установленія власти инковъ, была сдѣлана Heinrich Cunow („Die Soziale Verfassung des Inka-Reichs“, Stuttgart, 1896). Въ этой работѣ описаны общинное владѣніе землей и общинная обработка земли.

общественный пиръ. Даже въ настоящее время, въ Англіи, мы находимъ пережитокъ этого обычая, хорошо извѣстный подъ именемъ „послѣ жатвенной вечери“ (harvest supper): онъ удержался дальше всѣхъ такихъ обычаевъ.

Даже долгое время послѣ того, какъ поля перестали обрабатываться сообща, всею общиной, мы видимъ, что нѣкоторыя земледѣльческія работы продолжаютъ выполняться міромъ. Нѣкоторая часть общинной земли до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ обрабатывается сообща, въ цѣляхъ помощи неимущимъ, а также для образованія общинныхъ запасовъ, или же для употребленія продуктовъ подобнаго труда во время религіозныхъ празднествъ. Ирригаціонные каналы и арыки роются и чинятся сообща. Общинные луга косятся міромъ; и одно изъ самыхъ вдохновляющихъ зрѣлищъ представляетъ русская деревенская община во время такого покоса, когда мужчины соперничаютъ другъ съ другомъ въ широтѣ размаха косы и быстротѣ косьбы, а женщины ворошатъ скошенную траву и собираютъ ее въ копны; мы видимъ здѣсь, чѣмъ могъ бы быть, и чѣмъ долженъ былъ бы быть людской трудъ. Сѣно, въ такихъ случаяхъ, дѣлится между отдѣльными домохозяевами, и, очевидно, что никто не имѣетъ права брать сѣно изъ стога у своего сосѣда, безъ разрѣшенія; но ограниченіе этого общаго правила, встрѣчаемое у осетинъ на Кавказѣ, очень поучительно: какъ только начнетъ куковать кукушка, возвѣщая о наступленіи весны, которая вскорѣ одѣнетъ всѣ луга травой, каждый получаетъ право изъ сосѣдскаго стога, сколько ему нужно сѣна для прокормленія своего скота [1]). Такимъ образомъ, снова утверждаются древнія общинныя права, какъ бы для того, чтобы доказать, насколько неограниченный индивидуализмъ противорѣчитъ человѣческой природѣ.

Когда европеецъ-путешественникъ высаживается на какомъ-нибудь островкѣ Тихаго океана и, увидавъ вдали группу пальмовыхъ деревьевъ, направляется къ ней, его обыкновенно поражаетъ открытіе, что маленькія деревушки туземцевъ соединены между собой дорогами, которыя вымощены крупными камнями и вполнѣ удобны для босоногихъ туземцевъ,—во многихъ отношеніяхъ онѣ напоминаютъ „старыя дороги“ въ Швейцарскихъ горахъ. Подобныя дороги были проложены „варварами“ по всей Европѣ, и надо пострансствовать по дикимъ, мало населеннымъ странамъ, лежащимъ вдали отъ главныхъ линій международныхъ сообщеній, чтобы понять размѣры той колоссальной работы, которую выполнили варварскія общины, чтобы побѣдить дикость необразимыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ, какія представляла изъ себя Европа около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Отдѣльныя семьи, слабыя и безъ нужныхъ орудій, никогда не смогли бы побѣдить дикую тайгу. Лѣсъ и болота побѣдили бы ихъ. Одни только деревенскія общины, работая сообща, могли осилить эти дикіе лѣса, эти засасывающія трясины и безграничныя степи. Грубыя дороги и гати, паромы и деревянные мосты, которые зимой снимались и строились снова послѣ

---

[1]) М. Ковалевскій «Современный обычай и древній законъ», 1, 115.

весенняго половодья, окопы и частоколы, которыми обносились деревни, земляныя крѣпостцы, небольшія башни и вышки, которыми бывала усыпана территорія—все это было дѣломъ рукъ деревенскихъ общинъ. А когда община разросталась, начинался процессъ ея почкованія. На нѣкоторомъ разстояніи отъ первой выростала новая община, и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ лѣса и степи подпадали подъ власть человѣка. Весь процессъ созданія европейскихъ націй былъ въ сущности плодомъ такого почкованія деревенскихъ общинъ. Даже въ настоящее время русскіе крестьяне, если только они не совсѣмъ задавлены нуждой, пересѣляются общинами, міромъ поднимаютъ цѣлину и міромъ же сообща роютъ себѣ землянки, а потомъ строятъ дома, когда селятся въ бассейнѣ Амура или же въ Канадѣ. Даже англичане, въ началѣ колонизаціи Америки, возвращались къ старой системѣ: они селились и жили общинами [1]).

Деревенская община была главнымъ оружіемъ варваровъ въ ихъ тяжелой борьбѣ съ враждебной природой. Она также являлась связью, которую варвары противоставляли угнетенію со стороны наиболѣе ловкихъ и сильныхъ, стремившихся усилить свою власть въ тѣ тревожныя времена. Воображаемый „варваръ“ —человѣкъ, сражающійся и убивающій людей изъ-за пустяковъ и „кровожадный“ дикарь нашихъ книжниковъ. Дѣйствительный варваръ, напротивъ того, въ своей жизни подчинялся цѣлому сложному ряду учрежденій, проникнутыхъ внимательнымъ отношеніемъ къ тому, что можетъ быть полезнымъ или же пагубнымъ для его племени или конфедераціи, при чемъ установленія этого рода благоговѣйно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе въ стихахъ и пѣсняхъ, въ пословицахъ и трехъ-стишіяхъ (тріадахъ), въ изрѣченіяхъ и наставленіяхъ. Чѣмъ болѣе мы изучаемъ этотъ періодъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся мы въ тѣснотѣ узъ, связывавшихъ людей въ ихъ общинахъ. Всякая ссора, возникавшая между двумя односельчанами, разсматривалась, какъ дѣло, касающееся всей общины—даже оскорбительныя слова, которыя вырвались во время ссоры, разсматривались, какъ оскорбленіе общины и ея предковъ. Подобныя оскорбленія надо было окупить извиненіями и легкою пенею въ пользу обиженнаго и въ пользу общины [2]). Если же ссора заканчивалась дракой и ранами, то человѣкъ, присутствовавшій при этомъ и не вмѣшавшійся для прекращенія ссоры, разсматривался, какъ если бы онъ самъ нанесъ причиненныя раны [3]).

Юридическая процедура была проникнута тѣмъ же духомъ. Каждый споръ, прежде всего, отдавался на разсмотрѣніе посредниковъ, или третейскихъ судей, и въ большинствѣ случаевъ разрѣшался ими, такъ какъ третейскій судъ игралъ чрезвычайно важную роль въ варварскомъ обществѣ. Но если дѣло было

---

[1]) Palfrey, «History of New England,» II, 13; цит. у Maine, «Village Communities», 1876, стр. 201 американскаго изданія.

[2]) Königswarter, „Etudes sur le développement des sociétés humaines“, Paris, 1850.

[3]) Таковъ, по крайней мѣрѣ, законъ у калмыковъ, обычное право которыхъ имѣетъ чрезвычайно близкое сходство съ законами тевтонцевъ, древнихъ славянъ и другихъ.

слишкомъ серьезно и не могло быть разрѣшено посредниками, оно отдавалось на обсужденіе мірского схода, который былъ обязанъ „найти приговоръ“, и произносилъ его всегда въ условной формѣ: т. е. „обидчикъ долженъ выплатить такое то возмездіе обиженному, если обида будетъ доказана,“ обида же доказывалась, или отрицалась шестью или двѣнадцатью лицами, которые подтверждали или отрицали фактъ обиды подъ присягою; къ Божьему суду прибѣгали только въ томъ случаѣ, если оказывалось противорѣчіе между двумя составами со-присягателей обѣихъ тяжущихся сторонъ. Подобная процедура, оставшаяся въ силѣ болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ, достаточно говоритъ сама за себя; она показываетъ, насколько тѣсны были узы, связывавшія между собой всѣхъ членовъ общины. При томъ, нужно помнить, что, кромѣ своего нравственнаго авторитета, мірскій сходъ не имѣлъ никакой другой силы, чтобы привести свой приговоръ въ исполненіе. Единственной возможной угрозой непокорному было бы объявленіе его изгоемъ, находящимся внѣ закона; но даже и эта угроза была обоюдо-острымъ оружіемъ. Человѣкъ, недовольный рѣшеніемъ мірского схода, могъ заявить, что онъ выходитъ изъ своего рода и присоединяется къ другому роду,—а это была ужасная угроза, такъ какъ, по общему убѣжденію, она непремѣнно навлекала всевозможныя несчастія на родъ, который могъ совершить несправедливость по отношенію къ одному изъ своихъ сочленовъ [1]). Сопротивленіе справедливому рѣшенію, основанному на обычномъ правѣ, было просто „невообразимо“, по очень удачному выраженію Генри Мэна, такъ „законъ, нравственность и фактъ представляли въ тѣ времена нѣчто нераздѣльное“ [2]). Нравственный авторитетъ общины былъ настолько великъ, что даже въ гораздо болѣе позднюю пору, когда деревенскія общины подпали уже въ подчиненіе феодальнымъ владѣльцамъ, онъ тѣмъ не менѣе удерживалъ за собой юридическую власть; онѣ только предоставляли владѣльцу, или его представителю, „находитъ“ вышеупомянутые условные приговоры, въ согласіи съ обычнымъ правомъ, которое онъ клялся сохранять въ чистотѣ, при чемъ ему предоставлялось взимать въ свою пользу ту пеню (fred), которая прежде взыскивалась въ пользу общины [3]). Но въ теченіе долгаго времени самъ феодальный владѣлецъ, если онъ являлся совладѣльцемъ общинныхъ пустошей и выгоновъ, подчинялся въ общинныхъ дѣлахъ рѣшеніямъ общины. Принадлежалъ ли онъ къ дворянству или къ духовенству, онъ обязанъ былъ подчиняться рѣшенію мірского схода—„Wer daselbst Wasser und Weid gehorsams ein“—„кто пользуется здѣсь правомъ на воду и пастбища, тотъ долженъ повиноваться“,—говоритъ одно старинное изрѣченіе. Даже когда крестьяне стали рабами феодальныхъ владѣльцевъ,—послѣдніе

---

[1]) Этотъ обычай до сихъ поръ сохранился у многихъ африканскихъ и другихъ племенъ.

[2]) „Village Communities“, стр. 65—68 и 199.

[3]) Въ теченіе всего періода, вира (wehrgeld) платилась въ возмездіе за обиду обиженному; пеня же (fred) платилась общинѣ, а впослѣдствіи ея замѣстителю—барину, епископу, королю—за нарушеніе мира, какъ повинная передъ мѣстными богами (или святыми) общины.

обязаны были являться на мірской сходъ, если сходъ вызывалъ ихъ [1]).

Въ своихъ представленіяхъ о правосудіи варвары, очевидно, недалеко ушли отъ дикарей. Они также считали, что всякое убійство должно повлечь за собой смерть убійцы; что нанесеніе раны должно быть наказано нанесеніемъ точь-въ точь такой же раны, и что обиженная семья обязана сама исполнить приговоръ, произнесенный въ силу обычнаго права, т. е. убить убійцу, или одного изъ его сородичей, или же нанести извѣстнаго рода рану обидчику, или одному изъ его ближнихъ. Это было для нихъ священной обязанностью, долгомъ по отношенію къ предкамъ, который долженъ быть выполненъ вполнѣ открыто, а никоимъ образомъ втайнѣ и получить возможно широкую огласку. Поэтому, самыя вдохновенныя мѣста сагъ и всѣхъ вообще произведеній эпической поэзіи посвящены прославленію того, что тогда считалось правосудіемъ, т. е. родовой мести. Сами боги присоединялись въ такихъ случаяхъ къ смертнымъ и помогали имъ.

Впрочемъ, преобладающей чертой правосудія варваровъ является уже, съ одной стороны, стремленіе ограничить количество лицъ, которыя могутъ быть вовлечены въ войну двухъ родовъ изъ-за кровавой мести, а съ другой стороны,—стремленіе устранить звѣрскую идею о необходимости отплачивать кровью за кровь и ранами за раны, и желаніе установить систему вознагражденій обиженному за обиды. Своды „варварскихъ" законовъ, которые представляли собранія постановленій обычнаго права, записанныхъ для руководства судей—„сначала допускали, затѣмъ поощряли и, наконецъ, требовали" замѣны кровавой мести вознагражденіемъ, какъ это замѣтилъ Кенигсвартеръ [2]). Но представлять эту систему судебнаго возмездія за обиды, какъ систему штрафовъ, которые давали, будто бы, богатому человѣку carte blanche т. е. полное право поступать, какъ ему вздумается — доказываетъ совершенное непониманіе этого учрежденія. Вира, т. е. Wergeld, выплачивавшаяся обиженному, совершенно отлична отъ небольшого штрафа, или fred [3]), выплачивавшаяся общинѣ или ея представителю: и вира обыкновенно назначалась такая высокая за всякаго рода насиліе, что, конечно, она не могла являться поощреніемъ для подобнаго рода преступковъ. Въ случаѣ убійства, вира обыкновенно превышала все возможное имущество убійцы. „Восемнадцать разъ восемнадцать коровъ" —таково вознагражденіе у осетинъ, не умѣющихъ считать свыше восемнадцати; у африканскихъ племенъ вира за убійство достигаетъ

---

[1]) Maurer („Geschichte der Markverfassung", § 29, 97) держится вполнѣ опредѣленнаго взгляда по этому вопросу. Онъ утверждаетъ, что „всѣ члены общины... а равнымъ образомъ свѣтскіе и духовные властелины, часто бывавшіе также отчасти совладѣльцами (Markberechtigte), и даже люди посторонніе общинѣ были подчинены ея юрисдикціи" (стр. 312;) мѣстами такого рода представленія были въ силѣ вплоть до XV—го столѣтія.

[2]) Königswarter, loc. cit., стр. 50; J. Thrupp, «Historical Law Tracts», London, 1843. стр. 106.

[3]) Königswarter указалъ, что «fred» возникла изъ жертвоприношеній, которыя обидчикъ дѣлалъ для умилостивленія предковъ. Позднѣе она уплачивалась общинѣ за нарушеніе мира; а еще позднѣе—судьѣ, королю, или помѣщику когда они присвоили себѣ права, прежде принадлежавшія общинамъ.

800 коровъ, или 100 верблюдовъ съ ихъ принадлежностями, и только у болѣе бѣдныхъ племенъ она спускается до 416 овецъ [1]). Вообще, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, виру за убійство невозможно было уплатить, такъ что убійцѣ оставалось одно: убѣдить, своимъ раскаяніемъ, обиженную семью, чтобы она усыновила его. Даже теперь, на Кавказѣ, когда родовая война изъ-за кровавой мести заканчивается мировою, обидчикъ прикасается губами къ груди старшей женщины въ родѣ, и становится, такимъ образомъ, „молочнымъ братомъ“ всѣхъ мужчинъ обиженной семьи [2]). У нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ убійца долженъ отдать свою дочь или сестру, въ замужество одному изъ членовъ семьи убитаго; у другихъ племенъ онъ обязанъ жениться на вдовѣ убитаго; и во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ становится, послѣ этого, членомъ семьи, мнѣніе котораго выслушивается во всѣхъ важныхъ семейныхъ дѣлахъ [3]).

Кромѣ того, варвары не только не относились съ пренебреженіемъ къ человѣческой жизни, но они вовсе не знали тѣхъ ужасающихъ наказаній, которыя были введены позднѣе свѣтскимъ и духовнымъ законодательствомъ, подъ римскимъ и византійскимъ вліяніями.

Если право саксовъ назначало смертную казнь довольно легко, даже за подкогъ и вооруженный грабежъ, то другіе варварскіе кодексы прибѣгали къ ней только въ случаяхъ предательства по отношенію къ своему роду и святотатства по отношенію къ общиннымъ богамъ, видя въ смертной казни единственное средство умилостивить боговъ.

Все это, очевидно, очень далеко отъ предполагаемой „нравственной распущенности“ варваровъ. Напротивъ того, мы не можемъ не любоваться глубоко-нравственными началами, которыя были выработаны древними деревенскими общинами и которыя нашли себѣ выраженіе въ уэльскихъ трехстишіяхъ, въ легендахъ о королѣ Артурѣ, въ ирландскихъ комментаріяхъ (Брегонъ) [4]), въ старыхъ германскихъ легендахъ и т. д., а также до сихъ поръ выражаются въ поговоркахъ современныхъ варваровъ. Въ своемъ введеніи къ „The Story of Burnt Njal“ Джорджъ Дазентъ очень вѣрно охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ качества нормана, какъ они опредѣляются на основаніи сагъ:

„Открыто и мужественно дѣлать предстоящее ему дѣло, не страшась ни враговъ, ни недруговъ, ни судьбы... быть свободнымъ.

---

[1]) Post, «Bausteine» и «Afrikanische Jurisprudenz», Oldenburg, 1887, т. I, стр. 64 и слѣд.; Ковалевскій, loc. cit., II, 164—189.

[2]) Ѳ. Миллеръ и М. Ковалевскій «Въ горныхъ общинахъ Кабарды», въ «Вѣстникѣ Европы», апрѣль, 1884 г.; у шахсевеновъ Муганской степи родовыя войны изъ-за кровавой мести всегда заканчиваются бракомъ представителей двухъ враждебныхъ сторонъ (Марковъ, въ приложеніи къ «Запискамъ Кавказскаго Географическаго Общества», т. XIV, часть I, стр. 21).

[3]) Post, въ «Afrikanische Jurisprudenz» даетъ рядъ фактовъ, иллюстрирующихъ представленія о справедливости, вкоренившіяся у африканскихъ варваровъ. То же самое можно сказать о всѣхъ серьезныхъ изслѣдованіяхъ въ области обычнаго права варваровъ.

[4]) См. превосходную главу «Le droit de la Viele Irlande» (также «Le Haut Nord»), профессора E. Nys, въ Etudes de droit international et de droit politique, Bruxelles, 1896.

и отважнымъ во всѣхъ своихъ поступкахъ; быть ласковымъ и щедрымъ по отношенію къ друзьямъ и сородичамъ; быть суровымъ и грознымъ по отношенію къ врагамъ (т. е. къ тѣмъ, кто подпалъ подъ законъ кровавой мести), но даже и по отношенію къ нимъ выполнять всѣ должныя обязанности... Не нарушать перемирія, не быть передатчикомъ и клеветникомъ. Не говорить за глаза о человѣкѣ ничего такого, чего не посмѣлъ бы сказать въ его присутствіи. Не прогонять отъ своего порога человѣка, ищущаго пищи или крова, хотя бы онъ былъ даже твоимъ врагомъ“ [1]).

Такими же, или даже еще болѣе возвышенными принципами проникнута вся уэльская эпическая поэзія и тріады. Поступать „съ кротостью и по принципамъ безпристрастія“, по отношенію къ людямъ, безъ различія будутъ ли они врагами и друзьями, и „исправлять причиненное зло“—таковы высшія обязанности человѣка; „зло—смерть, добро—жизнь“, восклицаетъ поэтъ-законодатель [2]). „Міръ былъ бы нелѣпымъ, если бы соглашенія, сдѣланныя на словахъ, на почитались“,—говоритъ законъ Брегона. А смиренный мордвинъ-шаманистъ, восхваливши подобныя же качества, прибавляетъ, въ своихъ принципахъ обычнаго права, что „между сосѣдями корова и подойникъ—общее достояніе“, что „корову надо доить для себя и для того, кто можетъ попросить молока“; что „тѣло ребенка краснѣетъ отъ удара, но лицо того, кто бьетъ ребенка—краснѣетъ отъ стыда“ [3]), и т. д. Можно было бы наполнить много страницъ изложеніемъ подобныхъ же нравственныхъ началъ, которыя „варвары“ не только выражали, но которымъ они слѣдовали.

Здѣсь необходимо упомянуть еще одну заслугу древнихъ деревенскихъ общинъ. Это то, что онѣ постепенно расширяли кругъ лицъ, солидарно связанныхъ между собою. Въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, не только роды федерировались въ племена, но и племена, въ свою очередь, даже хотя бы и различнаго происхожденія, объединялись въ конфедераціи. Нѣкоторые союзы были настолько тѣсны, что, напримѣръ, вандалы, оставшіеся на мѣстѣ, послѣ того, какъ часть ихъ конфедераціи ушла на Рейнъ, а оттуда перешла въ Испанію и Африку, въ теченіе сорока лѣтъ охраняли общинныя земли и покинутыя деревни своихъ союзниковъ; они не завладѣвали ими до тѣхъ поръ, пока не убѣдились, чрезъ особыхъ посланцевъ, что ихъ союзники не намѣрены болѣе возвратиться. У другихъ варваровъ мы встрѣчаемъ, что земля обрабатывалась одною частью племени, въ то время, какъ другая часть сражалась на границахъ ихъ общей территоріи или за ея предѣлами. Что же касается до лигъ между нѣсколькими племенами, то онѣ представляли самое обычное явленіе. Сикамбры объединились съ херусками и свевами; квады съ сарматами; сарматы съ аланами, карпами и гуннами. Позднѣе, мы видимъ также, какъ понятіе о націяхъ постепенно развивается

[1]) George Dasent, «The Story of Burnt Njal». Введеніе, стр. XXXV.
[2]) «Dasalte Wallis», стр. 345—350.
[3]) Майковъ, «Очерки юридическихъ обычаевъ у мордвы», въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества», по отдѣленію этнографіи, 1886 г., стр. 236, 257.

въ Европѣ, гораздо раньше, чѣмъ что либо въ родѣ государства начало слагаться гдѣ бы то ни было въ той части материка,— которая была занята варварами. Эти націи—такъ какъ невозможно отказать въ имени націи Меровингской Франціи, или же Россіи одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка,—эти націи были, однако, объединены между собою ничѣмъ инымъ, какъ единствомъ языка и молчаливымъ соглашеніемъ ихъ маленькихъ республикъ, избирать своихъ князей (военныхъ защитниковъ и судей) изъ одной только опредѣленной семьи.

Войны, конечно, были неизбѣжны; переселенія неизбѣжно влекутъ за собой войну, но уже Генри Мэнъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о племенномъ происхожденіи международнаго права, вполнѣ доказалъ, что „человѣкъ никогда не былъ ни такъ свирѣпъ, ни такъ глупъ, чтобы подчиняться такому злу, какъ война, не употребивши нѣкоторыхъ усилій, чтобы предотвратить его“. Онъ показалъ также, какъ велико было „число древнихъ учрежденій, обличавшихъ намѣреніе предупредить войну, или найти для нея какую-нибудь альтернативу [1]). Въ сущности, человѣкъ, вопреки обычнымъ предположеніямъ, такое не войнолюбивое существо, что, когда варвары, наконецъ, осѣли на своихъ мѣстахъ, они быстро утратили навыкъ къ войнѣ,—такъ быстро, что вскорѣ должны были завести особыхъ военныхъ вождей, сопровождаемыхъ особыми Scholae или дружинами, для защиты своихъ селъ отъ возможныхъ нападеній. Они предпочитали мирный трудъ войнѣ, и самое миролюбіе человѣка было причиной спеціализаціи военнаго ремесла, при чемъ въ результатѣ этой спеціализаціи получилось впослѣдствіи рабство и всѣ войны „государственнаго періода“ въ исторіи человѣчества.

Исторія встрѣчается съ большими затрудненіями въ своихъ попыткахъ возстановить учрежденія варварскаго періода. На каждомъ шагу историкъ находитъ блѣдныя указанія на то или другое учрежденіе, которыхъ онъ не можетъ объяснить при помощи однихъ лишь историческихъ документовъ. Но прошлое тотчасъ же озаряется яркимъ свѣтомъ, какъ только мы обращаемся къ учрежденіямъ многочисленныхъ племенъ, до сихъ поръ еще живущихъ подъ такимъ общественнымъ строемъ, который почти тождественъ со строемъ жизни нашихъ предковъ, варваровъ. Тутъ мы встрѣчаемъ такое обиліе матеріаловъ, что затрудненіе является въ выборѣ, такъ какъ острова Тихаго океана, степи Азіи и плоскогорія Африки оказываются настоящими историческими музеями, заключающими образчики всѣхъ возможныхъ промежуточныхъ стадій, пережитыхъ человѣчествомъ при переходѣ отъ родового быта дикарей къ государственной организаціи. Разсмотримъ нѣсколько такихъ образчиковъ.

Если мы возьмемъ, напримѣръ, деревенскія общины монголобурятъ, въ особенности тѣхъ, которые живутъ въ Кудинской степи, на верхней Ленѣ, и болѣе другихъ избѣжали русскаго вліянія, то мы имѣемъ въ нихъ довольно хорошій образчикъ варваровъ въ переходномъ состояніи, отъ скотоводства къ земледѣлію [2]).

[1]) Henry Maine, «International Law», London, 1888, стр. 11—13; E. Nus, «Les origines du droit international», Bruxelles 1894.

[2]) Русскій историкъ, казанскій профессоръ Шаповъ, который былъ вы-

Эти буряты до сихъ поръ живутъ „недѣленными семьями“, т. е., хотя каждый сынъ послѣ женитьбы уходитъ жить въ отдѣльную юрту, но юрты, по крайней мѣрѣ, трехъ поколѣній находятся внутри одной изгороди, и недѣленая семья работаетъ сообща на своихъ поляхъ и владѣетъ сообща своими недѣленными домохозяйствами, скотомъ, а также „телятниками“ (небольшія огороженныя пространства, на которыхъ сохраняется мягкая трава для выкормки телятъ). Обыкновенно каждая семья собирается для ѣды въ своей юртѣ; но когда жарится мясо, то всѣ члены недѣленаго домохозяйства, отъ двадцати до шестидесяти человѣкъ, пируютъ вмѣстѣ. Нѣсколько недѣленыхъ семей, живущихъ въ одномъ урочищѣ, а также меньшаго размѣра семьи, поселившіяся въ томъ же мѣстѣ (въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ остатки недѣленыхъ семей, разбившихся по какой-нибудь причинѣ), составляютъ улусъ, или деревенскую общину. Нѣсколько улусовъ составляютъ „родъ“—вѣрнѣе племя,—а всѣ сорокъ шесть „родовъ“ Кудинской степи объединены въ одну конфедерацію. Въ случаѣ надобности, вызываемой тѣми или другими специальными нуждами, нѣсколько „родовъ“ вступаютъ въ меньшіе, но болѣе тѣсные союзы. Эти буряты не признаютъ частной поземельной собственности - землей владѣютъ улусы сообща, или точнѣе ею владѣетъ вся конфедерація, и въ случаѣ необходимости происходитъ передѣлъ земли между различными улусами, на сходѣ всего рода, а между сорока шестью родами на вѣчѣ конфедераціи. Слѣдуетъ замѣтить, что та же самая организація существуетъ у всѣхъ 250,000 бурятъ Восточной Сибири, хотя они уже болѣе трехсотъ лѣтъ находятся подъ властью Россіи и хорошо знакомы съ русскими порядками.

Несмотря на все сказанное, имущественное неравенство быстро развивается у бурятъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ русское правительство начало придавать преувеличенное значеніе избираемымъ бурятами „тайшамъ“ (князьямъ, которыхъ оно считаетъ отвѣтственными сборщиками податей и представителями конфедерацій въ ихъ административныхъ и даже коммерческихъ сношеніяхъ съ русскими. Такимъ образомъ, открываются многочисленные пути къ обогащенію немногихъ, идущему рука-объ-руку съ обѣднѣніемъ массы, вслѣдствіе захвата русскими бурятскихъ земель. Тѣмъ не менѣе у бурятъ, особенно Кудинскихъ, держится обычай (а обычай—сильнѣе закона), согласно которому, если у семьи палъ скотъ, то болѣе богатыя семьи даютъ ей нѣсколько коровъ и лошадей, на поправку. Что же касается бѣдняковъ, безсемейныхъ, то они ѣдятъ у своихъ сородичей; бѣднякъ входитъ въ юрту, занимаетъ—по праву, а не изъ милости—мѣсто у огня и получаетъ свою долю пищи, которая всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ дѣлится на равныя части; спать онъ остается тамъ, гдѣ ужиналъ. Вообще, русскіе завоеватели Сибири были настолько поражены коммунистическими обычаями бурятъ, что они назвали ихъ „братскими“ и

сланъ въ 1862 году въ Сибирь, далъ хорошее описаніе ихъ учрежденій въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества», томъ V, 1874

доносили въ Москву: „у нихъ все сообща; все, что у нихъ есть, они дѣлятъ между всѣми". Даже въ настоящее время, когда Кудинскіе буряты продаютъ свою пшеницу, или посылаютъ свой скотъ для продажи русскому мяснику, всѣ семьи улуса или даже рода ссыпаютъ пшеницу въ одно мѣсто и сгоняютъ скотъ въ одно стадо, продавая все оптомъ, какъ бы принадлежащее одному лицу. Кромѣ того, каждый улусъ имѣетъ свой запасный хлѣбный магазинъ для ссудъ на случай надобности, свои общинныя печи, чтобы печь хлѣбъ (four bonal французскихъ общинъ) и своего кузнеца, который подобно кузнецу въ индійскихъ селахъ [1]), будучи членомъ общины, никогда не получаетъ платы за работу въ предѣлахъ общины. Онъ долженъ выполнять всю нужную кузнечную работу даромъ, а если онъ употребитъ свои часы досуга на выдѣлку чеканныхъ посеребренныхъ желѣзныхъ пластинокъ, служащихъ у бурятъ для украшенія одежды, то при случаѣ онъ можетъ продать ихъ женщинѣ изъ другого рода, но женщинѣ, принадлежащей къ его собственному роду, онъ можетъ только подарить ихъ. Купля-продажа вовсе не можетъ имѣть мѣста въ предѣлахъ общины, и это правило соблюдается такъ строго, что когда какая-нибудь зажиточная бурятская семья нанимаетъ работника, онъ долженъ быть взятъ изъ другого рода, или же изъ русскихъ; замѣчу, что такой обычай насчетъ купли-продажи существуетъ не у однихъ бурятъ: онъ такъ широко распространенъ между современными варварами,—арійцами и урало-алтайцами—что онъ долженъ былъ быть всеобщимъ у нашихъ предковъ.

Чувство единенія въ предѣлахъ конфедераціи поддерживается общими интересами всѣхъ родовъ, ихъ общими вѣчами и ихъ празднествами, которыя обыкновенно происходятъ въ связи съ вѣчами. То же самое чувство поддерживается, впрочемъ, и другимъ учрежденіемъ,—племенной охотой, а б а, которая очевидно представляетъ отголосокъ очень отдаленнаго прошлаго. Каждую осень всѣ сорокъ шесть Кудинскихъ родовъ сходятся для такой охоты, добыча которой дѣлится потомъ между всѣми семьями. Кромѣ того, время отъ времени созывается національная а б а, для утвержденія чувства единства у всей бурятской націи. Въ такихъ случаяхъ, всѣ бурятскіе роды, разбросанные на сотни верстъ къ востоку и къ западу отъ озера Байкала обязаны выслать спеціально для этой цѣли своихъ выбранныхъ охотниковъ. Тысячи людей собираются на такую національную охоту, при чемъ каждый привозитъ провизіи на цѣлый мѣсяцъ. Всѣ доли провизіи на цѣлый мѣсяцъ. Всѣ доли провизіи должны быть равны, а потому, прежде чѣмъ сложить вмѣстѣ всѣ запасы, каждая доля взвѣшивается выборнымъ старшиной (непремѣнно—„отъ руки": вѣсы были бы профанаціей древняго обычая). Вслѣдъ за тѣмъ, охотники раздѣляются на отряды, по двадцати человѣкъ въ каждомъ, и начинаютъ охоту, согласно заранѣе установленному плану. Въ такихъ національныхъ охотахъ вся бурятская нація переживаетъ эпическія традиціи того времени, когда она

---

[1]) Sir Henry Maine's «Village Communities», Nev-York, 1876, стр. 193—196.

была объединена въ одну могущественную лигу. Могу также прибавить, что подобныя же охоты—обычное явленіе у краснокожихъ индѣйцевъ и у китайцевъ на берегахъ Уссури (kada [1]).

Въ кабилахъ, образъ жизни которыхъ былъ такъ хорошо описанъ двумя французскими изслѣдователями [2]), мы имѣемъ представителей варваровъ, подвинувшихся нѣсколько дальше въ своемъ земледѣліи. Ихъ поля орошаются арыками, удобряются и вообще хорошо воздѣланы, а въ гористыхъ областяхъ каждый кусокъ удобной земли обрабатывается заступомъ. Кабилы пережили не мало превратностей въ своей исторіи; они слѣдовали нѣкоторое время мусульманскому закону о наслѣдованіи, но не могли примириться съ нимъ, и лѣтъ полтораста тому назадъ вернулись къ своему прежнему родовому обычному праву. Вслѣдствіе этого, замлевладѣніе имѣетъ у нихъ смѣшанный характеръ, и частная земельная собственность существуетъ на ряду съ общиннымъ владѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, основой теперешняго общественнаго строя является деревенская община (thaddart), которая обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ недѣленныхъ семей (kharoubas), признающихъ общность своего происхожденія, а также изъ нѣсколькихъ, меньшаго размѣра, семей чужаковъ. Деревни группируются въ роды, или племена, (ârch); нѣсколько родовъ составляютъ конфедерацію (thak'ebilt); и, наконецъ, нѣсколько конфедерацій иногда слагаются въ лигу,—главнымъ образомъ для цѣлей вооруженной защиты.

Кабилы не знаютъ никакой другой власти, кромѣ своей djemmâa, или мірского схода деревенской общины. Въ немъ принимаютъ участіе всѣ взрослые мужчины, и они собираются для этого, или прямо подъ открытымъ небомъ, или же въ особомъ зданіи, имѣющемъ каменныя скамьи. Рѣшенія djemmâa, очевидно, должны быть приняты единогласно; т.-е. обсужденіе продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ присутствующіе согласятся принять извѣстное рѣшеніе, или подчиниться ему. Такъ какъ въ деревенской общинѣ не бываетъ такой власти, которая могла бы заставить меньшинство подчиниться рѣшенію большинства, то система единогласныхъ рѣшеній практиковалась человѣчествомъ вездѣ, гдѣ только существовали деревенскія общины, и практикуется по сію пору тамъ, гдѣ онѣ продолжаютъ существовать, т.-е. у нѣсколькихъ сотъ милліоновъ людей на всемъ пространствѣ земного шара. Кабильская djemmâa сама назначаетъ свою исполнительную власть—старшину, писаря и казначея; она сама раскладываетъ подати и завѣдуетъ распредѣленіемъ общинныхъ земель, равно какъ и всякими общеполезными работами. Значительная часть работъ производится сообща: дороги, мечети, фонтаны, оросительные каналы, башни для защиты отъ набѣговъ, деревенскія ограды и т. п.,—все это строится деревенской общиной, тогда какъ большія дороги, мечети болѣе крупныхъ размѣровъ и большіе базары являются дѣломъ цѣлаго рода. Многіе слѣды общинной обработки земли существуютъ до сихъ поръ, и дома продолжаютъ строиться всѣмъ селомъ, или же съ помощью

[1]) Назаровъ, «Сѣверно-Уссурійскій край». Спб., 1887, стр. 65.
[2]) Hanoteau et Letourneau, «La Kabylie», 3 volumes, Paris, 1883.

всѣхъ мужчинъ и женщинъ своего села. Вообще, къ „помочамъ" прибѣгаютъ чуть ли не ежедневно, для обработки полей, для жатвы, для построекъ и т. п. Что же касается ремесленныхъ работъ, то каждая община имѣетъ своего кузнеца, которому дается часть общинной земли, и онъ работаетъ для общины; когда подходитъ время пахоты, онъ обходитъ всѣ дома и чинитъ плуги и другія земледѣльческія орудія безплатно, выковать же новый плугъ считается благочестивымъ дѣломъ, которое не можетъ быть вознаграждаемо деньгами, или вообще какой-либо платой.

Такъ какъ у кабиловъ уже существуетъ частная собственность, то среди нихъ, очевидно, есть и богатые, и бѣдные. Но, подобно всѣмъ людямъ, живущимъ въ тѣсномъ общеніи и знающимъ, какъ и откуда начинается обѣднѣніе, они считаютъ бѣдность такою случайностью, которая можетъ посѣтить каждаго. „Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся",—говорятъ русскіе крестьяне; кабилы прилагаютъ къ дѣлу эту поговорку, и въ ихъ средѣ нельзя подмѣтить ни малѣйшей разницы въ обращеніи между бѣдными и богатыми; когда бѣднякъ созываетъ „помочь"—богачъ работаетъ на его полѣ, совершенно такъ же, какъ бѣднякъ работаетъ въ подобномъ же случаѣ на полѣ богача [1]). Кромѣ того, djemmâa отводитъ извѣстные сады и поля, иногда воздѣлываемые сообща, для пользованія бѣднѣйшихъ членовъ общины. Много подобныхъ обычаевъ сохранилось до сихъ поръ. Такъ какъ болѣе бѣдныя семьи не въ состояніи покупать для себя мяса, то оно регулярно покупается на суммы, составляющіяся изъ штрафныхъ денегъ, изъ пожертвованій въ пользу djemmâa, или изъ платы за пользованіе общиннымъ бассейномъ для выжимки оливковаго масла, и это мясо распредѣляется поровну между тѣми, кто по бѣдности не въ состояніи купить его для себя. Точно также, когда какая-нибудь семья убиваетъ овцу и быка не въ базарный день, деревенскій глашатай выкрикиваетъ объ этомъ по всѣмъ улицамъ, чтобы больные люди и беременныя женщины могли получить сколько имъ нужно мяса.

Взаимная поддержка проходитъ красной нитью по всей жизни кабиловъ, и если одинъ изъ нихъ, во время путешествія за предѣлами родной страны, встрѣчаетъ другого кабила въ нуждѣ, онъ обязанъ прійти къ нему на помощь, хотя бы и рисковалъ для этого собственнымъ имуществомъ и жизнью; если же такая помощь не была оказана, то djemmâa человѣка, пострадавшаго отъ подобнаго эгоизма можетъ жаловаться, и тогда djemmâa эгоиста тотчасъ же вознаграждаетъ потерпѣвшаго. Въ данномъ случаѣ мы наталкиваемся, такимъ образомъ, на обычай, хорошо извѣстный всякому, изучавшему средневѣковыя купеческія гильдіи. Всякій чужеземецъ, являющійся въ кабильскую деревню, имѣетъ право зимой на убѣжище въ домѣ, а его лошади могутъ пастись въ теченіе сутокъ на общинныхъ земляхъ. Въ случаѣ

[1]) При созывѣ «помочи», міру полагается какое-нибудь угощеніе. Одинъ изъ моихъ кавказскихъ друзей разсказывалъ мнѣ, что въ Грузіи, когда бѣднякъ нуждается въ «помочи» онъ беретъ у богача одну или двухъ овецъ для приготовленія такого угощенія, а община, помимо своего труда, приноситъ еще столько провизіи, чтобы бѣднякъ могъ уплатить сдѣланный для угощенія долгъ. Подобный же обычай существуетъ также и у мордвиновъ.

нужды, онъ можетъ, впрочемъ, разсчитывать почти на безграничную поддержку. Такъ, во время голода 1867—1868 годовъ, кабилы принимали и кормили всякаго, безъ различія происхожденія, кто только искалъ убѣжища въ ихъ деревняхъ. Въ области Деллисъ собралось не менѣе 12.000 человѣкъ, пришедшихъ не только изъ всѣхъ частей Алжиріи, но даже изъ Марокко, причемъ кабилы кормили ихъ всѣхъ. Въ то время, какъ по всей Алжиріи люди умирали съ голода, въ кабильской землѣ не было ни одного случая голодной смерти; кабильскія djemtâa, лишая себя часто самаго необходимаго, организовали помощь, не прося никакого пособія отъ правительства и не жалуясь на обремененіе: они смотрѣли на это, какъ на свою естественную обязанность. И въ то время, какъ среди европейскихъ колонистовъ принимались всевозможныя полицейскія мѣры, чтобы предотвратить воровство и безпорядки, возникавшіе вслѣдствіе наплыва чужестранцевъ, никакой подобной охраны не потребовалось на кабильской территоріи: djemtâa не нуждались ни въ защитѣ, ни въ помощи извнѣ [1]).

Я могу лишь вкратцѣ упомянуть о двухъ другихъ чрезвычайно интересныхъ чертахъ кабильской жизни: а именно, объ институціи, именуемой anaya, имѣющей цѣлью охрану въ случаѣ войны колодцевъ, оросительныхъ арыковъ, мечетей, базарныхъ площадей и нѣкоторыхъ дорогъ, и объ институціи çof о которой я скажу ниже. Въ anaya мы собственно имѣемъ цѣлый рядъ установленій, стремящихся уменьшить зло, причиняемое войной, и предупреждать войны. Такъ, базарная площадь — anaya, въ особенности, если она находится близъ границы и служитъ мѣстомъ, гдѣ встрѣчаются кабилы съ чужеземцами: никто не смѣетъ нарушать мира на базарѣ, и если возникаютъ безпорядки, они тотчасъ же усмиряются самими чужестранцами, собравшимися въ городѣ. Дорога, по которой ходятъ деревенскія женщины къ фонтану за водой, также считается anaya въ случаѣ войны и т. д. Что же касается до çof'a, то это установленіе представляетъ широко-распространенную форму ассоціаціи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходной съ средневѣковыми Bürgschaften или Gegilden, а также представляетъ общество, существующее, какъ для взаимной защиты, такъ и для различныхъ цѣлей, умственныхъ, политическихъ, религіозныхъ, нравственныхъ и т. д., которыя не могутъ быть удовлетворены территоріальною организаціею общины, рода или конфедераціи. Cof не знаетъ территоріальныхъ ограниченій; онъ набираетъ своихъ членовъ въ различныхъ деревняхъ, даже среди чужеземцевъ, и онъ оказываетъ своимъ сочленамъ защиту во всевозможныхъ случаяхъ жизни. Вообще, онъ является попыткой дополненія территоріальной группировки, группировкою внѣ-территоріальною, въ цѣляхъ дать выраженіе взаимному сродству всякаго рода стремленій за предѣлами данной территоріи. Такимъ образомъ,

---

[1]) Hanoteau et Letourneau, «La Kabylie», II, 58. То же самое уваженіе къ чужеземцамъ является общимъ правиломъ у монголовъ. Монголъ, отказавшій въ убѣжищѣ чужеземцу, платитъ полную виру, въ случаѣ если чужеземецъ пострадалъ вслѣдствіе отказа въ гостепріимствѣ (Bastian, «Der Mensch in der Ceschichte», III, 231).

свободныя международныя ассоціаціи вкусовъ и идей, которыя мы считаемъ однимъ изъ лучшихъ проявленій нашей современной жизни, ведутъ берутъ свое начало изъ древняго варварскаго періода.

Жизнь кавказскихъ горцевъ даетъ другой рядъ чрезвычайно поучительныхъ примѣровъ того же рода. Изучая современные обычаи осетинъ—ихъ недѣленыя семьи, ихъ общины и ихъ юридическія понятія—профессоръ М. Ковалевскій, въ замѣчательной работѣ, „Современный обычай и древнее право“, могъ шагъ-за шагомъ сравнивать ихъ съ подобными же установленіями древнихъ варварскихъ законовъ и даже имѣлъ возможность подмѣтить первоначальное порожденіе феодализма. У другихъ кавказскихъ племенъ мы иногда находимъ указанія на способы зарожденія деревенской общины, въ тѣхъ случаяхъ, когда она не была родовою, а выростала изъ добровольнаго союза между семьями разнаго происхожденія. Такой случай, наблюдался, напримѣръ, недавно, въ хевсурскихъ деревняхъ, обитатели которыхъ принесли клятву „общности и братства“ [1]). Въ другой части Кавказа, въ Дагестанѣ, мы видимъ ростъ феодальныхъ отношеній между двумя племенами, при чемъ оба остаются въ то же время сложенными въ деревенскія общины, сохраняя даже слѣды родовыхъ „классовъ“; такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этомъ случаѣ живой примѣръ тѣхъ формъ, которыя принимало завоеваніе Италіи и Галліи варварами. Побѣдители лезгины, покорившіе нѣсколько грузинскихъ и татарскихъ деревень въ Закатальскомъ округѣ, не подчинили эти деревни власти отдѣльныхъ семей; они организовали феодальный кланъ, состоящій теперь изъ 12.000 домохозяевъ въ трехъ деревняхъ и владѣющій сообща не менѣе чѣмъ двадцатью грузинскими и татарскими деревнями. Завоеватели раздѣлили свою собственную землю между своими родами, а роды въ свою очередь подѣлили ее на равныя части между семьями; но они не вмѣшиваются въ дѣла djemmâa своихъ данниковъ, которые до сихъ поръ практикуютъ обычай, упоминаемый Юліемъ Цезаремъ, а именно: djemmâa рѣшаетъ ежегодно, какая часть общинной территоріи должна быть обработана, и эта земля раздѣляется на участки, по количеству семей, при чемъ самые участки распредѣляются по жребію. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя пролетаріи не являются рѣдкостью среди лезгинъ,—живущихъ при системѣ частной поземельной собственности и общаго владѣнія рабами [2])—они очень рѣдки среди крѣпостныхъ грузинъ, продолжающихъ держать свою землю въ общинномъ владѣніи. Что же касается до обычнаго права кавказскихъ горцевъ, то оно очень схоже съ правомъ лангобардовъ и салическихъ франковъ, при чемъ нѣкоторыя его постановленія бросаютъ новый свѣтъ на юридическую процедуру варварскаго періода. Отличаясь очень впечатлительнымъ характеромъ, обитатели Кавказа употребляютъ всѣ усилія,

[1]) Н. Худадовъ, „Замѣтки о хевсурахъ“; въ Запискахъ Кавказскаго Географич. Общ., XIV, I, Тифлисъ, 1890, стр. 68. Они также дали клятву не жениться на дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ ихъ собственному союзу, проявивъ, такимъ образомъ, замѣчательный возвратъ къ древнимъ родовымъ установленіямъ.

[2]) Дм. Бакрадзе, «Замѣтки о Закатальскомъ округѣ», въ тѣхъ же „Запискахъ“, XIV, I, стр. 264. „Сборный плугъ“ представляетъ обычное явленіе, какъ среди лезгинъ, такъ и среди осетинъ.

чтобы ссоры не доходили до убійства; такъ, напр., у хевсуровъ дѣло скоро доходитъ до обнаженныхъ мечей; но если выбѣжитъ женщина и броситъ среди ссорящихся кусокъ полотна, служащій ей женскимъ головнымъ уборомъ, шашки тотчасъ же спускаются въ ножны, и ссора прекращается. Головной уборъ женщины является въ данномъ случаѣ anaya. Если ссора не была прекращена во-время и кончилась убійствомъ, то вира, налагаемая на убійцу, бываетъ такъ значительна, что виновникъ будетъ разоренъ на всю жизнь, если его не усыновитъ семья убитаго; если же онъ прибѣгнулъ къ кинжалу въ мелкой ссорѣ и нанесъ раны, онъ навсегда теряетъ уваженіе своихъ сородичей. Во всѣхъ возникающихъ ссорахъ веденіе дѣла поступаетъ въ руки посредниковъ: они выбираютъ судей изъ среды своихъ сородичей,—шесть въ маловажныхъ дѣлахъ и отъ десяти до пятнадцати въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ,—и русскіе наблюдатели свидѣтельствуютъ объ абсолютной неподкупности судей. Клятва имѣетъ такое значеніе, что люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ, освобождаются отъ нея,—простое утвержденіе совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что въ важныхъ дѣлахъ хевсуръ никогда не поколеблется признать свою вину (я имѣю, конечно, въ виду хевсура, еще не затронутаго цивилизаціей). Клятва, главнымъ образомъ, сохраняется для такихъ дѣлъ, какъ споры объ имуществѣ, въ которыхъ, кромѣ простого установленія фактовъ, требуется еще извѣстнаго рода оцѣнка ихъ. Въ подобныхъ случаяхъ люди, которыхъ утвержденіе повліяетъ рѣшающимъ образомъ на разрѣшеніе спора, дѣйствуютъ съ величайшей осмотрительностью. Вообще, можно сказать, что варварскія общества Кавказа отличаются честностью и уваженіемъ къ правамъ сородичей.

Различныя африканскія племена представляютъ такое разнообразіе въ высшей степени интересныхъ обществъ, стоящихъ на всѣхъ промежуточныхъ ступеняхъ развитія, начиная съ первобытной деревенской общины и кончая деспотическими варварскими монархіями, что я долженъ оставить всякую мысль дать, хотя бы главные результаты сравнительнаго изученія ихъ учрежденій [1]). Достаточно сказать, что, даже при самомъ жестокомъ деспотизмѣ королей, мірскіе сходы деревенскихъ общинъ и ихъ обычное право остаются полноправными въ широкомъ кругѣ всякихъ дѣлъ. Законъ государственный позволяетъ королю отнять жизнь у любого подданнаго, просто изъ каприза, или даже для удовлетворенія прожорливости, но обычное право народа продолжаетъ сохранять ту же сѣть учрежденій, служащихъ для цѣлей взаимной поддержки, которая существуетъ среди другихъ варваровъ или же существовала у нашихъ предковъ. А у нѣкоторыхъ, наиболѣе благопріятно-поставленныхъ племенъ (въ Борну, Угандѣ, Абиссиніи) и въ особенности у богосовъ, нѣкоторыя требованія обычнаго права одухотворены дѣйствительно изящными и утонченными чувствами.

[1]) См. Post, „Afrikanische Jurisprudenz“, Oldenburg, 1887; Münzinger, «Ueber dans Recht und Sitten der Bogos», Winterthur, 1859; Casalis, «Les Bassoutos», Paris, 1859; Maclean «Kafir Laws and Customs», Mount Coke, 1858 и мн. др.

Деревенскія общины туземцевъ обѣихъ Америкъ носили тотъ же характеръ. Бразильскіе тупи, когда они были открыты европейцами, жили въ „длинныхъ домахъ“; занятыхъ цѣлыми родами, которые сообща воздѣлывали свои зерновые посѣвы и маніоковыя поля. Арани, подвинувшіеся гораздо дальше на пути цивилизаціи, обрабатывали свои поля сообща; также и укаги, которые, оставаясь при системѣ первобытнаго коммунизма и „длинныхъ домовъ“, научились проводить хорошія дороги и въ нѣкоторыхъ областяхъ домашняго производства [1]) не уступали ремесленникамъ ранняго періода средневѣковой Европы. Всѣ они жили, повинуясь тому же обычному праву, образчики котораго были даны на предыдущихъ страницахъ.

На другомъ концѣ міра мы находимъ малайскій феодализмъ, который, однако, оказался безсильнымъ искоренить негарію т.-е. деревенскую общину, съ ея общиннымъ владѣніемъ, по крайней мѣрѣ частью земли, и перераспредѣленіемъ ея между негаріями цѣлаго рода [2]). У альфурусовъ Минегасы мы находимъ общинную трехпольную систему обработки земли; у индѣйскаго племени уайандотовъ (Wyandots) мы встрѣчаемъ періодическое перераспредѣленіе земли всѣмъ родомъ; равнымъ образомъ, во всѣхъ тѣхъ частяхъ Суматры, гдѣ мусульманское право еще не успѣло вполнѣ разрушить старый родовой строй, мы находимъ недѣленую семью (suca) и деревенскую общину (kota), сохраняющую свои права на землю, даже въ такихъ случаяхъ, когда часть ея была расчищена безъ разрѣшенія со стороны общины [3]). Но сказать это, значитъ сказать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что всѣ обычаи, служащіе для взаимной защиты и для предупрежденія родовыхъ войнъ изъ-за кровавой мести и вообще всякаго рода войнъ, обычаи, на которые мы вкратцѣ указали выше, какъ на типичные обычаи для общины, также существуютъ и въ данномъ случаѣ. Мало того: чѣмъ полнѣе сохранилось общинное владѣніе, тѣмъ лучше и мягче нравы. De Stuers положительно утверждаетъ, что вездѣ, гдѣ деревенская община была менѣе подавлена завоевателями, наблюдается меньшее неравенство матеріальнаго благосостоянія, и самыя предписанія кровавой мести отличаются меньшей жестокостью; и, наоборотъ, вездѣ, гдѣ деревенская община была окончательно разрушена, „жители страдаютъ отъ невыносимаго гнета со стороны деспотическихъ правителей“ [4]). И это вполнѣ естественно. Такъ что, когда Waitz замѣтилъ, что тѣ племена, которыя сохранили свои родовыя конфедераціи стоятъ на высшемъ уровнѣ развитія и обладаютъ болѣе богатою литературою, чѣмъ тѣ племена, у которыхъ эти узы разрушены, онъ высказалъ именно то, что можно было предвидѣть заранѣе.

Приводить дальнѣйшіе примѣры, значило бы уже повторяться—такъ поразительно походятъ другъ на друга варварскія

---

[1]) Waitz, III, 423 seq.

[2]) Post, «Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familien Rechts», Oldenburg, 1889, стр. 270 seq.

[3]) Powell, „Annual Report of the Bureau of Ethnography“: Waschington, 1881, цит. у Post'a „Studien“, стр. 290; Bastian's „Inselgruppen in Oceanien“, 1883 стр. 88.

[4]) De Stuers, цитируемый у Waitz'a, т. V, стр. 141.

общины, не взирая на разность климатовъ и расъ. Одинъ и тотъ же процессъ эволюціи совершался во всемъ человѣчествѣ, съ удивительнымъ однообразіемъ. Когда, разрушаемый изнутри отдѣльной семьей, а извнѣ—расчлененіемъ переселявшихся родовъ и необходимостью для нихъ принимать въ свою среду чужаковъ, родовой строй началъ разлагаться, на смѣну ему выступила деревенская община, основанная на понятіи объ общей территоріи. Этотъ новый строй, выросшій естественнымъ путемъ изъ предыдущаго родового строя, позволилъ варварамъ пройти черезъ самый смутный періодъ исторіи, не разбившись на отдѣльныя семьи, которыя неизбѣжно погибли бы въ борьбѣ за существованіе. При новой организаціи развились новыя формы обработки земли; земледѣліе достигло такой высоты, которая большинствомъ населенія земнаго шара не была превзойдена вплоть до настоящаго времени; ремесленное домашнее производство достигло высокой степени совершенства. Дикая природа была побѣждена, чрезъ лѣса и болота были проложены дороги, и пустыня заселилась деревнями, отроившимися отъ материнскихъ общинъ. Рынки, укрѣпленные города, церкви,—выросли среди пустынныхъ лѣсовъ и равнинъ. Мало по-малу стали вырабатываться представленія о болѣе широкихъ союзахъ, распространявшихся на цѣлыя племена и на группы племенъ, различныхъ по своему происхожденію. Старыя представленія о правосудіи, сводившіяся просто къ мести, медленнымъ путемъ подверглись глубокому видоизмѣненію, и идея исправленія нанесеннаго ущерба заняла мѣсто идеи объ отмщеніи. Обычное право, которое по сію пору остается закономъ повседневной жизни для двухъ третей человѣчества, если не болѣе выработалось понемногу при этой организаціи, равно какъ и система обычаевъ, стремившихся къ предупрежденію угнетенія массъ меньшинствомъ, силы котораго росли, по мѣрѣ того, какъ росла возможность личнаго накопленія богатствъ. Такова была новая форма, въ которую вылилось стремленіе массъ къ взаимной поддержкѣ. И прогрессъ—экономическій, умственный и нравственный—котораго достигло человѣчество при этой новой народной формѣ организаціи, былъ такъ великъ, что когда, позднѣе, начали слагаться государства, они просто завладѣли, въ интересахъ меньшинства, всѣми юридическими, экономическими и административными функціями, которыя деревенская община уже отправляла на пользу всѣмъ.

ГЛАВА V.

Взаимная помощь въ средневѣковомъ городѣ.

Ростъ власти въ варварскомъ обществѣ.—Рабство въ деревняхъ.—Возстаніе укрѣпленныхъ городовъ: ихъ освобожденіе; ихъ партіи.—Гильдіи.—Двойственное происхожденіе свободнаго средневѣковаго города.—Его автономная юрисдикція и самоуправленіе.—Почетное положеніе, занятое трудомъ.—Торговля, производимая гильдіями и городомъ.

Общительность и потребность во взаимной помощи поддержкѣ настолько прирождены человѣческой природѣ, что мы не находимъ въ исторіи такихъ временъ, когда бы люди жили врозь, небольшими обособленными семьями, борющимися между собою

изъ-за средствъ къ существованію. Напротивъ, современныя послѣдованія доказали, какъ мы это видѣли въ двухъ предыдущихъ главахъ, что, съ самыхъ раннихъ временъ своей до-исторической жизни, люди собирались уже въ роды, которые держались вмѣстѣ идеей объ единствѣ происхожденія всѣхъ членовъ рода и поклоненіемъ ихъ общимъ предкамъ. Въ теченіе многихъ тысячелѣтій родовой строй служилъ для объединенія людей, хотя въ немъ не имѣлось рѣшительно никакой власти, чтобы сдѣлать его принудительнымъ. Эта бытовая организація наложила глубокую печать на все послѣдующее развитіе человѣчества; и когда узы общаго происхожденія стали ослабѣвать, вслѣдствіе частыхъ и далекихъ переселеній, при чемъ развитіе отдѣльной семьи въ предѣлахъ самого рода также разрушало древнее родовое единство,—тогда новая форма объединенія, основанная на земельномъ началѣ, — т. е. деревенская община, — была вызвана къ жизни общественнымъ творчествомъ человѣка. Это установленіе, въ свою очередь, послужило для объединенія людей въ продолженіе многихъ столѣтій, давая имъ возможность развивать болѣе и болѣе свои общественныя учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуя имъ пройти чрезъ самые мрачные періоды исторіи, не разбившись на ничѣмъ не связанныя между собою сборища семей и индивидуумовъ, благодаря ему, они смогли сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ своей эволюціи и выработать цѣлый рядъ второстепенныхъ общественныхъ учрежденій, изъ которыхъ многія дожили вплоть до настоящаго времени. Мы видѣли это въ предыдущихъ двухъ главахъ. Теперь-же намъ предстоитъ прослѣдить дальнѣйшее развитіе той же, всегда присущей человѣку, склонности ко взаимной помощи. Взявши деревенскія общины, такъ-называемыхъ варваровъ, въ тотъ періодъ, когда они вступали въ новый періодъ цивилизаціи, послѣ паденія западной римской имперіи, мы должны теперь изучить тѣ новыя формы, въ которыя вылились общественныя потребности массъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, въ особенности—поскольку онѣ нашли себѣ выраженіе въ средневѣковыхъ гильдіяхъ и въ средневѣковомъ городѣ.

Такъ-называемые варвары первыхъ столѣтій нашей эры, такъ же, какъ и многія монгольскія, африканскія, арабскія и т. п. племена, до сихъ поръ находящіяся въ той же стадіи развитія, не только не походили на кровожадныхъ животныхъ, съ которыми ихъ часто сравниваютъ, но, напротивъ, неизмѣнно предпочитали миръ войнѣ. За исключеніемъ немногихъ племенъ, которыя во время великихъ переселеній были загнаны въ безплодныя пустыни или на высокія нагорья и, такимъ образомъ, вынуждены были жить періодическими набѣгами на своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей,—за исключеніемъ этихъ племенъ, громадное большинство германцевъ, саксовъ, кельтовъ, славянъ и т. д. какъ только они осѣли на своихъ новозавоеванныхъ земляхъ, немедленно вернулись къ сохѣ, или заступу, и къ своимъ стадамъ. Самые ранніе варварскіе кодексы уже изображаютъ намъ общества, состоящія изъ мирныхъ земледѣльческихъ общинъ, а вовсе не изъ безпорядочныхъ ордъ людей, находящихся въ безпрерывной войнѣ другъ съ другомъ. Эти варвары покрыли занятыя ими

страны деревнями и фермами [1]); они расчищали лѣса, строили мосты чрезъ дикіе потоки, прокладывали гати чрезъ болота и колонизировали совершенно необитаемую до того пустыню; рискованныя же военныя занятія они предоставляли братствамъ, scholae, или дружинамъ безпокойныхъ людей, собиравшихся вокругъ временныхъ вождей, которые переходили съ мѣста на мѣсто, предлагая свою страсть къ приключеніямъ, свое оружіе и знаніе военнаго дѣла для защиты населенія, желавшаго одного: чтобы ему представили жить въ мирѣ. Отряды такихъ вонтелей приходили и уходили, ведя между собою родовыя войны изъ-за кровавой мести; но главная масса населенія продолжала пахать землю, обращая очень мало вниманія на своихъ мнимыхъ вождей, пока они не нарушали независимости деревенскихъ общинъ [2]). И эта масса новыхъ засельщиковъ Европы выработала теперь системы землевладѣнія и способы обработки земли, которые до сихъ поръ остаются въ силѣ и въ употребленіи у сотенъ милліоновъ людей. Они выработали свою систему возмездія за причиненныя обиды, вмѣсто древней родовой кровавой мести; они научились первымъ ремесламъ: и, укрѣпивши свои деревни частоколами, земляными городками и башнями, куда можно было скрываться въ случаѣ новыхъ набѣговъ, они вскорѣ предоставили защиту этихъ башенъ и городковъ тѣмъ, кто изъ войны сдѣлалъ себѣ ремесло.

Именно это миролюбіе варваровъ, а отнюдь не ихъ будто бы войнолюбивые инстинкты, стало, такимъ образомъ, источникомъ ихъ послѣдовавшаго затѣмъ порабощенія военнымъ вождямъ. Очевидно, что самый образъ жизни вооруженныхъ братствъ давалъ дружинникамъ гораздо больше случаевъ къ обогащенію, чѣмъ ихъ могло представляться хлѣбопашцамъ, жившимъ мирною жизнью въ своихъ земледѣльческихъ общинахъ. Даже теперь мы видимъ, что вооруженные люди по временамъ предпринимаютъ флибустьерскія экспедиціи, чтобы перестрѣлять африканскихъ матабэловъ и отнять у нихъ ихъ стада, хотя матабэлы стремятся лишь къ миру и готовы купить его, хотя бы дорогой цѣной; и, очевидно, что въ старину дружинники не отличались большею добросовѣстностью, чѣмъ современные флибустьеры. Такъ пріобрѣтали они скотъ, желѣзо (имѣвшее въ то время чрезвычайно высокую цѣнность [3]) и рабовъ; и хотя большая часть награбленнаго добра растрачивалась тутъ же, въ тѣхъ достослав-

[1]) W. Arnold, въ его «Wanderungen und Ansiedelungen der deutschen Stämme», стр. 431, утверждаетъ даже, что половина распахиваемой въ современной Германіи земли была поднята въ періодъ времени между шестымъ и девятымъ вѣкомъ. Того же мнѣнія держится и Nitzsch («Geschichte des deutschen Volkes», Leipzig, 1883, томъ I).

[2]) Leo и Botta, «Histoire d'Italie», Французск. изд. 1844, т. I, стр. 37); Костомаровъ, «Начало единодержавія на Руси», статьи въ «Вѣстникѣ Европы».

[3]) За кражу простого ножа назначался штрафъ въ 15 solidi, а за кражу желѣзныхъ частей мельницы штрафъ въ 45 solidi (см. Lamprecht'a, «Wirthschaft und Recht ver Franken» въ Raumer's «Historisches Taschenbuch», 1883, стр. 52). Согласно закону Рипаріевъ, мечъ, копьё и желѣзныя латы воина равнялись цѣнности, по крайней мѣрѣ, 25 коровъ или 2 годамъ работы свободнаго человѣка. Одна лишь кираса, согласно Салическому закону Desmichels, цит. у Michele), оцѣнивалась въ 36 бушелей пшеницы.

нихъ нравахъ, которые воспѣваетъ эпическая поэзія—все же нѣкоторая часть оставалась и служила для дальнѣйшаго обогащенія. Въ то время было еще множество невоздѣланной земли, и не было недостатка въ людяхъ, готовыхъ обрабатывать ее, лишь бы только достать необходимый скотъ и орудія. Цѣлыя села, доведенныя до нищеты болѣзнями, падежами скота, пожарами или нападеніями новыхъ пришельцевъ, бросали свои дома и шли вразбродъ, въ поискахъ за новыми мѣстами для поселенія. Въ Россіи, по настоящее время, села бредутъ врозь по тѣмъ же причинамъ. И вотъ, если кто-нибудь изъ hirdmen'овъ, т. е. старшихъ дружинниковъ, предлагалъ выдавать крестьянамъ нѣсколько скота для начала новаго хозяйства, желѣза для выковки плуга, а не то и самый плугъ, а также свою защиту отъ набѣговъ и грабежей, и если онъ объявлялъ, что на столько-то лѣтъ новые поселыцики будутъ свободны отъ всякихъ платежей, прежде чѣмъ начать выплату долга, то переселенцы охотно садились на его землю. А впослѣдствіи, когда, послѣ упорной борьбы съ недородами, наводненіями и лихорадками, эти піоперы начинали уплачивать свои долги, они легко попадали въ крѣпостную зависимость у защитника территоріи. Богатства, несомнѣнно, накоплялись этимъ путемъ, а за богатствомъ всегда слѣдуетъ власть [1]. Но все-таки, чѣмъ больше мы проникаемъ въ жизнь тѣхъ временъ—шестого и седьмого столѣтій нашей эры, — тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что для установленія власти меньшинства потребовался, помимо богатства и военной силы, еще одинъ элементъ. Это былъ элементъ закона и права, — желаніе массъ сохранить миръ и установить то, что они считали правосудіемъ; и это желаніе дало вождямъ дружинъ,—королямъ, герцогамъ, князьямъ и т. п.—ту силу, которую они пріобрѣли двумя или тремя столѣтіями позже. Та же идея правосудія, выросшая въ родовомъ періодѣ, но понимаемаго теперь какъ должное возмездіе за причиненную обиду, прошла красной нитью чрезъ исторію всѣхъ послѣдовавшихъ установленій: и въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ военныя или экономическія причины, она послужила основой, на которой развилась власть королей и феодальныхъ владѣтелей.

Дѣйствительно, главною заботою варварскихъ деревенскихъ общинъ было тогда (какъ и теперь, у современныхъ намъ народовъ, стоящихъ на той же ступени развитія), быстрое прекращеніе семейныхъ войнъ изъ-за кровавой мести, которыя могли возникнуть вслѣдствіе ходячихъ въ то время представленій о правосудіи. Какъ только возникала ссора между двумя общинниками, въ нее немедленно вступалась община, и міровой сходъ, выслушавши дѣло, назначалъ размѣръ виры (wergeld), т. е. возмездія,

[1] Главное богатство вождей, въ продолженіе долгаго времени, заключалось въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ, заселенныхъ отчасти плѣнными рабами, но преимущественно вышеуказаннымъ нами способомъ. О происхожденіи собственности см. Inama Sternegg, «Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutshland», въ Schmoller's «Forschungen», т. I, 1878; F. Dahn'a «Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker», Berlin, 1881; Maurer'a «Dorfverfassung»; Guisot, «Essais sur l'hitoire de France»; Maine'a «Village Community»; Bona, «Histoire d'Italie»; и работы Seebohm'a, Виноградова, J. R. Grene'a и т. д.

которое слѣдовала выплатить пострадавшему, или его семьѣ, а равнымъ образомъ и размѣръ пени (fred) за нарушеніе мира, которая уплачивалась общинѣ. Внутри самой общины раздоры легко улаживались такимъ путемъ. Но когда являлся случай кровавой мести между двумя различными племенами, или двумя конфедераціями племенъ, тогда — несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся для предупрежденія подобныхъ войнъ [1]). — трудно было найти такого посредника или знатока обычнаго права, котораго рѣшеніе было бы пріемлемо обѣими сторонами, по довѣрію къ его безпристрастію и знакомству съ древнѣйшими законами. Затрудненіе это еще болѣе осложнялось тѣмъ, что обычное право различныхъ племенъ и конфедерацій не одинаково опредѣляло размѣры виры въ различныхъ случаяхъ. Вслѣдствіе этого явился обычай брать судью изъ среды такихъ семей, или такихъ родовъ, которые были извѣстны сохраненіемъ древняго закона во всей чистотѣ, знаніемъ пѣсенъ, стиховъ, сагъ и т. д., при помощи которыхъ законъ удерживался въ памяти; и сохраненіе закона такимъ путемъ стало своего рода искусствомъ, „мистеріей“, тщательно передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе въ извѣстныхъ семьяхъ. Такъ, въ Исландіи и въ другихъ скандинавскихъ странахъ на всякомъ Allthing, или національномъ вѣчѣ, Lögsögmadr (сказатель правъ) распѣвалъ на память все обычное право, для поученія собравшихся; а въ Ирландіи, какъ извѣстно, существовалъ особый классъ людей, имѣвшихъ репутацію знатоковъ древнихъ преданій, и вслѣдствіе этого пользовавшихся большимъ авторитетомъ въ качествѣ судей [2]). Затѣмъ, когда мы находимъ въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстіе, что нѣкоторыя племена сѣверо-западной Россіи, видя все возраставшіе безпорядки, происходившіе отъ того, что „родъ возста на родъ“, обратились къ норманскимъ варягамъ (varingiar) и просили ихъ стать судьями и начальниками дружинъ; когда мы видимъ далѣе князей, выбираемыхъ неизмѣнно въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій изъ одной и той же норманской семьи, мы должны признать, что славяне допускали въ этихъ норманахъ лучшее знакомство съ законами того обычнаго права, которое различные славянскіе роды признавали для себя подходящимъ. Въ этомъ случаѣ обладаніе рунами, служившими для записи древнихъ обычаевъ, являлось положительнымъ преимуществомъ на сторонѣ норманновъ; но въ другихъ случаяхъ имѣются нѣкоторыя указанія на то, что за судьями обращались къ „старшему“ роду, т. е. къ вѣтви, считавшейся материнскою, и что рѣшенія этихъ судей считались самыми справедливыми [3]). Наконецъ, въ болѣе позднюю пору мы видимъ явную склонность выбирать судей изъ среды христіанскаго духовенства, которое въ то время еще придерживалось

[1]) См. Sir Henry Maine's «International Law», London, 1883.

[2]) „Ancient Laws of Ireland“, введеніе; E. Nys, „Etudes de droit international“, томъ I, 1896, стр. 86 seq. Среди осетинъ посредники изъ трехъ древнѣйшихъ деревень пользуются особенно высокой репутаціей (М. Ковалевскій, «Современный обычай и древній законъ», Москва, 1886, томъ II, стр. 217).

[3]) Позволительно думать, что это представленіе (связанное съ представленіемъ о tanistry, играло важную роль въ жизни даннаго періода; но историческія изслѣдованія до сихъ поръ еще не коснулись этого явленія.

основного, теперь забытаго, принципа христіанства, — что месть не составляетъ акта правосудія. Въ то время христіанское духовенство открывало свои церкви, какъ мѣста убѣжища для людей, убѣгавшихъ отъ кровавой мести, и оно охотно выступало въ качествѣ посредниковъ въ уголовныхъ дѣлахъ, всегда противясь старому родовому началу—„жизнь за жизнь и рана за рану".

Однимъ словомъ, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ исторію раннихъ установленій, тѣмъ меньше мы находимъ основаній для военной теоріи происхожденія власти. Судя по всему, даже та власть, которая позднѣе стала такимъ источникомъ угнетенія, имѣла свое происхожденіе въ мирныхъ наклонностяхъ массъ.

Во всѣхъ случаяхъ суда, пеня (fred), которая часто доходила до половины размѣра виры (wergeld), поступала въ распоряженіе мірского схода или вѣча, и съ незапамятныхъ временъ она употреблялась для производства работъ, служившихъ для общей пользы и защиты. До сихъ поръ она имѣетъ то же назначеніе (возведеніе башенъ) у кабиловъ и у нѣкоторыхъ монгольскихъ племенъ; и мы имѣемъ прямыя историческія свидѣтельства, что даже гораздо позднѣе судебныя пошлины, въ Псковѣ и въ нѣкоторыхъ французскихъ и германскихъ городахъ, шли на поправку городскихъ стѣнъ [1]). Поэтому, совершенно естественно было, чтобы штрафы вручались судьямъ, которые, въ свою очередь, обязаны были поддерживать дружину вооруженныхъ людей, содержавшуюся для защиты территоріи, а также обязаны были приводить приговоры въ исполненіе. Это стало всеобщимъ обычаемъ въ восьмомъ и девятомъ вѣкѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судьей былъ выборный епископъ. Такимъ образомъ, появлялись зачатки соединенія въ одномъ лицѣ того, что мы теперь называемъ судебною и исполнительною властью. Но власть герцога, короля, князя и т. п. строго ограничивалась этими двумя функціями. Онъ вовсе не былъ правителемъ народа — верховная власть все еще принадлежала вѣчу; онъ не былъ даже начальникомъ народной милиціи, такъ какъ, когда народъ брался за оружіе, онъ находился подъ начальствомъ отдѣльнаго, также выбраннаго вождя, который не былъ подчиненъ королю, или князю, но считался равнымъ ему [2]). Король или князь являлся полновластнымъ господиномъ лишь въ своихъ личныхъ вотчинахъ. Фактически, въ языкѣ варваровъ, слово konung, koning или cyning — синонимъ латинскаго rex, — не имѣло другого значенія, какъ только временнаго вождя, или предводителя отряда людей. Начальникъ флотиліи судовъ, или даже отдѣльнаго пиратскаго судна, былъ также konung, и вплоть до настоящаго времени завѣдующій рыбной ловлей въ Норвегіи называется

[1]) Въ хартіи города Сэнъ-Кантена, относящейся къ 1002 году, было ясно установлено, что выкупы за дома, обреченные на разрушеніе за преступленія владѣльцевъ шли на поддержаніе городскихъ стѣнъ. Такое же употребленіе назначалось для Ungeld въ германскихъ городахъ. Въ Псковѣ штрафы вносились и хранились въ соборѣ, и изъ этого штрафного фонда производились издержки на поддержаніе городскихъ стѣнъ.

[2]) Sohm, «Fränkische Rechtsund Gerichtsverfassung» стр. 23; также Nitzsch, „Geschichte des deutschen Volkes", I 78. То же было и въ русскихъ вольныхъ городахъ. Ср. Сергѣевичъ, «Вѣче и Князь"; Костомаровъ, „Начало единодержавія", Бѣляевъ и т. д.

Not-kong—„король сѣтей“ [1]). Почтенія, которымъ впослѣдствіи стали окружать личность короля, въ то время еще не существовало, и тогда какъ измѣнническій поступокъ по отношенію къ роду наказывался смертью, за убійство короля накладывалась вира, при чемъ король лишь оцѣнивался во столько то разъ выше обыкновеннаго вольнаго человѣка [2]). А когда король Кну (или Канутъ) убилъ одного изъ своихъ дружинниковъ, то сага изображаетъ его, созывающимъ дружинниковъ на сходку (thing), во время которой онъ сталъ на колѣни, умоляя о прощеніи. Ему простили его вину, но лишь послѣ того, когда онъ согласился уплатить виру, въ девять разъ болѣе обычной виры, при чемъ изъ этой виры одну треть получалъ онъ самъ, за потерю своего дружинника, одна треть была отдана родственникамъ убитаго и одна треть (въ видѣ fred) — дружинѣ [3]). Въ сущности, нужно было, чтобы совершилась полнѣйшая перемѣна въ ходячихъ понятіяхъ, подъ вліяніемъ церкви и изученія римскаго права, прежде чѣмъ идея о святой неприкосновенности начала прилагаться къ личности короля.

Я вышелъ бы, однако, за предѣлы настоящихъ очерковъ, если бы захотѣлъ прослѣдить постепенное развитіе власти изъ вышеуказанныхъ элементовъ. Такіе историки, какъ Гринъ и его Гринъ для Англіи, Огюстенъ Тьерри, Мишле и Люперъ для Франціи, Кауфманъ, Янссенъ и даже Ничъ для Германіи, Лео и Ботта для Италіи, Бѣляевъ, Костомаровъ и ихъ послѣдователи для Россіи, и многіе другіе, подробно разсказали объ этомъ. Они показали, какъ населеніе, вполнѣ свободное и только соглашавшееся „кормить“ извѣстное количество своихъ военныхъ защитниковъ, постепенно впадало въ крѣпостную зависимость отъ этихъ покровителей; какъ отдача себя подъ покровительство церкви, или феодальнаго владѣльца (commendation), становилась тяжелою необходимостью для свободныхъ гражданъ, будучи единственною защитою отъ другихъ феодальныхъ грабителей; какъ замокъ каждаго феодальнаго владѣльца и епископа становился разбойничьимъ гнѣздомъ,—словомъ, какъ вводилось ярмо феодализма— и какъ крестовые походы, освобождая всѣхъ, кто носилъ крестъ, дали первый толчекъ къ народному освобожденію. Но намъ нѣтъ надобности здѣсь разсказывать все это, такъ какъ главная наша задача—прослѣдить теперь работу п о с т р о и т е л ь н а г о г е н і я

---

1) См. превосходныя замѣчанія по этому вопросу въ работѣ Augustin Thierry, „L e t t r e s s u r l ' h i s t o i r e d e F r a n c e“, письмо 7-е. Съ этой точки зрѣнія очень поучительны переводы у варваровъ нѣкоторыхъ частей библіи.

2) Согласно англо-саксонскому закону, — въ 36 разъ болѣе, чѣмъ за дворянина. По кодексу Ротари, убійство короля наказывалось, впрочемъ, смертью; но это нововведеніе (помимо римскаго вліянія) было внесено въ 642 году въ Ломбардскій законъ,—какъ указали Leo и Botta — съ цѣлью защитить короля отъ послѣдствій кровавой мести. Такъ какъ король въ то время обязанъ былъ выполнять свои собственныя рѣшенія, (точно такъ же, какъ раньше родъ былъ выполнителемъ собственныхъ приговоровъ), и казнилъ самъ, то его надо было охранить особымъ постановленіемъ, тѣмъ болѣе, что до Ротари нѣсколько королей было убито одинъ за другимъ (Leo и Botta, l. c., I, 66—90).

3) Kaufmann, „D e u t s c h e G e s c h i c h t e“, т. I. „Die Germanen der Urzeit“, стр. 133.

народныхъ массъ, въ ихъ учрежденіяхъ, служившихъ дѣлу взаимной помощи.

Въ то самое время, когда, казалось, послѣдніе слѣды свободы исчезали у варваровъ, и Европа, подпавшая подъ власть тысячи мелкихъ правителей, шла прямо къ установленію такихъ теократій и деспотическихъ государствъ, какія обыкновенно слѣдовали за варварской стадіей въ предыдущія эпохи цивилизаціи, или же шла къ созданію варварскихъ монархій, какія мы теперь видимъ въ Африкѣ, въ это самое время жизнь въ Европѣ приняла новое направленіе. Она пошла по направленію, подобному тому, которое однажды уже принято было цивилизаціей въ городахъ древней Греціи. Съ единодушіемъ, которое кажется намъ теперь почти непонятнымъ, и которое очень долгое время дѣйствительно не понималось историками, городскія поселенія, вплоть до самыхъ маленькихъ посадовъ, начали свергать съ себя иго своихъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ. Укрѣпленное село возстало противъ замка феодальнаго владѣльца: сперва оно свергло его власть, затѣмъ—напало на него и, наконецъ, разрушило его. Движеніе распространялось отъ одного города къ другому; въ скоромъ времени въ немъ приняли участіе всѣ европейскіе города, и менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ свободные города возникли на берегахъ Средиземнаго, Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, Атлантическаго океана и у фіордовъ Скандинавіи: у подножья Аппенинъ Альпъ, Шварцвальда, Грампіанскихъ и Карпатскихъ горъ: въ равнинахъ Россіи, Венгріи, Франціи и Испаніи. Вездѣ вспыхивало то же самое возстаніе, имѣвшее вездѣ однѣ и тѣ же черты, вездѣ проходившее чрезъ тѣ же фразы и вездѣ приводившее къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ только люди находили, или думали найти нѣкоторую защиту въ своихъ городскихъ стѣнахъ, они вступали въ „со-прикасательства“ (co-jurations) „братства“ и „дружества“, объединенныя одною общею идеею, и смѣло шли навстрѣчу новой жизни взаимной помощи и свободы. И они успѣли въ осуществленіи своихъ стремленій настолько, что въ триста или четыреста лѣтъ вполнѣ измѣнился самый видъ Европы. Они покрыли страну прекрасными, роскошными зданіями, являвшимися выраженіемъ генія свободныхъ союзовъ свободныхъ людей. зданіями, которыхъ мы до сихъ поръ не превзошли по красотѣ и выразительности; они оставили въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ всѣ искусства и всѣ ремесла, и вся наша современная цивилизація, со всѣми достигнутыми ею и ожидаемыми въ будущемъ успѣхами, представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе этого наслѣдія. И когда мы теперь стараемся опредѣлить, какія силы произвели эти великіе результаты, мы находимъ ихъ—не въ геніи индивидуальныхъ героевъ, не въ мощной организаціи большихъ государствъ и не въ политическихъ талантахъ ихъ правителей, но въ томъ же самомъ потокѣ взаимной помощи и взаимной поддержки, работу котораго мы видѣли въ деревенской общинѣ и который оживился и обновился въ средніе вѣка новаго рода союзами,—гильдіями, вдохновленными тѣмъ же духомъ,—но отлился уже въ новую форму.

Въ настоящее время хорошо извѣстно, что феодализмъ не

повлекъ за собой разложенія деревенской общины. Хотя феодаламъ и удалось наложить ярмо крѣпостного труда на крестьянъ и присвоить себѣ тѣ права, которыя раньше принадлежали деревенской общинѣ (подати, выморочныя имущества, налоги на наслѣдства и браки), крестьяне, тѣмъ не менѣе, удержали за собой два основныхъ общинныхъ права: общинное владѣніе землей и собственные суды. Въ былыя времена, когда король посылалъ своего фогта (судья) въ деревню, крестьяне встрѣчали послѣдняго съ цвѣтами въ одной рукѣ и оружіемъ въ другой, и задавали ему вопросъ: какой законъ намѣренъ онъ примѣнять, тотъ ли, который онъ найдетъ въ деревнѣ, или тотъ, который онъ принесъ съ собой? Въ первомъ случаѣ ему вручали цвѣты и принимали его, а во второмъ—вступали съ нимъ въ бой [1]). Теперь же крестьянамъ принимать судью, посылаемаго королемъ или феодальнымъ владѣльцемъ, такъ какъ не принять его они не могли; но все-таки сохраняли юрисдикцію мірского схода и сами назначали шесть, семь, или двѣнадцать судей, которые дѣйствовали совмѣстно съ судьею феодальнаго владѣльца въ присутствіи мірского схода, въ качествѣ посредниковъ или лицъ, „находящихъ приговоръ". Въ большинствѣ случаевъ, королевскому или феодальному судьѣ не оставалось даже ничего другого, какъ только подтвердить рѣшеніе общинныхъ судей и получить обычный штрафъ (fred). Это драгоцѣнное право собственной юрисдикціи, которое въ то время влекло за собой и право на собственную администрацію и на собственное законодательство, сохранилось среди всѣхъ столкновеній, и войнъ, и даже законники, которыми окружилъ себя Карлъ Великій, не могли уничтожить это право: они были вынуждены подтвердить его. Въ то же самое время, во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся общинныхъ владѣній, мірской сходъ удерживалъ за собой верховное право и какъ было показано Маурером, онъ часто требовалъ подчиненія себѣ со стороны самого феодальнаго владѣльца, въ дѣлахъ, касавшихся земли. Самое сильное развитіе феодализма не могло сломить этого сопротивленія; деревенская община твердо держалась за свои права; и когда, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ, нашествія норманновъ, арабовъ и венгерцевъ ясно показали, что военныя дружины въ сущности не въ силахъ охранять страну отъ набѣговъ,—по всей Европѣ крестьяне начали укрѣплять свои поселенія каменными стѣнами и крѣпостцами. Тысячи укрѣпленныхъ центровъ были воздвигнуты тогда, благодаря энергіи деревенскихъ общинъ; а разъ вокругъ общинъ воздвигались стѣны, и въ этомъ новомъ святилищѣ создались новые общіе интересы,—жители быстро поняли, что теперь, за своими стѣнами, они могутъ сопротивляться не только нападеніямъ внѣшнихъ враговъ, но и нападеніямъ внутреннихъ враговъ, т. е. феодальныхъ владѣльцевъ. Тогда новая свободная жизнь начала развиваться внутри этихъ укрѣпленій. Родился средневѣковый городъ [2]).

[1]) Dr. F. Dahn, «Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker», Berlin, 1881, т. I, 96.

[2]) Если я, такимъ образомъ, придерживаюсь взглядовъ, давно уже защищаемыхъ Maurer'омъ («Geschichte der Städteverfassung in Deutschland», Erlangen, 1869), то дѣлаю это потому, что онъ вполнѣ доказалъ

Ни одинъ періодъ исторіи не служитъ лучшимъ подтвержденіемъ созидательныхъ силъ народа, чѣмъ десятый и одиннадцатый вѣкъ, когда укрѣпленныя деревни и торговыя мѣстечки, представлявшія своего рода „оазисы въ феодальномъ лѣсу", начали освобождаться отъ ярма феодаловъ и медленно вырабатывать будущую организацію города. Къ несчастью, историческія свѣдѣнія объ этомъ періодѣ отличаются особенною скудностью: намъ извѣстны его результаты, но очень мало дошло до насъ о томъ, какими средствами эти результаты были достигнуты. Подъ защитою своихъ стѣнъ, городскія вѣча—иныя совершенно независимо, другія же подъ руководствомъ главныхъ дворянскихъ или купеческихъ семей—завоевали и утвердили за собой право выбора военнаго защитника города (defensor municipii) и верховнаго судьи, или, по крайней мѣрѣ, право выбирать между тѣми, кто изъявлялъ желаніе занять это мѣсто. Въ Италіи, молодыя коммуны постоянно изгоняли своихъ защитниковъ (defensores или domini), при чемъ общинамъ приходилось даже сражаться съ тѣми, которые не соглашались добровольно уйти. То же самое происходило и на востокѣ. Въ Богеміи, какъ бѣдные такъ и богатые (Bohemicæ gentis magni et parvi nobiles et ignobiles) одинаково принимали участіе въ выборахъ [1]); а вѣча русскихъ городовъ регулярно сами избирали своихъ князей—всегда изъ одной и той же семьи, Рюриковичей,—вступали съ ними въ договоры (ряду) и выгоняли князя, если онъ вызывалъ неудовольствіе [2]). Въ то же самое время, въ большинствѣ городовъ Западной и Южной Европы было стремленіе назначать въ качествѣ защитника (defensor), епископа, котораго избиралъ

такимъ образомъ, непрерывность эволюціи отъ деревенской общины къ средневѣковому городу, и что, только держась его взглядовъ, можно объяснить себѣ универсальность городского общиннаго движенія. Savigny, Eichhorn и ихъ послѣдователи несомнѣнно доказали, что традиціи римской municipia никогда не исчезали вполнѣ. Но они не приняли въ расчетъ періода деревенскихъ общинъ, пережитаго варварами, прежде чѣмъ у нихъ появились какіе-нибудь города. Фактъ тотъ, что гдѣ бы человѣчество не начинало снова цивилизацію,—было ли то въ Греціи, Римѣ, или въ средней Европѣ,—оно проходило чрезъ тѣ-же самыя стадіи: родъ, деревенскую общину, свободный городъ, и государство, при чемъ каждая изъ этихъ стадій естественнымъ образомъ развивалась изъ предыдущей. Конечно, опытъ каждой предшествующей цивилизаціи никогда не утрачивался вполнѣ. Греція (сама находившаяся подъ вліяніемъ восточныхъ цивилизацій) воздѣйствовала на Римъ, а Римъ оказалъ вліяніе на нашу цивилизацію; но каждая изъ цивилизацій имѣла одно и то же начало—родъ. И точно также, какъ мы не можемъ сказать, чтобы наши государства были продолженіями римскаго государства, мы не можемъ также утверждать, что средневѣковые города Европы (включая Скандинавію и Россію), были продолженіями римскихъ муниципій. Они были продолженіями деревенской общины варваровъ, на которыя до извѣстной степени вліяли традиціи римскихъ городовъ.

[1]) M. Kovalevsky, «Modern Customs and Ancient Laws of Russia» (Ilchester Lectures, London, 1891, лекція 4-я.

[2]) Потребовалось не мало изысканій, прежде чѣмъ былъ надлежащимъ образомъ установленъ этотъ характеръ такъ называемаго удѣльнаго періода, работами Бѣляева («Разсказы изъ русской исторіи»), Костомарова («Начало единодержавія на Руси») и въ особенности проф. Сергѣевича («Вѣче и Князь»). Англійскіе читатели могутъ найти нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого періода въ вышеупомянутой работѣ М. Ковалевскаго, въ Rambaud «History of Russia», и въ краткомъ резюме, сдѣланномъ авторомъ въ статьѣ «Russia» въ изданіи «Chambers's Encyclopoedia» девяностыхъ годовъ.

самъ городъ; при чемъ епископы такъ часто стояли первыми въ защитѣ городскихъ привилегій (иммунитетовъ) и вольностей, что многіе изъ нихъ, послѣ смерти, были признаны святыми или спеціальными покровителями различныхъ городовъ. Св. Утельредъ въ Винчестерѣ, св. Ульрикъ въ Аугсбургѣ, св. Вольфгангъ въ Ратисбонѣ, св. Херибергъ въ Кельнѣ, св. Адальбертъ въ Прагѣ, и т. д., и множество аббатовъ и монаховъ стали святыми своихъ городовъ, за то, что защищали народныя права [1]). И при помощи этихъ новыхъ защитниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, граждане завоевывали для своего вѣча полныя права на независимую юрисдикцію и администрацію [2]).

Весь процессъ освобожденія подвигался понемногу, благодаря непрерывному ряду незамѣтныхъ актовъ преданности общему дѣлу, совершаемыхъ людьми, выходившими изъ среды народныхъ массъ—неизвѣстными героями, самыя имена которыхъ не сохранились въ исторіи. Поразительное движеніе, извѣстное подъ названіемъ „Божьяго мира“ (treuga Dei), при помощи котораго народныя массы стремились положить предѣлъ безконечнымъ родовымъ войнамъ изъ-за кровавой мести, продолжавшимся въ средѣ знатныхъ фамилій, зародилось въ юныхъ вольныхъ городахъ, при чемъ епископы и граждане пытались распространить на дворянство тотъ миръ, который они установили у себя внутри своихъ городскихъ стѣнъ [3]). Уже въ этомъ періодѣ торговые города Италіи, и въ особенности Амальфи (который имѣлъ выборныхъ консуловъ съ 844 года и часто мѣнялъ своихъ дожей въ десятомъ вѣкѣ [4]), выработали обычное морское и торговое право, которое позднѣе стало образцомъ для всей Европы; Равенна выработала въ ту же пору свою ремесленную организацію, а Миланъ, который первую свою революцію произвелъ въ 980 году, сталъ крупнымъ торговымъ центромъ, при чемъ его ремесла пользовались полной независимостью уже съ одиннадцатаго вѣка [5]). То же можно сказать относительно Брюгге и Гента, а также нѣсколькихъ французскихъ городовъ, въ которыхъ Mahl или forum (вѣче)

---

[1]) Ferrari, «Histoire des rèvolutions d'Italie», I, 257; Kallsen, „Die deutschen Städte in Mittelalter“, т. I (Halle, 1891).

[2]) См. превосходныя замѣчанія G. L. Gomme относительно Лондонскаго вѣча („The Literature of Local Institutions“, London, 1886, стр. 76). Должно, однако, замѣтить, что въ королевскихъ городахъ вѣче никогда не достигало той степени независимости, которую оно пріобрѣло въ другихъ мѣстностяхъ. Несомнѣнно даже, что Москва и Парижъ были выбраны князьями и церковью, какъ колыбели будущей королевской или царской власти въ государствѣ, потому именно, что въ нихъ не было традицій вѣча, которое привыкло бы дѣйствовать во всѣхъ дѣлахъ въ качествѣ верховной власти.

[3]) A. Luchaire „Les Communes françaises“, также Kluckohn „Geschichte des Gottesfreiden“, 1857; L. Sémichon, „La raix et la treve de Dieu“, 2 т., Paris, 1869, пытался представить общинное движеніе исходящимъ изъ этой институціи. Но въ дѣйствительности treuga Dei подобно лигѣ, возникшей при Людовикѣ Толстомъ для защиты отъ разбойничавшаго дворянства и норманскихъ нашествій, было вполнѣ народнымъ движеніемъ. Единственный историкъ, упоминающій о послѣдней лигѣ—а именно: Vitalis,—описываетъ ее, какъ „народную общину“ („Considération sur l'histoire de France“, въ т. IV Aug. Thierry „Oeuvres“, Paris 1868, стр. 191 и прим.).

[4]) Ferrari, I, 152, 263, etc.

[5]) Perrens, „Histoire de Florence“, I, 188; Ferrari, l. c., I, 283.

стало совершенно независимымъ учрежденіемъ [1]). И уже въ теченіе этого періода началась работа артистическаго украшенія городовъ произведеніями архитектуры, которымъ мы удивляемся понынѣ, и которыя громко свидѣтельствуютъ объ интеллектуальномъ движеніи, совершившемся въ ту пору. „Почти по всему міру были тогда возобновлены храмы“,—писалъ въ своей хроникѣ Рауль Глаберъ, и нѣкоторые изъ самыхъ чудныхъ памятниковъ средневѣковой архитектуры относятся къ этому періоду: удивительная древняя церковь Бремена была построена въ девятомъ вѣкѣ; соборъ святого Марка въ Венеціи былъ законченъ постройкой въ 1071 году, а прекрасный соборъ въ Пизѣ—въ 1063 году. Въ сущности, умственное движеніе, которое описывалось подъ именемъ Возрожденія двѣнадцатаго вѣка [2]) и Раціонализма двѣнадцатаго вѣка [3]), и было предшественникомъ реформаціи, беретъ свое начало въ этомъ періодѣ, когда большинство городовъ представляло еще простыя кучки небольшихъ деревенскихъ общинъ, обнесенныхъ одною общею стѣною.

Но еще одинъ элементъ, кромѣ деревенской общины, требовался, чтобы придать этимъ зарождавшимся центрамъ свободы и просвѣщенія единство мысли и дѣйствія и ту могучую инициативу, которыя создали ихъ силу въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ. При возраставшемъ разнообразіи въ занятіяхъ, ремеслахъ и искусствахъ и увеличеніи торговли съ далекими странами, требовалась новая форма единенія, которой еще не давала деревенская община, и этотъ необходимый новый элементъ былъ найденъ въ гильдіяхъ. Много томовъ было написано объ этихъ союзахъ, которые, подъ именемъ гильдій, братствъ, дружествъ, миннe, артелей въ Россіи, еснафовъ въ Сербіи и Турціи, амкари въ Грузіи и т. д., получили такое развитіе въ средніе вѣка и сыграли такую важную роль въ дѣлѣ освобожденія городовъ. Но историкамъ пришлось проработать болѣе шестидесяти лѣтъ надъ этимъ вопросомъ, прежде чѣмъ была понята универсальность этого учрежденія и его истинный характеръ. Только теперь, когда напечатаны были и изучены сотни гильдейскихъ статутовъ и опредѣлена ихъ связь съ римской collegia и еще болѣе древними союзами въ Греціи и Индіи [4]), мы можемъ съ полною увѣренностью утверждать, что эти братства являлись лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же самыхъ принциповъ, воздѣйствіе которыхъ мы видѣли уже въ родовомъ строѣ и въ деревенской общинѣ.

Ничто не можетъ лучше обрисовать эти средневѣковыя братства, чѣмъ тѣ временныя гильдіи, которыя возникали на торговыхъ корабляхъ. Когда ганзейскій корабль, вышедшій въ море,

[1]) Aug. Thierry, „Essai sur l'histoire du Tiers Etat“. Paris. 1875, стр. 414, примѣч.

[2]) F. Rocquain, „La Renaissance au XII-e siecle“, въ „Etudes sur l'histoire de France“, Paris, 1875, стр. 55—117.

[3]) Н. Костомаровъ, „Раціоналисты XII-го столѣтія“.

[4]) Очень интересные факты о всеобщности гильдій можно найти въ трудѣ Rev. J. M. Lambert'a, „Two Thousand Years of Guild-Life“ Hulle. 1891. О грузинскихъ амкари см. Еліазаровъ „Городскіе цехи“ (Организація закавказскихъ амкари) въ „Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества“, XIV, 2, 1891.

пройдетъ, бывало, первый полъ-дня по выходѣ изъ порта, капитанъ (Schiffer) обыкновенно собиралъ на палубѣ весь экипажъ и пассажировъ и обращался къ нимъ, по свидѣтельству одного современника, со слѣдующей рѣчью:

„Такъ какъ мы теперь находимся въ волѣ Бога и волнъ“,—говорилъ онъ,—„то всѣ мы должны быть теперь равны другъ другу. И такъ какъ мы окружены бурями, высокими волнами, морскими разбойниками и другими опасностями, то мы должны поддерживать строгій порядокъ, дабы довести наше путешествіе до благополучнаго конца. Поэтому мы должны помолиться о попутномъ вѣтрѣ и добромъ успѣхѣ и, согласно морскому закону, избрать тѣхъ, которые займутъ судейскія мѣста (Schöffen—stellen)“. Вслѣдъ затѣмъ экипажъ выбиралъ фогта и четырехъ scabini, которые и становились судьями. Въ концѣ плаванія фогтъ и scabini слагали съ себя обязанности и обращались къ экипажу съ слѣдующей рѣчью:—„Все, что случилось на кораблѣ мы должны простить другъ другу и считать, какъ бы мертвымъ (todt und ab sein lassen). Мы судили по справедливости и въ интересахъ правосудія. Поэтому просимъ васъ всѣхъ, во имя честнаго правосудія, забыть всякую злобу, какую можете питать другъ на друга и поклясться на хлѣбѣ и соли, что не будете вспоминать о прошломъ съ враждой. Но если кто-нибудь считаетъ себя обиженнымъ, то пусть онъ обратится къ ландфогту (судьѣ на сушѣ) и до заката солнца проситъ у него правосудія“. По высадкѣ на берегъ всѣ взысканные въ пути штрафы (fred) передавались портовому фогту для раздачи бѣднымъ“ [1]).

Этотъ простой разсказъ, быть можетъ, лучше всего характеризуетъ духъ средневѣковыхъ гильдій. Подобныя организаціи возникали повсюду, гдѣ только появлялась группа людей, объединенныхъ какимъ-нибудь общимъ дѣломъ: рыбаковъ, охотниковъ, странствующихъ купцовъ, строителей, осѣдлыхъ ремесленниковъ и т. д. Какъ мы видѣли, на кораблѣ имѣлась уже морская власть, въ рукахъ капитана; но ради успѣха общаго предпріятія, всѣ собравшіеся на кораблѣ, богатые и бѣдные, хозяева и экипажъ, капитанъ и матросы, соглашались быть равными въ своихъ личныхъ отношеніяхъ,—соглашались быть просто людьми, обязанными помогать одинъ другому,—и обязывались разрѣшать всѣ могущія возникнуть между ними несогласія при помощи судей, избранныхъ всѣми ими. Точно также, когда нѣкоторое количество ремесленниковъ—каменщиковъ, плотниковъ, каменотесовъ и т. п.—собиралось вмѣстѣ, для постройки, скажемъ, собора, то, хотя всѣ они являлись гражданами города, имѣвшаго свою политическую организацію, и хотя каждый изъ нихъ, кромѣ того, принадлежалъ къ своему цеху, тѣмъ не менѣе, сойдясь на общемъ предпріятіи—на дѣлѣ, которое они знали лучше другихъ, они соединялись еще въ организацію, скрѣпленную болѣе тѣсными, хотя и временными узами: они основывали гильдію,

[1]) I. D. Wunderer's, «Reiseberichte» въ Fichards „Frankfurter Archiv“. II, 245; цит. у Janssen, „Geschichte des deutschen Volkes“, I, 355.

ртель, для постройки собора [1]). Мы видимъ то же самое и въ настоящее время, въ кабильскомъ çof [2]): у кабиловъ есть своя деревенская община, но она оказывается недостаточной для удовлетворенія всѣхъ политическихъ, коммерческихъ и личныхъ потребностей объединенія, вслѣдствіе чего устанавливается другое, болѣе тѣсное, братство, въ формѣ çof'a.

Что же касается до братскаго характера средневѣковыхъ гильдій, то для выясненія его можно воспользоваться любымъ гильдейскимъ статутомъ. Если взять, напримѣръ, skraa какой-нибудь древней датской гильдіи, мы прочтемъ въ ней, во-первыхъ, что въ гильдіи должны господствовать общія братскія чувства; затѣмъ идутъ правила относительно само-юрисдикціи въ гильдіи, въ случаѣ ссоры между двумя гильдейскими братьями, или же между братомъ и постороннимъ: и, наконецъ, перечисляются общественныя обязанности братьевъ. Если у брата сгоритъ домъ, если онъ потеряетъ свое судно, или пострадаетъ во время богомолья, то всѣ братья должны прійти на помощь ему. Если братъ опасно заболѣетъ, то два брата должны пребывать у его постели, пока не минуетъ опасность, а если онъ умретъ, то братья должны похоронить его—не маловажная обязанность въ тѣ времена частыхъ эпидемій—и проводить его до церкви и до могилы. Послѣ смерти брата, если оказывалось необходимымъ, они обязаны были позаботиться о его дѣтяхъ; очень часто вдова становилась сестрою въ гильдіи [3]).

Вышеуказанныя двѣ главныя черты встрѣчаются въ каждомъ изъ братствъ, основанныхъ для какой бы то ни было цѣли. Во всѣхъ случаяхъ члены именно такъ относились другъ къ другу и называли другъ друга братьями и сестрами [4]); въ гильдіи всѣ были равны. Гильдіи сообща владѣли нѣкоторою собственностью (скотомъ, землей, зданіями, церквами или „общими сбереженіями"). Всѣ братья клялись позабыть всѣ прежнія родовыя столкновенія изъ-за кровавой мести: и, не налагая другъ на друга невыполнимаго обязательства никогда больше не ссориться, они вступали въ соглашеніе, чтобы ссора никогда не переходила въ семейную вражду, со всѣми послѣдствіями родовой мести, и чтобы за разрѣшеніемъ ссоръ братья не обращались ни къ какому иному суду, кромѣ гильдейскаго суда самихъ братьевъ. Въ случаѣ же, если братъ вовлекался въ ссору съ посторонними для гильдіи лицомъ, то братья были обязаны поддерживать брата во что бы то ни стало; былъ ли онъ справедливо или несправедливо обвиненъ въ нанесеніи обиды, братья должны были оказать ему поддержку и стараться довести дѣло до миролюбиваго рѣшенія. Если только насиліе, совершенное братомъ не было тайнымъ—въ

[1]) Dr. Leonard Ennen, „Der Dom zu Köln", Historische Einleitung. Köln, 1871, стр. 46, 50.

[2]) См. предыдущую главу.

[3]) Kofod Ancher, „Om gamle Danske Gilder og deres Undergang", Copenhagen, 1785. Статуты гильдіи Кну (Канута).

[4]) О положеніи женщинъ въ гильдіяхъ см. вступительныя замѣчанія г-жи Toulmin Smith къ работѣ ея отца „English Guilds". Одинъ изъ Кэмбриджскихъ статутовъ (стр. 281) относящійся къ 1503 году, положительно говоритъ объ этомъ въ слѣдующей фразѣ: „настоящій статутъ составленъ по общему согласію всѣхъ братьевъ и сестеръ гильдіи Всѣхъ Святыхъ".

послѣднемъ случаѣ онъ былъ бы внѣ закона—братство стояло за него [1]). Если родственники обиженнаго человѣка хотѣли немедленно мстить обидчику новымъ нападеніемъ, то братство снабжало его лошадью для побѣга, или же лодкой, парой веселъ ножомъ и сталью для высѣканія огня; если онъ оставался въ городѣ, его повсюду сопровождали для охраны двѣнадцать братьевъ; а тѣмъ временемъ, братство всячески старалось устроить примиреніе (composition). Когда дѣло доходило до суда, братья шли въ судъ, чтобы клятвенно подтвердить правдивость показаній обвиняемаго; если же судъ находилъ его виновнымъ, они не давали ему впасть въ полное разореніе или попасть въ рабство, вслѣдствіе невозможности уплатить присужденную виру они всѣ участвовали въ уплатѣ виры, совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ въ древности весь родъ. Только въ томъ случаѣ если братъ обманывалъ довѣріе своихъ собратьевъ по гильдіи или даже другихъ лицъ, онъ изгонялся изъ братства „съ именемъ негоднаго“ (tha scal han maeles af brödrescap met nidinga nafn [2]).

Таковы были руководящія идеи этихъ братствъ, которыя постепенно распространялись на всю средневѣковую жизнь. Дѣйствительно, намъ извѣстны гильдіи, возникавшія среди людей всѣхъ возможныхъ профессій: гильдіи рабовъ [3]), гильдіи свободныхъ гражданъ и гильдіи смѣшанныя, состоявшія изъ рабовъ и свободныхъ гражданъ; гильдіи, организованныя для спеціальныхъ цѣлей—охоты, рыбной ловли или данной торговой экспедиціи, распадавшіяся, когда спеціальная цѣль была достигнута, и гильдіи, существовавшія въ теченіе столѣтій, въ данномъ ремеслѣ или отрасли торговли. И по мѣрѣ того, какъ жизнь выдвигала все большее и большее разнообразіе цѣлей, соотвѣтственно росло и разнообразіе гильдій. Вслѣдствіе этого, не только торговцы, ремесленники, охотники и крестьяне объединялись въ гильдіи, но мы находимъ гильдіи священниковъ, живописцевъ, учителей въ народныхъ школахъ и въ университетахъ, гильдіи для сценической постановки „Страстей Господнихъ“, для постройки церкви, для развитія „мистеріи“ данной школы искусства или ремесла, гильдіи для спеціальныхъ развлеченій—даже гильдіи нищихъ, палачей и проститутокъ, при чемъ всѣ эти гильдіи были организованы по тому же двойному принципу собственной юрисдикціи и взаимной поддержки [4]). Что же касается до Россіи, то

[1]) Въ средніе вѣка, только тайное нападеніе разсматривалось, какъ убійство. Кровавая месть, совершаемая открыто, при дневномъ свѣтѣ, считалась актомъ правосудія; убійство въ ссорѣ не было убійствомъ, если только нападающій выказывалъ готовность раскаяться и загладить совершонное имъ зло. Глубокіе слѣды этого различія до сихъ поръ сохранились въ современномъ уголовномъ правѣ, особенно въ Россіи („убійство въ запальчивости и раздраженіи“).

[2]) Kofod Ancher, l. c. Эта старая небольшая книга заключаетъ въ себѣ много такихъ свѣдѣній, которыя были упущены изъ виду позднѣйшими изыскателями.

[3]) Онѣ сыграли крупную роль въ возстаніяхъ рабовъ и нѣсколько разъ подрядъ подвергались запрещенію во второй половинѣ девятаго вѣка. Конечно, королевскія запрещенія оставались мертвой буквой.

[4]) Средневѣковые итальянскіе живописцы были также организованы въ гильдіи, которыя въ болѣе позднюю эпоху стали художественными академіями

мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, указывающія, что самое дѣло созиданія Россіи было настолько же дѣломъ рыболовныхъ, охотничьихъ и промышленныхъ артелей, сколько и результатомъ почкованія деревенскихъ общинъ. Вплоть до настоящаго дня Россія покрыта артелями [1]).

Уже изъ вышеприведенныхъ замѣчаній видно, насколько ошибоченъ былъ взглядъ раннихъ изслѣдователей гильдій, когда они считали сущностью этого учрежденія годовое празднество, обыкновенно устраиваемое гильдіей. Въ дѣйствительности, общая трапеза всегда бывала въ самый день, или на другой день послѣ того, когда происходило избраніе старшинъ, обсужденіе нужныхъ измѣненій въ уставахъ и очень часто обсужденіе тѣхъ ссоръ, которыя возникали между братьями [2]); наконецъ, въ этотъ день иногда возобновляли присягу на вѣрность гильдіи. Общая трапеза, подобно пиру на древнемъ родовомъ мірскомъ сходѣ,—mahl или malum,—или бурятской „аба“, или приходскому празднику и пиру по окончаніи жатвы, служила просто для утвержденія братства. Она символизировала тѣ времена, когда все было въ общемъ владѣніи рода. Въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, все принадлежало всѣмъ; всѣ садились за одинъ и тотъ же столъ, всѣмъ подавалась одна и та же пища. Даже въ гораздо болѣе поздній періодъ обитатели богадѣльни одной изъ Лондонскихъ гильдій садились въ этотъ день за общій столъ, рядомъ съ богатымъ альдерменомъ. Что же касается до различія, которое нѣкоторые изслѣдователи пытались установить между старыми

Если итальянское искусство той эпохи носитъ на себѣ такой яркій отпечатокъ индивидуальности, что мы даже теперь можемъ распознать различныя школы Падуи, Бассано, Тревизы, Вероны и т. д., хотя всѣ эти города находились подъ вліяніемъ Венеціи, то этимъ мы обязаны—по замѣчанію J. Paul Richter—тому факту, что живописцы каждаго города принадлежали къ отдѣльной гильдіи, поддерживавшей дружественныя отношенія съ гильдіями другихъ городовъ, но жившей самостоятельной жизнью. Древнѣйшій извѣстный гильдейскій статутъ—Веронскій,—помѣченъ 1303-мъ годомъ, но, очевидно, скопированъ съ какого-нибудь болѣе древняго статута. Въ обязанности членовъ входили, по словамъ статута: «братская помощь въ нуждѣ всякаго рода», «гостепріимство чужеземцамъ, проѣзжающимъ черезъ городъ, ибо, такимъ образомъ, можно получить свѣдѣнія о дѣлахъ, которыя желательно узнать», и «обязанность—оказывать помощь людямъ, впавшимъ въ старческое одряхлѣніе» («Nineteenth Century», ноябрь 1890 и августъ 1892)

[1]) Главныя работы объ артеляхъ указаны мною въ статьѣ «Russia», стр. 84, въ 9-мъ изданіи «Encyclopoedia Britannica».

[2]) См., напримѣръ, тексты Кэмбриджскихъ гильдій, приводимые Toulmin Smith («Englisch Guilds», London, 1870, стр. 274—276), изъ которыхъ видно, что «всеобщій и главный день» былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и «избирательнымъ днемъ»; см. также Ch. M. Clode, «The Early History of the Guild of the Merchant Taylors», London, 1888, I, 45; и мн. др. О возобновленіи присяги на вѣрность гильдіи см. сагу Jómsviking, упоминаемую въ работѣ Rappenheim'a Altdänische Schutzgilden», Breslau, 1885, стр. 67.—Весьма вѣроятно, что, когда началось преслѣдованіе гильдій, многія изъ нихъ занесли въ свои статуты лишь день общей трапезы и благочестивыя обязанности членовъ гильдіи, намекнувъ лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ о юридическихъ функціяхъ гильдій.—Вопросъ: «кто будетъ моимъ судьей?» не имѣетъ теперь никакого значенія, съ тѣхъ поръ какъ государство присвоило своей бюрократіи оргаизацію правосудія; но онъ имѣлъ первостепенное значеніе въ средніе вѣка, тѣмъ болѣе, что собственная юрисдикція обозначала и самоуправленіе. Должно, впрочемъ, замѣтить, что переводъ саксонскаго и датскаго выраженія: «guild-bretheren» или «brodræ»—латинскимъ словомъ convivii также послужилъ къ возникновенію вышеуказаннаго смѣшенія.

саксонскими „гильдіями миролюбія“ (frith guild) и такъ называемыми „общительными“ или „религіозными“ гильдіями, то относительно этого можно сказать, что всѣ онѣ были гильдіями миролюбія въ вышеуказанномъ смыслѣ [1]), и всѣ онѣ были религіозны въ томъ смыслѣ, въ какомъ деревенская община или городъ, поставленные подъ покровительство спеціальнаго святого, являются соціальными и религіозными. Если институція гильдій получила такое обширное распространеніе въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, если она просуществовала тысячелѣтія, снова и снова возникая всякій разъ, когда сходныя условія вызывали ее къ жизни, то это объясняется тѣмъ, что гильдія представляла собою нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ простая ассоціація для совмѣстной ѣды, или для хожденія въ церковь въ извѣстный день, или для устройства похоронъ на общій счетъ. Она отвѣчала глубоко-вкорененной потребности человѣческой природы; и она совмѣщала въ себѣ всѣ тѣ аттрибуты, которые впослѣдствіи государство присвоило своей бюрократіи и полиціи и еще многое другое. Гильдія была ассоціаціей для взаимной поддержки, „дѣломъ и совѣтомъ“, во всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ случайностяхъ жизни; и она была организаціей для утвержденія правосудія, съ тѣмъ, однако, отличіемъ въ данномъ отношеніи отъ государства, что въ дѣло суда она вводила человѣческій, братскій элементъ, вмѣсто элемента формальнаго, являющагося существенной характерной чертой государственнаго вмѣшательства. Даже, когда онъ появлялся предъ гильдейскимъ судомъ, гильдейскій братъ былъ судимъ людьми, которые знали его хорошо, стояли съ нимъ рядомъ при совмѣстной работѣ, сидѣли не разъ за общей трапезой и вмѣстѣ исполняли всякія братскія обязанности: онъ отвѣчалъ предъ людьми равными ему и дѣйствительными братьями, а не предъ теоретиками закона, или защитниками чьихъ-то иныхъ интересовъ [2]).

Очевидно, что учрежденіе, такъ прекрасно приспособленное для удовлетворенія нуждъ единенія, не лишая при томъ индивидуума его иниціативы, должно было расширяться, расти и укрѣпляться. Затрудненіе было только въ томъ, чтобы найти такую форму, которая позволяла бы союзамъ гильдій федерироваться между собою, не входя въ столкновеніе съ союзами деревенскихъ общинъ, и объединила бы и тѣ и другіе въ одно гармоническое цѣлое. И когда подобная форма комбинаціи была найдена—въ свободномъ городѣ,—и рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ далъ городамъ возможность заявить и утвердить свою независимость, они выполнили это съ такимъ единствомъ мысли, которое можетъ вызывать удивленіе, даже въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и прессы. Сотни хартій, которыми города утвердили актъ своего объединенія, дошли до насъ, и во всѣхъ этихъ хартіяхъ утверждаются однѣ и тѣ же руководящія идеи,—несмотря на безконечное разнообразіе подробностей, зависѣвшихъ отъ большей или меньшей полноты освобожденія. Вездѣ

---

[1]) См. прекрасныя замѣчанія о frith-guild въ работѣ J. R. Green и г-жи Green, въ «The Conquest of England», London, 1883, стр. 229—230.

[2]) См. Приложеніе XIV-е.

городъ организовывался, какъ двойная федерація—небольшихъ деревенскихъ общинъ и гильдій.

«Всѣ принадлежащіе къ содружеству города»—такъ говорится, напримѣръ въ хартіи, выданной въ 1188 году гражданамъ города Эръ (Aire) Филиппомъ, графомъ Фландрскимъ,—«обѣщались и подтвердили клятвой, что они будутъ помогать другъ другу, какъ братья, во всемъ полезномъ и честномъ; что если одинъ обидитъ другого, словомъ или дѣломъ, то обиженный не будетъ мстить, ни самъ, ни его сородичи... онъ принесетъ жалобу, и обидчикъ заплатитъ должное возмездіе за обиду, согласно рѣшенію, произнесенному двѣнадцатью выборными судьями, дѣйствующими въ качествѣ посредниковъ. И если обидчикъ или обиженный, послѣ третьяго предостереженія, не подчинится рѣшенію посредниковъ, онъ будетъ исключенъ изъ содружества, какъ порочный человѣкъ и клятвопреступникъ» [1]).

«Каждый изъ членовъ общины будетъ вѣренъ своимъ соприсягавшимъ и будетъ подавать имъ помощь и совѣтъ, согласно тому, что ему подскажетъ справедливость», такъ говорится въ Амьенской и Аббевильской хартіяхъ. «Всѣ будутъ помогать другъ другу каждый по мѣрѣ своихъ силъ, въ границахъ общины, и не допустятъ, чтобы одинъ бралъ что-либо у другого общинника или одинъ заставлялъ другого платить какіе-нибудь поборы (contributions)», читаемъ мы въ хартіяхъ Суассона, Компьеня, Санлиса и многихъ другихъ городовъ того же типа [2]).

«Коммуна»—писалъ Жильберъ де-Ножанъ—«есть присяга во взаимной помощи (mutui adjutori conjuratio»... «Новое и отвратительное слово. Благодаря ей, крѣпостные (capite sensi) освобождаются отъ всякой крѣпостной зависимости; благодаря ей, они освобождаются отъ платы тѣхъ поборовъ, которые, обыкновенно, всегда платились крѣпостными» [3]).

Та же самая освободительная волна прокатилась въ двѣнадцатомъ вѣкѣ по всей Европѣ, захватывая какъ богатые, такъ и самые бѣдные города. И если мы можемъ сказать, что, вообще говоря, первыми освободились итальянскіе города (многіе еще въ одиннадцатомъ, а нѣкоторые и въ десятомъ вѣкѣ), то мы все-таки не можемъ указать центра, изъ котораго распространилось бы это движеніе. Очень часто маленькій посадъ, гдѣ-нибудь въ центральной Европѣ, становился во главѣ движенія своей области, и большіе города принимали его хартію за образецъ для себя. Такъ, напр., хартія маленькаго городка Лорриса (Lorris) была принята 83-ю городами въ юго-восточной Франціи, а хартія Бомона (Beaumont) послужила образцомъ болѣе, чѣмъ для пятисотъ городовъ и городковъ въ Бельгіи и во Франціи. Города сплошь да рядомъ отправляли спеціальныхъ депутатовъ въ сосѣдній городъ, чтобы получить копію съ его хартіи, и на основаніи ея вырабатывали собственную конституцію. Впрочемъ, города не довольствовались простымъ списываніемъ хартій другъ у друга: они составляли свои хартіи, въ соотвѣтствіи съ уступками, которыя имъ удалось вырвать у своихъ феодальныхъ владѣльцевъ; и въ результатѣ, какъ замѣтилъ одинъ историкъ, хартіи средневѣковыхъ коммунъ отличаются такимъ же разнообразіемъ, какъ и готическая архитектура ихъ церквей и соборовъ. Та же руководящая идея во всѣхъ,—такъ какъ соборъ символизировалъ союзъ прихода и гильдіи въ вольномъ городѣ—и то же безконечно богатое разнообразіе въ деталяхъ.

---

[1]) «Recueil des ordonnances des rois pe France», т. XI, 562; цит. у Aug. Thierry въ «Considérations sur l'histoire de France», стр. 196, изданія въ 12-ую долю листа.

[2]) A. Luchaire, «Les Communes françaises», стр. 45—46.

[3]) Guilbert de Nogent, «De vita sua», цит. у Luchaire, тамъ же, стр. 14

Самымъ существеннымъ пунктомъ для освобождавшагося города была собственная юрисдикція, которая влекла за собой и собственную администрацію. Но городъ не былъ просто „автономной частью государства—подобныя двусмысленныя слова еще не были изобрѣтены въ то время,—онъ составлялъ государство само по себѣ. Онъ имѣлъ право объявлять войну и заключать миръ, право заключать федераціи и вступать въ союзы со своими сосѣдями. Онъ былъ самодержавнымъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и не вмѣшивался въ чужія. Верховная политическая власть могла находиться всецѣло въ рукахъ демократическаго вѣча (форума), какъ это было, напримѣръ, въ Псковѣ, гдѣ вѣче посылало и принимало посланниковъ, заключало договоры, призывало и изгоняло князей, или вовсе обходилось безъ нихъ цѣлые десятки лѣтъ; или же высшая политическая власть была передана въ руки нѣсколькихъ знатныхъ купеческихъ или даже дворянскихъ семей, или же она была захвачена ими, какъ это бывало въ сотняхъ городовъ Италіи и Средней Европы. Но принципъ всегда оставался тотъ же; городъ являлся государствомъ, и—что, пожалуй, еще болѣе замѣчательно—когда власть въ городѣ бывала узурпирована торговою аристократіею или даже дворянствомъ, внутренняя жизнь города и демократизмъ его повседневныхъ отношеній терпѣли отъ этого мало ущерба: они мало зависѣли отъ того, что можно назвать политическою формою государства.

Секретъ этого кажущагося противорѣчія, заключается въ томъ, что средневѣковый городъ не былъ централизованнымъ государствомъ. Въ теченіе первыхъ столѣтій своего существованія, городъ едвали можно было назвать государствомъ, поскольку дѣло шло объ его внутреннемъ строѣ, такъ какъ средніе вѣка вообще такъ же чужды были нашей современной централизаціи функцій, какъ и нашей территоріальной централизаціи: каждая группа имѣла тогда свою долю верховной власти.

Обыкновенно городъ былъ раздѣленъ на четыре квартала или же на пять, шесть или семь „концовъ“ (секторовъ), расходившихся отъ центра. При этомъ, каждый кварталъ или конецъ, въ общемъ, представлялъ извѣстный родъ торговли или ремесла, преобладавшій въ немъ, хотя въ то же время въ каждомъ кварталѣ или концѣ, могли жить люди, занимавшіе различныя общественныя положенія и предававшіеся различнымъ занятіямъ—дворянство, купцы, ремесленники и даже полу-крѣпостные. Каждый конецъ, или кварталъ, представлялъ, однако, совершенно независимую единицу. Въ Венеціи каждый островъ представлялъ независимую политическую общину, которая имѣла свою организацію ремесла и торговли, свою торговлю солью (покупаемую для своихъ гражданъ), свою собственную юрисдикцію и администрацію и свой собственный форумъ; поэтому избраніе всею Венеціею того или другого дожа ничего не измѣняло во внутренней независимости каждой изъ этихъ единичныхъ общинъ [1]). Въ Кёльнѣ, жители раздѣлялись на Gebursh aften и Heimshaften (viciniae)

[1]) Lebret, „Histoire de Venise“, I, 393. Также Marin, цит. у Leo и Botta, въ „Histoire d'Italie“, франц. изд., 1844, т. I, 500.

т. е. сосѣдскія гильдіи, образованіе которыхъ относится къ франкскому періоду, и каждая изъ этихъ гильдій имѣла своего судью (Burrichter) и обычныхъ двѣнадцать выборныхъ засѣдателей (Schöffen) своего фогта и своего greve, или начальника гильдейской милиціи [1]). Исторія древняго Лондона, до завоеванія,—говоритъ Гринъ,—является исторіей „извѣстнаго числа маленькихъ группъ, разсѣянныхъ на пространствѣ, окруженномъ городскими стѣнами, при чемъ каждая группа сама по себѣ развивалась, со своими учрежденіями, гильдіями, юрисдикціей, церквами и т. д., и только мало-по-малу эти группы объединялись въ муниципальный союзъ“ [2]). А когда мы обращаемся къ лѣтописямъ русскихъ городовъ, Новгорода и Пскова, которыя отличаются, и тѣ и другія, обиліемъ чисто-мѣстныхъ подробностей, мы узнаемъ, что и „концы“ въ свою очередь состояли изъ независимыхъ „улицъ“, изъ которыхъ каждая, хотя и была преимущественно населена рабочими извѣстнаго ремесла, тѣмъ не менѣе имѣла среди своихъ жителей также и купцовъ и землевладѣльцевъ, и составляла отдѣльную общину. Улица несла общую отвѣтственность за всѣхъ своихъ членовъ въ случаѣ преступленія, она обладала собственной юрисдикціей и администраціей, изъ лицъ „уличанскихъ старостъ“, имѣла собственную печать, (символъ государственной власти), и въ случаѣ нужды собиралось уличанское вѣче; у нея была, наконецъ, своя собственная милиція, выбранные ею священники, и она имѣла свою собственную коллективную жизнь и свои коллективныя предпріятія [3])

Такимъ образомъ, средневѣковый городъ являлся двойною федераціею; всѣхъ домохозяевъ, объединенныхъ въ небольшіе территоріальные союзы—улицу, приходъ, конецъ,—отдѣльныхъ личностей, объединенныхъ общею клятвою въ гильдіи, сообразно ихъ профессіямъ. Первая федерація была плодомъ деревенско-общиннаго происхожденія города; вторая же была плодомъ послѣдующаго роста, вызваннаго новыми условіями.

Главною задачею средневѣковаго города было обезпеченіе свободы, самоуправленія и мира, главною же основою городской жизни, какъ мы сейчасъ увидимъ, когда будемъ говорить о ремесленныхъ гильдіяхъ, являлся трудъ. Но „производство“ не поглащало всего вниманія средневѣковаго экономиста. Своимъ практическимъ умомъ онъ понималъ, что надо гарантировать „потребленіе“, чтобы производство было возможно, а потому обезпеченіе „всеобщей потребности въ пищѣ и помѣщеніи, для бѣдныхъ и для богатыхъ“ (gemeine notduzft nud gemach armer und richer) [4]) было основнымъ началомъ для каждаго города. Скупать пищевые продукты и другіе предметы первой необходимости (уголь, дрова и т. п.), прежде чѣмъ они попадутъ

[1]) Д-ръ W. Arnold, „Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte“, 1854, т. II, 227 и слѣд; Ennen, „Geschichte der Stadt Koeln“, т. I, стр. 228—229, а также самые документы, опубликованные Энненомъ и Эккертомъ

[2]) J. R. Green, „Conquest of England“, 1883, стр. 453.

[3]) Бѣляевъ, „Разсказы изъ Русской исторіи“, т. II и III.

[4]) W. Gramich, „Verfassungs und Verwaltungsgeschichte der Stadt Würzburg mi 13 bis zum 15 Jahrhundert. Würzburg, 1882. стр. 34.

ва рынокъ, или скупать ихъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ, недоступныхъ для другихъ, — словомъ, preempcio,— совершенно воспрещалось. Все должно было итти сперва на рынокъ и тамъ быть предоставлено для покупки всѣмъ, вплоть до того времени, когда звонъ колокола возвѣститъ о закрытіи рынка. Только тогда могъ мелочной торговецъ покупать оставшіеся продукты, но и въ этомъ случаѣ, его прибыль должна была быть „честной прибылью“ [1]). Кромѣ того, если хлѣбникъ, по закрытіи рынка, покупалъ зерно оптомъ, то каждый гражданинъ имѣлъ право потребовать для себя извѣстное количество этого зерна (около половины полу-мѣры) по оптовой цѣнѣ, если онъ заявилъ подобное требованіе до окончательнаго заключенія торга; по, равнымъ образомъ, и каждый хлѣбопекарь могъ предъявить подобное же требованіе, если горожанинъ покупалъ рожь для перепродажи. Чтобы смолоть зерно, достаточно было привезти его на городскую мельницу, гдѣ оно бывало смолото въ свой чередъ, по опредѣленной цѣнѣ; хлѣбъ же можно было печь въ four banal, т. е. въ общинной печи [2]). Однимъ словомъ, если городъ терпѣлъ нужду, то отъ нея терпѣли, болѣе или менѣе, всѣ, но помимо подобныхъ несчастій, пока существовали свободные города, въ ихъ стѣнахъ никто не могъ умереть отъ голода, какъ это, къ несчастью, чересчуръ часто случается въ наше время.

Впрочемъ, всѣ эти правила относятся уже къ позднѣйшимъ періодамъ жизни городовъ; такъ какъ въ началѣ своей жизни вольные города обыкновенно сами закупали всѣ пищевые продукты для потребленія горожанъ. Документы, недавно опубликованные Чарльзомъ Гроссомъ, содержатъ совершенно опредѣленныя данныя на этотъ счетъ и подтверждаютъ его выводъ, что прибывавшіе въ городъ грузы пищевыхъ продуктовъ „покупались особыми горолскими чиновниками, отъ имени города, и затѣмъ распредѣлялись между горожанами—купцами, при чемъ никому не позволялось покупать товары, выгруженные въ портѣ, покуда муниципальныя власти не откажутся купить ихъ. Таковъ—прибавляетъ Гроссъ,— былъ, повидимому, общераспространенный пріемъ въ Англіи, въ Ирландіи, въ Уэльсѣ и въ Шотландіи“ [3]).

---

[1]) Когда судно доставляло грузъ каменнаго угля въ Вюрцбургъ, то въ первые восемь дней уголь могъ быть продаваемъ только въ розницу, при чемъ каждая семья могла купить не болѣе пятидесяти корзинъ. Оставшійся послѣ этого грузъ могъ быть проданъ оптомъ, но въ мелочной продажѣ скупщику разрѣшалась лишь честная (zittliche) прибыль; безчестная же (unzittliche) прибыль строго воспрещалась, (Gramich, l. c.). То же самое было и въ Лондонѣ („Liber albus“), цит. у Ochenkowski, „England's wirthschaftliche Entwickelung“, Iena, 1879, стр. 161) и, въ сущности, повсемѣстно.

[2]) См. Fagnier, „Etud essur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII-me et XIV-me siècle“. Paris, 1877, стр. 155 и слѣд. Едва-ли нужно добавлять, что налогъ на хлѣбъ, а также на пиво налагался лишь послѣ тщательныхъ изслѣдованій относительно количества хлѣба и пива, которое можетъ быть получено изъ даннаго количества зерна. Въ Амьенскихъ архивахъ сохранились замѣтки о подобныхъ изслѣдованіяхъ. (A de Calonne, l. c., стр. 77, 93). См. также относительно Лондона (Ochenkowski, стр. 165).

[3]) Ch. Gross, „The Guild Merchant“, Oxford, 1890, I, 135. Приводимые авторомъ документы доказываютъ, что подобная же практика существовала въ Ливерпулѣ (II, 148—150), въ Waterford'ѣ въ Ирландіи, въ Neath'ѣ въ Ульэсѣ, въ Linlithgow и Turso въ Шотландіи. Тексты Гросса показываютъ также, что покупки производились не только для распространенія между граж-

Даже въ шестнадцатомъ столѣтіи мы видимъ, что въ Лондонѣ производилась общинная покупка зерна, „для удобства и выгоды во всякихъ видахъ Города и Палаты Лондона и всѣхъ Гражданъ и Жителей его, насколько это отъ насъ зависитъ,"—какъ писалъ мэръ въ 1565 году [1]). Въ Венеціи, вся торговля зерновымъ хлѣбомъ, какъ теперь хорошо извѣстно, находилась въ рукахъ города; а „кварталы", по полученіи зернового хлѣба изъ управленія, которое завѣдывало ввозомъ, должны были разослать по домамъ всѣхъ гражданъ квартала количество, приходившееся на долю каждаго [2]). Во Франціи, городъ Амьенъ закупалъ соль и распредѣлялъ ее между всѣми гражданами по покупной цѣнѣ [3]) и даже въ настоящее время мы встрѣчаемъ во многихъ французскихъ городахъ halles, которыя раньше были муниципальными депо для ссыпки зерна и соли [4]). Въ Россіи, это также было обычнымъ явленіемъ въ Новгородѣ и Псковѣ.

Надо сказать, что весь вопросъ объ общинныхъ покупкахъ для потребленія гражданъ, и о способахъ, какими совершались эти закупки, до сихъ поръ не получилъ еще должнаго вниманія со стороны историковъ; но тамъ и сямъ встрѣчаются очень поучительные факты, проливающіе новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Такъ, среди документовъ Гросса имѣется уставъ города Килькенни, относящійся къ 1367 году, и изъ этого документа мы узнаемъ, какъ устанавливались цѣны на товары. „Купцы и матросы".—говоритъ Гроссъ,—„должны были подъ присягою показать покупную цѣну своихъ товаровъ и издержки сдѣланныя на перевозку. Тогда мэръ города и два добросовѣстныхъ назначали цѣну (named the price), по которой товары должны были продаваться". То же правило соблюдалось и въ Торсо для товаровъ, приходившихъ „съ моря или съ суши". Этотъ способъ „назначенія цѣны" такъ хорошо согласуется именно съ тѣми представленіями о торговлѣ, которыя преобладали въ средніе вѣка, что онъ долженъ былъ быть во всеобщемъ ходу. Установленіе цѣны третьимъ лицомъ было очень древнимъ обычаемъ; и для всякаго рода обмѣна въ предѣлахъ города, несомнѣнно, прибѣгали также очень часто къ опредѣленію цѣнъ, не продавцомъ или покупателемъ, а третьимъ лицомъ,—„добросовѣстнымъ". Но этотъ порядокъ вещей отодвигаетъ насъ къ еще болѣе раннему періоду

данами купцами, но и „для всѣхъ гражданъ и общинниковъ" (стр. 130, примѣчаніе), или какъ говорится въ уставѣ Торсо, относящемся къ XVII столѣтію „должно доводить до свѣдѣнія купцовъ, ремесленниковъ и жителей названнаго города, что они могутъ имѣть свою долю (въ закупкахъ), сообразно ихъ нуждамъ и достаткамъ".

[1]) „The Early History of the Guild of Merchant Taylors" by Charles M. Clode, London, 1881, I, 261, приложеніе 10: а равнымъ образомъ и слѣдующее приложеніе, показывающее, что подобныя же закупки дѣлались и въ 1546 году.

[2]) Cibrario, „Les conditions économiques de l'Italie au temps de Dante", Paris, 1865, стр. 44.

[3]) A. de Calonne, „La vie municipale au XV-me siècle dans le Nord de la France" Paris 1880, стр. 12—16. Въ 1485 году городъ дозволилъ вывезть въ Антверпенъ нѣкоторое количество зернового хлѣба, „такъ какъ жители Антверпена всегда были готовы сдѣлать пріятное купцамъ и гражданамъ Амьена" (ibid., стр. 75—77 и тексты).

[4]) A. Babeau, „La ville sous l'ancien régime", Paris, 1880.

исторіи торговли, а именно, къ тому времени, когда вся торговля главными продуктами велась цѣлымъ городомъ, и купцы были лишь коммиссіонерами, довѣренными отъ города для продажи товаровъ, которые городъ вывозилъ. Такъ, Ватерфордскій уставъ, тоже опубликованный Гроссомъ, говоритъ, что „всѣ товары, какого бы то ни было рода... должны быть покупаемы мэромъ и судебными приставами (balives), которые назначены общинными покупщиками (для города) въ данное время, должны быть распредѣлены между всѣми свободными гражданами города (за исключеніемъ только собственнаго добра свободныхъ гражданъ и жителей"). Этотъ уставъ едва ли можно истолковывать иначе, какъ допустивши, что вся внѣшняя торговля города производилась его довѣренными агентами. Кромѣ того, у насъ имѣется прямое свидѣтельство, что именно такъ было поставлено дѣло въ Новгородѣ и Псковѣ. Господинъ Великій Новгородъ и Господинъ Великій Псковъ сами посылали свои купеческіе караваны въ дальнія страны

Намъ извѣстно также, что почти во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ Средней и Западной Европы каждая ремесленная гильдія обыкновенно покупала сообща всѣ сырые продукты для своихъ братьевъ, и продавала продукты ихъ работы чрезъ посредство выборныхъ; и едва ли допустимо, чтобы внѣшняя торговля не велась тѣмъ же порядкомъ,—тѣмъ болѣе, что какъ хорошо извѣстно историкамъ, вплоть до тринадцатаго вѣка, не только всѣ купцы даннаго города считались въ чужой странѣ отвѣтственными, какъ корпорація, за долги, сдѣланные кѣмъ-либо изъ нихъ, но также и весь городъ былъ отвѣтсвеннымъ за долги, сдѣланные каждымъ изъ его гражданъ-купцовъ. Только въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ Рейнскіе города вошли въ спеціальные договоры, которыми уничтожалась эта круговая порука [1]). И, наконецъ, мы имѣемъ замѣчательный Ипсвичскій документъ, напечатанный Гроссомъ, изъ котораго видно что торговая гильдія этого города состояла изъ всѣхъ тѣхъ, кто числился свободными гражданами города и изъявилъ согласіе платить свой взносъ (свою „hanse") въ гильдію, при чемъ вся община обсуждала сообща, какъ лучше поддержать торговую гильдію и какія дать ей привилегіи. Торговая гильдія (the Merchant guibl) Ипсвича является, такимъ образомъ, скорѣе корпораціею довѣренныхъ города, чѣмъ обыкновенною частною гильдіею.

Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе мы знакомимся съ средневѣковымъ городомъ, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что онъ не былъ простою политическою организаціею для охраны извѣстныхъ политическихъ свободъ. Онъ представлялъ попытку организаціи—въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ это было сдѣлано въ деревенской общинѣ,—тѣснаго союза для цѣлей взаимной помощи и поддержки, для потребленія и производства, и для общительной жизни вообще,—не налагая для этого на людей оковы государства, но предоставляя наоборотъ полную свободу для проявленія

[1]) Ennen: «Geschichte der Stadt Köln», I, 491, 492, а также [illegible].

зозидательнаго генія каждой отдѣльной группы людей, въ области искусства, ремеслъ, науки, торговли и политическаго строя Насколько эта попытка была успѣшна, мы лучше всего увидимъ, разсмотрѣвъ въ слѣдующей главѣ организацію труда въ средневѣковомъ городѣ и отношенія городовъ къ окружавшему ихъ крестьянскому населенію.

ГЛАВА VI.

Взаимная помощь въ среднезѣковомъ городѣ.

(Продолженіе).

Сходства и различія между средневѣковыми государствами. — Ремесленныя гильдіи: аттрибуты государства въ каждой изъ нихъ.—Отношеніе города къ къ крестьянамъ; попытки освободить ихъ.—Феодальные владѣльцы.—Результаты, достигнутые средневѣковымъ городомъ: въ области искусствъ, въ области образованія.—Причины упадка.

Средневѣковые города не были организованы по какому-нибудь заранѣе намѣченному плану, въ силу воли какого-нибудь посторонняго населенію законодателя. Каждый изъ этихъ городовъ былъ плодомъ естественнаго роста въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ былъ постоянно видоизмѣняющимся результатомъ борьбы между различными силами, снова и снова приспособляющимися другъ къ другу, соотвѣтственно живой силѣ каждой изъ нихъ, а также согласно случайностямъ борьбы и поддержкѣ, которую они находили въ окружающей ихъ средѣ. Вслѣдствіе этого, не найдется двухъ городовъ, которыхъ внутренній строй и историческія судьбы были бы тождественны; и каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, мѣняетъ свою физіономію изъ вѣка въ вѣкъ. Но тѣмъ не менѣе; если окинуть широкимъ взглядомъ всѣ города Европы, то мѣстныя и національныя различія отходятъ вдаль, и мы поражаемся существующимъ между всѣми ими удивительнымъ сходствомъ, хотя каждый изъ нихъ развивался самъ по себѣ, независимо отъ другихъ и въ иныхъ условіяхъ. Какой нибудь маленькій городокъ на сѣверѣ Шотландіи, населенный рѣдкими рабочими и рыбаками; или же богатый городъ Фландріи, съ его міровою торговлею, роскошью, любовью къ удовольствіямъ, и одушевленною жизнью; итальянскій городъ, разбогатѣвшій отъ сношеній съ Востокомъ и вырабатывающій въ своихъ стѣнахъ утонченный художественный вкусъ и утонченную цивилизацію, и, наконецъ, бѣдный, главнымъ образомъ, занимающійся земледѣліемъ, городъ въ болотно-озерной области Россіи,—повидимому, мало имѣютъ общаго между собою. А между тѣмъ, руководящія черты ихъ организаціи и духъ, которымъ они проникнуты, поражаютъ своимъ семейнымъ сходствомъ. Вездѣ мы находимъ тѣ же самыя федераціи маленькихъ общинъ, или приходовъ, и гильдій; тѣ же самые «пригороды» вокругъ города-матери; то же самое вѣче; тѣ же внѣшнія эмблемы независимости. Защитникъ (defensor) города, подъ различными наименованіями и въ различныхъ одѣяніяхъ, представляетъ одну и ту же власть, защищая одни и тѣ же интересы; заготовка пищевыхъ запасовъ, трудъ, торговля—

организованы въ тѣхъ же самыхъ общихъ чертахъ; внутреннія и внѣшнія столкновенія ведутся изъ тѣхъ же побужденій; мало того, самые лозунги, выдвинутые во время этихъ столкновеній, и даже формулы, употребляемыя въ городскихъ лѣтописяхъ, уставахъ, документахъ, оказываются тѣ же; и архитектурные памятники, будутъ ли они по стилю готическими, римскими или византійскими выражаютъ тѣ же самыя стремленія и тѣ же идеалы; они задуманы были и строились тѣмъ же путемъ. Многія несходства оказываются просто различіями въ возрастѣ двухъ городовъ, а тѣ несходства между парами городовъ, которыя имѣли реальный характеръ, повторяются въ различныхъ частяхъ Европы. Единство руководящей идеи и одинаковыя причины зарожденія сглаживаютъ различія, являющіяся результатомъ климата, географическаго положенія, богатства, языка и религіи. Вотъ почему мы можемъ говорить о средневѣковомъ городѣ вообще, какъ о вполнѣ опредѣленной фазѣ цивилизаціи; и хотя въ высшей степени желательны изслѣдованія, указывающія на мѣстныя и индивидуальныя особенности городовъ, мы все же можемъ указать главныя черты развитія, которыя были общи всѣмъ имъ [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія что защита, которая обыкновенно и повсемѣстно оказывалась торжищу, еще со временъ ранней варварской эпохи, играла важную, хотя и неисключительную роль въ дѣлѣ освобожденія средневѣковыхъ городовъ. Варвары ранняго періода не знали торговли внутри своихъ деревенскихъ общинъ; они торговали лишь съ чужестранцами, въ извѣстныхъ

[1]) Литература указаннаго вопроса—огромна. Но не имѣется еще ни одной работы, которая бы разсматривала средневѣковый городъ въ цѣломъ. Для французскихъ общинъ классическими остаются до сихъ поръ работы: Augustin Thierry «Lettres» и «Considérations sur l'histoire de France»; прекраснымъ дополненіемъ къ нимъ является книга Luchaire'a «Communes françaises», написанная въ томъ же направленіи. Для городовъ Италіи можно указать нижеслѣдующія: превосходный трудъ Sismondi («Histoire des republiques italiennes du moyen âge», Paris, 1826, 16 т.); Leo и Botta, «Исторія Италіи», которой имѣется французскій переводъ (3 большихъ тома); Ferrari, «Revolutions d'Italie» и Hegel, «Geschichte der Städteverfassung in Italien». Эти сочиненія составляютъ главные источники общихъ свѣдѣній о городахъ Италіи вообще. Для Германіи мы имѣемъ: Maurer's «Städteverfassung» Barthold's «Geschichte der deutschen Städte» а изъ недавнихъ работъ прекрасный трудъ Hegel'a, «Städte und Gilden der germanischen Völker» (2 т. Leipzig, 1891 и д-ра Otto Kallsen's «Die deutschen Städte im Mittelalter» (2 т., Halle, 1891); а также Janssen's «Geschichte des deutsches Volkes» (5 т., 1886),—выразимъ надежду что послѣдній изъ названныхъ нами трудовъ будетъ переведенъ по-русски (французскій переводъ появился въ 1892 году). Для Бельгіи можно указать: A. Wauters, «Les Libertes communales» (Bruxelles, 1869—78, 3 т.), а для Россіи: труды Бѣляева, Костомарова и Сергѣевича. Наконецъ, для Англіи мы имѣемъ превосходную работу о городахъ въ произведеніи г-жи J. R. Green «Town Life in the Fifteenth Century» (2 т., London, 1894). Кромѣ того имѣется большое количество хорошо извѣстныхъ мѣстныхъ исторій и нѣсколько превосходныхъ работъ по всеобщей и экономической исторіи, которыя я такъ часто упоминалъ въ настоящей и предыдущей главахъ. Богатство литературы заключается, однако, главнымъ образомъ въ отдѣльныхъ, иногда превосходныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи отдѣльныхъ городовъ, особенно итальянскихъ и германскихъ; гильдій; земельнаго вопроса; экономическихъ принциповъ той эпохи; лигъ между городами (Hansa); и общиннаго искусства. Невѣроятное обиліе свѣдѣній заключается въ трудахъ этой второй категоріи, изъ которыхъ въ настоящей работѣ указаны только самыя важныя.

опредѣленныхъ мѣстахъ и въ извѣстные, заранѣе опредѣленные дни. И чтобы чужестранецъ могъ являться на мѣсто обмѣна, не рискуя быть убитымъ въ какой-нибудь войнѣ, ведущейся двумя родами изъ-за кровавой мести, торжище всегда ставилось подъ особое покровительство всѣхъ родовъ. Оно было такъ же неприкосновенно, какъ и мѣсто религіознаго поклоненія, подъ сѣнью котораго оно обыкновенно устраивалось. У кабиловъ рынокъ до сихъ поръ annaya, подобно тропинкѣ, по которой женщины носятъ воду изъ колодцевъ; ни на рынокъ, ни на тропинку нельзя появляться вооруженнымъ, даже во время между-племенныхъ войнъ. Въ средневѣковыя времена рынокъ обыкновенно пользовался точно такою же защитою [1]). Родовая месть никогда не должна была преслѣдоваться на площади, гдѣ собирался народъ для торговыхъ цѣлей, а, равнымъ образомъ, въ извѣстномъ радіусѣ вокругъ этой площади; и если въ разношерстной толпѣ продавцевъ и покупателей возникала какая-нибудь ссора, ее слѣдовало предоставить на разборъ тѣмъ, подъ покровительствомъ которыхъ находился рынокъ, т.-е. суду общины, или же судьѣ епископа, феодальнаго владѣльца, или короля. Чужеземецъ, являвшійся съ торговыми цѣлями, былъ гостемъ, и даже носилъ это имя. Даже феодальный баронъ, который, не задумываясь, грабилъ купцовъ на большой дорогѣ, относился съ уваженіемъ къ Weichbild, т.-е. къ шесту, который стоялъ на рыночной площади и на верхушкѣ котораго находился либо королевскій гербъ, либо перчатка, либо образъ мѣстнаго святого, или просто крестъ, смотря по тому находился ли рынокъ подъ покровительствомъ короля, мѣстной церкви или вѣча [2]).

Легко понять какимъ образомъ собственная юрисдикція города могла развиться изъ спеціальной юрисдикціи рынка, когда таковая была уступлена, добровольно или нѣтъ, самому городу. И подобное происхожденіе городскихъ вольностей, которое можно прослѣдить въ очень многихъ случаяхъ, неизбѣжно наложило свой отпечатокъ на ихъ дальнѣйшее развитіе. Оно дало преобладаніе торговой части общины. Горожане, владѣвшіе въ данное время домомъ въ городѣ и бывшіе совладѣльцами городскихъ земель, очень часто организовывали тогда торговую гильдію, которая и держала въ своихъ рукахъ торговлю города; и хотя, вначалѣ, каждый гражданинъ, бѣдный или богатый, могъ вступить въ торговую гильдію, и даже самая торговля велась попи-

---

[1]) Кулишеръ, въ превосходномъ очеркѣ первобытной торговли («Zeitschrift für Völkerpsychologie»), т. X, 330), также указываетъ, что, согласно Геродоту, Агриппеяне считались неприкосновенными, въ виду того, что на ихъ территоріи велась торговля между скиѳами и сѣверными племенами. Бѣглецъ считался священнымъ на ихъ территоріи, и сосѣди часто приглашали ихъ быть посредниками. См. Приложеніе XV-е.

[2]) Недавно возникли нѣкоторые споры относительно Weichbild и закона, относящагося къ Weichbild, которые до сихъ поръ остаются неразъясненными см. Zöpfl, «Alterthümer des deutschen Reichs und Rechts», III, 29; Kallsen, I, 316). Вышеприведенное объясненіе кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, но, конечно, его слѣдуетъ еще проверить дальнѣйшими разслѣдованіями. Очевидно также, что (употребляя шотландскій терминъ) «mercat cross», т. е. «торговый крестъ», долженъ былъ бы быть эмблемой церковной юрисдикціи, но мы находимъ его какъ въ епископскихъ городахъ, такъ и въ тѣхъ, гдѣ верховная власть принадлежала вѣчу.

димому въ интересахъ всего города, его довѣренными, тѣмъ не менѣе торговая гильдія постепенно превратилась въ своего рода привилегированную корпорацію. Она ревниво не допускала въ свои ряды пришлое населеніе, которое вскорѣ начало стекаться въ свободные города, и всѣ выгоды, получавшіяся отъ торговли она удерживала въ пользу немногихъ «семей» («les familles», «старожилы»), которыя были гражданами во время провозглашенія городомъ своей независимости. Такимъ образомъ, очевидно грозила опасность возникновенія торговой олигархіи. Но уже въ десятомъ вѣкѣ, а еще болѣе того въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ, главныя ремесла также организовались въ гильдіи, которыя и могли, въ большинствѣ случаевъ, ограничить олигархическія тенденціи купцовъ.

Ремесленная гильдія, въ тѣ времена, обыкновенно сама продавала произведенные ея членами товары и сообща покупала для нихъ сырые матеріалы, при чемъ ея членами одновременно состояли, какъ купцы, такъ и ремесленники. Вслѣдствіе этого преобладаніе, полученное старыми ремесленными гильдіями, съ самаго начала вольной жизни городовъ, дало ремесленному труду то высокое положеніе, которое онъ занималъ впослѣдствіи въ городѣ[1]). Дѣйствительно, въ средневѣковомъ городѣ ремесленный трудъ не являлся признакомъ низшаго общественнаго положенія; напротивъ, онъ носилъ слѣды того высокаго уваженія съ какимъ къ нему относились раньше въ деревенской общинѣ. Ручной трудъ разсматривался въ средневѣковыхъ «мистеріяхъ» (артеляхъ, гильдіяхъ), какъ благочестивый долгъ по отношенію къ согражданамъ, какъ общественная функція (Amt), столь же почетная, какъ и всякая другая. Идея «справедливости» по отношенію къ общинѣ и «правды» по отношенію къ производителю и къ потребителю, которая показалась бы такой странной въ наше время, тогда проникала весь процессъ производства и обмѣна. Работа кожевника, мѣдника, сапожника должна быть «правдивая», добросовѣстная, писали тогда. Дерево, кожа, или нитки, употребляемыя ремесленниками, должны быть «честными»; хлѣбъ долженъ быть выпеченъ «по совѣсти» и т. д. Перенесите этотъ языкъ въ нашу современную жизнь, и онъ покажется аффектированнымъ неестественнымъ; но онъ былъ совершенно естественнымъ и ли

[1]) Относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся торговой гильдіи, см. исчерпывающую предметъ работу: Ch. Gross, «The Guild Merchant» (Oxford, 1890, 2 т.) а также замѣчанія г-жи Green въ «Town Life in the Fifteenth Century», т. II, гл. V, VIII, X; также обзоръ этого вопроса, сдѣланный A. Doren'омъ въ Schmoller's «Forschungen», т. XII. Если соображенія, указанныя въ предыдущей главѣ (согласно которымъ торговля вначалѣ была общинной), окажутся правильными, тогда позволительно высказать гипотезу, что купецкая гильдія была корпораціею, которой поручалось веденіе торговли въ интересахъ цѣлаго города; и только постепенно эта корпорація превратилась въ гильдію купцовъ, торгующихъ для собственной прибыли; въ то же время торговые авантюристы («merchant adventurers») Англіи, новгородскіе «повольники» и mercati personati (личные купцы) итальянскихъ городовъ являлись бы, при такомъ объясненіи, лицами, которымъ предоставлено было открывать на свой страхъ рынки и новыя вѣтви торговли для личныхъ выгодъ. Вообще, должно замѣтить, что происхожденіе средне-вѣковаго города не можетъ быть приписано одному какому-нибудь отдѣльному фактору. Онъ былъ результатомъ многихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ различныхъ степеняхъ.

ценнымъ всякой аффектаціи въ то время, такъ какъ средневѣковый ремесленникъ производилъ не на неизвѣстнаго ему покупателя, онъ не выбрасывалъ своихъ товаровъ на невѣдомый ему рынокъ: онъ, прежде всего, производилъ для своей собственной гильдіи; для братства людей, въ которомъ всѣ знали другъ друга, въ которомъ были знакомы съ техникой ремесла и, назначая цѣну продукту, каждый могъ оцѣнить искусство, вложенное въ производство даннаго предмета и затраченный на него трудъ. Кромѣ того, не отдѣльный производитель предлагалъ общинѣ товары для покупки,—ихъ предлагала гильдія, а община, въ свою очередь, предлагала братству объединенныхъ общинъ тѣ товары, которые вывозились ею и за качество которыхъ она отвѣчала передъ ними. При такой организаціи, для каждаго ремесла являлось дѣломъ самолюбія не предлагать товаровъ низкаго качества, а техническіе недостатки или поддѣлки затрогивали всю общину, такъ какъ, по словамъ одного устава, «они разрушаютъ общественное довѣріе»[1]). Производство, такимъ образомъ, являлось общественной обязанностью и было поставлено подъ контроль всей amitas, всего содружества, вслѣдствіе чего ручной трудъ, покуда существовали вольные города, не могъ опуститься до того низменнаго положенія, до котораго онъ дошелъ теперь.

Различіе между мастеромъ и ученикомъ, или между мастеромъ и подмастерьемъ (compayne, Geselle) существовало уже съ самыхъ временъ основанія средневѣковыхъ вольныхъ городовъ; но вначалѣ это различіе было лишь различіе въ возрастѣ и степени искусства, а не во власти и богатствѣ. Пробывъ семь лѣтъ ученикомъ и доказавъ свое знаніе и способности въ данномъ ремеслѣ спеціально выполненною работою, ученикъ самъ становился мастеромъ. И только гораздо позднѣе, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда королевская власть уже разрушала городскую и ремесленную организацію, сдѣлалось возможнымъ стать мастеромъ просто по наслѣдству или въ силу богатства. Но это была уже пора всеобщаго упадка средневѣковой промышленности и искусства.

Въ ранній, цвѣтущій періодъ, средневѣковыхъ городовъ, въ нихъ не было много мѣста для наемнаго труда и для индивидуальныхъ наемщиковъ. Работа ткачей, оружейниковъ, кузнецовъ, хлѣбопёковъ и т. д. производилась для гильдіи и для города, а когда въ строительныхъ ремеслахъ нанимались ремесленники со стороны, они работали, какъ временныя корпораціи (какъ это и въ настоящее время наблюдается въ русскихъ артеляхъ), трудъ которыхъ оплачивался всей артели цѣликомъ. Работа на отдѣльнаго хозяина стала распространяться позднѣе; но и въ этихъ случаяхъ работникъ оплачивался лучше, чѣмъ онъ оплачивается даже въ Англіи, теперь, и гораздо лучше, чѣмъ онъ оплачивался обыкновенно во всей Европѣ въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Торольдъ Роджерсъ въ достаточной степени ознакомилъ англійскихъ читателей съ этимъ фактомъ; но то же самое слѣдуетъ сказать и о континентальной Европѣ, какъ это доказывается изслѣдованіями Фальке и Шёнберга, а также многими случайными указаніями. Даже въ пятнадцатомъ

[1]) Janssen, «Geschichte des deutschen Volkes», I, 315; Gramich, «Würzburg», и вообще любой сборникъ уставъ.

столѣтіи каменщикъ, плотникъ или кузнецъ получалъ въ Амьенѣ поденную плату въ размѣрѣ четырехъ sols, соотвѣтствовавшихъ 48-ми фунтамъ хлѣба или $^1/_8$ части маленькаго быка (bouvard). Въ Саксоніи, плата Geselle въ строительномъ ремеслѣ была такова, что, выражаясь словами Фальке, рабочій могъ купить на свой шестидневный заработокъ три овцы и пару сапогъ [1]). Приношенія рабочихъ (Geselle) въ различныхъ соборахъ также являются свидѣтельствомъ ихъ сравнительной зажиточности, не говоря уже о роскошныхъ приношеніяхъ нѣкоторыхъ ремесленныхъ гильдій и объ ихъ расходахъ на празднества и пышныя процессіи [2]). Дѣйствительно, чѣмъ болѣе мы изучаемъ средневѣковые города, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что никогда трудъ не оплачивался такъ хорошо и не пользовался общимъ уваженіемъ, какъ въ то время, когда жизнь вольныхъ городовъ стояла на своей высшей точкѣ развитія.

Мало того. Не только многія стремленія нашихъ современныхъ радикаловъ были уже осуществлены въ средніе вѣка, но даже многое изъ того, что теперь считается утопическимъ, принималось тогда какъ, нѣчто вполнѣ натуральное. Надъ нами смѣются, когда мы говоримъ, что работа должна быть пріятна; но по словамъ средневѣковаго Куттенбергскаго устава, «каждый долженъ находить удовольствіе въ своей работѣ и никто не долженъ, проводя время въ бездѣльи (mit nichts thun), присваивать для себя то, что произведено прилежаніемъ и работой другихъ, ибо законы должны быть щитомъ для огражденія прилежанія и труда» [3]). И среди всѣхъ современныхъ разговоровъ о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, не мѣшало бы вспомнить объ уставѣ Фердинанда I-го, относящемся къ императорскимъ каменноугольнымъ копямъ; согласно этому уставу рабочій день рудокопа полагался въ восемь часовъ, «какъ это ведется изстари» (wie vor Alters herkommen), а работа послѣ полудня субботы была совершенно запрещена. Болѣе продолжительный рабочій день былъ очень рѣдокъ, говоритъ Янссенъ, тогда какъ болѣе краткій случался довольно часто. По словамъ Роджерса, въ Англіи, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, «рабочіе работали лишь 48 часовъ въ недѣлю» [4]). Субботній полу-

---

[1]) Falke. «Geschichtiche statistik», I, 373—393, и II; 66; цит. въ Janssen's «Geschichte», I, 339; J. D. Blavignac, въ «Comptes et dépenses de la construction du clocher de Saint-Nicolas à Fribourg en Suisse» приходитъ къ подобному же заключенію. Для Амьена см. De Calonne «Vie Municipale», стр. 99 и Приложеніе. Для полной оцѣнки и графическаго изображенія средневѣковой заработной платы въ Англіи, съ переводомъ ея на стоимость хлѣба и мяса, см. прекрасную статью и таблицу кривыхъ G. Steffen'a въ журналѣ «Nineteenth Century» за 1891 годъ и его же «Studier öfver lönsystemets historia i England», Stockholm, 1895.

[2]) Для того, чтобы привести хотя бы одинъ примѣръ изъ множества, находящихся въ работахъ Shönberg и Falke укажу, напримѣръ, что 16 сапожниковъ рабочихъ (Schusterknechte) рейнскаго города Кэнтена пожертвовали для возведенія иконостаса и алтаря въ церкви 75 гульденовъ по подпискѣ и 12 гульденовъ изъ общаго ящика, при чемъ цѣнность денегъ въ то время, согласно наиболѣе достовѣрчымъ изслѣдованіямъ, превосходила въ десять разъ ихъ теперешнюю цѣнность.

[3]) Приводится Janssen'омъ l. c. I, 343.

[4]) Thorold Rogers, «The Economical Interpretation of History», London, 1891, стр. 303.

праздникъ, который мы считаемъ современною побѣдою, былъ въ сущности древнимъ средневѣковымъ учрежденіемъ; это былъ банный день для значительной части членовъ общины, а послѣобѣденное время по средамъ было банным временемъ для Geselle[1]). И хотя въ то время еще не существовало школьныхъ завтраковъ—вѣроятно потому, что дѣтей не посылали въ школу голодными,—выдача денегъ на баню дѣтямъ, если этотъ расходъ былъ затруднителенъ для ихъ родителей, представляла обычное явленіе въ разныхъ городахъ. Что же касается до рабочихъ конгрессовъ, то и они также были обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи ремесленники одного и того же ремесла, но принадлежавшіе къ различнымъ общинамъ, обыкновенно собирались ежегодно для обсужденія вопросовъ, относящихся къ ихъ ремеслу, для опредѣленія сроковъ ученичества, условій путешествія по своей странѣ, считавшагося тогда обязательнымъ для всякаго рабочаго, заработной платы и т. д. Въ 1572 году, города, принадлежавшіе къ Ганзейскому союзу формально признали за ремесленниками право собираться періодически на конгрессы и принимать всякаго рода резолюціи, поскольку послѣднія не будутъ противорѣчить городскимъ уставамъ, опредѣлявшимъ качество товаровъ. Извѣстно, что такіе рабочіе конгрессы, отчасти международные (какъ и сама Ганза), были созваны хлѣбопёками, литейщиками, кожевниками, кузнецами, шпажниками и бочарами[2]).

Организація гильдій требовала, конечно, тщательнаго надзора надъ ремесленниками со стороны гильдіи и для этой цѣли всегда назначались спеціальные присяжные. Замѣчательно, однако, то обстоятельство, что пока города жили свободной жизнью, не слышно было жалобъ на этотъ надзоръ; между тѣмъ, какъ, когда въ дѣло вмѣшалось государство, и конфисковало собственность гильдій и разрушило ихъ независимость въ пользу собственной бюрократіи, жалобы становятся просто безчисленными[3]). Съ другой стороны, огромный прогрессъ въ области всѣхъ искусствъ, достигнутый при средневѣковой гильдейской системѣ, является наилучшимъ доказательствомъ того, что система эта

[1]) Janssen, l. c. См. также Dr. Alwin Schultz, «Deutsches Leben im XIV und XV. Jahrhundert», grosse Ausgabe, Wien, 1892, стр. 67 и слѣд. Въ Парижѣ длина рабочаго дня была отъ семи до восьми часовъ зимою и до четырнадцати часовъ лѣтомъ въ извѣстныхъ ремеслахъ; въ другихъ же она была отъ восьми до девяти часовъ зимою, и отъ десяти до двѣнадцати лѣтомъ. По субботамъ и въ двадцать пять другихъ дней (jours de commun de vile foire) всѣ работы кончались въ 4 часа по-полудни. А по воскресеньямъ и въ тридцать другихъ праздничныхъ дней вовсе не работали. Въ общемъ выходитъ, что средневѣковый рабочій работалъ меньше часовъ, чѣмъ современный рабочій (Dr. E. Martin Saint-Léon, «Histoire des corporations», стр. 121).

[2]) W. Stieda, «Hansische Vereinbarungen über städtisches Gewerbe im XIV und XV Jahrhundert», въ «Hansische Geschichtsblätter», Jahrgang 1886, стр. 121; Chönberg, «Wirthschaftliche Bedeutung der Zünfte»; а также отчасти Roscher.

[3]) См. глубоко прочувствованныя замѣчанія Toulmin Smith'a объ ограбленіи гильдій королями, во введеніи г-жи Smith къ «Englisch Guilds». Во Франціи аналогичное ограбленіе и уничтоженіе собственной юрисдикціи гильдій началось съ 1306 года, а окончательный ударъ былъ нанесенъ въ 1382 году (Fagniez, l. c. стр. 52-54).

не была препятствіемъ для развитія личной иниціативы[1]). Дѣло въ томъ, что средневѣковая гильдія, подобно средневѣковому приходу, «улицѣ» или «концу», не была корпораціею гражданъ, поставленныхъ подъ контроль государственныхъ чиновниковъ; она была союзомъ всѣхъ людей, объединенныхъ даннымъ производствомъ, и въ составъ ея входили: присяжные закупщики сырыхъ продуктовъ, продавцы произведенныхъ товаровъ и ремесленники—мастера, подмастерья («Compaynes») и ученики. Для внутренней организаціи даннаго производства собраніе этихъ лицъ обладало верховными правами, пока оно не затрогивало другихъ гильдій,—въ какомъ случаѣ дѣло переносилось на разсмотрѣніе гильдіи гильдій, т.-е. города. Но, помимо указанныхъ сейчасъ функцій, гильдія представляла еще и нѣчто другое. Она имѣла собственную юрисдикцію, собственную военную силу; имѣла собственныя общія собранія, или вѣче, собственныя традиціи борьбы, славы и независимости и собственныя сношенія съ другими гильдіями того же ремесла или занятія въ другихъ городахъ. Однимъ словомъ, она жила полной органической жизнью, которая происходила отъ того, что она обхватывала полностью всѣ жизненныя функціи. Когда городъ призывался къ оружію, гильдія выступала какъ отдѣльный отрядъ (Schaar), вооруженная принадлежавшимъ ей оружіемъ, (а въ болѣе позднюю эпоху—съ собственными пушками, съ любовью изукрашенными гильдіей), подъ начальствомъ ею же избранныхъ начальниковъ. Однимъ словомъ, гильдія была такая же независимая единица федераціи, какой была республика Ури или Женевы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Швейцарской конфедераціи. Въ виду этого, сравнивать гильдіи съ современными trade-unionами, или профессіональными союзами, линейными всѣхъ аттрибутовъ государственной верховной власти и сведенными къ выполненію двухъ-трехъ второстепенныхъ функцій,—столь же неразумно, какъ сравнивать Флоренцію или Брюгге съ какой-нибудь французской деревенской общиной, влачащей жалкое существованіе подъ гнетомъ наполеоновскаго кодекса, или же съ русскимъ городомъ, управляющимся по городскому уложенію Екатерины II-ой. И тѣ, и другія имѣютъ своего выборнаго голову, а послѣдній имѣетъ даже и ремесленные цехи; но разница между ними—вся та разница, какая существуетъ между Флоренціей, съ одной стороны, и какой-нибудь деревушкой Гусиные Ключи во Франціи или Царевококшайскомъ, съ другой; или же между Венеціанскимъ дожемъ и современнымъ деревенскимъ мэромъ, снимающимъ шапку предъ носомъ господина субъ-префекта.

---

[1]) Адамъ Смитъ и его современники прекрасно знали, что именно они подвергали осужденію, когда они писали противъ вмѣшательства государства въ торговлю и противъ торговыхъ монополій, создаваемыхъ государствомъ. Къ несчастію, ихъ послѣдователи, съ безнадежнымъ легкомысліемъ, свалили въ одну кучу средневѣковыя гильдіи и государственное вмѣшательство, не дѣлая различія между эдиктомъ изъ Версали и гильдейскимъ уставомъ. Едва ли нужно указывать, что экономисты, серьезно изучавшіе вопросъ, какъ Shönberg (редакторъ хорошо извѣстнаго курса «Политической экономіи»), никогда не впадали въ подобную ошибку. Но вплоть до самаго недавняго времени расплывчивые споры вышеуказаннаго типа сходили за экономическую «науку».

Средневѣковыя гильдіи были въ состояніи отстаивать свою независимость; а когда, позднѣе, особенно въ четырнадцатомъ вѣкѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, на которыя мы сейчасъ укажемъ, старая городская жизнь начала претерпѣвать глубокія измѣненія, тогда болѣе молодыя ремесла оказались достаточно сильными, чтобы завоевать себѣ, въ свою очередь, должную долю въ управленіи городскими дѣлами. Массы, сорганизованныя въ «младшія» гильдіи, возстали, чтобы вырвать власть изъ рукъ растущей олигархіи, и въ большинствѣ случаевъ онѣ добились успѣха,—и тогда онѣ открывали новую эру расцвѣта вольныхъ городовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ городахъ возстаніе младшихъ гильдій было потушено въ крови, и тогда рабочимъ безпощадно рубили головы, какъ это было въ 1306 году въ Парижѣ и въ 1371 году въ Кёльнѣ. Въ такихъ, случаяхъ городскія вольности, послѣ такого пораженія, быстро приходили въ упадокъ, и городъ подпадалъ подъ иго центральной власти. Но въ большинствѣ городовъ была достаточно жизненныхъ силъ, чтобы выйти изъ борьбы обновленными и съ запасомъ свѣжей энергіи [1]). Новый періодъ юношескаго обновленія былъ тогда ихъ наградой. Въ города вливалась волна новой жизни, которая и находила себѣ выраженіе въ великолѣпныхъ новыхъ архитектурныхъ памятникахъ, въ новомъ періодѣ преуспѣянія, во внезапномъ прогрессѣ техники и изобрѣтеній и въ новомъ интеллектуальномъ движеніи, которое вскорѣ и повело къ эпохѣ Возрожденія и Реформаціи.

Жизнь средневѣковаго города являлась цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ битвъ, которыя пришлось вести горожанамъ, чтобы добыть себѣ свободу и удержать её. Правда, во время этой суровой борьбы развилась крѣпкая и стойкая раса бюргеровъ; правда, что эта борьба воспитала любовь и обожаніе родного города, и что великія дѣянія, совершонныя средневѣковыми общинами, вдохновлялись именно этою любовью. Но жертвы, которыя пришлось понести общинамъ въ борьбѣ за свободу, были, тѣмъ не менѣе, очень тяжелы, и выдержанная общинами борьба внесла глубокіе источники раздоровъ въ самую ихъ внутреннюю жизнь.

[1]) Во Флоренціи семь «меньшихъ искусствъ» устроили свою революцію въ 1270—82 гг., и подробное описаніе ея результатовъ можно найти въ работѣ Perrens («Histoire de Florence» Paris, 1877, 3 тома) и въ особенности въ трудѣ Gino Capponi («Storia della repubblica di Firenze», 3-da edizione, 1876, I, 58—80; переведено на нѣмецкій языкъ). Въ Лионѣ, напротивъ, когда въ 1402 году началось подобное же движеніе, оно было подавлено и ремесленники потеряли право выбирать собственныхъ судей. Въ Ростокѣ подобное же движеніе происходило въ 1313 году; въ Цюрихѣ въ 1336-мъ; въ Бернѣ въ 1363-мъ; въ Брауншвейгѣ въ 1374 году, а въ слѣдующемъ году въ Гамбургѣ; въ Любекѣ въ 1376—84 и т. д. См. Schmoller's «Strassburg zur Zeit der Zunftkämpfe» и его-же Strassburg's Blüthe», Brentano, «Arbeitergilden der Gegenwart», 2 тома, Leipzig, 1871—72; E. Bain, «Merchant and Craft Guilds», Aberdeen, 1887, стр. 26—47, 75 и т. д. Что-же касается до взглядовъ Gross'a на туже борьбу въ Англіи см. замѣчанія г-жи Green въ ея «Town Life in the Fifteenth Century», II. 190—217; а также главу о рабочемъ вопросѣ, и вообще весь этотъ чрезвычайно интересный томъ указанной работы. Взгляды Брентано на ремесленную борьбу, изложенные преимущественно въ §§ III и IV его очерка «Объ исторіи и развитіи гильдій» въ «English guilds» Toulmin Smith'a, остаются классическими по этому вопросу, и дальнѣйшія розысканія снова и снова подтверждали ихъ.

Очень немногіе города успѣли, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, добиться свободы сразу, при чемъ они, въ большинствѣ случаевъ, такъ же легко и потеряли ее. Громадному же большинству городовъ пришлось бороться по пятидесяти и по сто лѣтъ, а иногда и болѣе, чтобы добиться перваго признанія своихъ правъ на свободную жизнь, и еще другую сотню лѣтъ, пока имъ удалось поставить свою свободу на прочномъ основаніи: хартіи двѣнадцатаго вѣка были только первыми ступенями къ свободѣ[1]). Въ дѣйствительности средневѣковый городъ оставался укрѣпленнымъ оазисомъ среди страны, погруженной въ феодальное подчиненіе, и ему приходилось силою оружія утвердить свое право на жизнь.

Вслѣдствіе причинъ, вкратцѣ указанныхъ въ предыдущей главѣ, каждая деревенская община постепенно подпала подъ иго какого-нибудь свѣтскаго или духовнаго властелина. Домъ такого властелина мало-по-малу обратился въ замокъ, а его собратьями по оружію становились теперь наихудшаго сорта авантюристы, всегда готовые грабить крестьянъ. Помимо барщины, т.-е. трехъ дней въ недѣлю, которые крестьяне должны были работать на господина, съ нихъ взыскивали теперь всякаго рода поборы за все: за право сѣять и жать, за право грустить или веселиться, за право жить, жениться, и умирать. Но хуже всего было то, что ихъ постоянно грабили вооруженные люди, принадлежавшіе къ дружинамъ сосѣднихъ феодаловъ, которые смотрѣли на крестьянъ, какъ на домочадцевъ ихъ господина, а потому, если у нихъ вспыхивала родовая война изъ-за кровавой мести съ ихъ владѣльцемъ—вымещали все на крестьянахъ, на ихъ скотѣ и ихъ посѣвахъ. А между тѣмъ, всѣ луга, всѣ поля, всѣ рѣки и родоги — все вокругъ города и каждый человѣкъ, сидѣвшій на землѣ, были подъ властью какого-нибудь феодальнаго владѣльца.

Ненависть бюргеровъ къ феодальнымъ баронамъ нашла себѣ очень мѣткое выраженіе въ редакціи нѣкоторыхъ хартій, которыя они заставили своихъ бароновъ подписать. Генрихъ V, напримѣръ, долженъ былъ подписать въ хартіи, данной городу Шпейеру въ 1111 году, что онъ освобождаетъ бюргеровъ отъ «отвратительнаго и негоднаго закона о выморочномъ владѣніи, которымъ городъ былъ доведенъ до глубочайшей нищеты»—Von dem scheusslichen uud nichtswürdigen Gesetze, welches gemein Budel genannt wird... (Kallsen, т. I, 307). Въ coutume города Байонны имѣются такія строки: «народъ древнѣе господъ. Народъ, численностью своей превосходящій другія сословія, желая мира, создалъ господъ для обузданія и усмиренія могущественныхъ», и т. д. (Giry. Etablissements de Rouen», т. I, 117, цит. у Luchaire, стр. 24). Хартія, предложенная для подписанія королю Роберту, не менѣе характерна. Его заставили сказать въ ней: «Я не буду грабить ни

---

[1]) Приведу лишь одинъ примѣръ: Камбрэ совершилъ свою первую революцію въ 907 году и послѣ трехъ или четырехъ новыхъ возмущеній, добился хартіи въ 1076 году. Эта хартія отбиралась дважды (въ 1107-мъ и 1138 году) и дважды давалась снова (въ 1127-мъ и 1180-мъ году). Въ общемъ пришлось бороться 223 года, прежде чѣмъ была завоевана независимость. Ліону пришлось бороться съ 1195-го по 1320-й годъ.

быковъ, ни другихъ животныхъ. Я не буду захватывать купцовъ, отнимать у нихъ деньги или налагать на нихъ выкупъ. Отъ Благовѣщенія до дня Всѣхъ Святыхъ я не буду захватывать на лугахъ ни лошадей, ни кобылъ, ни жеребятъ. Я не буду сожигать мельницъ, и не буду грабить муку... Я не буду оказывать покровительства ворамъ», и т. д. (Pfister напечаталъ этотъ документъ, воспроизведенный также у Luchaire). Хартія, «дарованная» Безансонскимъ архіепископомъ Hugues, въ которой онъ долженъ былъ перечислить всѣ бѣдствія, причиненныя его правами на крѣпостное владѣніе, не менѣе характерна[1]). Много можно было бы привести такихъ примѣровъ.

Удержать свою свободу среди такого, окружавшаго ихъ, своеволія феодальныхъ барововъ, было бы невозможно, а потому вольные города были вынуждены начать войну внѣ своихъ стѣнъ. Горожане стали посылать своихъ эмиссаровъ, чтобы поднимать деревни и руководить ихъ возстаніемъ; они принимали деревни въ составъ своихъ корпорацій; и, наконецъ, они начали прямую войну противъ дворянства. Въ Италіи, гдѣ деревни были густо усѣяны феодальными замками, война приняла героическіе размѣры и велась обѣими сторонами съ суровымъ ожесточеніемъ. Флоренціи пришлось цѣлые семьдесятъ семь лѣтъ вести кровавыя войны, чтобы освободить свой contado отъ дворянъ; но когда борьба была побѣдоносно закончена (въ 1181 году), все пришлось начинать сызнова. Дворянство собралось съ силами и образовало свои собственныя лиги, въ противовѣсъ лигамъ городовъ и, получая свѣжую поддержку, то отъ императора, то отъ папы, затянуло войну еще на 130 лѣтъ. То же самое произошло въ Римѣ, въ Ломбардіи,—по всей Италіи.

Чудеса храбрости, смѣлости и настойчивости были совершены горожанами во время этихъ войнъ. Но луки и боевые топоры городскихъ ремесленниковъ не всегда брали верхъ надъ одѣтыми въ латы рыцарями, и многіе замки успѣшно выдержали осаду, несмотря на замысловатыя осадныя машины и настойчивость осаждавшихъ горожанъ. Нѣкоторые города,—какъ напр., Флоренція, Болонья и многіе другіе во Франціи, Германіи и Богеміи,—успѣли освободить окружающія ихъ деревни, и замѣчательное благосостояніе и спокойствіе были имъ наградою за ихъ усилія. Но даже въ этихъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ городахъ менѣе могучихъ, или менѣе импульсивныхъ, купцы и ремесленники, истощенные войной и ложно понимая свои собственныя выгоды, заключили съ баронами миръ, такъ сказать, продавши имъ крестьянъ. Они заставляли барона принять присягу на вѣрность городу; его замокъ сносился до основанія, и онъ давалъ согласіе выстроить домъ и жить въ городѣ, гдѣ онъ становился теперь согражданиномъ (com-bourgeois, con-cittadino); но взамѣнъ, онъ сохранялъ большинство своихъ правъ надъ крестьянами, которые, такимъ образомъ, получали лишь частичное облегченіе отъ лежавшаго на нихъ крѣпостного бремени. Горожане не поняли, что имъ слѣдовало дать равныя права гражданства крестьянину, на котораго

[1]) См. Tuetey, «Etude sur le droit municipal... en Franche-Comté» въ «Memoires de la Société d'émulation de Montbéliard», 2-я серія, т. II, 129 seq.

имъ приходилось полагаться въ дѣлѣ снабженія города пищевыми продуктами; и вслѣдствіе этого непониманія, между городомъ и деревней образовалась съ тѣхъ поръ глубокая пропасть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крестьяне только перемѣняли владѣльцевъ, такъ какъ городъ выкупалъ права барона и продавалъ ихъ по частямъ своимъ собственнымъ гражданамъ[1]). Крѣпостная зависимость оставалась, такимъ образомъ, и только гораздо позднѣе, къ концу тринадцатаго вѣка, революція младшихъ ремесленниковъ положила ей конецъ: но уничтоживши личную крѣпостную зависимость, она въ то же время отнимала у крестьянъ землю[2]). Едва-ли нужно прибавлять, что города вскорѣ почувствовали на себѣ роковыя послѣдствія такой близорукой политики: деревня стала врагомъ города.

Война противъ замковъ имѣла еще одно вредное послѣдствіе. Она втянула города въ продолжительныя войны между собою — что и дало возможность сложиться у историковъ теоріи, бывшей въ ходу до недавняго времени, согласно которой города потеряли свою независимость вслѣдствіе взаимной зависти и борьбы другъ съ другомъ. Особенно поддерживали эту теорію историки-имперіалисты, но она сильно поколеблена новѣйшими изслѣдованіями. Несомнѣнно, что въ Италіи города воевали другъ съ другомъ съ упорнымъ ожесточеніемъ; но нигдѣ, кромѣ Италіи, междоусобія городовъ не принимали такихъ размѣровъ; да и въ самой Италіи городскія войны, въ особенности въ раннемъ періодѣ, имѣли свои спеціальныя причины. Онѣ были (какъ это уже показали Сисмонди и Феррари) продолженіемъ войны противъ замковъ — неизбѣжнымъ продолженіемъ борьбы свободнаго муниципальнаго и федеративнаго принципа противъ феодализма, имперіализма и папства. Многіе города, освободившіеся только отчасти изъ-подъ власти епископа, феодальнаго владѣльца, или императора, были силою втянуты въ борьбу противъ свободныхъ городовъ дворянами, императоромъ и церковью, политика которыхъ сводилась къ тому, чтобы не давать городамъ объединиться, и вооружить ихъ другъ противъ друга. Эти особенныя условія (отчасти сохранившіяся и на Германіи) объясняютъ, почему итальянскіе города, изъ которыхъ одни искали поддержки у императора для борьбы съ папой, а другіе — у церкви для борьбы съ императоромъ, вскорѣ раздѣлились на два лагеря, Гибеллиновъ и Гвельфовъ, и почему то же раздѣленіе проявилось и внутри каждаго города[3]).

Огромный экономическій прогрессъ, достигнутый большинствомъ итальянскихъ городовъ, какъ разъ въ то время, когда

[1]) Это, повидимому, часто случалось въ Италіи. Въ Швейцаріи Бернъ даже купилъ города Тунъ и Бургдорфъ.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло происходило въ городахъ Тосканы (Флоренціи, Луккѣ, Сіеннѣ, Болоньѣ и т. д.), относительно которыхъ наилучше изучены отношенія между городомъ и крестьянами. (Лучицкій, «Рабство и русскіе рабы во Флоренціи» въ Кіевскихъ университетскихъ «Извѣстіяхъ» за 1885 годъ; для этой работы Лучицкій использовалъ Rumohr «Ursprung der Besitzlosigkeit der Colonien in Toscana», 1830). Но, вообще, весь вопросъ объ отношеніяхъ между городами и крестьянствомъ требуетъ болѣе тщательнаго изученія.

[3]) Обобщенія Феррари черезчуръ теоретичны, чтобы всегда быть правильными; но его взгляды на роль дворянства въ городскихъ войнахъ обоснованы на массѣ достовѣрныхъ фактовъ.

эти войны были въ самомъ разгарѣ[1]), и легкость, съ которою заключились союзы между городами, даютъ еще болѣе вѣрное понятіе о борьбѣ городовъ и еще болѣе подрываютъ вышеупомянутую теорію. Уже въ 1130—1150 годахъ начали слагаться могущественныя городскія лиги; и немного лѣтъ спустя, когда Фридрихъ Барбаросса напалъ на Италію и, поддерживаемый дворянствомъ и нѣсколькими отсталыми городами, пошелъ на Миланъ, народный энтузіазмъ съ силою пробудился во многихъ городахъ, подъ вліяніемъ народныхъ проповѣдниковъ. Кремона, Піаченца, Брешіа, Тортона и др. пришли на выручку; знамена гильдій Вероны, Падуи, Виченцы и Тревизы развѣвались вмѣстѣ въ лагерѣ городовъ, противъ знаменъ императора и дворянства. Въ слѣдующемъ году образовалась Ломбардская лига, а лѣтъ черезъ шестьдесятъ мы уже видимъ что эта лига усилилась союзами со многими другими городами и представляетъ прочную организацію, хранящую половину своей военной казны въ Генуѣ, а другую половину—въ Венеціи[2]). Въ Тосканѣ Флоренція стояла во главѣ другой могущественной лиги, къ которой принадлежали Лукка, Болонья, Пистойя и др. города, и которая играла важную роль въ пораженіи дворянства въ средней Италіи; болѣе же мелкія лиги были въ то время самымъ обычнымъ явленіемъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что хотя и существовало соперничество между городами, и не трудно было посѣять раздоры между ними, но это соперничество не мѣшало городамъ объединяться для общей защиты своей свободы. Только позднѣе, когда города стали каждый маленькимъ государствомъ, между ними начались войны, какъ это всегда бываетъ, когда государства начинаютъ бороться между собою за верховное преобладаніе или изъ-за колоній.

Подобныя же лиги сформировались съ подобною же цѣлью въ Германіи. Когда, при наслѣдникахъ Конрада, страна стала ареною нескончаемыхъ родовыхъ войнъ изъ-за кровавой мести между баронами, города Вестфаліи образовали лигу противъ рыцарей, при чемъ однимъ изъ пунктовъ договора было обязательство, никогда не давать взаймы денегъ рыцарю, который продолжалъ бы укрывать краденые товары[3]). Въ то время, какъ «рыцари и дворянство жили грабежомъ и убивали, кого хотѣли», какъ говорится въ Вормской Жалобѣ (Wormser Zorn) рейнскіе города (Майнцъ, Кёльнъ, Шпейеръ, Страсбургъ и Базель) взяли на себя инициативу образованія лиги, для преслѣдованія грабителей и поддержанія мира, которая вскорѣ насчитывала шестьдесятъ вошедшихъ въ союзъ городовъ. Позднѣе, лига Швабскихъ городовъ, раздѣленныхъ на три «мирныхъ округа» (Аугсбургъ, Констанцъ и Ульмъ) преслѣдовала ту-же цѣль. И хотя эти лиги были сломлены[4]), онѣ продержались довольно долго, чтобы по-

[1]) Лишь города, упрямо стоявшіе за дѣло барановъ, какъ, напр., Пиза или Верона, потеряли, благодаря этимъ войнамъ. Для многихъ же городовъ, сражавшихся на сторонѣ барановъ, пораженіе было началомъ освобожденія и прогресса.

[2]) Ferrari, II, 18, 104 и слѣд. Leo и Botta, I, 432.

[3]) Joh. Falke, «Die Hansa als Deutsche See-und Handelsmacht», Berlin, 1863, стр. 31, 35.

[4]) Относительно Аахена и Кёльна имѣются прямыя указанія, что никто иной, какъ епископы этихъ двухъ городовъ—одинъ изъ нихъ подкупленный врагами—открыли ворота города.

казать, что въ то время, какъ предполагаемые миротворцы—короли, императоры и церковь—возбуждали раздоры и сами были безпомощны противъ разбойничавшихъ рыцарей, толчокъ къ возстановленію мира и къ объединенію исходилъ изъ городовъ. Города,—а не императоры,—были дѣйствительными созидателями національнаго единства[1]).

Подобныя же федераціи, съ однородными цѣлями, организовывались и между деревнями, и теперь, когда Luchaire обратилъ вниманіе на это явленіе, можно надѣяться, что мы вскорѣ узнаемъ больше подробностей объ этихъ федераціяхъ. Намъ извѣстно, что деревни объединялись въ небольшія федераціи въ contado Флоренціи; также въ подчиненныхъ Новгороду и Пскову областяхъ. Что же касается Франціи, то имѣется положительное свидѣтельство о федераціи семнадцати крестьянскихъ деревень, просуществовавшей въ Ланнэ (Laonnais) въ теченіе почти ста лѣтъ (до 1256 г.) и упорно боровшейся за свою независимость. Кромѣ того, въ окрестностяхъ города Laon существовали три крестьянскія республики, имѣвшія присяжныя хартіи, по образцу хартій Лана и Суассона,—при чемъ, такъ какъ ихъ территоріи были смежными, онѣ поддерживали другъ друга въ своихъ освободительныхъ войнахъ. Вообще Luchaire полагаетъ, что многія подобныя федераціи возникли во Франціи въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ, но въ большинствѣ случаевъ документальныя извѣстія о нихъ утеряны. Конечно, незащищенныя, какъ города, стѣнами, деревенскія федераціи легко разрушались королями и баронами; но при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда онѣ находили поддержку въ городскихъ лигахъ, или защиту въ своихъ горахъ, подобныя крестьянскія республики становились независимыми единицами Швейцарской Конфедераціи[2]).

Что же касается до союзовъ, заключавшихся городами ради разныхъ мирныхъ цѣлей, то они были самымъ обычнымъ явленіемъ. Сношенія, установившіяся въ періодъ освобожденія, когда города списывали другъ у друга хартіи, не прерывались впослѣдствіи. Иногда, когда судьи какого-нибудь германскаго города должны были вынести приговоръ въ совершенно новомъ для нихъ и сложномъ дѣлѣ, и объявляли, что не могутъ подыскать рѣшенія (des Urtheiles nicht weise zu sein), они посылали делегатовъ въ другой городъ съ цѣлью подыскать подходящее рѣшеніе. То же самое случалось и во Франціи[3]). Мы знаемъ также, что Форли и Равенна взаимно натурализовали своихъ гражданъ и дали имъ полныя права въ обоихъ городахъ.

Отдавать споръ, возникшій между двумя городами, или внутри города, на рѣшеніе другой общинѣ, которую приглашали

[1]) См. факты (хотя не всегда сопровождаемые вѣрными выводами), у Nitzsch, III, 133 и слѣд.; также Kallsen, I, 458 и т. д.

[2]) Объ Коммунѣ Laonnais, которую до розысканій Melleville'a («Histoire da la Commune du Laonnais», Paris, 1853) смѣшивали съ коммуной города Laon, см. Luchaire, стр. 75 и слѣд.; о раннихъ крестьянскихъ гильдіяхъ и послѣдующихъ союзахъ см. R. Wilman, «Die ländlichen Schutzgilden Westphaliens» въ «Zeitschrift für Kulturgeschichte», neue Folge, т. III, цит. въ Henne-am-Rhyn, «Kulturgeschichte», III, 249.

[3]) Luchaire, стр. 149.

дѣйствовать въ качествѣ посредника, было также въ духѣ времени[1]). Что же касается до торговыхъ договоровъ между городами, то они были самымъ обычнымъ дѣломъ[2]). Союзы для регулированія производства и объема бочекъ, употреблявшихся въ торговлѣ виномъ, «селедочные союзы» и т. д. были предшественниками большой торговой федераціи Фламандской Ганзы, а позднѣе—великой Сѣверо-Германской Ганзы. Исторія же этихъ двухъ обширныхъ союзовъ позволила бы мнѣ наполнить еще многія страницы примѣрами федеративнаго духа, которымъ были проникнуты люди того времени. Едва ли нужно прибавлять что, благодаря Ганзейскимъ союзамъ, средневѣковые города сдѣлали больше для развитія международныхъ сношеній, мореплаванія и морскихъ открытій, чѣмъ всѣ государства первыхъ семнадцати вѣковъ нашей эры.

Короче говоря, федераціи между маленькими земскими единицами, а равно и между людьми, объединенными общими цѣлями въ соотвѣтственныя гильдіи, а также федераціи между городами и группами городовъ — составляли самую сущность жизни и мысли въ теченіе всего этого періода. Первые пять вѣковъ второй декады нашей эры (XI-й по XVI-й) могутъ, такимъ образомъ, быть разсматриваемы, какъ колоссальная попытка обезпечить взаимную помощь и взаимную поддержку въ крупныхъ размѣрахъ, при помощи принциповъ федераціи и ассоціаціи, проводимыхъ чрезъ всѣ проявленія человѣческой жизни и во всевозможныхъ степеняхъ. Эта попытка, въ значительной мѣрѣ увѣнчалась успѣхомъ. Она объединила людей, раньше того разъединенныхъ, она обезпечила имъ значительную свободу и удесятерила ихъ силы. Въ ту пору, когда множество всякихъ вліяній воспитывали въ людяхъ партикуляризмъ, и было такое обиліе причинъ для раздоровъ, отрадно видѣть и отмѣтить, что у городовъ, разсѣянныхъ по обширному континенту, оказалось такъ много общаго, и что они съ такою готовностью объединялись для преслѣдованія столь многихъ общихъ цѣлей. Правда, что въ концѣ концовъ, они не устояли предъ мощными врагами. Не проявивши достаточно широкаго пониманія принципа взаимной помощи, они сами надѣлали роковыхъ ошибокъ. Но погибли они не отъ вражды другъ къ другу, и ихъ ошибки не были слѣдствіемъ недостаточнаго развитія среди нихъ федеративнаго духа.

Результаты новаго направленія, принятаго человѣческою жизнью въ средневѣковомъ городѣ, были колоссальны. Въ началѣ одиннадцатаго вѣка города Европы представляли еще маленькія кучи жалкихъ хижинъ, ютившихся вокругъ низенькихъ, неуклюжихъ церквей, строители которыхъ едва умѣли вывести арку; ремесла, сводившіяся главнымъ образомъ къ ткачеству и ковкѣ, были въ зачаточномъ состояніи; наука находила себѣ убѣжище лишь въ немногихъ монастыряхъ. Но триста пятьдесятъ

---

[1]) Такіе два крупныхъ города, какъ Майнцъ и Вормсъ, разрѣшили возникавшее между ними политическое столкновеніе при помощи посредниковъ. Послѣ гражданской войны, вспыхнувшей въ Аббевиллѣ, Амьенъ выступилъ въ 1231 году въ качествѣ посредника (Luchaire, 149) и т. д.

[2]) См. напримѣръ, W. Stieda, «Hansische Vereinbarungen», l. c., стр. 114.

лѣтъ позже самый видъ Европы совершенно измѣнился. Страна была усѣяна богатыми городами, и эти города были окружены широко-раскинувшимися, толстыми стѣнами, которыя были украшены вычурными башнями и воротами, представлявшими, каждая изъ нихъ, произведенія искусства. Соборы, задуманные въ грандіозномъ стилѣ и покрытые безчисленными декоративными украшеніями, поднимали къ облакамъ свои высокія колокольни, при чемъ въ ихъ архитектурѣ проявлялась такая чистота формъ и такая смѣлость воображенія, какихъ мы тщетно стремимся достигнуть въ настоящее время. Ремесла и искусства поднялись до такого совершенства, что даже теперь мы едва-ли можемъ похвалиться тѣмъ, чтобы мы во многомъ превзошли ихъ, если только изобрѣтательный талантъ работника и высокую законченность его работы ставить выше быстроты фабрикаціи. Суда свободныхъ городовъ бороздили во всѣхъ направленіяхъ сѣверное и южное Средиземное море: еще одно усиліе—и они переѣдутъ океанъ. На обширныхъ пространствахъ благосостояніе заступило мѣсто прежней нищеты: выросло и распространилось образованіе. Выработался научный методъ изслѣдованій, и положено было основаніе механики и физическихъ наукъ: мало того,—подготовлены были всѣ тѣ механическія изобрѣтенія, которыми такъ гордится девятнадцатый вѣкъ! Таковы были вышеупомянутыя перемѣны, совершившіяся въ Европѣ менѣе чѣмъ въ четыреста лѣтъ. И тѣ потери, которыя понесла Европа, когда пали ея свободные города, можно оцѣнить лишь тогда, когда мы сравниваемъ семнадцатый вѣкъ съ четырнадцатымъ, или даже тринадцатымъ. Благосостояніе, которымъ отличались Шотландія, Германія, равнины Италіи,—исчезло. Дороги пришли въ упадокъ, города опустѣли, свободный трудъ превратился въ рабство, искусства заглохли, даже торговля пришла въ упадокъ[1].

Если бы послѣ средневѣковыхъ городовъ не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ, по которымъ можно было бы судить о блескѣ ихъ жизни, если бы послѣ нихъ остались одни только памятники ихъ архитектурнаго искусства, которые мы находимъ разсѣянными по всей Европѣ, отъ Шотландіи до Италіи и отъ Героны въ Испаніи до Бреславля на славянской территоріи, то и тогда мы могли бы сказать, что эпоха нетленныхъ городовъ была временемъ величайшаго расцвѣта человѣческаго ума въ теченіе всей христіанской эры, вплоть до конца восемнадцатаго вѣка. Глядя, напримѣръ, на средневѣковую картину, изображающую Нюренбергъ, съ его десятками башенъ и высокихъ колоколенъ, носящихъ на себѣ, каждая изъ нихъ, печать свободнаго творческаго искусства, мы едва можемъ себѣ представить, чтобы всего за триста лѣтъ до этого, Нюренбергъ былъ только кучею жалкихъ хижинъ. И наше удивленіе растетъ, по мѣрѣ того, какъ мы вчитываемся въ детали архитектуры и украше-

---

[1]) Ср. Cosmo Innes, «Early Scottish History» и «Scotland in Middle Ages»; цит. у Rev. Denton, l. c., стр. 68, 69; Lamprecht, «Deutsches wirthschaftliche Leben in Mittelalter», разсм. Schmoller въ его Jahrbuch, т. XII; Sismondi, «Tableau de l'agriculture toscane», стр. 226 и слѣд. Владѣнія Флоренціи можно было узнать сразу по ихъ благоденствію.

ній каждой изъ безчисленныхъ церквей, колоколенъ, городскихъ воротъ и ратушей, разсѣянныхъ по всей Европѣ, доходя на востокѣ до Богеміи и до мертвыхъ теперь городовъ Польской Галиціи. Не только Италія,—эта мать искусства,—но вся Европа переполнена подобными памятниками. Чрезвычайно знаменателенъ, впрочемъ, уже тотъ фактъ, что изъ всѣхъ искусствъ архитектура—искусство по преимуществу общественное,—достигла въ эту эпоху наивысшаго развитія. И, дѣйствительно, такое развитіе архитектуры было возможно только, какъ результатъ высоко-развитой общественности въ тогдашней жизни.

Средневѣковая архитектура достигла такого величія не только потому, что она являлась естественнымъ развитіемъ художественнаго ремесла; не только потому, что каждое зданіе и каждое архитектурное украшеніе были задуманы людьми, знавшими по опыту своихъ собственныхъ рукъ, какіе артистическіе эффекты могутъ дать камень, желѣзо, бронза, или даже просто бревна и известка съ галькою; не только потому, что каждый памятникъ былъ результатомъ коллективнаго опыта, накопленнаго въ каждомъ художествѣ или ремеслѣ[1]), средневѣковая архитектура была велика потому, что она являлась выраженіемъ великой идеи. Подобно греческому искусству, она возникла изъ представленія о братствѣ и единствѣ, воспитываемыхъ городомъ. Она обладала смѣлостью, которая могла быть пріобрѣтена лишь смѣлою борьбою и побѣдами; она дышала энергіею, потому что энергіей была проникнута вся жизнь города. Соборъ или городская ратуша символизировали организмъ, въ которомъ каждый каменщикъ и каменотесъ являлись строителями, и средневѣковое зданіе представляетъ собою не замыселъ отдѣльной личности, надъ выполненіемъ котораго трудились тысячи рабовъ, исполняя урочную работу по чужой идеѣ; весь городъ принималъ участіе въ его постройкѣ. Высокая колокольня была часть величаваго зданія, въ которомъ билась жизнь города, она не была посажена на не имѣющую смысла платформу, какъ парижское сооруженіе Эйфеля; она не была фальшивою каменною постройкою, возведенною съ цѣлью скрыть безобразіе основной желѣзной структуры, какъ это сдѣлано было на Тоуэрскомъ мосту, въ Лондонѣ. Подобно аѳинскому Акрополю, соборъ средневѣковаго города имѣлъ цѣлью прославленіе величія побѣдоноснаго города; онъ символизировалъ союзъ ремеслъ; онъ былъ выраженіемъ чувства каждаго гражданина, который гордился своимъ городомъ, такъ какъ онъ былъ его собственное созданіе. Случалось, что со

[1]) John Ennett («Six Essays», London, 1891) далъ нѣсколько превосходныхъ страницъ объ этой сторонѣ средневѣковой архитектуры. Willis, въ его приложеніи къ «History of Inductive Sciences» Whewell'a (I, 261—262), указалъ на красоту механическихъ соотношеній въ средневѣковыхъ постройкахъ. «Созрѣла,—говоритъ онъ,—новая декоративная конструкція, не противорѣчащая и контролирующая, но содѣйствующая и гармонирующая съ механической конструкціей. Каждая часть, каждое лѣпное украшеніе становится опорой тяжести; и благодаря увеличенію числа опоръ, поддерживающихъ другъ друга, и соотвѣтственнаго распредѣленія тяжести, глазъ наслаждается устойчивостью структуры, не взирая на кажущуюся хрупкость тонкихъ отдѣльныхъ частей». Трудно лучше охарактеризовать искусство, возникшее изъ общительной жизни города.

совершивъ успѣшно свою вторую революцію младшихъ ремеслъ, городъ начиналъ строить новый соборъ, съ цѣлью выразить новое, глубже идущее и болѣе широкое единеніе, проявившееся въ его жизни.

Наличныя средства, съ которыми города начинали эти великія постройки, бывали, большею частью, несоразмѣрно малы. Кёльнскій соборъ, напримѣръ, былъ начать при ежегодной издержкѣ всего въ 500 марокъ; даръ въ 100 марокъ былъ записанъ какъ крупное приношеніе[1]); даже когда работа подходила къ концу, ежегодный расходъ едва доходилъ до 5.000 марокъ и никогда не превышалъ 14.000. Соборъ въ Базелѣ былъ построенъ на такія же незначительныя средства. Но за то каждая корпорація жертвовала для ихъ общаго памятника свою долю камня, работы и декоративнаго генія. Каждая гильдія выражала въ этомъ памятникѣ свои политическіе взгляды, разсказывая въ камнѣ или бронзѣ исторію города, прославляя принципы «Свободы, Равенства и Братства»[2]), восхваляя союзниковъ города и посылая въ вѣчный огонь его враговъ. И каждая гильдія выказывала свою любовь къ общему памятнику, богато украшая его цвѣтными окнами, живописью, «церковными вратами, достойными быть вратами рая»,—по выраженію Микель Анджело,—или же каменными украшеніями на каждомъ малѣйшемъ уголкѣ постройки[3]). Маленькіе города и даже самые маленькіе приходы[4]) соперничали въ этого рода работахъ съ большими городами, и соборы въ Laon или въ Saint Ouen едва ли уступаютъ Реймскому собору, Бременской ратушѣ или Бреславльской вѣчевой колокольнѣ. «Ни одна работа не должна быть начата коммуной, если она не была задумана въ соотвѣтствіи съ великимъ сердцемъ коммуны, слагающимся изъ сердецъ всѣхъ ея гражданъ, объединенныхъ одной общей волей»,—таковы были слова городского Совѣта во Флоренціи; и этотъ духъ проявляется во всѣхъ общинныхъ работахъ, имѣющихъ общеполезное назначеніе, какъ, напримѣръ, въ каналахъ, террасахъ, виноградникахъ и фруктовыхъ садахъ вокругъ Флоренціи, или въ оросительныхъ каналахъ, пробѣгавшихъ по равнинамъ Ломбардіи, въ портѣ и водопроводѣ Генуи и, въ сущности, во всѣхъ общественныхъ постройкахъ, предпринимавшихся почти въ каждомъ городѣ[5]).

Всѣ искусства сдѣлали подобные же успѣхи въ средневѣковыхъ городахъ, и наши теперешнія пріобрѣтенія въ этой обла-

---

[1]) Dr. L. Ennen, «Der Dom zu Köln, seine Construction und Anstaltung», Köln, 1871.

[2]) Эти три статуи находятся среди наружныхъ украшеній собора Парижской Богоматери.

[3]) Средневѣковое искусство, подобно греческому, не знало тѣхъ антикварныхъ лавокъ, которыя мы именуемъ «Національными галлереями» или «Музеями». Картину рисовали, статую высѣкали, бронзовое украшеніе отливали,—чтобы помѣстить ихъ въ надлежащемъ для нихъ мѣстѣ, въ памятникѣ общиннаго искусства. Произведеніе искусства жило здѣсь, оно было частью цѣлаго, оно придавало единство впечатлѣнію, производимому цѣлымъ.

[4]) Ср. J. Ennett's «Second Essay», стр. 36.

[5]) Sismondi, IV, 172; XVI, 356. Великій каналъ, «Naviglio Grande», доставляющій воду изъ Тессино, былъ начатъ въ 1179 году, т.-е. послѣ завоеванія независимости, а законченъ въ XIII-мъ столѣтіи. О его послѣдующемъ упадкѣ см. у Сисмонди же, XVI, 355.

сти въ большинствѣ случаевъ являются лишь продолженіемъ того, что выросло въ то время. Благосостояніе фламандскихъ городовъ основывалось на выдѣлкѣ тонкихъ шерстяныхъ тканей. Флоренція въ началѣ четырнадцатаго вѣка, до эпидеміи «черной смерти» (чумы), выдѣлывала отъ 70.000 до 100.000 кусковъ шерстяныхъ издѣлій, оцѣнивавшихся въ 1.200.000 золотыхъ флориновъ[1]). Чеканка драгоцѣнныхъ металловъ, искусство отливки, художественная ковка желѣза—были созданіемъ средневѣковыхъ гильдій (mysteries), которыя достигли въ соотвѣтствующихъ областяхъ всего, чего можно было достигнуть путемъ ручного труда, не прибѣгая къ помощи могучаго механическаго двигателя. Ручного труда—и изобрѣтательности, такъ какъ, говоря словами Уэвелля, «Пергаментъ и бумага, печатаніе и гравировка, усовершенствованное стекло и сталь, порохъ, часы, телескопъ, морской компасъ, реформированный календарь, десятичная система, алгебра, тригонометрія, химія, контрапунктъ (открытіе, равнявшееся новому созданію въ музыкѣ),—все это достояніе мы унаслѣдовали отъ той эпохи, которую такъ презрительно именуютъ періодомъ застоя». History of Inductive Sciences, 1, 252).

Правда, какъ замѣтилъ Уэвелль, ни одно изъ этихъ открытій не вносило какого-нибудь новаго принципа; но средневѣковая наука сдѣлала нѣчто бо́льшее, чѣмъ дѣйствительное открытіе новыхъ принциповъ. Она подготовила открытіе всѣхъ тѣхъ новыхъ принциповъ, которые извѣстны намъ въ настоящее время въ области механическихъ наукъ: она пріучила изслѣдователя наблюдать факты и дѣлать изъ нихъ выводы. То была индуктивная наука, хотя она еще не вполнѣ уяснила себѣ значеніе и силу индукціи; и она положила основаніе какъ механики, такъ и физики. Франсисъ Бэконъ, Галилей и Коперникъ были прямыми потомками Роджера Бэкона и Майкеля Скотта, какъ паровая машина была прямымъ продуктомъ изслѣдованій объ атмосферномъ давленіи, произведенныхъ въ итальянскихъ университетахъ, и того математическаго и техническаго образованія, которымъ отличался Нюренбергъ.

Но нужно ли въ самомъ дѣлѣ, еще распространяться и доказывать прогрессъ наукъ и искусствъ въ средневѣковомъ городѣ? Не достаточно-ли просто указать на соборы въ области искусства, и на итальянскій языкъ и поэму Данте въ области мысли, чтобы сразу дать мѣру того, что с о з д а л ъ средневѣковый городъ въ теченіе четырехъ вѣковъ своего существованія?

Нѣтъ никакого сомнѣнія—средневѣковые города оказали громаднѣйшую услугу европейской цивилизаціи. Они помѣшали Европѣ дойти до теократическихъ и деспотическихъ государствъ,

[1]) Въ 1336 году въ флорентинскихъ начальныхъ школахъ училось отъ 8.000 до 10.000 мальчиковъ и дѣвочекъ; отъ 1000 до 1200 мальчиковъ училось въ семи среднихъ школахъ, и отъ 550 до 600 студентовъ въ четырехъ университетахъ. Въ тридцати городскихъ госпиталяхъ было свыше 1000 кроватей на населеніе въ 90.000 чел. (Capponi, II, 249 seq.). Авторитетные изслѣдователи не разъ уже указывали, что, вообще говоря, образованіе стояло въ ту эпоху на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ обыкновенно предполагалось. Такое замѣчаніе, безъ всякаго сомнѣнія, справедливо относительно демократическаго Нюренберга.

которыя создались въ древности въ Азіи; они дали ей разнообразіе жизненныхъ проявленій, увѣренность въ себѣ, силу инициативы и ту огромную интеллектуальную и моральную энергію, которой она нынѣ обладаетъ и которая является лучшей порукой въ томъ, что эта цивилизація сможетъ отразить всякое новое нашествіе съ Востока.

Но почему же эти центры цивилизаціи, попытавшіеся отвѣтить на такія глубокія потребности человѣческой природы и отличавшіеся такой полнотой жизни, не могли существовать еще далѣе? Почему же ихъ охватила старческая дряблость въ пятнадцатомъ вѣкѣ? и почему, послѣ того, какъ они отразили столько внѣшнихъ нападеній и сумѣли черпать новую энергію даже изъ своихъ внутреннихъ раздоровъ, эти города, въ концѣ концовъ, пали жертвой внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ усобицъ?

Различныя причины вызвали это паденіе, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣли свой корень въ отдаленномъ прошломъ, тогда какъ другія были результатомъ ошибокъ, совершенныхъ самими городами. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка въ Европѣ начали возникать могущественныя государства, складывавшіяся по древнеримскому образцу. Въ каждой странѣ и въ каждой области который-нибудь изъ феодальныхъ владѣльцевъ, болѣе хитрый чѣмъ другіе, болѣе склонный къ скопидомству, а часто и менѣе совѣстливый, чѣмъ его сосѣди, успѣвалъ пріобрѣсти въ личное владѣніе болѣе богатыя вотчины, съ бо́льшимъ количествомъ крестьянъ въ нихъ, а также собрать вокругъ себя бо́льшее количество рыцарей и дружинниковъ, и скопить больше денегъ въ своихъ сундукахъ. Такой баронъ, король или князь обыкновенно выбиралъ для своего мѣстожительства деревни съ выгоднымъ географическимъ положеніемъ и еще не освоившіяся съ порядками свободной городской жизни—Парижъ, Мадридъ, Москва стояли въ такихъ условіяхъ—и при помощи крѣпостного труда онъ создавалъ здѣсь королевскій укрѣпленный городъ, въ который онъ привлекалъ, щедрою раздачею деревень «въ кормленіе», воинныхъ сподвижниковъ, а также и купцовъ, пользовавшихся покровительствомъ, которое онъ оказывалъ торговлѣ. Такимъ образомъ, создавалось, въ зачаточномъ состояніи, будущее государство, которое и начинало понемногу поглощать другіе такіе же центры. Законники, воспитанные на изученіи римскаго права, охотно стекались въ такіе города; упрямая и честолюбивая раса людей, выдѣлившихся изъ горожанъ и одинаково ненавидѣвшихъ какъ высокомѣріе феодаловъ, такъ и проявленіе того что они называли беззаконіемъ крестьянства. Уже самыя формы деревенской общины, неизвѣстныя ихъ кодексамъ, самые принципы федерализма были ненавистны имъ, какъ наслѣдіе «варварства». Ихъ идеалъ былъ цезаризмъ, поддерживаемый фикціею народнаго одобренія и силою оружія, и они усердно работали для тѣхъ, на кого они полагались для осуществленія этого идеала[1]).

[1]) Ср. превосходныя соображенія о сущности римскаго права, данныя L. Ranke, въ его «Weltgeschichte» т. IV, ч. 2, стр. 20—31; а также замѣчанія Sismondi о роли легистовъ въ развитіи королевской власти («Histoire des Français», Paris, 1826, VIII, 85—99. Народная ненависть противъ этихъ

Христіанская церковь, раньше возставшая противъ римскаго права, а теперь обратившаяся въ его союзницу, работала въ томъ же направленіи. Такъ какъ попытка образовать теократическую имперію въ Европѣ, подъ главенствомъ папы, не увѣнчалась успѣхомъ, то болѣе интеллигентные и честолюбивые епископы начали оказывать теперь поддержку тѣмъ, кого они считали способными возстановить могущество царей Израиля и константинопольскихъ императоровъ. Церковь облекла возвышавшихся правителей своей святостью; она короновала ихъ, какъ представителей Бога на землѣ; она отдала имъ на службу ученость и государственные таланты своихъ служителей; она принесла имъ свои благословенія и свои проклятія, свои богатства и тѣ симпатіи, которыя она сохранила среди бѣдняковъ. Крестьяне, которыхъ города не смогли или отказались освободить, видя что горожане не въ силахъ положить конецъ безконечнымъ войнамъ между рыцарями—за которыя крестьянамъ приходилось такъ дорого расплачиваться,—теперь возлагали свои надежды на короля, на императора, на великаго князя; и помогая имъ сокрушить могущество феодальныхъ владѣній, они вмѣстѣ съ тѣмъ, помогали имъ въ установленіи централизованнаго государства. Наконецъ, нашествія монголовъ и турокъ, священная война противъ маяровъ въ Испаніи, а равнымъ образомъ и тѣ страшныя войны, которыя вскорѣ начались среди каждаго народа между выроставшими центрами верховной власти: Иль-де-Франсомъ и Бургундіей, Шотландіей и Англіей, Англіей и Франціей, Литвой и Польшей, Москвой и Тверью, и т. д., вели, въ концѣ концовъ, къ тому же. Возникли могущественныя государства, и городамъ пришлось теперь вступать въ борьбу, не только со слабо-связанными между собою федераціями феодальныхъ бароновъ или князей, но и съ могуче-организованными центрами, имѣвшими въ своемъ распоряженіи цѣлыя арміи крѣпостныхъ.

Но хуже всего было то, что возроставшіе центры единодержавія находили себѣ поддержку въ тѣхъ ячейкахъ, которыя возникали внутри самыхъ городовъ. Въ основу средневѣковаго города несомнѣнно была положена великая идея; но она была понята недостаточно широко. Взаимная помощь и поддержка не могутъ быть ограничены предѣлами небольшой ассоціаціи; онѣ должны распространяться на все окружающее, иначе окружающее поглотитъ ассоціацію и въ этомъ отношеніи средневѣковый гражданинъ съ самаго начала совершилъ громадную ошибку. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на крестьянъ и ремесленниковъ, собиравшихся подъ защиту его стѣнъ, какъ на помощниковъ, которые смогутъ внести свою долю въ дѣло созиданія города,—что они сдѣлали въ дѣйствительности,—«фамиліи» старыхъ горожанъ позднѣйшими рѣзко отдѣлить себя отъ новыхъ пришельцевъ. Первымъ предоставлялись всѣ благодѣянія общинной торговли и пользованія общинными землями, а вторымъ не оставляли ничего, кромѣ права свободно проявлять искусство своихъ рукъ. Городъ, такимъ образомъ, раздѣлился на «гражданъ», или «об-

---

«Weise Doktoren und Beutelschneider des Volks» выразилась въ полной силѣ въ XVI столѣтіи, въ проповѣдяхъ ранняго реформаціоннаго движенія.

щинниковъ и на «обывателей», или «жителей»[1]). Торговля, носившая ранѣе общинный характеръ, стала теперь привилегіей купеческихъ и ремесленныхъ фамилій, и слѣдующая ступень—переходъ къ личной торговлѣ, или къ привилегіямъ капиталистическихъ, угнетательскихъ компаній—трёстовъ—стала невозможной.

То же самое раздѣленіе возникло и между городомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и окружающими его деревнями. Средневѣковыя Коммуны пытались было освободить крестьянъ, но ихъ войны противъ феодаловъ вскорѣ превратились, какъ уже сказано выше, скорѣе въ войны за освобожденіе самаго города отъ власти феодаловъ, чѣмъ въ войны за освобожденіе крестьянъ. Городская община оставила за феодаломъ его права надъ крестьянами, при условіи, чтобы онъ болѣе не причинялъ вреда городу и сталъ согражданиномъ. Но дворянство, «воспріятое» городомъ и перенесшее свою резиденцію во внутрь городской ограды, внесло старыя свои фамильныя войны въ предѣлы города. Оно не мирилось съ мыслью, что дворяне должны подчиняться суду простыхъ ремесленниковъ и купцовъ, и оно продолжало вести на городскихъ улицахъ свои старыя родовыя войны изъ-за кровавой мести. Въ каждомъ городѣ теперь были свои Колонны и Орсини, свои Оверштольцы и Визы. Извлекая большіе доходы изъ имѣній, которыя они успѣли удержать за собой, феодальные владѣльцы окружили себя многочисленными клієнтами и феодализировали нравы и обычаи самаго города. Когда же стало возникать недовольство среди ремесленныхъ классовъ города, противъ старыхъ гильдій и фамилій, феодалы стали предлагать обѣимъ партіямъ свои мечи и своихъ многочисленныхъ прислужниковъ, чтобы рѣшать возникавшія столкновенія путемъ войны, вмѣсто того чтобы дать недовольству вылиться тѣми путями, которые, до тѣхъ поръ, оно всегда находило, не прибѣгая къ оружію.

Величайшею и самою роковою ошибкою большинства городовъ было также обоснованіе ихъ богатства на торговлѣ и промышленности рядомъ съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ земледѣлію. Такимъ образомъ, они повторили ошибку, уже однажды совершенную городами античной Греціи, и вслѣдствіе этого впали въ тѣ же преступленія[2]). Но отчужденіе городовъ отъ земли, по-необходимости, вовлекло ихъ въ политику, враждебную земледѣльческимъ классамъ, которая стала особенно очевидной въ Англіи, во времена Эдуарда III[3]), во Франціи, во времена жакерій (большихъ крестьянскихъ возстаній), въ Бо-

---

[1]) Брентано вполнѣ оцѣнилъ губительные результаты борьбы между «старыми бюргерами» и новопришельцами. Мясковскій, въ своей работѣ о деревенскихъ общинахъ Швейцаріи, указалъ на то же въ исторіи деревенскихъ общинъ.

[2]) Торговля невольниками, захваченными на Востокѣ, безпрерывно продолжалась въ итальянскихъ республикахъ вплоть до XV столѣтія. См. Cibrario, «Della schiavitú e del servaggio», 2 тома, Milan, 1868; проф. Лучицкаго, «Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV столѣтіяхъ», въ Кіевскихъ университетскихъ «Извѣстіяхъ» за 1885 годъ.

[3]) J. R. Green's «History of the Englisch People», London, 1878, I, 455.

...ми—въ гуситскихъ войнахъ, и во время крестьянской войны въ Германіи. Съ другой стороны, торговая политика вовлекла также городскія народоправства въ отдаленныя предпріятія и развила страсть къ обогащенію колоніями. Возникли колоніи, основанныя итальянскими республиками на юго-востокѣ, нѣмецкими—на востокѣ и славянскими (Новгородомъ и Псковомъ) на дальнемъ сѣверо-востокѣ. Тогда понадобилось держать арміи наемниковъ для колоніальныхъ войнъ, затѣмъ этихъ наемниковъ употребили и для угнетенія самихъ же горожанъ. Ради той же цѣли стали заключать займы въ такихъ размѣрахъ, что они скоро оказали глубоко деморализующее вліяніе на гражданъ. Попасть во власть становилось очень выгодно, и внутреннія усобицы разрастались все въ бо́льшихъ размѣрахъ при каждыхъ выборахъ, во время которыхъ главную роль играла колоніальная политика въ интересахъ немногихъ фамилій. Раздѣленіе между богатыми и бѣдными, между «лучшими» и «худшими» людьми, все расширялось, и въ шестнадцатомъ вѣкѣ королевская власть нашла въ каждомъ городѣ готовыхъ союзниковъ и помощниковъ среди бѣдняковъ, когда посулила имъ смирить богатыхъ.

Есть, однако, еще одна причина упадка коммунальныхъ учрежденій, болѣе важная и глубже лежащая, чѣмъ всѣ остальныя. Исторія средневѣковыхъ городовъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ могущественнаго вліянія идей и основныхъ началъ на судьбы человѣчества, а равнымъ образомъ и того, что при коренномъ измѣненіи въ руководящихъ идеяхъ общества получаются совершенно новые, часто противоположные, результаты. Самодовѣріе и федерализмъ, верховная власть каждой отдѣльной группы, и построеніе политическаго тѣла отъ простого къ сложному—таковы были руководящія идеи одиннадцатаго вѣка. Но съ того времени понятія подверглись совершенному измѣненію. Ученые легисты, изучавшіе римское право, и церковные прелаты, тѣсно объединившіеся со времени Иннокентія III-го, успѣли парализовать идею,—античную греческую идею,—которая преобладала въ эпоху освобожденія городовъ и легла въ основаніе этихъ республикъ. Въ теченіе двухъ или трехъ столѣтій они стали учить съ амвона, съ университетской каѳедры и въ судахъ, что спасеніе людей лежитъ въ сильно централизованномъ государствѣ, подчиненномъ полубожеской власти одного, или немногихъ[1]); что одинъ человѣкъ можетъ и долженъ быть спасителемъ общества, и что во имя общественнаго спасенія онъ можетъ совершать любое насиліе: жечь людей на кострахъ, убивать ихъ медленной смертью въ неописуемыхъ пыткахъ, повергать цѣлыя области въ самую отчаянную нищету. При этомъ, они не скупились на наглядные уроки въ крупныхъ размѣрахъ, и съ неслыханной жестокостью давали эти уроки вездѣ, куда лишь могли проникнуть мечъ короля или костеръ церкви. Вслѣдствіе этихъ ученій и соотвѣтственныхъ примѣровъ, постоянно повторяемыхъ и насильственно внѣдряемыхъ въ общественное сознаніе, самые умы людей начали при-

[1]) Ср. теоріи, высказанныя Болоньскими законовѣдами, уже на конгрессѣ въ Roncaglia въ 1158 году.

нимать новый складъ. Граждане начали находить, что никакая власть не можетъ быть чрезмѣрной, никакое постепенное убійство—черезчуръ жестокимъ, если дѣло идетъ объ «общественной безопасности». И при этомъ новомъ направленіи умовъ, при этой новой вѣрѣ въ силу единаго правителя, древне-федеральное начало теряло свою силу, а вмѣстѣ съ нимъ вымеръ и созидательный геній массъ. Римская идея побѣдила, и при такихъ обстоятельствахъ централизованныя военныя государства нашли себѣ въ городахъ готовую добычу.

Флоренція пятнадцатаго вѣка представляетъ типичный образецъ подобной перемѣны. Раньше, народная революція бывала началомъ новаго, дальнѣйшаго прогресса. Теперь же, когда доведенный до отчаянія народъ возсталъ, онъ уже болѣе не обладалъ созидательнымъ творчествомъ, и народное движеніе не дало никакой свѣжей идеи. Вмѣсто прежнихъ четырехсотъ представителей въ общинномъ совѣтѣ, введена была тысяча представителей; вмѣсто прежнихъ восьмидесяти членовъ синьоріи (signoria), въ нее вошло сто членовъ. Но эта революція въ числахъ не привела ни къ чему. Народное недовольство все возрастало, и послѣдовалъ рядъ новыхъ возмущеній. Тогда обратились за спасеніемъ къ «тирану»; онъ прибѣгъ къ избіенію возставшихъ, но распаденіе общиннаго организма продолжалось. И когда, послѣ новаго возмущенія, флорентійскій народъ обратился за совѣтомъ къ своему любимцу—Іерониму Саванаролѣ—то монахъ отвѣтилъ: «О, народъ мой, ты знаешь, что я не могу входить въ государственныя дѣла... Очисти свою душу, и если при такомъ расположеніи ума ты реформируешь городъ, тогда, народъ Флоренціи, ты долженъ начать реформу во всей Италіи!» Маски, надѣвавшіяся во время гуляній на масленицѣ, и соблазнительныя книги были сожжены; былъ проведенъ законъ о поддержаніи бѣдныхъ и другой, направленный противъ ростовщиковъ,—но демократія Флоренціи оставалась тѣмъ же, чѣмъ была. Старый творческій духъ исчезъ. Вслѣдствіе излишняго довѣрія къ правительству, флорентинцы перестали довѣрять самимъ себѣ: они оказались неспособными обновить свою жизнь. Государству оставалось лишь войти и раздавить ихъ послѣднія вольности.

И все-же потокъ взаимной помощи и поддержки не заглохъ въ массахъ и продолжалъ струиться даже послѣ этого пораженія вольныхъ городовъ. Онъ поднялся снова съ могучей силой, въ отвѣтъ на коммунистическіе призывы первыхъ пропагандистовъ Реформаціи, и онъ продолжалъ существовать даже послѣ того, какъ массы, потерпѣвши неудачу въ своей попыткѣ устроить жизнь такъ, какъ онѣ надѣялись устроить её, вдохновленные реформированною религіею, подпали подъ власть единодержавія. Онъ струится даже теперь и ищетъ путей для новаго выраженія, которое уже не будетъ ни государствомъ, ни средневѣковымъ городомъ, ни деревенской общиной варваровъ, ни родовымъ строемъ дикарей, но, отправляясь отъ всѣхъ этихъ формъ, будетъ совершеннѣе всѣхъ ихъ по глубинѣ и по широтѣ своихъ человѣчныхъ началъ.

ГЛАВА VII.

Взаимная помощь въ современномъ обществѣ.

Народныя возмущенія въ началѣ государственнаго періода.—Институціи взаимной помощи въ настоящее время. — Деревенская община: ея борьба противъ государства, стремящагося ее уничтожить.—Обычаи, сохранившіеся со времени періода деревенской общины и сохранившіеся въ деревняхъ по настоящее время.—Швейцарія, Франція, Германія, Россія.

Склонность людей ко взаимной помощи имѣетъ такое отдаленное происхожденіе, и она такъ глубоко переплетена со всею прошлою эволюціею человѣческаго рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящаго времени, несмотря на всѣ превратности исторіи. Эта склонность развилась, главнымъ образомъ, въ періоды мира и благосостоянія; но даже тогда, когда на людей обрушивались величайшія бѣдствія,—когда цѣлыя страны бывали опустошены войнами, и цѣлыя населенія ихъ вымирали отъ нищеты, или стонали подъ ярмомъ тиранніи,—та же склонность, та же потребность продолжала существовать въ деревняхъ и средн бѣднѣйшихъ классовъ городского населенія; она все-таки скрѣпляла ихъ и, въ концѣ концовъ, она оказывала воздѣйствіе даже на то правящее, войнолюбивое и разоряющее меньшинство, которое относилось къ этой потребности какъ къ сантиментальному вздору. И всякій разъ, когда человѣчеству приходилось выработать новую соціальную организацію, приспособленную къ новому фазису его развитія, созидательный геній человѣка всегда черпалъ вдохновеніе и элементы для новаго выступленія на пути прогресса все изъ той же самой, вѣчно живой, склонности ко взаимной помощи. Всѣ новыя экономическія и соціальныя учрежденія, поскольку они являлись созданіемъ народныхъ массъ, всѣ новыя этическія системы и новыя религіи,—всѣ онѣ происходятъ изъ того же самаго источника; такъ что этическій прогрессъ человѣческаго рода, если разсматривать его съ широтой точки зрѣнія, представляется постепеннымъ распространеніемъ началъ взаимной помощи, отъ первобытнаго рода къ агломератамъ людей, все болѣе и болѣе обширнымъ, пока, наконецъ, эти начала не охватятъ все человѣчество, безъ различія вѣръ, и языковъ расъ.

Пройдя періодъ родового быта и слѣдовавшій за нимъ періодъ деревенской общины, европейцы выработали въ средніе вѣка новую форму организаціи, которая имѣла за себя большое преимущество: она допускала большой просторъ для личной инициативы, и въ то же время въ значительной мѣрѣ отвѣчала потребности человѣка во взаимной поддержкѣ. Въ средневѣковыхъ городахъ была вызвана къ жизни федерація деревенскихъ общинъ, покрытая сѣтью гильдій и братствъ, и при помощи этой новой двойной формы союза были достигнуты огромные результаты въ общемъ благосостояніи, въ промышленности, въ искусствѣ, наукѣ и торговлѣ. Мы разсмотрѣли эти результаты довольно подробно въ двухъ предыдущихъ главахъ, и также сдѣлали попытку объяснить, почему, къ концу пятнадцатаго вѣка, средневѣковыя республики,—окруженныя владѣніями враждебныхъ феодаловъ, неспособныя освободить крестьянъ отъ крѣпостного ига и посте-

ченно развращенными идеями римскаго цезаризма, — неизбѣжно должны были сдѣлаться добычей растущихъ военныхъ государствъ.

Однако, прежде чѣмъ подчиниться, на слѣдующія триста лѣтъ, всепоглощающей власти государства, народныя массы сдѣлали грандіозную попытку перестройки общества, сохраняя при томъ прежнюю основу взаимной помощи и поддержки. Теперь хорошо уже извѣстно, что великое движеніе Реформаціи вовсе не было однимъ только возмущеніемъ противъ злоупотребленій католической церкви. Движеніе это выставило также и свой построительный идеалъ, и этимъ идеаломъ была,—жизнь въ свободныхъ братскихъ общинахъ. Писанія и рѣчи проповѣдниковъ ранняго періода Реформаціи, находившія наибольшій откликъ въ народѣ, были пропитаны идеями экономическаго и соціальнаго братства людей. Извѣстные «двѣнадцать пунктовъ» нѣмецкихъ крестьянъ и подобные имъ символы вѣры, распространенные среди германскихъ и швейцарскихъ крестьянъ и ремесленниковъ, требовали не только установленія права каждаго—толковать библію, согласно своему собственному разумѣнію, но заключали въ себѣ также требованіе возврата общинныхъ земель деревенскимъ общинамъ и уничтоженія феодальныхъ повинностей; при чемъ эти требованія всегда ссылались на «истинную» христіанскую вѣру, т.-е. вѣру человѣческаго братства. Въ то же самое время десятки тысячъ людей вступали въ Моравіи въ коммунистическія братства, жертвуя въ пользу братствъ все свое имущество и создавая многочисленныя и цвѣтущія поселенія, основанныя на началахъ коммунизма [1]). Только массовыя избіенія, во время которыхъ погибли десятки тысячъ людей, могли пріостановить это широко распространившееся народное движеніе, и только при помощи меча, огня и колесованія юныя государства обезпечили за собой первую и рѣшительную побѣду надъ народными массами [2]).

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ столѣтій, государства, какъ на континентѣ, такъ и на Британскихъ островахъ, систематически

[1]) Въ послѣднее время въ Германіи растетъ объемистая литература изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу, раньше оставленному въ большомъ пренебреженіи. Въ качествѣ руководящихъ источниковъ можно указать слѣдующіе труды: Keller'a, „Ein Apostel der Wiedertäufer» и „Geschichte der Wiedertäufer“; Cornelius'a, „Geschichte des münsterischen Aufruhrs“ и Janssen'a „Geschichte des deutschen Volkes“. Первой попыткой ознакомить англійскихъ читателей съ результатами обширныхъ изысканій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи въ Германіи, является прекрасная небольшая работа: Richard Heath'a, „Anabaptism from its Rise as Zwickau to its Fall at Münster“. 1521—1536, London, 1895, („Baptist Manuals“, т. I), въ которой хорошо указаны главныя черты движенія, а также даны полныя библіографическія указанія. См. также K. Kautsky, „Communism in Central Europe in the Time of the Reformation“. London, 1897.

[2]) Немногіе изъ нашихъ современниковъ ясно представляютъ себѣ какъ размѣры этого движенія, такъ и способы его подавленія. Но люди, писавшіе немедленно послѣ великой крестьянской войны, опредѣляли число крестьянъ, умерщвленныхъ послѣ ихъ пораженія въ Германіи, отъ ста до ста пятидесяти тысячъ душъ. См Zimmermann's, „Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges“. О способахъ подавленія движенія въ Нидерландахъ см. Richard Heath's „Anabaptism“.

чески уничтожали всѣ учрежденія, въ которыхъ до того нахо-
дило себѣ выраженіе стремленіе людей ко взаимной поддержкѣ.
Деревенскія общины были лишены права мірскихъ сходовъ, соб
ственнаго суда и независимой администраціи; принадлежавшія
имъ земли были конфискованы. У гильдій были отняты ихъ иму-
щества и вольности, онѣ были подчинены контролю государствен
ныхъ чиновниковъ и отданы на произволъ ихъ прихотей и взя
точничества. Города были лишены своихъ верховныхъ правъ, и
самые источники ихъ внутренней жизни: вѣче, выборный судъ и
выборная администрація, верховныя права прихода и гильдіи—
все это было уничтожено. Государственный чиновникъ захватилъ
въ свои руки каждое звено того, что раньше составляло органи-
ческое цѣлое. Благодаря этой роковой политикѣ и порожден-
нымъ ею войнамъ, цѣлыя страны, прежде населенныя и богатыя, были опустошены; богатые и людные города превратились въ незначительныя мѣстечки; даже самыя дороги, соединявшія города между собою, стали непроходимыми. Промышленность, искусство, знаніе—пришли въ упадокъ. Политическое образованіе, наука и право были подчинены идеѣ государственной централизаціи. Въ университетахъ и съ церковныхъ каѳедръ стали учить, что учрежденія, въ которыхъ люди привыкли во
площать до тѣхъ поръ свою потребность во взаимной помощи, не могутъ быть терпимы въ надлежаще организованномъ государствѣ; что государство и церковь одни могутъ представлять узы единенія между его подданными; что федерализмъ и «партикуляризмъ» были врагами прогресса,—и что государство—единственный пристойный инициаторъ дальнѣйшаго развитія. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка короли на континентѣ Европы, парламентъ въ Англіи и даже революціонный конвентъ во Франціи, хотя и находились въ войнѣ другъ съ другомъ, сходились въ утвержденіи, что въ предѣлахъ государства не должно быть никакихъ отдѣльныхъ союзовъ между гражданами, кромѣ тѣхъ, которые установлены государствомъ и подчинены ему; что для рабочихъ, осмѣливавшихся вступать въ «коалиціи», единственное подходящее наказаніе—каторга и смерть.—«Не потерпимъ государства въ государствѣ!» Только государство и государственная церковь должны заботиться объ общихъ интересахъ; подданные же должны оставаться малосвязанными между собою кучками людей, необъединенныхъ никакими особенными узами, и обязанныхъ обращаться къ государству, всякій разъ, когда они имѣютъ какую-нибудь общую потребность. Вплоть до половины девятнадцатаго вѣка эта теорія и соотвѣтственная ей практика господствовали въ Европѣ. Даже на торговыя и промышленныя общества глядѣли съ подозрѣніемъ. Что же касается рабочихъ, то еще на нашей памяти ихъ союзы считались незаконными, даже въ Англіи; такой же точки зрѣнія придерживались не далѣе, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, въ концѣ XIX-го вѣка, и на континентѣ. Вся система нашего государственнаго образованія, вплоть до настоящаго времени, даже въ Англіи, была такова, что значительная часть общества смотрѣла, какъ на революціонную мѣру, если народъ получалъ такія права, какими въ средніе вѣка, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, пользовался всякій—свобод-

ный и крѣпостной,—на деревенскомъ мірскомъ сходѣ, въ своей гильдіи, въ своемъ приходѣ и въ городѣ.

Поглощеніе всѣхъ общественныхъ отправленій государствомъ неизбѣжно благопріятствовало развитію необузданнаго, узкаго индивидуализма. По мѣрѣ того, какъ обязанности гражданъ по отношенію къ государству умножались, граждане, очевидно, освобождались отъ обязанностей по отношенію другъ къ другу. Въ гильдіи,—а въ средніе вѣка всѣ принадлежали къ какой-нибудь гильдіи или братству,—два «брата» обязаны были поочередно ухаживать за больнымъ братомъ; теперь же достаточно дать своему сосѣду адресъ ближайшаго госпиталя для бѣдныхъ. Въ варварскомъ обществѣ присутствовать при дракѣ двухъ людей, возникшей изъ-за личной ссоры, и при этомъ не позаботиться, чтобы драка не имѣла рокового исхода, значило навлечь на себя обвиненіе въ убійствѣ; но, согласно теперешней теоріи всеохраняющаго государства, присутствующему при дракѣ нѣтъ нужды вмѣшиваться,—на то имѣется полиція. И въ то время, какъ у дикарей,—напримѣръ у готтентотовъ,—считалось бы неприличнымъ принявъ за ѣду, не прокричавши троекратно приглашенія желающему присоединиться къ трапезѣ, у насъ почтенный гражданинъ ограничивается уплатою налога для бѣдныхъ, предоставляя голодающимъ распоряжаться, какъ имъ угодно. Въ результатѣ, вездѣ—въ законѣ, въ наукѣ, въ религіи—торжествуетъ теперь теорія, гласящая, что люди могутъ и должны добиваться собственнаго счастія, не обращая никакого вниманія на чужія нужды. Это стало религіею нашего времени, и люди сомнѣвающіеся въ ней считаются опасными утопистами. Наука громко провозглашаетъ, что борьба каждаго противъ всѣхъ составляетъ руководящее начало природы вообще, и человѣческихъ обществъ въ частности. Именно этой борьбѣ біологія приписываетъ прогрессивную эволюцію животнаго міра. Исторія разсуждаетъ, такимъ же образомъ, а политикоэкономы, въ своемъ наивномъ невѣжествѣ, разсматриваютъ прогрессъ современной промышленности и механики, какъ «поразительные» результаты вліянія того же начала. Самая религія церквей является религіею индивидуализма, слегка смягчаемаго болѣе или менѣе милосердными отношеніями къ своимъ ближнимъ—преимущественно по воскресеньямъ. «Практическіе» люди и теоретики, люди науки и религіозные проповѣдники, законовѣды и политическіе дѣятели, всѣ согласны въ одномъ, а именно, что индивидуализмъ, въ его наиболѣе грубыхъ проявленіяхъ, можно, конечно, смягчать благотворительностью, но что онъ является единственнымъ надежнымъ основаніемъ для поддержанія общества и его дальнѣйшаго прогресса.

Казалось бы, поэтому, дѣломъ безнадежнымъ—разыскивать институціи и практическія проявленія начала взаимной помощи въ современномъ обществѣ. Что могло уцѣлѣть отъ нихъ? И все-же какъ только мы начинаемъ присматриваться, какъ живутъ милліоны человѣческихъ существъ, и изучаемъ ихъ повседневныя отношенія, насъ поражаетъ, прежде всего, огромная роль, которую играютъ въ человѣческой жизни, даже въ настоящее время, начала взаимной помощи и взаимной поддержки. Хотя

ютъ уже триста или четыреста лѣтъ совершается, и въ теоріи и въ самой жизни, разрушеніе учрежденій и обычаевъ взаимной помощи,—тѣмъ не менѣе сотни, милліоны людей продолжаютъ жить при помощи этихъ учрежденій и обычаевъ: они благогов'ѣйно поддерживаютъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ удалось сохранить, и пытаются возсоздать ихъ тамъ, гдѣ они уничтожены. Мы переживаемъ, каждый изъ насъ, въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, моменты возмущенія противъ модnаго, индивидуалистскаго симизма вѣры нашихъ дней, и поступки, при совершеніи которыхъ люди руководятся своею склонностью къ взаимной помощи, составляютъ такую огромную часть нашего повседневнаго обихода, что если бы возможно было внезапно положить имъ конецъ, то этимъ немедленно былъ бы прекращенъ весь дальнѣйшій нравственный прогрессъ человѣчества. Человѣческое общество, въ такомъ случаѣ, не могло бы даже продержаться дольше чѣмъ жизнь одного поколѣнія. Факты этого порядка, въ большинствѣ случаевъ, оставленные безъ вниманія соціологами, но, тѣмъ не менѣе, имѣющіе первостепенное значеніе для жизни и дальнѣйшаго подъема человѣчества, мы и разсмотримъ теперь, начиная съ существующихъ установленій взаимной поддержки, и переходя затѣмъ къ такимъ актамъ взаимной помощи, которые исходятъ изъ личныхъ или общественныхъ симпатій.

Окидывая широкимъ взглядомъ современное устройство европейскаго общества, мы прежде всего поражаемся тѣмъ фактомъ, что, несмотря на всѣ усилія покончить съ деревенской общиной, эта форма единенія людей продолжаетъ существовать въ обширныхъ размѣрахъ, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, и что въ настоящее время дѣлаются многочисленныя попытки, либо возстановить ее въ томъ или иномъ видѣ, либо найти что-нибудь ей замѣну ея. Ходячія теоріи буржуазныхъ экономистовъ утверждаютъ, что община умерла въ Западной Европѣ естественной смертью, такъ какъ общинное владѣніе землею было найдено несовмѣстимымъ съ современными требованіями воздѣлыванія земли. Но, истина заключается въ томъ, что нигдѣ деревенская община не исчезла по доброй волѣ; напротивъ, вездѣ правящимъ классомъ потребовалось нѣсколько столѣтій настойчивыхъ и не всегда успѣшныхъ усилій, съ цѣлью искоренить общину и конфисковать общинныя земли.

Во Франціи, уничтоженіе независимости деревенскихъ общинъ и грабежъ принадлежащихъ имъ земель начались уже въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Впрочемъ, только въ слѣдующемъ столѣтіи, когда крестьянская масса была доведена, поборами и войнами, до порабощенія и нищеты, такъ ярко описанныхъ всѣми историками, грабежъ общинныхъ земель могъ совершаться безнаказанно, и тогда онъ достигъ скандальныхъ размѣровъ. «Каждый бралъ у нихъ, сколько могъ... изобрѣтались воображаемые долги, съ цѣлью захватить ихъ земли»,— такъ выражается эдиктъ, обнародованный Людовикомъ XIV-мъ въ 1667 году[1]). Конечно,

[1]) „Chacun s'en est accommodé selon sa bienséance... on les a partagés pour dépouiller les communes, on s'est servi de dettes simulées". (Эдиктъ Людовика XIV, 1667 года, цитируется различными авторами. За восемь лѣтъ передъ тѣмъ, общины были взяты подъ присмотръ государства).

государство не нашло иного средства для изъ[illegible] какъ еще бо́льшее подчиненіе общинъ своей власти и дальнѣйшее ограбленіе ихъ—на этотъ разъ самимъ государствомъ. Въ сущности, уже два года спустя всѣ денежные доходы общинъ были конфискованы королемъ. Что же касается до захвата общинныхъ земель, то онъ становился все шире и шире, и въ слѣдующемъ столѣтіи дворянство и духовенство уже оказались владѣльцами огромныхъ участковъ земли—они владѣли половиною всей годной для обработки площади, согласно нѣкоторымъ оцѣнкамъ при чемъ большинство этихъ земель оставалось невоздѣланными [1]). Но крестьяне все еще сохраняли свои общинныя учрежденія, и вплоть до 1787 года деревенскіе мірскіе сходы, состоявшіе изъ всѣхъ домохозяевъ, собирались, обыкновенно подъ тѣнью колокольни или дерева, для распредѣленія надѣловъ, или для передѣла остававшихся въ ихъ владѣніи полей, раскладки податей и избранія общинной администраціи, точно такъ же, какъ это и до сихъ поръ дѣлаетъ русскій «міръ». Это вполнѣ доказано теперь изслѣдованіями Бабо [2]).

Французское правительство нашло, однако, общинные мірскіе сходы «черезчуръ шумными», черезчуръ непослушными, и въ 1787 году они были замѣнены выборами совѣтами, состоявшими изъ старшины и отъ трехъ до шести синдиковъ, которые избирались изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ. Черезъ два года «революціонное» Учредительное Собраніе (Assemblée Constituante) сходившееся въ этомъ отношеніи вполнѣ со старымъ строемъ, вполнѣ подтвердило вышеуказанный законъ (14 декабря 1789 года) и деревенская буржуазія занялась теперь въ свою очередь грабежомъ общинныхъ земель, который и продолжался въ теченіе всего революціоннаго періода. Только 16 августа 1792 года, Законодательное Собраніе (Assemblée Ligislative) подъ давленіемъ крестьянскихъ возстаній и поднятаго настроенія послѣ взятія народомъ королевскаго дворца, рѣшило возвратить общинамъ отнятыя у нихъ земли; но въ то же время оно постановляло, чтобы эти возвращенныя земли были раздѣлены между однимъ бѣднѣйшими крестьянами. Мѣра эта, конечно, вызвала новыя возстанія, и она была отмѣнена въ слѣдующемъ же году, когда, послѣ изгнанія жирондистовъ, Конвентъ постановилъ, 11 іюня 1793 г., чтобы всѣ общинныя земли, отнятыя помѣщиками и пр. у крестьянъ, начиная съ 1669 года, были возвращены общинамъ, которыя могли,—если рѣшали это большинствомъ двухъ третей голосовъ,—раздѣлить общинныя земли въ такомъ случаѣ поровну между всѣми обывателями, какъ богачами, такъ и бѣдняками, между «активными» и «пассивными» гражданами [3]).

[1]) «Въ огромныхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, даже когда они имѣютъ милліонные доходы, вы навѣрняка найдете землю необработанной» (Arthur Young); «Одна четвертая часть земли лишена обработки»; «въ теченіе послѣднихъ столѣтъ земля пришла въ дикое состояніе»; «ранѣе цвѣтущая Солонь превратилась теперь въ большое болото» и т. д. (Théron de Montaugé, цит. у Taine, „Origines de la France Contemporaine", т. I, стр. 441).

[2]) A. Babeau, „Le Village sous l'Ancien regime", 3-е изданіе, Paris, 1892.

[3]) Въ восточной Франціи законъ этотъ, въ той его же части, которая касалась возврата общинныхъ земель, лишь подтвердилъ то, что уже было сдѣлано

Тѣмъ не менѣе законы о раздѣлѣ общинныхъ земель настолько шли вразрѣзъ съ представленіями крестьянъ, что поелѣдніе не выполняли ихъ, и повсюду, гдѣ крестьяне вернулись во владѣніе, хотя бы частью ограбленныхъ у нихъ мірскихъ земель, они владѣли ими сообща, оставляя ихъ недѣленными. Но вскорѣ наступили долгіе годы войнъ и реакція, и общинныя земли были просто конфискованы государствомъ (въ 1794 году) для обезпеченія государственныхъ займовъ: часть ихъ была назначена на продажу и въ концѣ концовъ разграблена; затѣмъ они снова были возвращены общинамъ и снова конфискованы (въ 1813 году) и только въ 1816 году остатки этихъ земель, составлявшіе около 6,000,000 десятинъ наименѣе производительной земли были возвращены деревенскимъ общинамъ [1]. Но и это еще не было концомъ общинныхъ злоключеній. Каждый новый режимъ видѣлъ въ общинныхъ земляхъ удобный источникъ для вознагражденія своихъ сторонниковъ, и три закона (первый въ 1837 году), а послѣдній при Наполеонѣ III—были проведены, съ цѣлью побудить деревенскія общины произвести раздѣлъ общинныхъ земель. Три раза эти законы приходилось отмѣнять, вслѣдствіе оппозиціи которую они встрѣчали въ деревняхъ, но всякій разъ правительству удавалось отхватить что-нибудь отъ общинныхъ владѣній: такъ, Наполеонъ III, подъ предлогомъ покровительства усовершенствованнымъ методамъ агрикультуры, отдалъ крупныя общинныя владѣнія нѣкоторымъ изъ своихъ фаворитовъ.

Что же касается до автономіи деревенскихъ общинъ, то что могло оставаться отъ нея послѣ столькихъ ударовъ? Правительство смотрѣло на старшину и синдиковъ, какъ на своихъ даровыхъ чиновниковъ, выполняющихъ извѣстныя функціи государственнаго механизма. Даже теперь, при третьей республикѣ деревня лишена всякой самостоятельности, и малѣйшее дѣйствіе въ предѣлахъ деревенской общины не можетъ быть совершено безъ вмѣшательства и санкціи чуть ли не всего сложнаго государственнаго механизма, включая префектовъ и министровъ. Трудно повѣрить, а между тѣмъ въ дѣйствительности оно такъ: если, напримѣръ, крестьянинъ намѣревается уплатить денежнымъ взносомъ свою долю труда по починкѣ общинной дороги (вмѣсто

самими крестьянами, а въ другихъ частяхъ Франціи онъ, большею частью, сталъ мертвой буквой.

[1]) Вслѣдъ за торжествомъ буржуазной реакціи общинныя земли были объявлены (24 августа 1794 г.) государственнымъ имуществомъ и, вмѣстѣ съ землями, конфискованными у дворянства, назначены на продажу и расхищены «черными шайками» (bandes noires) мелкой буржуазіи. Правда, этому расхищенію былъ положенъ конецъ въ слѣдующемъ году (законъ 2 Преріаля V года Республики) и предшествовавшій законъ отмѣненъ, но въ это время деревенскія общины были просто уничтожены и взамѣнъ ихъ введены кантональныя, т. е. волостные, совѣты. Лишь семь лѣтъ спустя (9 Преріаля, XII года Республики, т. е. въ 1801 году, были возстановлены деревенскія общины, но у нихъ отняли всѣ права и въ 36.000 французскихъ общинъ старшины и синдики были назначаемы правительствомъ! Эта система поддерживалась вплоть до революціи 1830 года, когда, согласно закону 1787 года, были введены выборные общинные совѣты. Что же касается общинныхъ земель, то онѣ были снова, въ 1813 году, захвачены государствомъ, расхищены, и лишь часть ихъ была возвращена общинамъ въ 1816 году. См классическое собраніе французскихъ законовъ: Dalloz, „Repertoire de Jurisprudence"; а также работы Dareste, Bonnemère, Babeau и мн. другихъ.

того, чтобы самому набить требуемое количество камня), то не менѣе двѣнадцати государственныхъ чиновниковъ различнаго ранга должны дать согласіе на это, при чемъ это требуетъ пятьдесятъ два бумажныхъ документа, которыми эти чиновники должны обмѣняться, прежде чѣмъ крестьянину, наконецъ, будетъ разрѣшено внести денежную уплату въ общинный совѣтъ. Все остальное носитъ тотъ же характеръ. То же самое, если буря повалитъ дерево на дорогѣ [1]).

То, что случилось во Франціи, происходило повсюду въ Западной и Средней Европѣ. Даже главные годы этого колоссальнаго грабежа крестьянскихъ земель вездѣ совпадаютъ. Для Англіи единственное различіе заключается въ томъ, что грабежъ совершался путемъ отдѣльныхъ актовъ, а не путемъ общаго закона,—словомъ, дѣло происходило съ меньшею поспѣшностью, чѣмъ во Франціи, но зато съ большой основательностью. Захватъ общинныхъ земель лэндлордами также начался въ пятнадцатомъ столѣтіи, послѣ подавленія крестьянскаго возстанія въ 1380 году, какъ видно изъ „Historia“ Россуса и статута Генриха VII-го, въ которыхъ объ этихъ захватахъ говорится подъ заголовкомъ: „гнусности и злодѣянія, вредящія общему благу“ [2]). Позднѣе, при Генрихѣ VIII-мъ, было начато, какъ извѣстно, спеціальное разслѣдованіе (Great Inquest) съ цѣлью прекратить захватъ общинныхъ земель, но разслѣдованіе это закончилось санкціонированіемъ расхищенія, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно уже произошло [3]).

Расхищеніе общинныхъ земель продолжалось, и крестьянъ продолжали сгонять съ земли. Но только съ середины XVIII-го столѣтія, въ Англіи, какъ и вездѣ въ другихъ странахъ, установилась систематическая политика уничтоженія общиннаго владѣнія; такъ что слѣдуетъ удивляться не тому, что общинное владѣніе исчезло, а потому что оно могло сохраниться, даже въ Англіи, и „преобладало еще на памяти дѣдовъ нашего поколѣнія“ [4]). Истинной цѣлью „актовъ объ огражденіи“ (Enclosure Acts), какъ показано было Seebohm, было устраненіе общиннаго владѣнія [5]).

[1]) Эта процедура кажется настолько нелѣпой, что ей трудно было бы повѣрить, если бы вполнѣ авторитетный писатель въ „Journal des Economistes“ (1893, Avril, стр. 94), г. Трикошъ, не перечислилъ сполна всѣ документа и не привелъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ.

[2]) Dr Ochenkowski, «Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters». (Jena, 1897) стр. 35 и слѣд., гдѣ обсуждается весь этотъ вопросъ съ полнымъ знаніемъ текстовъ.

[3]) «Nasse, «Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des XVI Jahrhundertsin England», Bonn, 1869, стр. 4, 5; Vinogradov, „Villainage in England“, (Oxford, 1892)

[4]) F. Seebohm, „The English Village Community», 3-е изд 1884, стр. 13—15.

[5]) «Разсмотрѣніе деталей Акта объ огражденіи, обнаруживаетъ, что вышеописанная система (общиннаго владѣнія) была той системой, устраненіе которой являлось задачей этого акта» (Seebohm, l. c., стр. 13). И далѣе: «эти акты составлялись вообще въ одной и той же формѣ, начиная съ заявленія, что открытыя и общія поля (дѣлянки въ различныхъ поляхъ и пастбища) лежатъ въ различныхъ мѣстахъ небольшими клочками, отличаясь черезполосностью и неудобствомъ расположенія; что различныя лица владѣютъ частями этихъ земель и владѣютъ общими правами на нихъ... и что желательно, чтобы земли были подѣлены и огорожены, при чемъ каждому владѣльцу опредѣлена была извѣстная часть» (стр. 14). Указатель Портера, заключаетъ 3867 такихъ

. оно было настолько хорошо устранено, когда парламентъ про-
велъ между 1760-мъ и 1844-мъ годомъ, почти 4000 актовъ объ
ограженіи, что отъ него остались теперь только слабые слѣды.
Лорды забрали себѣ земли деревенскихъ общинъ, и каждый от-
дѣльный случай захвата былъ санкціонированъ парламентомъ [1])

Въ Германіи, въ Австріи и въ Бельгіи деревенская община
была тоже разрушена государствомъ. Примѣры того, чтобы об-
щинники сами раздѣляли между собой общинныя земли, были
рѣдки [2]), между тѣмъ какъ государства вездѣ понуждали ихъ
къ подобному раздѣлу или просто благопріятствовали захвату
ихъ земель частными лицами. Послѣдній ударъ общинному вла-
дѣнію въ Средней Европѣ также былъ нанесенъ въ серединѣ
восемнадцатаго вѣка. Въ Австріи правительству пришлось пу-
стить въ ходъ грубую силу въ 1768 году, чтобы заставить об-
щины совершить раздѣлъ земель,—при чемъ, два года спустя,
для этой цѣли была назначена спеціальная комиссія. Въ Пруссіи
Фридрихъ II, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ указовъ (въ 1752, 1763,
1765 и 1769 гг.), рекомендовалъ судебнымъ камерамъ (Justizcolle-
gien) производить раздѣлъ насильственнымъ путемъ. Въ Силезіи,
съ той же цѣлью, была опубликована, въ 1771 году, спеціальная
резолюція. То же происходило и въ Бельгіи, но такъ какъ об
щины оказывали неповиновеніе, то, въ 1847 году, былъ изданъ
законъ, дававшій правительству право покупать общинные луга,
съ цѣлью распродажи ихъ по частямъ, и производить принуди
тельную продажу общинной земли, если на нее находился по-
купатель [3]).

актовъ изъ которыхъ наибольшее количество падаетъ на декады 1770—1780 и
800—1820, такъ же какъ и во Франціи. См. Приложеніе XVI-е.

[1]) Акты объ огражденіи—поразительный примѣръ того самоволія земель-
ной аристократіи, которое подъ покровительствомъ парламента, удерживалось
въ Англіи до конца, девятнадцатаго вѣка, и продолжаетъ держаться еще до
сихъ поръ. Въ силу этого Акта, если наслѣдникъ бывшихъ феодаловъ (или
тотъ, кто купилъ у нихъ права) загораживалъ вольныя общинныя земли изго
родью—въ нѣсколько десятковъ верстъ—то онѣ становились его соб-
ственностью, въ силу той фикціи, поддерживаемой англійскими законни-
ками и профессорами, что въ территоріи, на которую прежде распространялась
судебная власть феодальнаго лорда, всѣ земли принадлежали ему, — фикція,
вполнѣ разрушенная Нассэ и Виноградовымъ, но, тѣмъ не менѣе, признавае-
мая англійскими законодателями. Общинѣ представлялось въ такомъ случаѣ
доказывать въ судѣ, что огороженныя земли были ея собственностью,
чего община почти никогда не могла доказать, во 1) потому что у нея на то
не было никакихъ документовъ, такъ какъ документы писались только на
личную собственность (извѣстно что и въ Россіи крестьяне получали форме-
ные документы на общинную землю только послѣ 1861-го года); а во 2) потому
что всякое дѣло въ англійскихъ судахъ, если только оно переносится въ выс-
шія инстанціи, обходится сказочно-дорого—т. е. стоитъ многихъ сотенъ тысячъ
рублей. Между тѣмъ въ силу «Акта объ огражденіи», парламентъ выдалъ
болѣе 4000 отдѣльныхъ документовъ, утверждавшихъ право личной собствен-
ности и на обширнѣйшія общинныя земли, въ пользу родовыхъ лэндлорда, или
позднѣйшихъ пріобрѣтателей, скупавшихъ родовыя имѣнія. И такіе акты пар
ламентъ продолжаетъ выдавать по сію пору.

[2]) Въ Швейцаріи можно наблюдать нѣкоторыя общины, разоренныя вой
нами и вынужденныя продать часть своихъ земель, а теперь снова стремящіяся
купить ихъ.

[3]) A. Buchenberger, „Agrarwesen und Agrarpolitik", въ A. Wagner's „Handbuch der politischen Oekonomie", 1892, т. I, стр. 280 и слѣд.

Короче говоря, разговоры объ естественной смерти деревенскихъ общинъ въ силу экономическихъ законовъ представляютъ такую же безобразную шутку, какъ если бы мы говорили объ естественной смерти солдатъ, убитыхъ на полѣ битвы. Фактическая сторона дѣла такова: деревенскія общины прожили болѣе тысячи лѣтъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не были разорены войнами и поборами, онѣ постепенно улучшали методы культуры; но такъ какъ цѣнность земли возрастала, вслѣдствіе роста промышленности, и дворянство при государственной организаціи пріобрѣло такую власть, какой оно никогда не имѣло при феодальной системѣ,—оно завладѣло лучшей частью общинныхъ земель и приложило всѣ усилія, чтобы разрушить общинныя установленія.

Установленія деревенской общины такъ хорошо соотвѣтствуютъ, однако, нуждамъ и понятіямъ тѣхъ, кто самъ обрабатываетъ землю, что, несмотря на все, Европа вплоть до настоящаго времени покрыта еще живущими пережитками деревенскихъ общинъ, а деревенская жизнь изобилуетъ по сію пору привычками и обычаями, происхожденіе которыхъ относится къ общинному періоду. Даже въ Англіи, несмотря на всѣ драконовскія мѣры, предпринятыя для уничтоженія стараго порядка вещей, онъ существовалъ вплоть до начала XIX столѣтія. Гомме —одинъ изъ немногихъ англійскихъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на этотъ предметъ, указываетъ въ своей работѣ, что въ Шотландіи сохранились многіе слѣды общиннаго владѣнія землей, причемъ runrig tenaucy, т. е. фермерское владѣніе дѣлянками во многихъ поляхъ (права общинника, переходящія къ фермеру) сохранялась въ Форфаршайрѣ до 1813 года; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ Инвернесса вплоть до 1801 г. было въ обычаѣ распахивать землю для цѣлой общины, не дѣлая межей и распредѣляя ее уже послѣ вспашки. Въ Килмори раздѣлъ и передѣлъ полей были въ полной силѣ „вплоть до послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ", говоритъ Гомме, и крофтерская комиссія восьмидесятыхъ годовъ нашла этотъ обычай еще сохранившимся на нѣкоторыхъ островахъ [1]). Въ Ирландіи эта же система преобладала вплоть до эпохи великаго голода; что же касается до Англіи, то труды Маршалля, оставшіеся незамѣченными, пока на нихъ не обратили вниманія Нассэ и Мэнъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что система деревенской общины пользовалась широкимъ распространеніемъ почти во всѣхъ областяхъ Англіи, еще въ началѣ XIX-го столѣтія [2]). Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ

[1]) G. L. Gomme, „The Village Community, with Special reference to its Origin and Forms of Survival in Great Britain" (Contemporary Science Series), London, 1890), стр. 141—143; также его «Primitive Folkmoots» (London, 1880), стр. 98 и слѣд. См. Приложеніе XVI-е.

[2]) «Почти во всѣхъ частяхъ страны, въ особенности же въ среднихъ и восточныхъ графствахъ, но также и на западѣ—какъ напримѣръ Уильтшайрѣ, на югѣ (въ Сэррэй), на сѣверѣ (въ Іоркшайрѣ), имѣются обширныя, открытыя и общія поля. Изъ 316 приходовъ Нортгамптоншайра 89 находятся въ этомъ положеніи; болѣе ста въ Оксфордскомъ графствѣ; около 50.000 акровъ въ Уорикскомъ (Warwickshire): въ половинѣ Беркшайрширскаго графства; болѣе половины Уильтшайрскаго; въ Гентингтоншайрскомъ, изъ всей площади въ 240.000 акровъ, 130.000 акровъ находились подъ общинными лугами, выгонами и полями». (Marshall, цит. у Henry Maine'a «Village Communities in the East and West» New Iork, 1876, стр. 88, 89). Маршалль былъ земельный

ръ Генри Мэнъ былъ „чрезвычайно пораженъ количествомъ случаевъ абнормальныхъ владѣльческихъ правъ, которыя необходимымъ образомъ предполагаютъ первоначальное существованіе коллективнаго владѣнія и совмѣстной обработки земли", — при чемъ эти случаи обратили на себя его вниманіе послѣ сравнительно непродолжительнаго изученія [1]). А такъ какъ общинное владѣніе сохранилось въ Англіи до такого недавняго времени, то несомнѣнно, что въ англійскихъ деревняхъ можно было бы найти большое количество обычаевъ и навыковъ взаимной помощи, если бы только англійскіе писатели обратили вниманіе на деревенскую жизнь [2]).

Что же касается до континентальной части Европы, то множество общинныхъ установленій, до сихъ поръ сохранившихъ жизненную силу, встрѣчается въ разныхъ частяхъ Франціи, Швейцаріи, Германіи, Италіи, Скандинавскихъ странъ и Испаніи, — не говоря уже о Восточной Европѣ: деревенская жизнь въ этихъ странахъ проникнута общинными обычаями и привычками, и европейская литература почти ежегодно обогащается серьезными трудами, посвященными этому вопросу и сроднымъ съ нимъ. Поэтому, мнѣ придется при выборѣ примѣровъ ограничиться лишь нѣсколькими, самыми типичными.

Одинъ изъ такихъ примѣровъ даетъ намъ Швейцарія. Здѣсь только имѣется пять республикъ—Ури, Швицъ, Аппенцель, Гларусъ и Унтервальденъ—которыя владѣютъ значительной частью своихъ земель нераздѣльно, и управляются каждая народнымъ сходомъ всей республики (кантона); но и во всѣхъ другихъ кантонахъ деревенскія общины также пользуются широкимъ самоуправленіемъ, и обширныя части федеральной территоріи до сихъ поръ остаются въ общинномъ землевладѣніи [3]). Двѣ трети всѣхъ альпійскихъ луговъ и двѣ трети всѣхъ лѣсовъ Швейцаріи до сихъ поръ остаются общинной собственностью; и значительное количество полей, садовъ, виноградниковъ, торфяниковъ, каменоломенъ и т. д. до сихъ поръ находятся въ общинномъ владѣніи. Въ Ваадскомъ кантонѣ, гдѣ всѣ домохозяева имѣютъ право при-

агентъ, который объѣзжалъ Англію и составлялъ для лэндлордовъ описанія того, что можно было бы извлечь изъ такихъ-то общинныхъ земель, если ихъ огородить и объявить своими.

[1]) Ibid., стр. 88; см. также пятую лекцію. Широкое распространеніе общинныхъ выгоновъ и пустошей, даже въ настоящее время, хорошо извѣстно.

[2]) Пересмотрѣвши значительное количество произведеній, касающихся англійской деревенской жизни, я часто находилъ въ нихъ превосходныя описанія деревенскаго пейзажа и т. п., но почти никогда не встрѣчалъ описаній повседневной жизни и обычаевъ рабочаго населенія.

[3]) Въ Швейцаріи, крестьяне равнинныхъ ея частей, также подпали подъ власть господъ, и значительная часть ихъ земельныхъ имуществъ была захвачена господами въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ (ср., напримѣръ, A. Miaskowski, въ «Schmoller's», «Forschungen», т. II. 1879, стр. 12 и слѣд.). Но крестьянская война въ Швейцаріи не закончилась такимъ полнымъ пораженіемъ крестьянъ, какъ это было въ другихъ странахъ, и ими была удержана значительная доля общинныхъ правъ и земель. Самоуправленіе общинъ фактически является истиннымъ основаніемъ Швейцарской свободы. — Федерація республики Швицъ, т. е. ея «Ober-Allmig», включаетъ 18 приходовъ и болѣе 30-ти деревень и городковъ. См. K. Bürkli, «Der Ursprung der Eidgenossenschaft aus der Markgenossenschaft» гдѣ самое происхожденіе Швейцарской федераціи выводится изъ деревенской общины.

нимать участіе при обсужденіи общинныхъ дѣлъ, въ избира-
мыхъ ими общинныхъ совѣтахъ, съ совѣщательнымъ голосомъ
общинный духъ проявляется съ особенною живостью. Къ конц
зимы, въ нѣкоторыхъ деревняхъ вся мужская молодежь отпра
вляется на нѣсколько дней въ лѣса, для рубки деревьевъ
спуска ихъ внизъ по крутымъ склонамъ горъ (подобно катань
съ горъ на салазкахъ), при чемъ строевой лѣсъ и лѣсъ для от
пленія распредѣляется между всѣми домохозяевами, или же про
дается въ ихъ пользу. Эти экскурсіи являются настоящими празд
никами мужественнаго труда. На берегахъ Женевскаго озера
часть работы, необходимой для поддержанія въ порядкѣ террас
виноградниковъ, до сихъ поръ выполняется сообща, а весной
когда термометръ угрожаетъ упасть ниже нуля передъ восхо
домъ солнца, и морозъ могъ бы погубить лозы виноградниковъ
ночной сторожъ будитъ всѣхъ домохозяевъ, которые зажигаютъ
костры изъ соломы и навоза, и охраняютъ, такимъ образомъ, вино-
градники отъ мороза, окутывая ихъ облаками дыма. Почти во
всѣхъ кантонахъ деревенскія общины владѣютъ такъ называе-
мыми Bürgernutzen, т. е. онѣ сообща содержатъ извѣстное
количество коровъ, для снабженія каждой семьи масломъ; или же
онѣ держатъ сообща поля, или виноградники, продукты кото
рыхъ раздѣляются между общинниками; или же, наконецъ, они
отдаютъ свою землю въ наемъ, при чемъ доходъ поступаетъ въ
пользу всей общины [1]).

Вообще можно принять за правило, что вездѣ, гдѣ общины
удержали за собой настолько широкую сферу функцій, чтобы
быть живыми частями національнаго организма, и гдѣ онѣ не были
доведены до совершенной нищеты, онѣ не перестаютъ внима-
тельно относиться къ своимъ землямъ. Вслѣдствіе этого общин-
ныя имущества Швейцаріи представляютъ поражающій контрастъ
по сравненію съ жалкимъ положеніемъ „общинныхъ“ земель въ
Англіи. Общинные лѣса въ Ваадскомъ кантонѣ и въ Валэ (Valais)
содержатся въ превосходномъ порядкѣ, соотвѣтственно указаніямъ
современнаго лѣсоводства. Въ другихъ мѣстахъ, „полоски“ общин-
ныхъ полей, мѣняющія владѣльцевъ при системѣ передѣловъ
оказываются очень хорошо унавожены, такъ какъ нѣтъ недостатка
ни въ скотѣ, ни въ лугахъ. Высокіе альпійскіе луга вообще со-
держатся хорошо, а деревенскія дороги превосходны. И когда мы
восхищаемся швейцарскимъ châlet, горною дорогою, крестьянскимъ
скотомъ, террасами виноградниковъ, или школьными домами въ
Швейцаріи, мы должны помнить, что лѣсъ для постройки châlet
весьма часто полученъ былъ изъ общинныхъ лѣсовъ, а камень
изъ общинныхъ каменоломенъ; что коровы пасутся на общинныхъ
лугахъ, а дороги и школьные дома результатъ общинной ра-
боты [2]). Конечно, въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, община потеряла

[1]) Miaskowski, въ Schmoller's «Forschungen», т. II, 1879, стр. 15, а
также статьи «Domänen» и «Almend» въ «Handwörterbuch der
Schweizerischen Landwirthschaft», д-ра Reichesberg'a, Bern, 1903.

[2]) См. по этому вопросу серію работъ, суммированныхъ въ одной изъ
тѣхъ превосходныхъ и возбуждающихъ вниманіе главъ (еще не переведенныхъ
по-англійски), которыми K. Bücher снабдилъ нѣмецкій переводъ Лавел.
«Первобытное владѣніе». См. также Meitzen «Das Agrar- und

многія изъ своихъ правъ и отправленій, а „корпорація", составленная изъ небольшого числа старинныхъ семей, заступила мѣсто прежней деревенской общины, къ которой принадлежали всѣ. Но то, что сохранилось, удержало, по мнѣнію серьезныхъ изслѣдователей, полную жизненность [1]).

Едва-ли нужно говорить, что въ швейцарскихъ деревняхъ до сихъ поръ сохраняется много обычаевъ и навыковъ взаимной помощи. Вечернія собранія для шелушенія грецкихъ орѣховъ, которыя происходятъ поочередно у каждаго домохозяина; вечернія посидѣлки для шитья приданаго у дѣвушки, выходящей замужъ; приглашенія на „помочь" при постройкѣ домовъ и собираніи жатвы, а равнымъ образомъ для всевозможныхъ работъ, могущихъ потребоваться для каждаго изъ общинниковъ; обычай обмѣниваться дѣтьми изъ одного кантона въ другой, съ цѣлью научить ихъ двумъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, и т. д.— все это совершенно обычныя явленія [2]).

Любопытно, что и различныя современныя потребности удовлетворяются тѣмъ же путемъ. Такъ, напримѣръ, въ Гларусѣ большинство альпійскихъ луговъ было продано въ эпоху бѣдствій; но общины продолжаютъ до сихъ поръ покупать полевыя земли, и послѣ того какъ новокупленные участки оставались во владѣніи отдѣльныхъ общинниковъ въ теченіе десяти, двадцати или тридцати лѣтъ, они возвращаются въ составъ общинныхъ земель, которыя передѣляются, сообразно нуждамъ всѣхъ общинниковъ. Имѣется также большое количество мелкихъ ассоціацій, занимающихся производствомъ необходимыхъ пищевыхъ продуктовъ,— хлѣба, сыра, вина—путемъ работы сообща, хотя бы это производство и не достигало крупныхъ размѣровъ; и, наконецъ, широкимъ распространеніемъ пользуются въ Швейцаріи агрикультурная кооперація. Обычное явленіе представляютъ ассоціаціи, отъ десяти до тридцати крестьянъ, сообща покупающихъ луга и поля и сообща обрабатывающихъ ихъ; а молочныя ассоціаціи, для продажи молока, масла и сыра, организованы по всей странѣ. Въ сущности Швейцарія была родиною этой формы кооперація. Кромѣ того, здѣсь представляется обширное поле для изученія всякаго рода мелкихъ и крупныхъ обществъ, основанныхъ для удовлетворенія всевозможныхъ современныхъ потребностей. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи, почти въ каждой деревнѣ можно найти цѣлый рядъ обществъ: для защиты отъ пожаровъ, для водоснабженія, для катанья на лодкахъ для поддержанія набережныхъ на озерѣ и т. д.; кромѣ того, вся страна покрыта обществами лучниковъ, стрѣлковъ, топографовъ, изслѣдователей тропинокъ и другихъ подобныхъ организацій, зародившихся изъ потребностей современнаго милитаризма.

Forst-Wesen, die Allemenden und die Landgemeinden der Deutschen Schweiz», въ «Jahrbuch für Staatswissenschaft», 1880, IV (анализъ работъ Мясковскаго); O'Brien, «Notes in a Swiss village», въ «Macmillan's Magazine», October, 1885.

[1]) См. Приложеніе XVII-е.

[2]) Сюда же принадлежатъ свадебные подарки, которые въ Англіи часто бываютъ существенной помощью для молодыхъ хозяйствъ, и, очевидно, составляютъ пережитокъ общинныхъ обычаевъ.

Швейцарія, однако, вовсе не является исключеніемъ въ Европѣ, такъ какъ подобные же институціи и обычаи можно наблюдать въ деревняхъ Франціи, Италіи, Германіи, Даніи и т. д. Такъ, на предыдущихъ страницахъ говорилось о томъ что было сдѣлано правителями Франціи, съ цѣлью уничтоженія деревенской общины и захвата ея земель; но, несмотря на всѣ усилія правительства, одна десятая часть всей территоріи, пригодной для культуры, т. е., около 5.800.000 десятинъ, занимающихъ почти всѣхъ естественныхъ луговъ и почти пятую часть всѣхъ лѣсовъ страны, остаются въ общинномъ владѣніи. Эти лѣса снабжаютъ общинниковъ топливомъ, а строевой лѣсъ рубится въ большинствѣ случаевъ путемъ общинной работы, со всею желательною въ этихъ случаяхъ правильностью; скотъ общинниковъ свободно пасется на общинныхъ пастбищахъ, а остатки общинныхъ полей дѣлятся и передѣляются въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи—а именно въ Арденнахъ—обычнымъ путемъ [1]).

Эти добавочные источники, помогающіе болѣе бѣднымъ крестьянамъ переживать годы плохихъ урожаевъ, не продавая принадлежащихъ имъ ключковъ земли и не запутываясь въ неоплатныхъ долгахъ, несомнѣнно имѣютъ значеніе, какъ для земледѣльческихъ рабочихъ, такъ и для почти 3.000.000 мелкихъ крестьянъ - собственниковъ. Сомнительно даже, чтобы мелкая крестьянская собственность могла удержаться безъ помощи этихъ добавочныхъ источниковъ. Но этическая важность общинной собственности, какъ бы ни были малы ея размѣры, далеко превосходятъ ея экономическое значеніе. Она помогаетъ сохраненію въ деревенской жизни ядра обычаевъ и навыковъ взаимной помощи, несомнѣнно дѣйствующихъ какъ противовѣсъ узкому индивидуализму и жадности, которые такъ легко развиваются въ средѣ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, и облегчающихъ развитіе современныхъ формъ кооперація и общительности. Взаимная помощь, во всѣхъ обстоятельствахъ деревенской жизни, входитъ въ рутину деревенскаго обихода. Вездѣ мы встрѣчаемъ, подъ различными именами, „charroi“, т.-е. „помочь“, оказываемую сосѣдями при уборкѣ жатвы, при сборѣ винограда, при постройкѣ дома и т. п.; вездѣ мы находимъ тѣ же вечернія собранія, какъ и въ Швейцаріи. Вездѣ общинники объединяются для всевозможныхъ работъ, невыполнимыхъ въ одиночку. Объ этихъ обычаяхъ упоминали почти всѣ, писавшіе о французской деревенской жизни. Но, можетъ быть, лучше всего будетъ привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, полученныхъ мною отъ одного пріятеля, котораго я просилъ сообщить мнѣ свои наблюденія по данному вопросу. Сообщенія эти принадлежатъ пожилому человѣку, бывшему въ теченіе многихъ лѣтъ меромъ въ своей родной коммунѣ на югѣ Франціи (въ департаментѣ Ariège); сообщаемые имъ факты извѣстны ему по долголѣтнему личному наблюденію, и они имѣютъ то преимущество, что исходятъ изъ одной мѣстности, а не подобраны по частямъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ отдален-

[1]) Общины владѣютъ почти 2.060.000 десятинъ лѣса, изъ 10.500.000 десятинъ во всей территоріи, и около 3.000.000 десятинъ естественныхъ луговъ, изъ 4.600.000 во всей Франціи. Остальные 310.000 десятинъ находятся подъ полями, садами и т. д.

ныхъ другъ отъ друга мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ показаться мелкими, но въ общемъ они рисуютъ цѣлый міръ деревенской жизни.

„Въ нѣкоторыхъ общинахъ, сосѣднихъ съ нашей“,—пишетъ мой пріятель,—„сохраняется въ полной силѣ старый обычай l'emprount. Когда на фермѣ требуется много рукъ для быстраго выполненія какой нибудь работы—выкопать картофель, или выкосить луга созывается сосѣдская молодежь; собираются парни и дѣвушки, весело и безплатно выполняютъ работу, а вечеромъ, послѣ веселаго ужина, молодежь устраиваетъ танцы.

„Въ тѣхъ же деревняхъ, когда дѣвушка выходитъ замужъ, сосѣдскія дѣвушки собираются у нея, шить ей приданое. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ женщины до сихъ поръ довольно усердно прядутъ. Когда наступаетъ время размотки пряжи въ какой-нибудь семьѣ, работа эта производится въ одинъ вечеръ при помощи приглашенныхъ сосѣдей. Во многихъ общинахъ Арьежа, и въ другихъ юго-западныхъ мѣстностяхъ, шелушеніе кукурузы также выполняется при помощи всѣхъ сосѣдей. Ихъ угощаютъ каштанами и виномъ, и молодежь танцуетъ по окончаніи работы. Тотъ же обычай практикуется при выдѣлкѣ орѣховаго масла и для трепанія конопли. Въ общинѣ Л. тотъ же обычай соблюдается при возкѣ хлѣба. Эти дни тяжелой работы становятся праздниками, такъ какъ хозяинъ считаетъ своею честью угостить добровольцевъ хорошимъ обѣдомъ. Платы не полагается никакой: всѣ помогаютъ другъ другу [1]).

„Въ общинѣ С. площадь общинныхъ выгоновъ каждый годъ увеличивается, такъ что въ настоящее время почти вся земля общины поступила въ общее пользованіе. Пастухи выбираются всѣми владѣльцами скота, включая и женщинъ. Быки—общинные.

„Въ общинѣ М. маленькія стада овецъ, въ 40—50 головъ, принадлежащія общинникамъ, собираются въ одно стадо, и затѣмъ дѣлятся на три или на четыре стада, прежде чѣмъ гнать ихъ на горные луга. Каждый владѣлецъ остается въ теченіе одной недѣли при стадѣ, въ качествѣ пастуха.

„Въ деревнѣ С. нѣсколько домохозяевъ купили сообща молотилку; всѣ семьи сообща поставляютъ тѣхъ, человѣкъ пятнадцать или двадцать, которые нужны при машинѣ. Три другихъ молотилки, купленныя домохозяевами той же деревни, отдаются ими на прокатъ, но работа при этомъ выполняется посторонними помощниками, приглашаемыми обычнымъ путемъ.

„Въ нашей общинѣ Р. нужно было возвести стѣну вокругъ кладбища. Половина суммы, требовавшейся для покупки извести и для платы опытнымъ рабочимъ, была дана окружнымъ совѣтомъ, а другая половина была собрана по подпискѣ. Что же касается работы по доставкѣ песка и воды, замѣшиванія извести, и подручныхъ для каменщиковъ, то все это было выполнено добровольцами [точно также дѣлается въ кабильской djemmâa]. Деревенскія дороги чинятся тоже добровольнымъ трудомъ общин-

[1]) На Кавказѣ у грузинъ имѣется еще лучшій обычай. Такъ какъ хорошая ѣда добровольнымъ помощникамъ обходится дорого, и бѣдняку негдѣ ее взять, то сосѣди, приходя на «помочь», приносятъ съ собой и овцу для пира послѣ работы.

никовъ. Другія общины, такимъ образомъ, устроили у себя фонтаны. Прессъ для выжимки виноградnаго сока—и другія, болѣе мелкія, приспособленія—часто бываютъ общинной собственностью".

Два жителя изъ той же мѣстности, опрошенные моимъ пріятелемъ, добавляютъ слѣдующее:

„Въ О. нѣсколько лѣтъ тому назадъ не было мельницы. Община выстроила мельницу, наложивъ налогъ на общинниковъ. Что же касается до мельника, то во избѣжаніе съ его стороны всякаго рода обмановъ и пристрастія, рѣшено было платить ему по 2 франка съ каждаго ѣдока, а хлѣбъ обмалачивать безплатно.

„Въ Сентъ Ж. очень мало крестьянъ страхуются на случай пожара. Когда же случается пожаръ—какъ это было недавно—всѣ даютъ что нибудь пострадавшей семьѣ: котёлъ, простыню, стулъ и т. п., и, такимъ образомъ, скромное хозяйство возобновляется. Всѣ сосѣди помогаютъ погорѣвшему отстроить домъ, а семья временно помѣщается безплатно у сосѣдей".

Подобные обычаи взаимной помощи,—а ихъ можно было бы привести безъ числа,—несомнѣнно объясняютъ намъ, почему французскіе крестьяне съ такой легкостью объединяются для поочереднаго пользованія плугомъ и запряжкой, или же виноградnымъ прессомъ, или молотилкой, когда послѣдніе принадлежатъ въ деревнѣ кому-нибудь одному, а равнымъ образомъ и для выполненія сообща всякаго рода деревенскихъ работъ. Поддержка оросительныхъ канавъ, расчистка лѣсовъ, осушка болотъ, посадка деревьевъ и т. д. съ незапамятныхъ временъ дѣлались міромъ. То же продолжается и понынѣ. Такъ, напримѣръ, очень недавно, La Borne, въ деп. Лозеръ, дикіе обнаженные холмы были превращены въ богатые сады, путемъ общиннаго труда. „Люди носили землю на своихъ плечахъ, устроили террасы и засадили ихъ каштановыми и персиковыми деревьями; они распланировали огороды и провели воду, каналомъ, изъ-за пяти верстъ". Теперь, тамъ, оказывается, вырытъ новый водопроводъ длиной въ 16 верстъ [1]).

Тѣмъ же самымъ общиннымъ духомъ объясняется замѣчательный успѣхъ, которымъ въ послѣднее время пользуются земледѣльческіе синдикаты, т. е. ассоціаціи крестьянъ и фермеровъ. Только въ 1884 году во Франціи были допущены ассоціаціи, состоящія болѣе чѣмъ изъ 19 лицъ, и едва ли нужно прибавлять, что когда рѣшено было сдѣлать этотъ „опасный опытъ"—такъ говорилось о немъ въ палатѣ депутатовъ—чиновничество приняло противъ ассоціацій всѣ „предосторожности", какія только можетъ изобрѣсть бюрократія. Но несмотря на это, Франція покрывается земледѣльческими синдикатами. Вначалѣ они образовывались лишь для закупки удобреній и сѣмянъ, такъ какъ фальсификація въ этихъ двухъ областяхъ достигла колоссальныхъ размѣровъ [2]). Но постепенно они распространили свои дѣйствія

---

[1]) Alfred Baudrillart, въ H Baudrillart, «Les Populations Rurales de la France», 3-я серія (Paris, 1893), стр 479.

[2]) Въ «Journal des Economistes». (августъ 1892, май и августъ 1893) было сообщено о результатахъ анализа въ земледѣльческихъ лабораторіяхъ Гента и Парижа. Оказывается, что размѣры фальсификаціи просто невѣроятны, какъ и всякаго рода продѣлки и ухищренія «честныхъ торговцевъ».

въ различныхъ направленіяхъ, включая продажу земледѣльческихъ продуктовъ и постоянныя улучшенія земельныхъ участковъ. Въ южной Франціи, опустошенія произведенныя филоксерой вызвали образованіе большого количества ассоціацій владѣльцевъ виноградниковъ. Десять, двадцать, иногда тридцать такихъ владѣльцевъ образовывали синдикатъ, покупали паровую машину для накачиванія воды и дѣлали необходимыя приготовленія, чтобы по-очереди затопить свои виноградники [1]). Постоянно образуются новыя ассоціаціи, для защиты отъ наводненій, для орошенія и поддержанія существующихъ уже оросительныхъ канавъ, при чемъ требованіе закона о единогласномъ желаніи всѣхъ крестьянъ даннаго сосѣдства не является препятствіемъ. Въ другихъ мѣстностяхъ мы находимъ сырныя или молочныя ассоціаціи, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ дѣлятъ сыръ и масло на равныя части, независимо отъ удойности каждой коровы. Въ Арьежѣ существуетъ ассоціація восьми отдѣльныхъ общинъ для совмѣстной культуры ихъ земель, которыя онѣ соединили въ одно; въ томъ же самомъ департаментѣ, изъ 337-ми общинъ въ 172-хъ организованы синдикаты для безплатной медицинской помощи; въ связи съ синдикатами возникаютъ общества потребителей и т. д. [2]). „Истинная революція совершается въ нашихъ деревняхъ,—говоритъ Alfred Baudrillart,—при посредствѣ этихъ ассоціацій, которыя принимаютъ въ каждой области Франціи свой особливый характеръ".

Почти то же самое можно сказать и о Германіи. Вездѣ, гдѣ крестьяне смогли остановить разграбленіе своихъ общинныхъ земель, они держатъ ихъ въ общинномъ владѣніи, которое широко преобладаетъ въ Вюртембергѣ, Баденѣ, Гогенцоллернѣ и Гессенской провинціи, Штаркенбергѣ [3]). Общинные лѣса вообще содер-

---

Среди сѣмянъ нѣкоторыхъ травъ было 32 процента песка, окрашеннаго такимъ образомъ, что даже опытный глазъ могъ быть введенъ въ заблужденіе; въ другихъ образчикахъ было лишь отъ 52 до 22 процентовъ чистыхъ сѣмянъ; остальные были сѣмена сорныхъ травъ. Сѣмена вики содержали 11 процентовъ ядовитой травы (nielle); мука для выкормки скота содержала 36 процентовъ сульфатовъ, и т. д. безъ конца.

[1]) A. Baudrillart, l. c., стр. 309. Первоначально одинъ владѣлецъ бралъ на себя доставку воды, а нѣсколько другихъ соглашались пользоваться ею. «Особенно характерно для такихъ организацій», — замѣчаетъ A. Baudrillart,— «отсутствіе какихъ-либо письменныхъ договоровъ. Всѣ соглашенія происходятъ на-словахъ. Но тѣмъ не менѣе неизвѣстно ни одного случая недоразумѣній, возникшихъ между договаривающимися сторонами».

[2]) A. Baudrillart, l. c., стр. 300, 341 etc. Предсѣдатель Сенъ-Жиронэскаго синдиката (въ Арьежѣ), M. Terssac, писалъ моему пріятелю слѣдующее: «Для тулузской выставки наша ассоціація сгруппировала владѣльцевъ скота, который, какъ мы думали, стоило выставлять. Общество взяло на себя половину издержекъ по доставкѣ скота, падавшихъ на каждаго экспонента; четверть расходовъ уплачивали тѣ владѣльцы, скотъ которыхъ получилъ премію. Въ результатѣ, въ этой выставкѣ приняли участіе многіе крестьяне, которые при другихъ условіяхъ никогда бы этого не сдѣлали. Получившіе наивысшія награды (350 фр.) израсходовали около 10 процентовъ этихъ наградъ, а не получившіе никакой награды затратили всего по 6—7 франковъ на человѣка».

[3]) Въ Вюртембергѣ, изъ 1910 общинъ, 1629 владѣютъ общинной собственностью. Въ 1863 году этимъ общинамъ принадлежало болѣе 400,000 десятинъ земли. Въ Баденѣ, изъ 1582 общинъ 1256 владѣютъ общинной землей; въ 1884—1888 г. у нихъ было 49,000 дес. полей подъ общинной культурой и 273.000 дес. лѣса, т. е, 46 процентовъ всей площади лѣсовъ. Въ Саксоніи

жатся въ превосходномъ состояніи, и въ тысячахъ общинъ, какъ строевой лѣсъ, такъ и лѣсъ на отопленіе ежегодно дѣлится между всѣми жителями; даже древній обычай Lesholztag до сихъ поръ пользуется широкимъ распространеніемъ: по звону колокола на деревенской колокольнѣ всѣ жители деревни отправляются въ лѣсъ, чтобы унести изъ него столько топлива, сколько сможетъ каждый [1]). Въ Вестфаліи имѣются общины, въ которыхъ вся земля обрабатывается, какъ одно общее имѣніе, согласно съ требованіями современной агрономіи. Что же касается древнихъ общинныхъ обычаевъ и навыковъ, то они до сихъ поръ въ силѣ въ большей части Германіи. Приглашеніе на „помочи“, являющіяся дѣйствительными праздниками труда, вполнѣ обычное явленіе въ Вестфаліи, Рессенѣ и Нассау. Въ областяхъ, изобилующихъ строевымъ лѣсомъ, лѣсъ на постройку новаго дома берется обыкновенно изъ общиннаго лѣса, и всѣ сосѣди помогаютъ въ постройкѣ. Даже въ предмѣстьяхъ большого города Франкфурта, существуетъ среди садовниковъ обычай, въ случаѣ болѣзни одного изъ нихъ, приходить по воскресеньямъ обрабатывать садъ больного товарища [2]).

Въ Германіи, какъ и во Франціи, какъ только правители народа отмѣнили законы, направленные противъ крестьянскихъ ассоціацій—что случилось въ 1884—1888 годахъ—этого рода союзы начали развиваться съ поразительной быстротою, несмотря на всякаго рода препятствія со стороны закона, далеко имъ неблагопріятствовавшаго [3]). „Фактически“—говоритъ Бухенбергеръ,—„вслѣдствіе этихъ ассоціацій, въ тысячахъ деревенскихъ общинъ, въ которыхъ раньше ничего не знали ни о химическихъ удобреніяхъ, ни о раціональномъ кормленіи скота, теперь и то и другое примѣняется въ небывалыхъ размѣрахъ“ (т. II, стр. 507.и При помощи этихъ ассоціацій покупаются всякаго рода сберегающія трудъ орудія и земледѣльческія машины, а равнымъ образомъ вводятся различныя приспособленія для улучшенія качества продуктовъ. Образуются также союзы для продажи земледѣльческихъ продуктовъ и для постояннаго улучшенія земельныхъ участковъ [4]).

Съ точки зрѣнія соціальной экономики, всѣ эти крестьянскія усилія, конечно, не представляютъ большого значенія. Они не могутъ существенно—а тѣмъ менѣе прочно—облегчить ту нищету, на которую обречены земледѣльческіе классы всей Ев-

---

39 процентовъ всей земельной площади находится въ общинномъ владѣніи (Schmoller's «Jahrbuch», 1886, стр. 359) Въ Гогенцоллернѣ почти двѣ трети всей луговой земли, а въ Гогенцоллернѣ-Гехингенѣ 41 процентъ всей земельной собственности находится во владѣніи деревенскихъ общинъ. (Buchenberger, «Agrarwesen und Agrarpolitik», т. I, стр. 300).

[1]) См. К. Bücher, который въ спеціальной главѣ, прибавленной къ нѣмецкому переводу работы Лавелэ объ первобытномъ владѣніи, собралъ всѣ указанія, относящіяся къ деревенской общинѣ въ Германіи.

[2]) К. Bücher, ibid., стр. 89, 90.

[3]) Объ этомъ законодательствѣ и о многочисленныхъ препятствіяхъ поставленныхъ на пути ассоціацій, въ формѣ всякаго рода канцелярщины и чиновничьяго вмѣшательства см. Buchenberger's, «Agrarwesen und Agrarpolitik», т. II, 342—363, и стр. 506, прим.

[4]) Buchenberger, l. c., т. II, стр. 510. Генеральный союзъ земледѣльческой кооперации представляетъ собой 1679 обществъ. ВъСилезіи, площадь въ 12,000 де-

ропы. Но съ этической точки зрѣнія, которая занимаетъ насъ въ данное время, ихъ значеніе не можетъ быть переоцѣнено. Они доказываютъ, что даже при системѣ господствующаго теперь необузданнаго индивидуализма, земледѣльческія массы благоговѣйно хранятъ полученное ими наслѣдіе взаимной помощи, и какъ только государства ослабляютъ желѣзные законы, при помощи которыхъ они разорвали всѣ узы между людьми, эти узы тотчасъ возобновляются, несмотря на многочисленныя политическія, экономическія и соціальныя затрудненія, при чемъ возобновляются, въ такихъ формахъ, которыя наилучше соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ производства. Они указываютъ также на направленія, въ которыхъ слѣдуетъ искать дальнѣйшаго прогресса, и на формы, въ которыя онъ стремится вылиться.

Легко можно было бы увеличить количество такихъ примѣровъ, беря ихъ изъ Италіи, Испаніи, и особенно Даніи и т. д., и можно было бы указать на нѣкоторыя весьма интересныя черты, свойственныя каждой изъ этихъ странъ [1]). Слѣдовало бы также упомянуть о славянскомъ населеніи Австріи и Балканскаго полуострова, среди котораго до сихъ поръ существуетъ „сложная семья“ или „недѣленое хозяйство“ [2]). Но я спѣшу перейти къ Россіи, гдѣ то же стремленіе ко взаимной помощи облекается въ нѣкоторыя новыя и неожиданныя формы. Кромѣ того, разсматривая деревенскую общину въ Россіи, мы имѣемъ то преимущество, что обладаемъ огромнымъ количествомъ матеріала, собраннаго во время колоссальной подворной переписи, предпринятой нѣкоторыми земствами и охватывающей населеніе почти въ 20.000.000 крестьянъ въ различныхъ частяхъ Россіи [3]).

Изъ огромнаго количества данныхъ, собранныхъ русскими переписями, можно извлечь два важныхъ вывода. Въ средней Россіи, гдѣ одна треть крестьянскаго населенія, если не болѣе, была доведена до совершеннаго разоренія (тяжелыми налогами, крохотными надѣлами плохой земли, высокою арендною платою и чрезвычайно суровымъ взысканіемъ податей послѣ полныхъ неурожаевъ), видно было, въ продолженіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, рѣшительное стремленіе къ установленію личной земельной собственности въ предѣлахъ деревенскихъ общинъ. Многіе обѣднѣвшіе „безлошадные“ крестьяне бросали свои на-

---

сятинъ была недавно осушена 73 ассоціаціями; 182,000 десятинъ осушено въ Пруссіи—516 ассоціаціями; въ Баваріи имѣется 1715 союзовъ для цѣлей осушки и орошенія.

[1]) См. Приложеніе XVIII-е.

[2]) Для Балканскаго полуострова см. Laveleye, «Propriété Primitive».

[3]) Факты, касающіеся деревенской общины, заключенные почти въ сотнѣ томовъ (изъ общаго числа 450 томовъ) этихъ изслѣдованій, были классифицированы и суммированы въ превосходной работѣ В. В., («Крестьянская община». Петербургъ, 1892, въ «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики», томъ II), которая, помимо ея теоретическаго значенія, является богатымъ сводомъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу. Вышеуказанныя переписи породили колоссальную литературу, въ которой вопросъ о современной деревенской общинѣ впервые вышелъ изъ области фразеологіи, и былъ поставленъ на солидную почву достовѣрныхъ и въ достаточной степени детальныхъ фактовъ.

дѣлы, и ихъ земля часто переходила въ собственость тѣхъ болѣе богатыхъ крестьянъ, которые, занимаясь торговлей, имѣли добавочные источники дохода, или же попадала въ руки постороннихъ купцовъ, покупавшихъ землю главнымъ образомъ для того, чтобы сдавать ее впослѣдствіи крестьянамъ же, но непомѣрно высокимъ арендпымъ цѣнамъ. Должно также замѣтить, что вслѣдствіе недосмотра въ Положеніи 1861 года, представилась широкая возможность скупать крестьянскія земли по очень дешевой цѣнѣ [1]), а государственные чиновники въ свою очередь употребляли свое могущественное вліяніе въ пользу частнаго владѣнія и относились отрицательно къ владѣнію общинному. Однако, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, наблюдается такая и сильная оппозиція въ средней Россіи противъ личнаго владѣнія, и средніе крестьяне, занимающіе срединное положеніе между богачами и бѣдными, употребляютъ энергическія усилія для поддержанія общины. Что же касается до плодородныхъ южныхъ степей, являющихся въ настоящее время наиболѣе населенными и богатыми частями Европейской Россіи, то онѣ были главнымъ образомъ заселены въ теченіе девятнадцатаго вѣка, при системѣ личнаго владѣнія, или захвата, признаннаго въ этой формѣ государствомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ южной Россіи были введены, при помощи машинъ, улучшенные методы земледѣлія, крестьяне-собственники постепенно начали сами переходить отъ личнаго владѣнія къ общинному, и теперь въ этой житницѣ Россіи можно найти довольно значительное количество добровольно сформировавшихся деревенскихъ общинъ, очень недавняго происхожденія [2]).

Крымъ и часть материка, лежащая къ сѣверу отъ него (Таврическая губернія), для которыхъ у насъ имѣются подробныя данныя, лучше всего могутъ послужить для поясненія этого движенія. Послѣ присоединенія къ Россіи, въ 1783 году, эта мѣстность начала заселяться выходцами изъ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлороссіи—казаками, свободными людьми и бѣжавшими крѣпостными,—которые, по одиночкѣ или небольшими группами, стекались сюда со всѣхъ угловъ Россіи. Сначала они принялись за скотоводство, а позднѣе, когда они начали распахивать землю, каждый распахивалъ столько, сколько могъ. Но когда, вслѣдствіе продолжавшагося наплыва переселенцевъ и введенія усовершенствованныхъ плуговъ, возросъ спросъ на землю, между поселившимися здѣсь поднялись ожесточенные споры. Споры тянулись по цѣлымъ годамъ, пока, наконецъ, эти люди, ранѣе не связанные никакими взаимными узами, пришли постепенно къ мысли, что необходимо положить конецъ раздорамъ, введя общинное земле-

---

[1]) Выкупъ долженъ былъ быть выплачиваемъ ежегодными взносами въ теченіе сорока девяти лѣтъ. Съ теченіемъ времени, когда большая часть выкупа была уплачена, дѣлалось все легче уплатить остальную долю, а такъ какъ каждый надѣлъ могъ быть выкупленъ индивидуально, то этимъ воспользовались купцы, скупавшіе землю за полъ-цѣны у разорившихся крестьянъ. Впослѣдствіи былъ изданъ законъ, воспрещавшій подобныя покупки.

[2]) В. В. въ своей «Крестьянской общинѣ» сгруппировалъ факты, относящіеся къ этому движенію. Относительно быстраго агрикультурнаго развитія южной Россіи и распространенія машинъ англійскіе читатели найдутъ свѣдѣнія въ своихъ консульскихъ отчетахъ (изъ Одессы и Таганрога).

владѣніе. Тогда они начали составлять приговоры, согласно которымъ, земля, которою они до того владѣли лично, переходила въ общинное владѣніе; и вслѣдъ затѣмъ они начали дѣлить и передѣлять эту землю, согласно установившимся въ деревенскихъ общинахъ обычаямъ. Это движеніе постепенно приняло обширные размѣры, и на сравнительно небольшой территоріи таврическіе статистики нашли 161 деревню, въ которыхъ общинное владѣніе было введено самими крестьянами-собственниками, вмѣсто частной собственности, главнымъ образомъ, въ теченіе 1855—1885 годовъ. Поселенцы, такимъ образомъ, свободно выработали самые разнообразные типы деревенской общины [1]). Особенный интересъ этому переходу отъ личнаго землевладѣнія къ общему придаетъ еще то, что онъ совершился не только среди великороссовъ, привыкшихъ къ общинной жизни, но и среди малороссовъ, давно забывшихъ объ общинѣ подъ польскимъ владычествомъ, а также среди грековъ и болгаръ, и даже среди нѣмцевъ, которые давно уже успѣли выработать въ своихъ цвѣтущихъ полупромышленныхъ колоніяхъ на Волгѣ собственный типъ деревенской общины [2]). Татары-мусульмане въ Таврической губерніи, очевидно, продолжали владѣть землею по мусульманскому обычному праву, допускающему лишь ограниченное личное землевладѣніе; но даже среди нихъ, въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ, привилась европейская деревенская община. Что же касается до другихъ національностей, населяющихъ Таврическую губернію, то частное владѣніе было уничтожено въ шести эстонскихъ деревняхъ, въ двухъ греческихъ, въ двухъ болгарскихъ, въ одной чешской и въ одной нѣмецкой.

Вышеуказанное движеніе характерно для всей области плодородныхъ степей юга. Но отдѣльные аналогичные примѣры можно встрѣтить также и въ Малороссіи. Такъ, въ нѣкоторомъ количествѣ деревень, Черниговской губерніи, крестьяне раньше были частными земельными собственниками; они имѣли отдѣльные законные документы на свои участки и распоряжались землею самовольно, отдавая её въ аренду, или продавая. Но въ пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, между ними началось движеніе въ пользу общиннаго владѣнія, при чемъ главнымъ доводомъ служило возрастаніе числа обѣднѣвшихъ семействъ. Иниціатива этой реформы была взята одной деревней, а за ней послѣдовали другія, и послѣдній случай, упоминаемый В. В., относился къ 1882 году. Конечно, происходили стычки между бѣдными крестьянами, требовавшими перехода къ общинному владѣнію, и богачами, обыкновенно предпочитающими частную собственность, и иногда борьба продолжалась цѣлые годы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ единогласное рѣшеніе всей общины.

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они приступили къ дѣлу съ чрезвычайной осторожностью. Въ одной деревнѣ они начали съ передачи всѣхъ луговъ въ общинное владѣніе и только незначительная доля пахатныхъ полей (около двухъ десятинъ на душу) была сдѣлана общинною; остальная же пахотная земля продолжала быть въ частномъ владѣніи. Позднѣе, въ 1862 - 1864 г., система эта была расширена, но лишь въ 1884 г. всѣ земли перешли въ общинное владѣніе (В. В., «Крестьянская община», стр. 1—14).

[2]) О деревенской общинѣ у меннонитовъ см. А. Клауса, «Наши колоніи», Петербургъ, 1869.

требуемое закономъ для перехода къ новой формѣ землевладѣнія, не могло быть достигнуто, и деревня тогда дѣлилась на двѣ части, одна оставалась при частномъ владѣніи землею, а другая переходила къ общинному; иногда онѣ позднѣе сливались въ одну общину, а иногда такъ и оставались, каждая при своей формѣ землевладѣнія

Что же касается до центральной Россіи, то во многихъ деревняхъ, населеніе которыхъ склонялось къ частному владѣнію, начиная съ 1880 года, возникло массовое движеніе въ пользу возстановленія деревенской общины. Даже крестьяне-собственники, годами жившіе при личномъ землевладѣніи, массою возвращаются къ общиннымъ институціямъ. Такъ, напримѣръ, имѣется значительное количество бывшихъ дворовыхъ, получившихъ лишь четверной надѣлъ, но зато безъ выкупа и на правахъ частной собственности. Въ 1890 году, между ними началось широкое движеніе (въ Курской, Рязанской, Тамбовской и др. губерніяхъ), цѣлью котораго было сведеніе воедино ихъ участковъ на основѣ общиннаго владѣнія. Точно такіе „вольные хлѣбопашцы," которые были освобождены отъ крѣпостной зависимости по закону 1803 года, и которые купили свои надѣлы—каждая семья порознь, — теперь почти всѣ перешли къ добровольно введенной ими общинной системѣ. Всѣ эти движенія относятся къ очень недавнему времени, при чемъ въ нихъ принимаютъ участіе и крестьяне другихъ національностей, помимо русской. Такъ, напримѣръ, болгары Тираспольскаго уѣзда, которые владѣли землею въ теченіе шестидесяти лѣтъ на правахъ частной собственности ввели у себя общинное владѣніе въ 1876—1882 годахъ. Нѣмецкіе меннониты, Бердянскаго уѣзда, боролись въ 1890 году за введеніе общиннаго владѣнія, а мелкіе крестьне-собственники (Kleinwirthschaftliche), среди нѣмецкихъ баптистовъ, агитировали въ своихъ деревняхъ за проведеніе подобной же мѣры. Въ заключеніе, приведу еще одинъ примѣръ: въ Самарской губерніи русское правительство устроило, ради опыта, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, 103 деревни на правахъ частнаго землевладѣнія. Каждый домохозяинъ получилъ превосходный надѣлъ въ 40 десятинъ. Въ 1890 году, въ 72-хъ деревняхъ изъ этихъ 103-хъ, крестьяне выразили желаніе перейти къ общинному владѣнію. Всѣ эти факты заимствую изъ превосходнаго труда г. В. В., который въ свою очередь лишь классифицировалъ факты отмѣченные земскими статистиками во время вышеупомянутыхъ подворныхъ описей.

Такое движеніе въ пользу общиннаго владѣнія идетъ совершенно вразрѣзъ съ современными экономическими теоріами, согласно которымъ интенсивная обработка земли несовмѣстима съ деревенской общиной. Но, выражаясь мягко объ этихъ теоріяхъ, можно сказать лишь одно,—что онѣ никогда не проходили чрезъ горнило фактическаго испытанія: онѣ цѣликомъ принадлежатъ къ области политической метафизики. Факты же имѣющіеся предъ нашими глазами, указываютъ, напротивъ, что вездѣ, гдѣ русскіе крестьяне, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, оказывались менѣе въ когтяхъ нищеты, и вездѣ, гдѣ они находили свѣдущихъ и обладающихъ иниціативою людей среди своихъ

сосѣдей, деревенская община, именно, способствовала введенію различныхъ усовершенствованій въ области земледѣлія и, вообще, въ деревенской жизни. Здѣсь, какъ и повсюду, взаимная помощь скорѣе и лучше ведетъ къ прогрессу, чѣмъ война каждаго противъ всѣхъ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ фактовъ. Мы видѣли уже (приложеніе XVI-е), какъ современные англійскіе крестьяне, тамъ, гдѣ уцѣлѣла община, обращали паровое поле въ поля для бобовыхъ растеній и корнеплодныхъ. То же начинается и въ Россіи.

При Николаѣ I-мъ многіе государственные чиновники и помѣщики заставляли крестьянъ вводить общественныя запашки на небольшихъ участкахъ принадлежавшей деревнѣ земли, съ цѣлью пополненія общинныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Подобныя запашки, связанныя въ умахъ крестьянъ съ наихудшими воспоминаніями о крѣпостномъ правѣ, были прекращены ими, тотчасъ же послѣ паденія крѣпостного строя: но теперь крестьяне начинаютъ кое-гдѣ заводить ихъ по собственному почину. Въ одномъ уѣздѣ (Острогожскомъ, Курской губ.) достаточно было иниціативы одного лица, чтобы ввести подобныя запашки въ четырехъ-пятыхъ всѣхъ деревень уѣзда. То же самое наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Въ назначенный день общинники собираются на работу: богатые съ плугами или телѣгами, а болѣе бѣдные приносятъ на общественную работу лишь собственныя руки, при чемъ не дѣлается никакихъ попытокъ высчитывать, сколько кто сработалъ. Впослѣдствіи сборъ съ общественной запашки идетъ на ссуды бѣднѣйшимъ общинникамъ, — большею частью, безвозвратно или же употребляется на поддержку сиротъ и вдовъ, или на ремонтъ деревенской церкви или школы, или, наконецъ, для уплаты какого-нибудь мірского долга [1]).

Какъ и можно ожидать отъ людей, живущихъ при системѣ деревенской общины, всѣ работы, входящія, такъ сказать, въ рутину деревенской жизни, (починка дорогъ и мостовъ, устройствѣ плотинъ и гатей, осушеніе болотъ, оросительные каналы и колодцы, рубка лѣса, посадка деревьевъ и т. д.) производятся цѣлыми общинами, точно также земля сплошь да рядомъ арендуется сообща, а луга косятся всѣмъ міромъ,—при чемъ на работу выходятъ старые и малые, мужчины и женщины, какъ это превосходно описалъ Л. Н. Толстой [2]). Подобнаго рода работы ежедневно происходятъ повсемѣстно въ Россіи; но при этомъ, деревенская община вовсе не чуждается современныхъ земледѣльческихъ улучшеній, когда ей по силамъ произвести соотвѣтственныя издержки, и когда знаніе, бывшее до сихъ поръ привилегіей богатыхъ, проникаетъ, наконецъ, въ деревенскія избы.

---

[1]) Подобныя общинныя запашки, насколько извѣстно, существуютъ изъ 195-ти деревень. Острогожскаго уѣзда, въ 159-ти. Изъ 188-ми деревень, Славяносербскаго уѣзда, въ 150-ти, въ 107-ми деревенскихъ общинахъ Александровскаго уѣзда, въ 93-хъ Николаевскаго и 35-ти Елисаветградскаго уѣздовъ. Въ одной нѣмецкой колоніи общественная запашка производится для уплаты общиннаго долга, при чемъ работаютъ всѣ, хотя долгъ былъ сдѣланъ только 94-мя домохозяевами изъ 115-ти.

[2]) Перечисленіе подобныхъ работъ, дѣлаемыхъ сообща, и отмѣченныхъ земскими статистиками, см. въ работѣ В. В., «Крестьянская община» стр. 459 – 600.

Мы уже указали выше, что усовершенствованные плуги быстро распространяются въ южной Россіи: но при этомъ оказывается, что, во многихъ случаяхъ, именно деревенскія общины содѣйствовали этому распространенію. Бывало и такъ, когда плугъ былъ купленъ общиною, что, послѣ пробы его на участкѣ общинной земли, крестьяне указывали на необходимыя измѣненія тѣмъ, у кого былъ купленъ плугъ; или же сами оказывали помощь для устройства кустарной выдѣлки деревянныхъ плуговъ. Въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ недавно, въ теченіе пяти лѣтъ, было куплено крестьянами 1565 плуговъ, толчекъ былъ данъ тѣми общинами, которыя сообща арендовали землю, и сдѣлано это было для спеціальной цѣли улучшенія своего земледѣлія.

На сѣверо-востокѣ Россіи, въ Вятской губерніи, небольшія товарищества крестьянъ, путешествовавшихъ со своими вѣялками (выдѣлываемыми кустарями въ одномъ изъ уѣздовъ, изобилующихъ желѣзомъ), распространили употребленіе этихъ вѣялокъ у себя и даже на сосѣднія губерніи. Широкое распространеніе молотилокъ въ Самарской, Саратовской и Херсонской губерніяхъ, является результатомъ дѣятельности крестьянскихъ товариществъ, которыя могутъ купить даже дорогую машину, тогда какъ отдѣльному крестьянину такая покупка не подъ силу. И въ то время какъ почти во всѣхъ экономическихъ трактатахъ заявляется, что деревенская община обречена на исчезновеніе, какъ только трехпольная система будетъ замѣнена плодопеременной, мы видимъ, что въ Россіи многія деревенскія общины берутъ на себя инициативу введенія именно этой плодопеременной системы, такъ же какъ онѣ сдѣлали въ Англіи. Но прежде, чѣмъ перейти къ ней, крестьяне обыкновенно отводятъ часть общинныхъ полей для производства опыта искусственнаго травосѣянія, при чемъ сѣмена покупаются міромъ [1]). Если опытъ оказывается успѣшнымъ, крестьяне не затрудняются сдѣлать новый передѣлъ полей, чтобы перейти на четырехпольное, пятипольное или даже на шестипольное хозяйство.

Эта система практикуется теперь въ сотняхъ деревень Московской, Тверской, Смоленской, Вятской и Псковской губерній [2]). А тамъ, гдѣ возможно для этой цѣли удѣлить нѣкоторое количество земли, общины отводятъ участки для разведенія фруктовыхъ насажденій. Наконецъ, внезапное распространеніе, наблюдаемое въ послѣднее время въ Россіи, небольшихъ школь-

[1]) Въ Московской губерніи опытъ обыкновенно производился на полѣ, которое сохранялось для вышеупомянутой общинной культуры.

[2]) Нѣсколько примѣровъ такихъ и подобныхъ улучшеній были приведены въ «Прав. Вѣстникѣ» (1894, №№ 256—258). Ассоціаціи между «безлошадными» начинаютъ встрѣчаться также въ южной Россіи. Другимъ чрезвычайно интереснымъ фактомъ является внезапное развитіе въ юго-западной Сибири чрезвычайно многочисленныхъ молочныхъ кооперацій для выдѣлки масла; сотни такихъ кооперацій возникли въ Тобольской и Томской губерніяхъ, при чемъ сначала не могли опредѣлить, кто былъ иниціаторомъ этого движенія. Иниціатива принадлежитъ датскимъ кооператорамъ, которые обыкновенно вывозили собственное масло высшаго качества, а для домашняго потребленія покупали себѣ сибирское масло низшаго сорта. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ торговыхъ сношеній, они ввели молочные кооперативы въ Сибири. Теперь, благодаря ихъ усиліямъ, изъ этихъ предпріятій выросла крупная отрасль вывозной торговли.

ныхъ фермъ, садовъ, огородовъ и тутовыхъ насажденій для шелководства—начало которымъ было положено при деревенскихъ школахъ подъ наблюденіемъ школьныхъ учителей, а иногда и добровольцевъ — также является результатомъ той поддержки, которую подобныя начинанія встрѣтили въ деревенскихъ общинахъ.

Кромѣ того, общины довольно часто предпринимаютъ и постоянныя улучшенія, какъ осушеніе и орошеніе. Такъ, напримѣръ, въ трехъ уѣздахъ Московской губерніи, въ значительной степени носящихъ промышленный характеръ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ (1880—1890), были выполнены въ широкихъ размѣрахъ работы по осушенію не менѣе чѣмъ въ 180 — 200 различныхъ деревняхъ, при чемъ работали засту-номъ сами общинники. На другомъ концѣ Россіи, въ сухихъ степяхъ Новоузенскаго уѣзда, было воздвигнуто общинами больше 1000 плотинъ для прудовъ и копаней, и вырыто было нѣсколько сотенъ глубокихъ колодцевъ; въ то же время, въ одной богатой нѣмецкой колоніи, на югѣ-востокѣ Россіи, общинники—мужчины и женщины—работали пять недѣль подрядъ надъ возведеніемъ плотины, въ три версты длиною, для оросительныхъ цѣлей. Да и какъ могли бы бороться съ сущимъ климатомъ изолированные люди? И чего могли бы они достичь личными усиліями въ ту пору, когда южная Россія страдала отъ размноженія сурковъ, и всѣмъ землевладѣльцамъ, богатымъ и бѣднымъ, общинникамъ и индивидуалистамъ, пришлось прилагать работу собственныхъ рукъ, чтобы предотвратить бѣдствіе? Полиція, въ такихъ случаяхъ, не поможетъ, и единственнымъ средствомъ является объединеніе.

Сказавши такъ много о взаимной помощи и поддержкѣ, практикуемыхъ земледѣльцами „цивилизованныхъ“ странъ, я вижу, что могъ бы еще наполнить довольно объемистый томъ примѣрами, взятыми изъ жизни сотенъ, милліоновъ людей, живущихъ, болѣе или менѣе, подъ начальствомъ или покровительствомъ, болѣе или менѣе цивилизованныхъ государствъ, но все-таки еще стоящихъ въ сторонѣ отъ современной цивилизаціи и современныхъ знаній. Я могъ бы описать, напримѣръ, внутреннюю жизнь турецкой деревни, съ ея сѣтью удивительныхъ обычаевъ и навыковъ взаимной помощи. Пересматривая книжки моихъ выписокъ касательно крестьянской жизни на Кавказѣ, я нахожу самые трогательные факты взаимной поддержки. Тѣ же самые обычаи я нахожу въ моихъ замѣткахъ объ арабской djemmâa, афганской rutta, о деревняхъ Персіи, Индіи и Явы, о недѣленной семьѣ китайцевъ, о кочевьяхъ полу-номадовъ Средней Азіи и о номадахъ далекаго Сѣвера. Просматривая замѣтки, взятыя отчасти наудачу изъ обширнѣйшей литературы объ Африкѣ, я нахожу, что онѣ переполнены подобными же фактами: здѣсь также созываются „помочи“ для уборки посѣвовъ, дома также строятся при помощи всѣхъ жителей деревни—иногда, чтобы исправить разрушеніе, причиненное набѣгомъ „цивилизованныхъ“ разбойниковъ; цѣлыя племена въ нѣкоторыхъ случаяхъ помогаютъ другъ другу въ несчастіи, или же покровительствуютъ путешественникамъ, и т. д., и т. д. Когда же я обращаюсь къ такимъ трудамъ, какъ сводка африканскаго

обычнаго права, сдѣланная Positомъ, то я начинаю понимать, почему, несмотря на всю тиранію, на всѣ притѣсненія, грабежи и набѣги, несмотря на междуродовыя войны, на королей-людоѣдовъ, на шарлатановъ-колдуновъ и жрецовъ, на охотниковъ за рабами и т. п., населеніе этихъ странъ все-таки не разбѣжалось по лѣсамъ; почему оно сохранило извѣстную степень цивилизаціи, почему эти „дикари“ все-таки остались людьми, не опустились доуровня бродячихъ семей, подобно вымирающимъ орангъ-утанамъ. Дѣло въ томъ, что охотники за рабами, грабители запасовъ слоновой кости, воинствующіе короли, матабельскіе и мадагаскарскіе „герои“ исчезаютъ, оставляя послѣ себя лишь пепелы, отмѣченные кровью и огнемъ: но ядро институцій, обычаевъ и навыковъ взаимной помощи, выращенное родомъ, а въ послѣдствіи деревенскою общиною, остается, и оно держитъ людей объединенными въ обществахъ, открытыхъ для прогресса цивилизаціи и готовыхъ принять ее при наступленіи того дня, когда они, вмѣсто пуль и водки, начнутъ получать настоящую цивилизацію.

То же самое можно сказать и о нашемъ цивилизованномъ мірѣ. Естественныя и вызванныя человѣкомъ бѣдствія проходятъ. Цѣлыя населенія періодически доводятся до нищеты и голода: самыя жизненныя стремленія безжалостно подавляются у милліоновъ людей, доведенныхъ до городского пауперизма; мысль и чувства милліоновъ человѣческихъ существъ отравляются ученіями, измышленными въ интересахъ немногихъ. Несомнѣнно, всѣ эти явленія составляютъ часть нашего существованія. Но ядро институцій, обычаевъ и навыковъ взаимной помощи продолжаетъ существовать среди этихъ милліонновъ людей; оно объединяетъ ихъ: и люди предпочитаютъ держаться за эти свои обычаи, вѣрованія и традиціи, чѣмъ принять ученіе о войнѣ каждаго противъ всѣхъ, предлагаемое имъ отъ имени науки, но въ дѣйствительности ничего общаго съ наукой не имѣющее.

ГЛАВА VIII.

Взаимная помощь въ современномъ обществѣ.

(Продолженіе).

Гибель рабочихъ союзовъ послѣ разрушенія гильдій государствомъ.—Ихъ борьба.—Взаимная помощь при стачкахъ.—Кооперація.—Свободныя ассоціаціи для различныхъ цѣлей.—Самопожертвованіе.—Безчисленныя общества для объединенныхъ дѣйствій со всевозможными цѣлями.—Взаимная помощь среди бѣднѣйшаго населенія городовъ.—Личная помощь.

Разсматривая повседневную жизнь деревенскаго населенія Европы, мы видѣли, что, несмотря на всѣ старанія современныхъ государствъ разрушить деревенскую общину,—жизнь крестьянъ переполнена навыками и обычаями взаимной помощи и взаимной поддержки; мы нашли, что широко-распространенные и имѣющіе до сихъ поръ серьезное значеніе остатки общиннаго владѣнія землей сохранились понынѣ, и что какъ только были сняты, въ недавнее время, законодательныя препятствія, мѣшавшія возникновенію деревенскихъ ассоціацій, среди крестьянства вездѣ быстро

возникла цѣлая сѣть свободныхъ союзовъ для всевозможныхъ экономическихъ цѣлей; при чемъ это молодое движеніе несомнѣнно проявляетъ тенденцію возстановить извѣстнаго рода единеніе, подобное тому, которое существовало въ прежней деревенской общинѣ. Таковы были заключенія, къ которымъ мы пришли въ предыдущей главѣ; а потому теперь мы займемся разсмотрѣніемъ тѣхъ институцій взаимной поддержки, которыя можно найти въ настоящее время среди промышленнаго населенія.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій условія для выработки такихъ институцій были такъ же неблагопріятны въ городахъ, какъ и въ деревняхъ. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, что когда средневѣковые города были подчинены, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, господству возраставшихъ тогда военныхъ государствъ, всѣ учрежденія, объединявшія ремесленниковъ, мастеровъ и купцовъ въ гильдіяхъ и въ городскихъ общинахъ, были насильственнымъ образомъ разрушены. Самоуправленіе и собственная юрисдикція, какъ гильдіи, такъ и города, были уничтожены; присяга на вѣрность между братьями по гильдіи стала разсматриваться, какъ проявленіе измѣны по отношенію къ государству; имущество гильдій было конфисковано, тѣмъ же путемъ, какъ и земли деревенскихъ общинъ; внутренняя и техническая организація каждой области труда попали въ руки государства. Законы, дѣлаясь постепенно все суровѣе, всячески старались помѣшать ремесленникамъ объединяться какимъ бы то ни было образомъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени государство терпѣло еще слабое подобіе прежнихъ гильдій: разрѣшено было, напримѣръ, существованіе торговыхъ гильдій, подъ условіемъ, что онѣ будутъ щедро субсидировать королей; терпѣли также существованіе нѣкоторыхъ ремесленныхъ гильдій, которыми государство пользовалось, какъ органами администраціи. Нѣкоторыя изъ гильдій послѣдняго рода даже до сихъ поръ еще влачатъ свое непрочное существованіе. Но то, что раньше было жизненной силой средневѣковой жизни и промышленности, давно уже исчезло подъ сокрушающею тяжестью централизованнаго государства.

Въ Великобританіи, которая можетъ быть взята, какъ наилучшій примѣръ промышленной политики современныхъ государствъ, мы видимъ, что уже въ пятнадцатомъ вѣкѣ парламентъ началъ дѣло разрушенія гильдій; но рѣшительныя мѣры противъ нихъ были приняты лишь въ слѣдующемъ столѣтіи. Генрихъ VIII не только разрушилъ организацію гильдій, но также конфисковалъ ихъ имущества; съ бо́льшей безцеремонностью—говоритъ Toulmin Smith,—чѣмъ онъ проявилъ при конфискаціи монастырскихъ имуществъ [1]). Эдуардъ VI закончилъ его дѣло [2]),

[1]) Toulmini Smith «English Guilds», London, 1870, введеніе, стр. XLIII.

[2]) Актъ Эдуарда VI (первый актъ его царствованія) приказывалъ передать коронѣ «всѣ содружества, братства и гильдіи, находящіяся въ предѣлахъ Англіи, Уэльса и др. владѣній короля; а также всѣ помѣстья, земли, аренды и другія наслѣдія, принадлежащія имъ или одному изъ нихъ». («English Guilds», введеніе стр. XLIII). См. также Ochenkowski, «Englands wirtschaftliche Entwickelungim Ausgange des Mittelalters» Jena, 1879, главы II—V.

и уже во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія мы находимъ, что парламентъ взялъ на себя разрѣшать всѣ недоразумѣнія между ремесленниками и торговцами, которыя раньше разрѣшались въ каждомъ городѣ отдѣльно. Парламентъ и король не только присвоили себѣ право законодательства во всѣхъ подобныхъ пререканіяхъ, но, имѣя въ виду сопряженныя съ заграничнымъ вывозомъ интересы короны, они вскорѣ начали опредѣлять нужное, по ихъ мнѣнію, количество учениковъ, въ каждомъ ремеслѣ и детальнѣйшимъ образомъ регулировать самую технику каждаго производства—вѣсъ матерій, число нитокъ въ ярдѣ ткани, и т. п. Должно, однако, сказать, что эти старанія не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ всякаго рода споры и техническія затрудненія, въ теченіе ряда столѣтій разрѣшавшіяся соглашеніемъ между тѣсно-зависящими другъ отъ друга гильдіями и между вступавшими въ союзъ городами, лежатъ совершенно внѣ сферы дѣятельности бюрократическаго государства. Постоянное вмѣшательство государственныхъ чиновниковъ парализовало ремесла и довело большинство изъ нихъ до полнаго упадка; а потому экономисты восемнадцатаго вѣка, возставая противъ государственнаго регулированія производствъ, выражали вполнѣ справедливое и распространенное тогда недовольство. Уничтоженіе французскою революціею этого рода вмѣшательства бюрократіи въ промышленность привѣтствовалось, какъ актъ освобожденія; и вскорѣ другія страны послѣдовали примѣру Франціи.

Государство не могло похвалиться лучшимъ успѣхомъ и въ дѣлѣ регулированія заработной платы. Въ средневѣковыхъ городахъ, когда, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, начало все рѣзче обозначаться раздѣленіе между мастерами и ихъ подмастерьями или поденщиками, подмастерья выставили свои союзы (Gesellenverbande), принимавшіе иногда интернаціональный характеръ, противъ союзовъ мастеровъ и купцовъ. Теперь государство взяло на себя улаживать ихъ споры, и по статуту Елисаветы, 1563 года, на мировыхъ судей была возложена обязанность устанавливать размѣръ заработной платы, такъ, чтобы она обезпечивала „благоприличное“ существованіе поденщикамъ и ученикамъ. Мировые судьи, однако, оказались совершенно безпомощными въ дѣлѣ примиренія противоположныхъ интересовъ хозяевъ и рабочихъ, и никакъ не могли принудить мастеровъ подчиняться судейскимъ рѣшеніямъ. Законъ о заработной платѣ постепенно обратился, такимъ образомъ, въ мертвую букву и былъ отмѣненъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Но въ то время какъ государство принуждено было отказаться отъ функціи регулированія заработной платы, оно, тѣмъ не менѣе, продолжало сурово запрещать всякаго рода союзы между поденщиками и мастеровыми съ цѣлью увеличенія заработной платы или удержанія послѣдней на извѣстномъ уровнѣ. Въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка государство издавало законы, направленные противъ рабочихъ союзовъ, и въ 1799 году оно окончательно запретило всякаго рода комбинаціи рабочихъ подъ угрозою самыхъ суровыхъ наказаній. Фактически, британскій парламентъ лишь слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру Французскаго революціоннаго Конвента, который тоже издалъ въ 1793 году драконовскій законъ противъ

рабочихъ коалицій; коалиціи между извѣстнымъ числомъ граждапъ разсматривались революціоннымъ собраніемъ, какъ покушенія противъ верховной власти государства, о которомъ предполагалось, что оно въ равной мѣрѣ охраняетъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Дѣло разрушенія средневѣковыхъ союзовъ было, такимъ образомъ, закончено. Теперь, и въ городѣ, и въ деревнѣ государство царствовало надъ мало-связанными между собою аггрегатами отдѣльныхъ личностей, и готово было самыми суровыми мѣрами предотвращать всякую попытку возстановленія какихъ бы то ни было особливыхъ союзовъ между ними. Таковы были тѣ условія, при которыхъ стремленію къ взаимной помощи приходилось пролагать себѣ путь въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Нужно ли говорить, однако, что всѣ указанныя сейчасъ мѣры все-таки не въ силахъ были уничтожить это стремленіе? Въ продолженіе восемнадцатаго вѣка, рабочіе союзы постоянно возстановлялись [1]). Не были они пріостановлены и тѣми жестокими преслѣдованіями, которыя явились результатомъ законовъ 1797-го и 1799-го г. Рабочіе пользовались каждымъ недосмотромъ въ законѣ и въ установленномъ имъ надзорѣ, каждымъ промедленіемъ со стороны мастеровъ, обязанныхъ доносить объ образованіи союзовъ, чтобы сплачиваться между собою. Подъ покровомъ дружескихъ сообществъ взаимной помощи (friendly societies), похоронныхъ клубовъ, или же тайныхъ братствъ, союзы распространялись повсемѣстно, въ ткацкой промышленности, среди рабочихъ ножеваго ремесла въ Шеффильдѣ, среди рудокоповъ, и при этомъ формировались также энергичныя федеральныя организаціи, чтобы поддерживать мѣстные союзы во время стачекъ и преслѣдованій [2]).

Отмѣна закона противъ коалицій или комбинацій (Combination Laws), въ 1825 году, дала новый толчокъ движенію. Во всѣхъ производствахъ немедленно были организованы союзы и національныя федераціи [3]), а когда Робертъ Оуэнъ началъ организацію своего „Великаго Консолидированнаго Національнаго Союза“ профессіональныхъ союзовъ, то въ нѣсколько мѣсяцевъ ему удалось собрать до полумилліона членовъ. Правда, этотъ періодъ относительной свободы продолжался недолго. Преслѣдованія снова начались въ тридцатыхъ годахъ, а въ промежутокъ между 1832 и 1844 годомъ послѣдовали извѣстные свирѣпые судебные приговоры противъ рабочихъ организацій со ссылкой на каторгу въ Австралію. Оуэновскій „Великій Національный Союзъ“ былъ раздушенъ, и по всей странѣ, какъ частные предприниматели, такъ ровно и правительство въ своихъ мастерскихъ, начали принуждать рабочихъ порывать всякія связи съ союзами и подписывать „документъ“, то-есть отреченіе, составленное въ этомъ смыслѣ.

[1]) См. Sidney и Beatrice Webb, «History of Trade-Unionism», London, 1894, стр. 21—38.

[2]) См. въ работѣ Sidney Webb объ ассоціаціяхъ того времени. Предполагаютъ, что Лондонскіе ремесленники лучше всего были организованы въ 1810—1820 годахъ.

[3]) Національная ассоціація для защиты труда включала въ свою организацію около 150 отдѣльныхъ союзовъ, дѣлавшихъ крупные взносы и насчитывала въ общемъ около 100.000 членовъ. Союзы строительныхъ рабочихъ и углекоповъ также были крупными организаціями (Webb, l. c. стр. 107).

Юніонистовъ (членовъ рабочихъ союзовъ) преслѣдовали массами, и ихъ подводили подъ дѣйствіе закона „О хозяевахъ и ихъ слугахъ", въ силу котораго довольно было простого заявленія хозяина фабрики о якобы дурномъ поведеніи его рабочихъ [1]), чтобы массами арестовывать ихъ и осуждать.

Стачки подавлялись самымъ деспотическимъ путемъ, и поразительные по своей суровости приговоры выносились за простое объявленіе о стачкѣ, или за участіе въ качествѣ делегата стачечниковъ,—не говоря уже о подавленіяхъ военнымъ путемъ малѣйшихъ безпорядковъ во время стачекъ, или объ осужденіяхъ, слѣдовавшихъ за частыми проявленіями разнаго рода насилій со стороны рабочихъ. Практика взаимной помощи, при подобныхъ обстоятельствахъ, являлась далеко не легкимъ дѣломъ. И все-таки, несмотря на всѣ препятствія, о размѣрахъ которыхъ наше поколѣніе не имѣетъ даже должнаго представленія, уже съ 1841 года началось возрожденіе рабочихъ союзовъ, и дѣло объединенія рабочихъ неустанно продолжалось съ тѣхъ поръ, вплоть до настоящаго времени, пока, наконецъ, послѣ долгой борьбы, длившейся болѣе ста лѣтъ, не было завоевано право вступать въ союзы. Въ настоящее время, какъ извѣстно, почти четверть всѣхъ рабочихъ, имѣющихъ постоянную работу, т.-е. около 1.500.000 человѣкъ принадлежатъ къ рабочимъ союзамъ (трэдъ-юніонамъ) [2]).

Что же касается другихъ европейскихъ государствъ, то достаточно сказать, что, вплоть до очень недавняго времени, всякаго рода союзы преслѣдовались въ нихъ, какъ заговоры: но, несмотря на это, они существуютъ вездѣ, хотя имъ часто приходится принимать форму таинныхъ обществъ, въ то же время распространеніе и сила рабочихъ организацій, въ собственности „рыцарей труда" въ Соединенныхъ Штатахъ и рабочихъ союзовъ Бельгіи ярко проявились въ стачкахъ девяностыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка.

Необходимо, однако, помнить, что самый фактъ принадлежности къ рабочему союзу, помимо возможныхъ преслѣдованій,

---

[1]) Я руковожусь въ этомъ отношеніи работой Webb, изобилующей документами, подтверждающими его выводы.

[2]) Съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ отношеніяхъ болѣе состоятельныхъ классовъ къ рабочимъ союзамъ произошли, конечно, крупныя перемѣны. Однако же, не далѣе какъ въ шестидесятыхъ годахъ наниматели усиленно и дружно пытались сокрушить союзы, лишая работы населеніе чуть ли не цѣлыхъ округовъ. Вплоть до 1869 года простое соглашеніе на стачку и объявленіе о стачкѣ путемъ афишъ, не говоря уже о «сниманіи рабочихъ» не приставшихъ къ стачкѣ, очень часто наказывались, какъ «устрашеніе мирнаго населенія». Законъ «О хозяевахъ и ихъ слугахъ» былъ отмѣненъ только въ 1875 году, когда мирное отговариваніе рабочихъ, идущихъ на работу во время объявленной стачки, перестало наказываться, какъ преступленіе, а «насиліе и устрашеніе» во время стачекъ отошло въ вѣдѣніе общихъ законовъ.

Впрочемъ, во время большой стачки доковыхъ рабочихъ въ 1887 году, деньги, пожертвованныя на поддержаніе стачки, пришлось тратить на защиту права „пикетированія" (отговариванія отъ работы).

И, наконецъ, преслѣдованія послѣднихъ годовъ (1900—1905), начатыя консервативнымъ правительствомъ, царившимъ въ Англіи десять лѣтъ, грозятъ обратить въ ничто всѣ завоеванныя права, такъ какъ суды стали приговаривать цѣлые рабочіе союзы къ уплатѣ изъ ихъ кассъ убытковъ (иногда милліонныхъ), понесеныхъ хозяевами во время стачекъ.

требуетъ значительныхъ пожертвованій деньгами, временемъ и неоплаченною работою, и влечетъ за собой постоянный рискъ потерять работу, за одну лишь принадлежность къ рабочему союзу [1]). Кромѣ того, юніонисту постоянно приходится помнить о возможности стачки, а стачка—когда исчерпанъ весь ограниченный кредитъ у хлѣбника и закладчика, а платы изъ стачечнаго фонда не хватаетъ на пропитаніе семьи,—ведетъ за собою голоданіе дѣтей. Для людей, живущихъ въ близкомъ общеніи съ рабочими, затянувшаяся стачка представляетъ одно изъ самыхъ раздирающихъ сердце зрѣлищъ; легко можно, поэтому вообразить, что значила стачка лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Англіи, и что она значитъ еще до сихъ поръ въ неособенно богатыхъ частяхъ континентальной Европы. Постоянно, даже въ настоящее время, стачка заканчивается полнымъ разореніемъ и вынужденною эмиграціею чуть не цѣлаго населенія данной мѣстности при чемъ разстрѣливаніе стачечниковъ по малѣйшему поводу; или даже и безъ всякаго повода, до сихъ поръ представляетъ самое обычное явленіе на континентѣ [2]).

И тѣмъ не менѣе, каждый годъ, въ Европѣ и Америкѣ бываютъ тысячи стачекъ и массовыхъ увольненій съ работы,—при чемъ особенною суровостью и продолжительностью отличаются такъ-называемыя стачки „по симпатіи", вызываемыя желаніемъ поддержать выброшенныхъ съ работы товарищей; или отстоять права рабочихъ союзовъ. И въ то время какъ реакціонная часть прессы склонна объяснять стачки „устрашеніемъ", люди, живущіе среди стачечниковъ, съ восхищеніемъ говорятъ о практикуемой между ними взаимной помощи и поддержкѣ. Многіе, вѣроятно, слыхали о колоссальной работѣ, выполнявшейся рабочими-добровольцами для организаціи помощи и раздачи пищи во время послѣдней большой стачки лондонскихъ токовыхъ рабочихъ; или о рудокопахъ, которые, пробывши сами безъ работы въ теченіе многихъ недѣль, тотчасъ же начали дѣлать взносы въ размѣрѣ четырехъ шиллинговъ въ недѣлю, въ стачечный фондъ, какъ только опять стали на работу; или о вдовѣ рудокопа, которая, во время Іоркширскихъ рабочихъ волненій 1894 года, внесла всѣ сбереженія своего покойнаго мужа въ стачечный фондъ; о томъ, какъ во время стачки послѣдній кусокъ хлѣба всегда дѣлился между сосѣдями; о редстокскихъ рудокопахъ, обладающихъ обширными огородами, которые пригласили 400 бристольскихъ сотоварищей брать съ этихъ огоро-

[1]) Еженедѣльный взносъ въ 6 пенсовъ (24 копейки), при заработной платѣ въ 18 шиллинговъ (8 руб. 30 коп. въ недѣлю), или взносъ одного шиллинга (48 копеекъ), при заработкѣ въ 25 шиллинговъ (11 руб. 60 к.) въ недѣлю, значатъ гораздо болѣе, чѣмъ расходъ въ 90 рублей при годовымъ доходѣ въ 3000 руб.; рабочему приходится для подобнаго взноса обрѣзывать питаніе семьи, а при забастовкѣ въ товарищескомъ юніонѣ взносъ приходится удваивать. Графическое описаніе жизни трэдъ-юніониста, данное однимъ заводскимъ рабочимъ и помѣщенное въ упомянутой уже книгѣ гг. Веббовъ (стр. 431 и слѣд.) даетъ прекрасное понятіе о томъ, сколько работы требуется отъ члена англійскаго рабочаго союза.

[2]) См., напримѣръ, пренія о стачкѣ въ Фалькенау (въ Австріи) въ австрійскомъ рейхстагѣ, 10 мая 1894 года; во время этихъ преній факты подобнаго рода были признаны, какъ министерствомъ, такъ собственникомъ копей. См. также англійскую прессу того времени.

ловъ капусту, картофель и т. д. Всѣ газетные корреспонденты, во время крупной стачки рудокоповъ въ Іоркширѣ въ 1894 году, знали массу подобныхъ фактовъ, хотя далеко не всѣ эти корреспонденты осмѣливались писать о подобныхъ неподходящихъ „пустякахъ" на страницахъ своихъ респектабельныхъ газетъ [1]).

Профессіональный рабочій союзъ не составляетъ, однако, единственной формы, въ которой выливается потребность рабочаго во взаимной поддержкѣ. Помимо рабочихъ союзовъ, имѣются еще политическія ассоціаціи, дѣятельность которыхъ многими рабочими разсматривается, какъ болѣе ведущая къ общему благосостоянію, чѣмъ профессіональные союзы, которые теперь ограничиваются, большею частью, одними узкими цѣлями. Конечно, простую принадлежность къ политической корпораціи нельзя еще разсматривать, какъ проявленіе стремленія ко взаимной помощи. Политика, какъ извѣстно, представляетъ именно такую область, гдѣ чисто-эгоистическіе элементы общества вступаютъ въ самыя запутанныя сочетанія съ альтруистическими стремленіями. Но всякій опытный политическій дѣятель знаетъ, что всѣ великія политическія движенія поднимались изъ-за широкихъ и часто отдаленныхъ цѣлей, при чемъ самыми могучими изъ этихъ движеній были именно тѣ, которыя вызывали наиболѣе безкорыстный энтузіазмъ. Всѣ великія историческія движенія носили этотъ характеръ, а для нашего поколѣнія примѣромъ этого рода движеній служитъ соціализмъ. „Дѣло оплаченныхъ агитаторовъ"— таковъ обычный припѣвъ тѣхъ, кто вовсе не знакомъ съ этимъ движеніемъ. Но въ дѣйствительности,—говоря лишь о фактахъ лично мнѣ извѣстныхъ,—если бы я въ теченіе послѣднихъ тридцати-пяти лѣтъ велъ дневникъ и заносилъ бы въ него всѣ извѣстные мнѣ примѣры преданности и самопожертвованія, на которые мнѣ приходилось наталкиваться въ соціалистическомъ движеніи,—у читателя такого дневника слово „героизмъ" не сходило бы съ устъ. Но люди, о которыхъ мнѣ приходилось бы говорить въ дневникѣ, вовсе не были героями: это были средніе люди,— только вдохновленные великой идеей. Каждая соціалистическая газета,—а ихъ въ одной Европѣ насчитываются многія сотни,— представляетъ ту же самую исторію долгихъ лѣтъ самопожертвованія, безъ малѣйшей надежды на какую-либо матеріальную выгоду, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже безъ удовлетворенія личнаго честолюбія, если таковое имѣется. Я зналъ семьи, которыя жили, не зная, будетъ ли у нихъ завтра кусокъ хлѣба,—мужа бойкотировали кругомъ въ маленькомъ городкѣ, за участіе въ газетѣ, а жена поддерживала семью швейной работой,—и подобное положеніе продолжалось не мѣсяцы, а годы, пока, наконецъ, изнемогшая семья не уходила, безъ слова упрека, говоря новымъ товарищамъ: „продолжайте; мы больше не въ силахъ держаться!" Я видалъ людей, умиравшихъ отъ чахотки и знавшихъ это, которые, тѣмъ не менѣе, бѣгали въ слякоти, подъ снѣгомъ, чтобы устраивать митинги, и сами говорили на митингахъ за нѣсколько недѣль до смерти, и, наконецъ, уходили

[1]) Сообщенія о многихъ подобныхъ фактахъ можно найти въ «Daily Chronicle» и отчасти въ «Daily News» за октябрь и ноябрь 1894 года.

въ госпиталь, со словами: „ну, друзья, моя пѣсенка спѣта: доктора рѣшили, что мнѣ осталось жить всего нѣсколько недѣль. Скажите товарищамъ, что я буду счастливъ, если кто зайдетъ провѣдать". Мнѣ извѣстны факты, которые сочли бы съ моей стороны „идеализаціею", если бы я разсказалъ о нихъ въ настоящей книгѣ; и даже самыя имена этихъ людей, едва извѣстныя за предѣломъ тѣснаго кружка друзей, вскорѣ будутъ забыты, когда и друзья ихъ также отойдутъ въ вѣчность. Въ сущности, я не знаю чему больше удивляться: безграничной ли преданности этихъ немногихъ, или общей суммѣ болѣе мелкихъ проявленій преданности со стороны массъ, затронутыхъ движеніемъ. Продажа каждаго десятка нумеровъ рабочей газеты, каждый митингъ, каждая сотня голосовъ, поданная за соціалистовъ на выборахъ, являются результатомъ такой массы энергіи и такихъ жертвъ, о которыхъ люди, стоящіе внѣ движенія, не имѣютъ даже ни малѣйшаго представленія. А такъ, какъ теперь дѣйствуютъ соціалисты, дѣйствовала въ прошломъ каждая народная и прогрессивная партія, политическая и религіозная. Весь прогрессъ, совершенный нами въ прошломъ, является результатомъ работы подобныхъ людей и подобной же преданности.

Кооперацію, въ особенности въ Великобританіи, часто описываютъ, какъ индивидуализмъ на акціяхъ" и несомнѣнно, что въ настоящемъ своемъ видѣ она, дѣйствительно, содѣйствуетъ развитію кооперативнаго эгоизма, не только по отношенію къ обществу вообще, но и въ средѣ самихъ кооператоровъ. Между тѣмъ, достовѣрно извѣстно что, вначалѣ, этому движенію былъ присущъ характеръ взаимной помощи. Даже въ настоящее время наиболѣе пламенные сторонники этого движенія проникнуты убѣжденіемъ, что кооперація ведетъ человѣчество къ высшей, гармонической стадіи экономическихъ отношеній и, побывавши въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвера Англіи, гдѣ кооперація особенно развита, нельзя не притти къ заключенію, что значительное количество участниковъ этого движенія держится именно такого мнѣнія. Большинство изъ нихъ потеряло бы всякій интересъ къ кооперативному движенію, если бы у нихъ исчезла упомянутая сейчасъ увѣренность. Нужно также сказать, что за послѣдніе годы среди кооператоровъ начали проявляться болѣе широкіе идеалы общаго благосостоянія и солидарности производителей. Нельзя отрицать проявляющуюся теперь среди нихъ тенденцію, направленную къ улучшенію отношеній между собственниками кооперативныхъ производствъ и ихъ рабочими.

Значеніе кооперації въ Англіи, Голландіи и Даніи хорошо извѣстно, а въ Германіи, въ особенности на Рейнѣ, уже въ настоящее время кооперативныя общества являются крупнымъ факторомъ промышленной жизни [1]). Но, быть можетъ, Россія представляетъ наилучшее поле для изученія кооперації въ безконечно разнообразныхъ формахъ. Въ Россіи кооперація, т. е. артель, выросла естественнымъ образомъ; она унаслѣдована отъ среднихъ

[1]) Годовой расходъ 31 473 производительныхъ и потребительныхъ ассоціацій на среднемъ Рейнѣ былъ показанъ въ 1890 году въ 18.437 500 фунтовъ (около 180.000 000 рублей; изъ нихъ 3.675.000 ф. ст. (около 35.000.000 руб.) были выданы въ теченіе года въ ссуду.

вѣковъ, и въ то время, какъ формально образовавшемуся кооперативному обществу пришлось бы бороться съ кучею законныхъ затрудненій и съ подозрительностью бюрократіи, неоформленный видъ кооперація—артель—представляетъ самую сущность русской крестьянской жизни. Исторія „созиданія Россіи“ и колонизація Сибири представляются въ дѣйствительности исторіею охотничьихъ и промышленныхъ артелей, вслѣдъ за которыми потянулись деревенскія общины. Теперь мы находимъ артель повсюду: въ каждой группѣ крестьянъ, отправляющихся изъ одной и той же деревни на заработки на фабрику, во всѣхъ строительныхъ ремеслахъ, среди рыбаковъ и охотниковъ, среди арестантовъ на пути въ Сибирь и обратно, среди желѣзнодорожныхъ носильщиковъ, биржевыхъ артельщиковъ, таможенныхъ рабочихъ, въ многихъ изъ кустарныхъ производствъ (дающихъ занятіе 7.000.000 людей), и т. д. Словомъ, сверху до низу, во всемъ рабочемъ мірѣ, мы находимъ артели: постоянныя и временныя, для производства и потребленія во всевозможныхъ видахъ. Вплоть до настоящаго времени рыболовные участки на рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море, арендуются громадными артелями; рѣка Уралъ принадлежитъ всему уральскому казачьему войску, которое дѣлитъ и передѣляетъ свои рыболовные участки—едва-ли не самые богатые въ мірѣ—между казачьими деревнями, безъ всякаго вмѣшательства со стороны властей. На Уралѣ, на Волгѣ и на всѣхъ озерахъ сѣверной Россіи рыбная ловля всегда производится артелями. Но помимо этихъ постоянныхъ организацій имѣется также безчисленное множество временныхъ артелей, составляющихся для всевозможныхъ спеціальныхъ цѣлей. Когда 10—20 человѣкъ крестьянъ изъ одной мѣстности отправляются въ большой городъ на заработки, въ качествѣ-ли ткачей, плотниковъ, каменщиковъ, судовщиковъ и т. д., они всегда составляютъ артель. Они сообща нанимаютъ помѣщеніе и стряпку (очень часто жена одного изъ нихъ занимается стряпней), выбираютъ старосту и питаются сообща, при чемъ каждый платитъ артели за помѣщеніе и пищу. Партія арестантовъ на пути въ Сибирь всегда поступаетъ такимъ же образомъ, и выбранный ею староста является оффиціально-признаннымъ посредникомъ между арестантами и начальникомъ военнаго конвоя, сопровождающаго партію. Въ каторжныхъ тюрьмахъ арестанты имѣютъ такую же организацію. Желѣзнодорожные носильщики, посыльные на биржѣ, таможенные артельщики и городскіе посыльные, связанные круговой порукой, пользуются такою репутаціею, что купцы довѣряютъ члену артели посыльныхъ любую сумму денегъ. Въ строительномъ дѣлѣ образуются артели, насчитывающія иногда десятокъ, а иногда и до двухсотъ членовъ, при чемъ крупные подрядчики по постройкѣ домовъ и желѣзныхъ дорогъ всегда предпочитаютъ имѣть дѣло съ артелью, чѣмъ съ отдѣльно нанятыми рабочими. Недавнія попытки военнаго министерства имѣть дѣло непосредственно съ производительными артелями, образовавшимися ради спеціальныхъ производствъ среди кустарей, и давать имъ заказы на сапоги и всякаго рода мѣдныя и желѣзныя издѣлія для обмундировки солдатъ, судя по отчетамъ, дали вполнѣ удовлетворительные результаты, а отдача одного казеннаго завода (Воткинскаго) въ аренду

ртели рабочихъ сопровождалась одно время положительнымъ успѣхомъ.

Мы можемъ, такимъ образомъ, видѣть въ Россіи, какъ древнія средневѣковыя институціи, избѣжавшія вмѣшательства государства (въ ихъ неоформленныхъ проявленіяхъ), цѣликомъ дожили вплоть до настоящаго времени и приняли самыя разнообразныя формы, въ соотвѣтствіи съ требованіями современной промышленности и торговли. Что же касается до Балканскаго полуострова, Турецкой имперіи и Кавказа, то старыя гильдіи удержались здѣсь въ полной силѣ. Сербскіе „еснафы“ сохранили вполнѣ средневѣковый характеръ: въ ихъ составъ входятъ какъ мастера, такъ и поденные рабочіе, они регулируютъ промыслы и являются институціями взаимной поддержки, какъ въ области труда, такъ и на случай болѣзни [1]); въ то же время, грузинскіе „амкари“ Кавказа и въ особенности Тифлиса, помимо выполненія вышеуказанныхъ функцій, оказываютъ значительное вліяніе на городскую жизнь [2]).

Въ связи съ кооперацією мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы также упомянуть о дружескихъ обществахъ взаимной поддержки (friendly societies), о союзахъ „чудаковъ“ (odd-fellows), о деревенскихъ и городскихъ клубахъ для оплаты медицинской помощи, о клубахъ для похоронъ, или для пріобрѣтенія одежды, о маленькихъ клубахъ, часто устраиваемыхъ среди фабричныхъ дѣвушекъ, вносящихъ еженедѣльно по нѣсколько пенсовъ и затѣмъ разыгрывающихъ между собою сумму въ двадцать шиллинговъ (10 руб.), которая даетъ возможность сдѣлать какую-нибудь болѣе или менѣе существенную покупку, и о многихъ другихъ обществахъ подобнаго рода. Во всѣхъ такихъ обществахъ и клубахъ можно наблюдать не малый запасъ общительности и веселости, даже въ тѣхъ случаяхъ когда за „кредитомъ и дебетомъ“ каждаго члена тщательно наблюдаютъ. Но помимо этихъ учрежденій, имѣется столько ассоціацій, основанныхъ на готовности жертвовать, если понадобится, временемъ, здоровьемъ и жизнью, что мы можемъ изъ ихъ дѣятельности почерпнуть примѣры наилучшихъ формъ взаимной поддержки.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть здѣсь объ обществѣ спасенія на водахъ въ Англіи и о подобныхъ же учрежденіяхъ на континентѣ. Англійское общество имѣетъ свыше 300 спасательныхъ лодокъ на побережьяхъ Англіи, и оно имѣло бы ихъ вдвое больше, если бы не бѣдность рыбаковъ, которые сами не могутъ покупать ихъ. Экипажъ этихъ лодокъ всегда составляется изъ добровольцевъ, готовность которыхъ жертвовать жизнью для спасенія совершенно неизвѣстныхъ имъ людей подвергается каждый годъ суровому испытанію, и каждую зиму нѣсколько храбрѣйшихъ изъ нихъ дѣйствительно погибаютъ въ волнахъ. И если вы спросите этихъ людей, — что заставляетъ ихъ рисковать жизнью, иногда даже при такихъ условіяхъ, когда нѣтъ, повидимому, никакихъ шансовъ на успѣхъ, они, вѣроятно, отвѣ-

[1]) «British Consular Report», апрѣль 1889.

[2]) Капитальное изслѣдованіе по этому вопросу было напечатано г. Елизаровымъ въ „Запискахъ Кавказскаго Географ. Общества“, т. VI, 2, Тифлисъ 1891.

тятъ вамъ разсказомъ въ родѣ слѣдующаго: „Надъ Ла-Маншемъ пронеслась страшная снѣжная буря; она бушевала на плоскихъ песчаныхъ берегахъ въ Кентѣ, гдѣ расположена была крохотная деревушка, и на пескѣ возлѣ деревушки море выбросило маленькое одномачтовое судно, нагруженное апельсинами. Въ такихъ мелкихъ водахъ держать только плоскодонную спасательную лодку упрощеннаго типа, и пуститься на ней въ такую бурю значило итти на вѣрную гибель,—и однако люди рѣшились и пошли. Цѣлые часы боролись они противъ бурана; два раза лодка опрокинулась. Одинъ изъ ея гребцовъ утонулъ, остальные были выброшены на берегъ. Одного изъ послѣднихъ.—интеллигентнаго таможеннаго стражника,—нашли на слѣдующее утро, сильно ушибленнаго, полузамерзшаго въ снѣгу. Я спросилъ его,—какъ они рѣшились на такую отчаянную попытку?—„Я и самъ не знаю“—отвѣчалъ онъ:—„вонъ тамъ, въ морѣ, гибли люди, вся деревня стояла на берегу, и всѣ говорили, что пуститься въ море было бы безумiемъ, что мы никогда не справимся съ прибоемъ. Мы видѣли что ихъ было на суднѣ пять или шесть человѣкъ, уцѣпившихся за мачту и подававшихъ отчаянные сигналы. Всѣ чувствовали, что надо что-нибудь предпринять, но что могли мы сдѣлать? Прошелъ часъ, другой, а мы все стояли на берегу; всѣмъ очень тяжело было на душѣ. Потомъ вдругъ намъ послышалось, что сквозь завыванія бури доносились ихъ вопли... съ ними былъ мальчикъ... Мы больше не могли вынести напряженія; всѣ сразу сказали: „надо выходить!“ Женщины говорили то же: онѣ смотрѣли бы на насъ, какъ на трусовъ, если бы мы остались,—хотя на слѣдующій день онѣ же называли насъ дураками за нашу попытку. Какъ одинъ человѣкъ, мы всѣ бросились къ спасательной лодкѣ и отправились. Лодку опрокинуло, но намъ удалось снова поставить ее. Хуже всего было, когда несчастный X тонулъ, уцѣпившись за веревку отъ лодки, и мы никакъ не могли ему помочь. Затѣмъ насъ захлестнуло огромной волной, лодку опять опрокинуло, и насъ выбросило всѣхъ на берегъ. Люди съ тонувшаго судна были спасены лодкою изъ Донгенэса, а нашу лодку перехватили за много миль къ западу. Меня нашли на утро въ снѣгу“

То же чувство двигало и рудокоповъ долины Ронды, когда они спасали своихъ товарищей изъ шахты, подвергнувшейся наводненію. Имъ пришлось пробиваться чрезъ каменноугольный пласть, толщиною въ 96 футовъ, чтобы добраться до заживопогребенныхъ товарищей. Но когда уже оставалось пробить всего девять футовъ, ихъ охватилъ рудничный газъ. Лампы погасли, и рудокопамъ пришлось отступить. Работать при такихъ условіяхъ—значило подвергаться риску каждую секунду быть взорваннымъ и окончательно погубить тѣхъ. Но постукиванія погребенныхъ людей все еще слышались; эти люди были живы и взывали о помощи, и нѣсколько рудокоповъ добровольно вызвались спасать товарищей, рискуя жизнью. Когда они спускались въ шахту, жены сопровождали ихъ безмолвными слезами—но ни одна не произнесла ни слова, чтобы остановить ихъ.

Такова сущность человѣческой психологіи. Пока людей не не опьянены до безумія битвой, они „не могутъ слышать“ призывовъ о помощи, не отвѣчая на нихъ. Сначала сражется чье-

либо личное геройство, а вслѣдъ за героемъ всѣ чувствуютъ, что они должны послѣдовать его примѣру. Софизмы ума не могутъ противостоять чувству взаимной помощи, ибо чувство это воспитывалось въ продолженіе многихъ тысячъ лѣтъ человѣческой общественной жизни и сотенъ тысячъ лѣтъ до-человѣческой жизни въ сообществахъ животныхъ.

Однако, насъ спросятъ можетъ быть: „Но какъ же могли потонуть недавно люди въ Серпентайнѣ, въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ, въ присутствіи толпы зрителей, изъ которыхъ никто не бросился имъ на помощь?“ Или-же: „Какъ могъ быть оставленъ безъ помощи ребенокъ, упавшій въ воду въ Риджентсъ-Паркѣ, тоже въ присутствіи многолюдной праздничной толпы, и былъ спасенъ лишь благодаря присутствію духа одной молодой дѣвушки, прислуги сосѣдняго дома, пославшей за нимъ въ воду пьюфаундлэндскаго водолаза?“ На эти вопросы отвѣтъ простой. Человѣкъ является результатомъ не только унаслѣдованныхъ имъ инстинктовъ, но и воспитанія. У рудокоповъ и моряковъ, благодаря ихъ общимъ занятіямъ и ежедневному соприкосновенію другъ съ другомъ, создается чувство солидарности, а окружающія ихъ опасности воспитываютъ храбрость и смѣлую находчивость. Въ городахъ же, напротивъ, отсутствіе общихъ интересовъ воспитываетъ безучастность, а храбрость и находчивость, рѣдко находящія примѣненіе, исчезаютъ, или принимаютъ иное направленіе. Кромѣ того, традиціи геройскихъ подвиговъ въ шахтахъ и на морѣ живутъ въ деревушкахъ рудокоповъ и рыбаковъ, окруженныя поэтическимъ ореоломъ. Но какія же традиціи могутъ быть у пестрой лондонской толпы? Всякую традицію, являющуюся у нея общимъ достояніемъ, пришлось создавать литературою, или словомъ; но литературы, соотвѣтствующей деревенскому эпосу, почти не существуетъ. Духовенство же, въ своихъ проповѣдяхъ, такъ старается доказать грѣховность человѣческой природы и сверхъестественное происхожденіе всего хорошаго въ человѣкѣ, что оно въ большинствѣ случаевъ проходитъ молчаніемъ тѣ факты, которыхъ нельзя выставить въ качествѣ примѣровъ вдохновенія, или благодати, ниспосланныхъ свыше. Что же касается до „свѣтскихъ“ писателей, то ихъ вниманіе, главнымъ образомъ, направлено лишь на одинъ видъ героизма, а именно—героизма, выдвигающаго идею государства. Поэтому они впадаютъ въ восхищеніе предъ римскимъ героемъ, или предъ солдатомъ въ битвѣ, и проходятъ мимо героизма рыбака, почти не обращая на него никакого вниманія. Поэтъ и живописецъ бываютъ, правда, поражены красотою человѣческаго сердца, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ знакомы они съ жизнью бѣднѣйшихъ классовъ; и если они могутъ еще воспѣвать или изображать въ условной обстановкѣ римскаго, или военнаго героя, они оказываются безпомощными, когда пытаются изобразить героя, дѣйствующаго въ той скромной обстановкѣ народной жизни, которая имъ чужда. Немудрено, поэтому, если большинство подобныхъ попытокъ неизмѣнно отличается напыщенностью и риторичностью [1]).

---

[1]) Побѣгъ изъ французской тюрьмы чрезвычайно затруднителенъ; но несмотря на это, въ 1884 или въ 1885 году одному арестанту удалось убѣжать

Безчисленное количество обществъ, клубовъ и союзовъ для развлеченій, для научныхъ работъ и изслѣдованій, для образовательныхъ цѣлей и т. п., распространившихся за послѣднее время въ такомъ количествѣ, что потребовались бы многіе годы для простой ихъ регистраціи, представляютъ другое проявленіе той же вѣчно-дѣйствующей силы, призывающей людей къ объединенію и взаимной поддержкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ, подобно обществамъ молодыхъ выводковъ птицъ различныхъ видовъ, собирающихся осенью, преслѣдуютъ единственную цѣль— совмѣстное наслажденіе жизнью. Чуть ли не каждая деревня въ Англіи, Швейцаріи, Германіи и т. д. имѣетъ свои общества для игры въ крикетъ, футболъ (ножной мячъ) теннисъ или кегли, или же голубиные, музыкальные, и пѣвческіе клубы. Затѣмъ есть общества, отличающіяся особенной многочисленностью членовъ, какъ, напримѣръ, общество велосипедистовъ, которое въ послѣднее время развилось въ необычайно широкихъ размѣрахъ. Хотя у членовъ этого союза нѣтъ ничего общаго, кромѣ ихъ любви къ ѣздѣ на велосипедѣ, тѣмъ не менѣе среди нихъ успѣло образоваться своего рода франкмасонство въ цѣляхъ взаимной помощи, особенно въ захолустныхъ мѣстностяхъ, еще свободныхъ отъ наплыва велосипедистовъ; на Союзный Клубъ Велосипедистовъ въ какой-нибудь деревушкѣ члены союза смотрятъ, до извѣстной степени, какъ на собственный домъ, и въ лагерѣ велосипедистовъ, собираемомъ каждый годъ въ Англіи, нерѣдко устанавливаются дружескія крѣпкія отношенія Kegelbrüder, т.-е. кегельныя общества въ Германіи, представляютъ такую же ассоціацію; точно также и гимнастическія общества (насчитывающія до 300.000 членовъ въ Германіи), неоформленныя содружества гребцовъ на французскихъ рѣкахъ, яхтъ-клубы и т. п. Подобныя ассоціаціи, конечно, не измѣняютъ экономической структуры общества, но онѣ, въ особенности въ небольшихъ городахъ, помогаютъ сглаживанію соціальныхъ различій; а такъ какъ всѣ такія

изъ одной изъ французскихъ центральныхъ тюремъ. Ему даже удалось скрываться въ теченіе цѣлаго дня, несмотря на поднятую тревогу и на устроенную на него облаву. Утромъ слѣдующаго дня онъ скрывался въ канавѣ, по близости одной небольшой деревушки. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ стащить какіе-нибудь съѣстные припасы и одежду, чтобы перемѣнить арестантскій костюмъ. Но въ то время, какъ онъ лежалъ въ канавѣ, въ деревнѣ вспыхнулъ пожаръ. Онъ видѣлъ женщину, выбѣжавшую изъ одного изъ горѣвшихъ домовъ и слышалъ ея отчаянные вопли о помощи ребенку, находившемуся въ верхнемъ этажѣ горѣвшаго дома. Но никто не откликнулся на эти вопли. Тогда бѣжавшій арестантъ выскочилъ изъ своего убѣжища, вскочилъ въ горѣвшій домъ, и, съ опалённымъ лицомъ и горѣвшею на немъ одеждою, вынесъ ребенка изъ огня и передалъ его матери. Конечно, его сейчасъ же арестовалъ деревенскій жандармъ, не преминувшій появиться при этой оказіи и отправившій его обратно въ тюрьму. Объ этомъ фактѣ сообщили во всѣхъ французскихъ газетахъ, но ни одна изъ нихъ не подняла агитаціи объ освобожденіи героя-арестанта. Если бы онъ защитилъ тюремнаго надзирателя отъ нападенія товарища-арестанта, его, конечно, немедленно провозгласили бы героемъ. Но его поступокъ былъ актомъ простого человѣколюбія, онъ не могъ послужить къ прославленію государственнаго идеала; самъ арестантъ не объяснялъ его божественною благодатью, ниспосланною свыше, и этого было достаточно, чтобы объ героѣ забыли. Впрочемъ, можетъ быть, ему прибавили еще полгода или годъ тюрьмы, за „похищеніе казеннаго имущества“, т. е. арестантской одежды, въ которой онъ бѣжалъ.

общества стремятся объединиться въ крупныя національныя и международныя федераціи, то уже этимъ они помогаютъ росту личныхъ дружественныхъ отношеній между всякаго рода людьми, разсѣянными въ различныхъ частяхъ земного шара.

Альпійскіе клубы, Jagdschutzverein въ Германіи, имѣющій свыше 100.000 членовъ,—охотниковъ, образованныхъ лѣсничихъ, зоологовъ и просто любителей природы,—а равнымъ образомъ, Интернаціональное Орнитологическое Общество, членами котораго состоятъ зоологи, животноводы и простые крестьяне въ Германіи, имѣютъ тотъ же самый характеръ. Они успѣли, въ теченіе немногихъ лѣтъ, не только выполнить огромную общеполезную работу, которая подъ силу лишь крупнымъ обществамъ (составленіе географическихъ картъ, устройство спасательныхъ станцій въ горахъ и проведеніе горныхъ дорогъ; изученіе жизни животныхъ, вредныхъ насѣкомыхъ, переселеній птицъ и т. п.), но также они создали новыя связи между людьми. Два альпиниста различныхъ національностей, встрѣтившись въ спасительной хижинѣ, устроенной клубомъ на вершинѣ Кавказскихъ горъ, или же профессоръ и крестьянинъ-орнитологъ, прожившіе подъ одною крышею, не будутъ уже чувствовать, себя совершенно чуждыми другъ другу людьми. А „общество дяди Тоби“ въ Ньюкастлѣ, убѣдившее свыше 300.000 мальчиковъ и дѣвочекъ никогда не разрушать птичьихъ гнѣздъ и быть добрыми ко всѣмъ животнымъ, несомнѣнно сдѣлало гораздо больше развитія гуманитарныхъ чувствъ и вкуса къ изученію естественныхъ наукъ, чѣмъ масса всякаго рода моралистовъ и большинство нашихъ школъ.

Даже въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы не можемъ пройти молчаніемъ тысячи научныхъ, литературныхъ, художественныхъ и образовательныхъ обществъ. Конечно, надо сказать, что до настоящаго времени, научныя корпораціи, находясь подъ контролемъ государства и часто получая отъ него субсидіи, обыкновенно вращались въ очень тѣсномъ кругѣ, и что на ученыя общества карьеристы часто смотрятъ, какъ на средство проникнуть въ ряды оплачиваемыхъ государствомъ ученыхъ, тогда какъ трудность стать членомъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ обществъ, несомнѣнно, ведетъ только къ возбужденію мелочной зависти. Но, при всемъ томъ, несомнѣнно, что подобныя общества сглаживаютъ до извѣстной степени классовыя различія, создающіяся по рожденію или по принадлежности къ тому или другому сословію, а также къ той или другой политической партіи или вѣроисповѣданію. Въ маленькихъ же, глухихъ городахъ, научныя, географическія или музыкальныя общества, особенно тѣ, которыя вызываютъ дѣятельность болѣе или менѣе обширнаго круга любителей, становятся маленькими центрами, своего рода звеномъ, связующимъ маленькій городокъ съ обширнымъ міромъ, а также—мѣстомъ, гдѣ люди, занимающія самыя различныя положенія въ общественной жизни, встрѣчаются на равной ногѣ. Для того, чтобы оцѣнить значеніе подобныхъ центровъ, надо познакомиться съ ними, напримѣръ, въ Сибири.

Наконецъ, одно изъ самыхъ важныхъ проявленій того же духа представляютъ безчисленныя общества, имѣющія цѣлью распространеніе образованія, и которыя только теперь начинаютъ

разрушать монополію церкви и государства въ этой отрасли жизни. О нихъ можно смѣло сказать, что въ самомъ непродолжительномъ времени эти общества пріобрѣтутъ руководящее значеніе въ области народнаго образованія. „Фребелевскимъ союзамъ“ мы уже обязаны системой дѣтскихъ садовъ, а цѣлому ряду оформленныхъ и неоформленныхъ обществъ мы обязаны высокою степенью, какой достигло женское образованіе въ Россіи [1]). Что же касается до различныхъ педагогическихъ обществъ въ Германіи, то, какъ извѣстно, имъ принадлежитъ огромная доля вліянія въ выработкѣ современныхъ методовъ обученія въ народныхъ школахъ. Подобныя ассоціаціи также являются наилучшею поддержкою для учителей. Какимъ несчастнымъ чувствовалъ бы себя безъ ихъ помощи деревенскій учитель, изнемогающій подъ бременемъ плохо оплачиваемаго труда! [2]).

Всѣ эти ассоціаціи, общества, братства, союзы, институты и т. д., которыя можно насчитывать десятками тысячъ въ одной Европѣ, при чемъ каждый изъ нихъ представляетъ собою огромную массу добровольной, безкорыстной, безплатной или очень скудно оплачиваемой работы—развѣ всѣ они не являются проявленіями, въ безконечно-разнообразныхъ формахъ, все той же, вѣчно живущей въ человѣчествѣ, потребности взаимной помощи и поддержки? Въ теченіе почти трехъ столѣтій людямъ препятствовали протянуть руки другъ другу, даже ради литературныхъ, художественныхъ и образовательныхъ цѣлей. Общества могли образовываться лишь съ вѣдома и подъ покровительствомъ государства или церкви, или же должны были существовать въ качествѣ тайныхъ сообществъ, подобныхъ франкмасонамъ; но теперь, когда это сопротивленіе государства надломлено, они возникаютъ повсемѣстно, охватывая самыя разносторонніе вѣтви человѣческой дѣятельности. Они начинаютъ пріобрѣтать международный характеръ, и, несомнѣнно, способствуютъ,—въ такой степени, какую мы еще не вполнѣ оцѣнили,—ломкѣ международныхъ преградъ, воздвигнутыхъ государствами. Несмотря на зависть, воспитываемую коммерческимъ соревнованіемъ между націями, несмотря на ненависть, вызываемую привидѣніями разлагающагося прошлаго, сознаніе международной солидарности растетъ, какъ среди отдѣльныхъ передовыхъ людей, такъ и среди рабочихъ массъ, съ тѣхъ поръ какъ онѣ также завоевали себѣ право международныхъ сношеній; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что

---

[1]) Женскій медицинскій институтъ (давшій Россіи большую часть ея 700 женщинъ-врачей), четыре учрежденія, именуемыхъ высшими женскими курсами, въ которыхъ было около 1000 студентокъ въ 1887 году, когда они были закрыты (открыты снова въ 1895 г.) и высшая коммерческая школа для женщинъ были всецѣло результатомъ работы такихъ частныхъ обществъ. Этимъ же обществамъ мы обязаны высокимъ уровнемъ, котораго достигли женскія гимназіи со времени ихъ открытія въ шестидесятыхъ годахъ. Около ста гимназій, разсѣянныхъ по всей Имперіи и насчитывающихъ около 70.000 ученицъ, соотвѣтствуютъ высшимъ школамъ для дѣвушекъ въ Англіи, съ тою лишь разницей, что всѣ учителя въ русскихъ гимназіяхъ должны обладать университетскимъ образованіемъ.

[2]) Германскій Союзъ для распространенія полезныхъ знаній (Verein für Verbteitung gemeinnützhlicher Kenntnisse), хотя и насчитываетъ всего лишь 5500 членовъ, но уже теперь (1895 г.) открылъ болѣе 1.000 публичныхъ и школьныхъ библіотекъ, организовалъ тысячи лекцій и издалъ массу полезныхъ книгъ

этотъ духъ растущей солидарности уже оказалъ нѣкоторое вліяніе на предотвращеніе войны между европейскими государствами въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Благотворительныя общества, которыя въ свою очередь представляютъ цѣлый своеобразный міръ, необходимо должны быть также упомянуты здѣсь. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что громаднымъ большинствомъ членовъ этихъ обществъ движутъ тѣ же чувства взаимной помощи, которыя присущи всѣму человѣчеству. Къ сожалѣнію, религіозные учителя людей предпочитаютъ приписывать подобнымъ чувствамъ сверхъестественное происхожденіе. Многіе изъ нихъ пытаются утверждать, что человѣкъ не можетъ сознательно вдохновляться идеями взаимной помощи, пока онъ не будетъ просвѣщенъ ученіями той или спеціальной религіи, представителями которой они состоятъ, — и вмѣстѣ со св. Августиномъ, большинство изъ нихъ не признаетъ существованія подобныхъ чувствъ у „язычниковъ дикарей". Кромѣ того, въ то время какъ первобытное христіанство, подобно всѣмъ другимъ зарождавшимся религіямъ, было призывомъ къ широкочеловѣчнымъ чувствамъ взаимной помощи и симпатіи, христіанская Церковь усердно помогала Государству разрушать всѣ существовавшія до нея или развившіяся внѣ ея институціи взаимной помощи и поддержки: и взамѣнъ взаимной помощи, которую каждый дикарь разсматриваетъ, какъ выполненіе долга къ своимъ сородичамъ, христіанская Церковь стала проповѣдывать милосердіе, составляющее, по ея ученію, добродѣтель, вдохновляемую свыше, которая, въ силу этого, придаетъ извѣстнаго рода превосходство дающему надъ получающимъ. Съ этимъ ограниченіемъ и безъ всякаго намѣренія оскорблять тѣхъ, кто причисляетъ себя къ избраннымъ, въ то время какъ выполняетъ акты простой человѣчности, мы, конечно, можемъ разсматривать громаднѣйшее количество религіозныхъ благотворительныхъ обществъ, разбросанныхъ повсюду какъ проявленіе того же глубокаго стремленія человѣка къ взаимной помощи.

Всѣ эти факты показываютъ, что безразсудное преслѣдованіе личныхъ интересовъ, съ полнымъ забвеніемъ нуждъ другихъ людей, вовсе не представляетъ единственной характерной черты современной жизни. На ряду съ этимъ эгоистическимъ теченіемъ, которое горделиво требуетъ признанія за собой руководящей роли въ человѣческихъ дѣлахъ, мы замѣчаемъ упорную борьбу, которую ведетъ сельское и рабочее населеніе съ цѣлью снова ввести постоянныя институціи взаимной помощи и поддержки, и мы открываемъ во всѣхъ классахъ общества широко-распространенное движеніе, стремящееся къ установленію безконечно-разнообразныхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ, институцій для той же самой цѣли. Но когда отъ общественной жизни мы переходимъ къ частной жизни современнаго человѣка, мы открываемъ еще одинъ, чрезвычайно широкій, міръ взаимной помощи и поддержки, мимо котораго большинство соціологовъ проходитъ, не замѣчая его—вѣроятно потому, что онъ ограниченъ тѣснымъ кругомъ семьи и личной дружбы [1]).

[1]) Очень немногіе соціологи обратили вниманіе на это явленіе. Одинъ изъ нихъ является Dr. Ihering и его работа очень поучительна. Когда этотъ

При современной системѣ общественной жизни, всѣ узы единенія между обитателями одной и той же улицы или сосѣдства исчезли. Въ богатыхъ кварталахъ большихъ городовъ люди живутъ рядомъ, даже не зная, кто ихъ сосѣди. Но въ тѣснонаселенныхъ улицахъ и переулкахъ всѣ прекрасно знаютъ другъ друга и находятся въ постоянномъ соприкосновеніи. Конечно, въ переулкахъ, какъ и вездѣ, дѣло не обходится безъ мелочныхъ ссоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вырастаютъ и группировки, соотвѣтственно личнымъ склонностямъ, и въ предѣлахъ этихъ группировокъ практикуется взаимная помощь въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ болѣе богатые классы не имѣютъ и представленія. Если, напримѣръ, мы присмотримся къ дѣтямъ бѣднаго квартала—играющимъ на лужайкѣ, на улицѣ, или на кладбищѣ (въ Лондонѣ это видно нерѣдко), мы тотчасъ замѣтимъ, что между ними существуетъ тѣсный союзъ, несмотря на случающіяся драки, при чемъ этотъ союзъ предохраняетъ дѣтей отъ множества всякихъ несчастій. Стоитъ какому-нибудь малышу наклониться съ любопытствомъ надъ открытымъ отверстіемъ водосточной трубы,—и сотоварищъ по играмъ уже кричитъ ему: Уходи—тамъ въ дыркѣ сидитъ лихорадка"!—„Не лѣзь черезъ эту стѣну; если упадешь на ту сторону, поѣздъ раздавитъ тебя"!—„Не подходи близко къ канавѣ"!—„Не ѣшь этихъ ягодъ: ядъ,—умрешь". Таковы первые уроки, получаемые малышемъ, когда онъ присоединяется къ сотоварищамъ на улицѣ. Сколько дѣтей, мѣстомъ игръ которыхъ служатъ улицы возлѣ „образцовыхъ рабочихъ жилищъ", или набережныя и мосты каналовъ, погибли бы подъ колесами телѣгъ, или въ мутной водѣ каналовъ, если бы между дѣтьми не существовало этого рода взаимной помощи! А если какой-нибудь мальчуганъ все-таки попадетъ въ неогороженную канаву, или дѣвочка свалится въ каналъ, то уличная орда малышей поднимаетъ такой крикъ, что все сосѣдство сбѣгается на помощь. Все это я говорю по личному наблюденію.

Затѣмъ идетъ союзъ матерей.—„Вы не можете себѣ представить", писала мнѣ недавно одна англійская женщина-врачъ, живущая въ бѣдномъ кварталѣ Лондона,—„какъ много онѣ помогаютъ другъ другу. Если какая-нибудь женщина не пригото-

---

великій нѣмецкій юристъ приступилъ къ своей философской работѣ „Der Zweck im Rechte" („Цѣль въ правѣ"), онъ намѣревался анализировать „активныя силы, вызывающія и поддерживающія прогрессъ общества", и, такимъ образомъ, дать „теорію общительнаго человѣка". Прежде всего онъ анализировалъ вліяніе эгоистическихъ силъ, включая современную систему заработной платы и принужденія, во всемъ разнообразіи нашихъ политическихъ и соціальныхъ законовъ. И, согласно тщательно-разработанному плану своего труда, онъ намѣревался отвести послѣднюю главу этическимъ силамъ—чувству долга и взаимной любви—способствующихъ той же цѣли. Но когда онъ сталъ обсуждать общественныя функціи этихъ двухъ факторовъ, онъ былъ вынужденъ, вмѣсто одной главы, посвятить имъ цѣлый второй томъ, по объему вдвое больше перваго; при этомъ онъ успѣлъ разсмотрѣть только личные факторы, которымъ мы посвящаемъ на слѣдующихъ страницахъ всего нѣсколько строкъ.—L. Dargun положилъ ту же самую идею въ основаніе своей работы. («Egoismus und Altruismus in der Nationalökonomie», Leipzig, 1885 г.), добавивъ нѣсколько новыхъ фактовъ.—Büchner's «Liebe» и нѣкоторыя перефразировки этой книги, появившіяся въ Англіи и Америкѣ, касаются того же самаго предмета.

вила, или не могла приготовить, нужнаго для ожидаемаго ребенка,—а какъ часто это случается же!—то всѣ сосѣдки приносятъ что-нибудь для новорожденнаго. Въ то время одна изъ сосѣдокъ всегда беретъ на себя заботу о дѣтяхъ, а другая о хозяйствѣ, пока роженица остается въ постели". Это—обычное явленіе, о которомъ упоминаютъ всѣ, кому приходилось жить среди бѣдняковъ въ Англіи. Тысячами мелкихъ услугъ матери поддерживаютъ другъ друга и заботятся о чужихъ дѣтяхъ. У дамы, принадлежащей къ богатымъ классамъ, требуется извѣстная выдержка—къ лучшему или къ худшему, пусть сами судятъ,—чтобы пройти на улицѣ мимо дрожащихъ отъ холода и голодныхъ дѣтей, не замѣчая ихъ. Но матери изъ бѣдныхъ классовъ не обладаютъ такой выдержкой. Онѣ не могутъ выносить вида голоднаго ребенка: онѣ д о л ж н ы накормить его; такъ онѣ и дѣлаютъ. „Когда дѣти, идущія въ школу, просятъ хлѣба, они рѣдко или скорѣе никогда не получаютъ отказа",—пишетъ мнѣ одна пріятельница, работавшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Уайтчапелѣ, въ связи съ однимъ рабочимъ клубомъ. Впрочемъ, лучше будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ ея письма:

«Смотрѣть за больнымъ сосѣдомъ или сосѣдкою, безъ цѣли какого бы то ни было вознагражденія—общее правило среди рабочихъ. Равнымъ образомъ, когда женщина, имѣющая маленькихъ дѣтей, уходитъ на работу, за ними всегда присматриваетъ одна изъ сосѣдокъ.

„Если бы рабочіе не помогали другъ другу, они совершенно не могли бы существовать. Я знаю рабочія семьи, которыя постоянно помогаютъ одна другой—деньгами, пищей, топливомъ, уходомъ за маленькими дѣтьми, въ случаяхъ болѣзни и въ случаяхъ смерти въ семьѣ".

„Среди бѣдняковъ „мое" и „твое" гораздо менѣе различается чѣмъ у богатыхъ. Ботинки, платье, шляпы и т. д., словомъ—что понадобится въ данный моментъ—постоянно одолжаются другъ у друга, а равнымъ образомъ всякаго рода принадлежности хозяйства".

„Минувшей зимой (1894 года) члены Объединеннаго Радикальнаго клуба собрали въ своей средѣ небольшую сумму денегъ и начали, послѣ Рождества, снабжать даровымъ супомъ и хлѣбомъ дѣтей, ходящихъ въ школу. Постепенно число дѣтей, которыхъ они кормили, дошло до 1800 человѣкъ. Пожертвованія приходили извнѣ, но вся работа лежала на плечахъ членовъ клуба. Нѣкоторые изъ нихъ,—тѣ, кто въ то время былъ безъ работы,—приходили въ четыре часа утра, чтобы мыть и чистить овощи; пять женщинъ приходили въ 9 или 10 часовъ утра (покончивъ съ своей работой по хозяйству), чтобы присмотрѣть за варкой пищи, и онѣ оставались до шести или семи часовъ вечера, чтобы перемыть посуду. Въ обѣденное время, между двѣнадцатью и половиной перваго, приходили 20—30 человѣкъ рабочихъ помогать при раздачѣ супа, для чего имъ приходилось урывать отъ собственнаго обѣденнаго времени. Такая работа продолжалась два мѣсяца и все время выполнялась совершенно безплатно".

Моя пріятельница упоминаетъ также о различныхъ частныхъ случаяхъ, изъ которыхъ я привожу наиболѣе типическіе:

„Дѣвочка, Анюта В., была отдана своею матерью на хлѣба одной старушкѣ въ Уильмотской улицѣ. Когда мать Анюты умерла, старушка, сама жившая въ большой бѣдности, воспитывала ребенка, хотя никто не платилъ ей за это ни копейки. Когда старушка тоже умерла, ребенокъ, которому было тогда пять лѣтъ, остался за время болѣзни пріемной матери безъ всякаго присмотра и ходилъ въ лохмотьяхъ; но его пріютила тогда жена сапожника, у которой и безъ того было уже шесть человѣкъ дѣтей. Позднѣе, когда сапожникъ захворалъ, всѣмъ имъ приходилось голодать".

„На-дняхъ М., мать шести дѣтей, ухаживала за сосѣдкой М-гъ во время ея болѣзни и взяла старшаго ребенка къ себѣ... Но нужны ли вамъ такіе факты? Они составляютъ самое обычное явленіе... Я знакома также съ г-жей Д. (адресъ такой-то), у которой имѣется швейная машина. Она постоянно шьетъ на ней для другихъ, не принимая никакого вознагражденія за работу, хотя ей приходится смотрѣть за пятью дѣтьми и мужемъ.. И т. д.".

Для каждаго, кто имѣетъ хотя бы малѣйшее представленіе о жизни рабочихъ классовъ, само собой очевидно, что если бы въ ихъ средѣ не практиковалась въ широкихъ размѣрахъ взаимная помощь, они ни за что не могли бы справиться съ тѣми затрудненіями, которыми такъ богата ихъ жизнь. Только благодаря сочетанію счастливыхъ случайностей, можетъ рабочая семья прожить жизнь, не пройдя черезъ такія тяжелыя обстоятельства, какъ тѣ, которыя описаны были ленточнымъ ткачемъ Джозефомъ Гётриджемъ въ своей автобіографіи [1]). И если не всѣ рабочіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, опускаются до послѣднихъ ступеней нищеты, они обязаны этимъ именно взаимной помощи, практикующейся между ними. Гётриджу помогла старушка-няня, сама жившая на краю нищенства, какъ разъ въ ту минуту, когда его семья приближалась къ роковой развязкѣ: она достала имъ въ кредитъ хлѣба, угля и другіе предметы первой необходимости. Въ другихъ случаяхъ помогалъ кто-нибудь другой, или же сосѣди складывались, чтобы вырвать семью изъ когтей нищеты. Но если бы бѣдняки не приходили на помощь бѣднякамъ,—въ какой громадной пропорціи увеличилось бы число тѣхъ, кто доходитъ до ужасающей, уже непоправимой, нищеты! [2])

Плимсоль (извѣстный въ Англіи своею кампаніею противъ страховки гнилыхъ, негодныхъ кораблей), прожившій нѣкоторое время среди бѣдноты, тратя на себя только по 7 шил. 6 пенс. (3 р. 50 к.) въ недѣлю, принужденъ былъ признать, что тѣ добрыя чувства къ бѣднымъ, съ которыми онъ началъ этого рода жизнь, „перешли въ чувства сердечнаго уваженія и восхищенія",

[1]) «Light and Shadows in the Life of an Artisan» Coventy, 1893.

[2]) Богатые люди часто не могутъ понять, какимъ образомъ бѣдняки могутъ помогать другъ другу, такъ какъ богатые люди не могутъ себѣ представить, отъ какого ничтожнаго количества пищи или денегъ часто зависитъ самое существованіе бѣдняка. Лордъ Шефтсбюри вполнѣ понималъ эту ужасающую истину, когда основалъ свой «Фондъ цвѣточницъ и продавщицъ кресона» *), изъ котораго выдавались ссуды, размѣромъ въ одинъ и изрѣдка даже въ два фунта стерл. (10 и иногда 20 рублей), чтобы доставить дѣвушкѣ, впавшей въ нищету съ наступленіемъ зимы, возможность купить себѣ корзину и нѣсколько цвѣтовъ, и начать торговлю. Ссуды выдавались дѣвушкамъ, у которыхъ «не было сикспэнса (25 к.) за душой», и тѣмъ не менѣе онѣ всегда находили поручителей за себя среди бѣдняковъ. «Изъ всѣхъ движеній, въ которыхъ мнѣ приходилось принимать участіе», — писалъ лордъ Шефтсбюри, — «я смотрю на это движеніе для оказанія помощи цвѣточницамъ и продавщицамъ кресона, какъ на самое успѣшное... Оно началось въ 1872 году, и мы выдали отъ 800 до 1000 ссудъ, при чемъ все это время не потеряли даже и 50 фунтовъ стерл., потеряли мы сущіе пустяки, да и то по такимъ извинительнымъ причинамъ какъ смерть или болѣзнь, но никогда не вслѣдствіе обмана». («The Life and Work of the Seventh Earl of Shaftesbury», by Edwin Hodder, т. III, стр. 322. London, 1885—86). О нѣкоторыхъ аналогичныхъ фактахъ см. въ Ch. Booth's „Life and Labour in London" т. I; въ Miss Beatrice Potter's „Pages from a Work Girl's Diary", („Nineteenth Century", Сентября 1888, стр. 310); и т. д.

*) Салата.

когда онъ увидалъ, насколько отношенія между бѣдными проникнуты взаимной помощью и поддержкою, и когда онъ изучилъ тѣ простые способы, которыми оказывается этого рода поддержка. Послѣ многолѣтняго опыта онъ пришелъ къ заключенію, что „если хорошенько подумать, то окажется, что подобные люди составляютъ огромное большинство рабочихъ классовъ“ [1]). Что же касается до воспитанія сиротъ, даже самыми бѣдными семьями сосѣдей, то это представляетъ такое широко-распространенное явленіе, что его можно считать общимъ правиломъ: такъ, послѣ взрыва газовъ въ копяхъ Warren Vale и Lund Hill, оказалось, что „почти одна треть убитыхъ рудокоповъ, по изслѣдованіямъ комиссіи, поддерживали, помимо своихъ жены и дѣтей, еще и другихъ бѣдныхъ родственниковъ“. — „Подумали ли вы“, — прибавляетъ къ этому Плимсоль, — „что значитъ этотъ фактъ? Я не сомнѣваюсь, что подобное явленіе не рѣдкость среди богатыхъ, или даже достаточныхъ людей. Но подумайте хорошенько о разницѣ“. И дѣйствительно, стоитъ подумать надъ тѣмъ, что значитъ для рабочаго, зарабатывающаго 16 шиллинговъ (менѣе 8 р.) въ недѣлю и прокармливающаго на эти скудныя средства жену и иногда пять-шесть человѣкъ дѣтей, израсходовать одинъ шиллингъ для помощи вдовѣ товарища, или пожертвовать сикспэнсъ на похороны такого же бѣдняка, какъ онъ самъ [2]). Но подобныя пожертвованія — обычное явленіе среди рабочихъ любой страны, даже въ случаяхъ гораздо болѣе повседневныхъ, чѣмъ смерть, а помощь работою — самое заурядное явленіе въ ихъ жизни.

Та же практика взаимной помощи и поддержки наблюдается, конечно, и среди болѣе богатыхъ классовъ, съ указанною Плимсолемъ „слоеватостью“. Конечно, когда подумаешь о жестокости, которую болѣе богатые работодатели проявляютъ по отношенію къ рабочимъ, то начинаешь чувствовать склонность очень недовѣрчиво относиться къ человѣческой природѣ. Многіе, вѣроятно, еще помнятъ о негодованіи, возбужденномъ хозяевами рудниковъ, во время большой Іоркширской стачки въ 1894 году, когда они стали преслѣдовать судомъ стариковъ-углекоповъ, за собираніе угля въ заброшенной шахтѣ. И, даже оставляя въ сторонѣ острые періоды борьбы и гражданской войны, когда, напримѣръ, тысячи плѣнныхъ рабочихъ были разстрѣляны послѣ паденія парижской Коммуны, — кто можетъ читать безъ содраганія раз-

---

[1]) Samuel Plimsoll, „Our Seamen“, дешевое изданіе. London. 1870, стр. 110.

[2]) Samuel Plimsoll, „Our Seamen“, стр. 110. Къ этому Плимсоль прибавляетъ: „Я не желаю унижать богатыхъ, но думаю, что имѣются достаточныя основанія сомнѣваться въ полномъ развитіи подобныхъ же качествъ у нихъ; ибо хотя немногіе изъ нихъ не знакомы съ требованіями, исходящими, — правильно или неправильно, это другой вопросъ, — отъ бѣдныхъ родственниковъ, но все-таки альтруистическія качества богачей не подвергаются постоянному упражненію. Кажется, что богатство во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ развращающе: симпатіи обладателей богатства не то что суживаются, а пріобрѣтаютъ, такъ сказать, классовую окраску: ложатся слоями. Онѣ сохраняются лишь для страданій ихъ собственнаго класса, а также чтобы скорбѣть о людяхъ занимающихъ высшее положеніе. Богатые рѣдко обращаютъ вниманіе на нижніе слои и скорѣе склонны восхищаться храбрымъ поступкомъ, чѣмъ тѣми повседневными проявленіями мужества и добросердечія, которыми характеризуется жизнь англійскаго рабочаго“, — и рабочихъ всего міра, прибавлю я.

обличенія королевскихъ комиссій о положеніи рабочихъ въ сороковыхъ годахъ, девятнадцатаго вѣка въ Англіи, или же слова лорда Шефтсбюри объ „ужасающемъ расточеніи человѣческой жизни на фабрикахъ, гдѣ работали дѣти, взятыя изъ рабочихъ домовъ, а не то и просто купленныя по всей Англіи, чтобы продавать ихъ потомъ на фабрики“ [1]). Кто можетъ читать все это, не поражаясь низостью, на какую способенъ человѣкъ въ погонѣ за наживой? Но должно сказать, что было бы ошибкой отнести подобнаго рода явленія всецѣло къ преступности человѣческой природы. Развѣ, вплоть до недавняго времени, люди науки и даже значительная часть духовенства не распространяли ученій, внушавшихъ недовѣріе, презрѣніе и почти ненависть къ болѣе бѣднымъ классамъ? Развѣ люди науки не говорили, что со времени уничтоженія крѣпостного права, въ бѣдность могутъ впадать лишь люди порочные? И какъ мало нашлось представителей церкви, которые осмѣлились бы порицать этихъ дѣтоубійцъ, между тѣмъ какъ большинство духовенства учило, что страданія бѣдняковъ и даже рабство негровъ—исполненіе воли Божественнаго Промысла! Развѣ самый расколъ въ Англіи (нонконформизмъ не былъ, въ сущности, народнымъ протестомъ противъ жестокаго отношенія государственной церкви къ бѣднякамъ?

Съ такими духовными вождями, немудрено, что чувства состоятельныхъ классовъ, какъ замѣтилъ м-ръ Плимсоль, не столько должны были притупиться, сколько принять классовую окраску. Богачи рѣдко снисходятъ къ бѣднякамъ, отъ которыхъ они отдѣлены самымъ своимъ образомъ жизни, и которыхъ они совсѣмъ не знаютъ съ лучшей стороны въ ихъ повседневной жизни. Но и среди богачей, оставляя въ сторонѣ скряжничество съ одной стороны и безумные расходы съ другой,—въ кругу семьи и друзей наблюдается та же практика взаимной помощи и поддержки, какъ и среди бѣдняковъ. Іерингъ и Даргунъ были вполнѣ правы, говоря, что если бы сдѣлать статистическій подсчетъ деньгамъ, переходящимъ изъ рукъ въ руки въ формѣ дружескихъ ссудъ и помощи, то общая сумма оказалась бы колоссальною, даже въ сравненіи съ коммерческими оборотами міровой торговли. И если прибавить къ этому,—а прибавить необходимо, расходы на гостепріимство, мелкія взаимныя услуги, оказываемыя другъ другу, помощь при улаживаніи чужихъ дѣлъ, подарки и благотворительность, мы, несомнѣнно, будемъ поражены значеніемъ подобныхъ расходовъ въ сферѣ національной экономіи. Даже въ мірѣ, управляемомъ коммерческимъ эгоизмомъ, имѣется ходячая фраза: „эта фирма отнеслась къ намъ жестоко“, и эта фраза показываетъ, что даже въ коммерческой средѣ имѣется дружеское отношеніе, противопоставляемое жестокому, т. е. отношенію, основанному исключительно на законѣ. Всякій коммерсантъ, конечно, знаетъ, сколько фирмъ ежегодно спасается отъ разоренія, благодаря дружественной поддержкѣ, оказанной имъ другими фирмами.

Что же касается до благотворительности и до массы общеполезной работы, добровольно выполняемой представителями какъ

[1]) „Life of the Seventh Earl of Shaftesbury“ by Edwin Hodder, т. I, стр. 137—138.

зажиточныхъ, такъ и рабочихъ классовъ, и въ особенности представителями различныхъ профессій, то всякій знаетъ, какую роль играютъ эти двѣ категоріи благорасположенія въ современной жизни. Если истинный характеръ этого благорасположенія часто бываетъ загрязненъ стремленіемъ пріобрѣсти извѣстность, политическую власть, или общественное отличіе, то все же несомнѣнно, что въ большинствѣ случаевъ импульсъ исходитъ изъ того же самаго чувства взаимной помощи. Очень часто. люди, пріобрѣтя богатство, не находятъ въ немъ ожидавшагося ими удовлетворенія. Другіе начинаютъ чувствовать, что сколько бы экономисты ни распространялись о томъ, что богатство является наградой способностей, ихъ награда черезъ-чуръ велика. Сознаніе человѣческой солидарности пробуждается въ нихъ; и хотя общественная жизнь устроена такъ, чтобы подавлять это чувство тысячами хитрыхъ способовъ, оно все-таки нерѣдко беретъ верхъ, и тогда люди вышеуказаннаго типа пытаются найти выходъ для этой, заложенной въ глубинѣ человѣческаго сердца, потребности, отдавая свое состояніе, или же свои силы, на что-нибудь такое, что, по ихъ мнѣнію, будетъ содѣйствовать развитію общаго благосостоянія.

Короче говоря, ни сокрушающія силы централизованнаго государства, ни ученія взаимной ненависти и безжалостной борьбы, которыя исходятъ, украшенныя аттрибутами науки, отъ услужливыхъ философовъ и соціологовъ, не могли вырвать съ корнемъ чувства человѣческой солидарности, глубоко коренящагося въ человѣческомъ сознаніи и сердцѣ, такъ какъ чувство это было воспитано всею нашею предыдущею эволюціею. То, что было результатомъ эволюціи, начиная съ ея самыхъ раннихъ стадій, не можетъ быть уничтожено одною изъ преходящихъ фазъ той же самой эволюціи. И потребность во взаимной помощи и поддержкѣ, которая скрылась, было, въ узкомъ кругѣ семьи, среди сосѣдей бѣдныхъ улицъ и переулковъ, въ деревнѣ или въ тайныхъ союзахъ рабочихъ, возрождается снова, даже въ нашемъ современномъ обществѣ, и провозглашаетъ свои права—стать, какъ это всегда было, главнымъ двигателемъ на пути дальнѣйшаго прогресса. Таковы заключенія, къ которымъ мы неизбѣжно приходимъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія каждой группы фактовъ, вкратцѣ перечисленныхъ нами въ послѣднихъ двухъ главахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Если взять теперь то, чему учитъ насъ разсмотрѣніе современнаго общества, въ связи съ фактами, указывающими на значеніе взаимной помощи въ постепенномъ развитіи животнаго міра и человѣчества, мы можемъ вывести изъ нашего изслѣдованія слѣдующія заключенія.

Въ животномъ мірѣ мы убѣдились, что огромнѣйшее большинство видовъ живетъ сообществами, и что въ общительности они находятъ лучшее оружіе для борьбы за существованіе—пони-

мая, конечно, этотъ терминъ въ его широкомъ, Дарвиновскомъ смыслѣ: не какъ борьбу за прямыя средства къ существованію, но какъ борьбу противъ всѣхъ естественныхъ условій, неблагопріятныхъ для вида. Виды животныхъ, у которыхъ индивидуальная борьба доведена до самыхъ узкихъ предѣловъ, а практика взаимной помощи достигла наивысшаго развитія, оказываются неизмѣнно наиболѣе многочисленными, наиболѣе процвѣтающими и наиболѣе приспособленными къ дальнѣйшему прогрессу. Взаимная защита, получающаяся въ такихъ случаяхъ, а вслѣдствіе этого—возможность достиженія преклоннаго возраста и накопленія опыта, высшее умственное развитіе и дальнѣйшій ростъ общежительныхъ навыковъ,—обезпечиваютъ сохраненіе вида, его распространеніе на болѣе широкой площади и дальнѣйшую прогрессивную эволюцію. Напротивъ, необщительные виды, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, осуждены на вырожденіе.

Переходя затѣмъ къ человѣку, мы нашли его живущимъ родами и племенами, уже на самой зарѣ каменнаго вѣка; мы видѣли обширный рядъ общественныхъ учрежденій и привычекъ, развившихся уже на низшей ступени развитія дикарей, въ предѣлахъ рода. И мы нашли, что древнѣйшіе родовые обычаи и навыки дали человѣчеству, въ зародышѣ, всѣ тѣ институціи, которыя позднѣе послужили главнѣйшими импульсами дальнѣйшаго прогресса. Изъ родового быта дикарей выросла варварская деревенская община; и новый, еще болѣе обширный кругъ общительныхъ обычаевъ, навыковъ и институцій, часть которыхъ дожила и до нашего времени, развился подъ сѣнью принциповъ общаго владѣнія данною землею и защиты ея общими силами, и подъ защитою судебныхъ правъ деревенскаго мірского схода и федераціи деревень, принадлежавшихъ, или предполагавшихъ, что онѣ принадлежатъ, къ одному общему племени. И когда новыя потребности побудили людей сдѣлать новый шагъ въ ихъ развитіи, они образовали народоправства вольныхъ городовъ, которые представляли двойную сѣть: земельныхъ единицъ (деревенскихъ общинъ) и гильдій, возникшихъ изъ общихъ занятій даннымъ искусствомъ или ремесломъ, или же для взаимной защиты и поддержки.

Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ были собраны факты, указывающіе, что хотя образованіе государствъ по образцу императорскаго Рима насильственно уничтожило всѣ средневѣковыя учрежденія для взаимной поддержки, эта новая форма цивилизаціи не могла однако долго продержаться въ такомъ видѣ, не уступивши той же живой потребности людей въ прямомъ объединеніи для цѣлей взаимной поддержки. Государство, опирающееся на мало-связанные между собою аггрегаты единичныхъ личностей и взявшее на себя задачу быть ихъ единственнымъ объединяющимъ началомъ, не отвѣтило своей цѣли. Въ концѣ концовъ, стремленіе людей ко взаимной помощи разрушило желѣзные законы государства; оно проявилось снова и утвердилось въ безконечномъ разнообразіи всевозможныхъ сообществъ, которыя и стремятся теперь охватить всѣ проявленія жизни, овладѣть всѣмъ, что потребно для человѣческой жизни и для заполненія тратъ, обусловленныхъ жизнью.

Вѣроятно, намъ замѣтятъ, что взаимная помощь, хотя она и представляетъ одинъ изъ факторовъ эволюціи, все-таки является только однимъ изъ различныхъ видовъ отношеній людей между собою; что рядомъ съ этимъ теченіемъ, какъ бы оно ни было могущественно, существуетъ и всегда существовало другое теченіе—самоутвержденіе индивидуума, не только въ его усиліяхъ достигнуть личнаго или кастоваго превосходства въ экономическомъ, политическомъ или духовномъ отношеніи, но также въ его болѣе важной, хотя и менѣе замѣтной функціи—разрыванія тѣхъ узъ, всегда стремящихся къ окристаллизованію, окаменѣнію, которыя родъ, деревенская община, городъ или государство налагаютъ на личность. Другими словами, въ человѣческомъ обществѣ имѣется также самоутвержденіе индивидуума, разсматриваемое, какъ элементъ прогресса.

Очевидно, что никакой обзоръ эволюціи не можетъ претендовать на полноту, если въ немъ не будутъ разсмотрѣны оба эти господствующія теченія. Но дѣло въ томъ, что самоутвержденіе индивидуума или группъ индивидуумовъ, ихъ борьба за превосходство и проистекавшія изъ нея столкновенія и борьба были уже съ незапамятныхъ временъ разбираемы, описываемы и прославляемы. Дѣйствительно, вплоть до настоящаго времени одно это теченіе и пользовалось вниманіемъ эпическихъ поэтовъ, историковъ, лѣтописцевъ и соціологовъ. Исторія, какъ ее до сихъ поръ писали, почти всецѣло является описаніемъ тѣхъ путей и средствъ, при помощи которыхъ церковная власть, военная власть, политическое единодержавіе, а позднѣе богатые классы,—устанавливали и удерживали свое правленіе. Борьба между этими силами и составляетъ, въ дѣйствительности, сущность исторіи. Мы можемъ, поэтому, считать, что значеніе индивидуальнаго фактора въ исторіи человѣчества вполнѣ извѣстно, хотя и въ этой области остается еще не мало поработать въ только-что указанномъ направленіи. Между тѣмъ, факторъ взаимной помощи до сихъ поръ оставался совершенно забытымъ; писатели настоящаго и прошлыхъ поколѣній просто отрицали его, или подсмѣивались надъ нимъ. Вслѣдствіе этого, необходимо было, прежде всего, установить ту огромную роль, которую этотъ факторъ играетъ въ эволюціи, какъ животнаго міра, такъ и человѣческихъ обществъ. Лишь послѣ того, какъ это его значеніе будетъ вполнѣ признано, возможно будетъ начать сравненіе обоихъ факторовъ: общественнаго и индивидуальнаго.

Произвести, болѣе или менѣе статистическимъ методомъ, хотя бы грубую оцѣнку ихъ относительнаго значенія, очевидно, невозможно. Одна какая-нибудь война—какъ всѣ мы знаемъ—можетъ, непосредственно или своими послѣдствіями, принести больше зла, чѣмъ сотни лѣтъ безпрепятственнаго воздѣйствія принципа взаимной помощи могутъ произвести добра. Но когда мы видимъ, что въ животномъ мірѣ прогрессивное развитіе и взаимная помощь идутъ рука-объ-руку, а внутренняя борьба въ предѣлахъ вида, напротивъ того, сопровождается ретрогрессивнымъ развитіемъ; когда мы замѣчаемъ, что у человѣка, даже успѣхъ въ борьбѣ и въ войнѣ пропорціоналенъ развитію взаимной помощи въ каждой изъ двухъ борющихся сторонъ, будутъ ли

те націи, города, племена или только партіи, и что въ процессѣ эволюціи сама война (поскольку она можетъ содѣйствовать въ этомъ направленіи) подчиняется конечнымъ цѣлямъ прогресса взаимной помощи въ предѣлахъ націи, города или племени,—сдѣлавши эти наблюденія, мы уже получаемъ представленіе о преобладающемъ вліяніи фактора взаимной помощи, какъ элемента прогресса.

Но мы видимъ также, что практика взаимной помощи и ея послѣдовательное развитіе создали самыя условія общественной жизни, благодаря которымъ человѣкъ смогъ развить свои ремесла и искусства, свою науку и свой разумъ; и мы видимъ, что періоды, когда институціи, имѣвшія цѣлью взаимную помощь, достигали своего высшаго развитія, были также періодами величайшаго прогресса въ области искусствъ, промышленности и науки. Дѣйствительно, изученіе внутренней жизни средневѣковыхъ городовъ и городовъ древней Греціи обнаруживаетъ тотъ фактъ, что сочетаніе взаимной помощи, какъ она практиковалась въ предѣлахъ гильдіи, съ общинной или греческимъ родомъ,—при широкой инціативѣ, предоставленной индивидууму и группѣ въ силу примѣненія федеративнаго начала,—дало человѣчеству два величайшихъ періода его исторіи—періодъ городовъ древней Греціи и періодъ средневѣковыхъ городовъ, тогда какъ разрушеніе институцій взаимной помощи, совершавшееся въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ государственныхъ періодовъ исторіи, соотвѣтствуетъ въ обоихъ случаяхъ періодамъ быстраго упадка.

Что же касается до внезапнаго промышленнаго прогресса, который совершился въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и который обыкновенно приписывается торжеству принциповъ индивидуализма и конкуренціи, этотъ прогрессъ, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣетъ несравненно болѣе глубокое происхожденіе. Послѣ того, какъ были сдѣланы великія открытія пятнадцатаго вѣка, въ особенности открытіе давленія атмосферы, поддержанное цѣлымъ рядомъ другихъ успѣховъ въ области физики—а эти открытія были сдѣланы въ средневѣковыхъ городахъ—послѣ этихъ открытій, изобрѣтеніе парового двигателя, и вся та промышленная революція, которая была вызвана примѣненіемъ новой силы—пара, были необходимымъ послѣдствіемъ. Если бы средневѣковые города дожили до развитія начатыхъ ими открытій,—т. е. до практическаго примѣненія новаго двигателя,—то этическія послѣдствія революціи, вызванной примѣненіемъ пара, могли бы носить иной характеръ; но та же самая революція въ области техники производствъ и науки и тогда была бы неизбѣжна. Остается, однако, открытымъ вопросъ, не было ли замедлено появленіе паровой машины, а также послѣдовавшій затѣмъ переворотъ въ области искусствъ, тѣмъ общимъ упадкомъ ремеслъ, который послѣдовалъ за разрушеніемъ свободныхъ городовъ и былъ особенно замѣтенъ въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка. Разсматривая поразительную быстроту промышленнаго прогресса въ періодъ съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго столѣтія,—въ ткацкомъ дѣлѣ, въ обработкѣ металловъ, въ архитектурѣ, въ мореплаваніи,—и размышляя надъ научными открытіями, къ которымъ этотъ промышленный прогрессъ привелъ въ концѣ пятнадцатаго вѣка,—

мы въ правѣ задаться вопросомъ: не запоздало ли человѣчество въ использованіи всѣхъ этихъ научныхъ завоеваній, когда въ Европѣ начался общій упадокъ въ области искусствъ и промышленности, вслѣдъ за паденіемъ средневѣковой цивилизаціи? Конечно, исчезновеніе артистовъ-ремесленниковъ, какихъ произвела Флоренція, Нюренберъ и т. д., упадокъ крупныхъ городовъ и прекращеніе сношеній между ними не могли благопріятствовать промышленной революціи, и намъ извѣстно, напримѣръ, что Джемсъ Уаттъ, изобрѣтатель современной паровой машины, потратилъ около двадцати лѣтъ своей жизни, чтобы сдѣлать свое изобрѣтеніе практически-полезнымъ, такъ какъ онъ не могъ найти въ восемнадцатомъ вѣкѣ такихъ помощниковъ, какихъ онъ съ легкостью бы нашелъ въ средневѣковой Флоренціи, Нюренбергѣ, или Брюгге, т. е. ремесленниковъ, способныхъ воплотить его изобрѣтенія въ металлѣ и придать имъ ту артистическую законченность и точность, которыя необходимы для паровой машины.

Такимъ образомъ, приписывать промышленный прогрессъ девятнадцатаго вѣка войнѣ каждаго противъ всѣхъ,—значитъ разсуждать подобно тому, кто, не зная истинныхъ причинъ дождя, приписываетъ его жертвѣ, принесенной человѣкомъ глиняному идолу. Для промышленнаго прогресса, какъ и для всякаго иного завоеванія въ области природы взаимная помощь и тѣсныя сношенія несомнѣнно являются и являлись болѣе выгодными, чѣмъ взаимная борьба.

Великое значеніе начала взаимной помощи выясняется, однако, въ особенности въ области этики, или ученія о нравственности. Что взаимная помощь лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ этическихъ понятій, достаточно очевидно. Но какихъ бы мнѣній мы не держались относительно первоначальнаго происхожденія чувства или инстинкта взаимной помощи—будемъ ли мы приписывать его біологическимъ или сверхъестественнымъ причинамъ—мы должны признать, что прослѣдить его существованіе возможно уже на низшихъ ступеняхъ животнаго міра, а отъ этихъ стадій мы можемъ прослѣдить непрерывную его эволюцію черезъ всѣ классы животнаго міра и, несмотря на значительное количество противодѣйствующихъ ему вліяній, черезъ всѣ ступени человѣческаго развитія, вплоть до настоящаго времени. Даже новыя религіи, рождающіяся отъ времени до времени—всегда въ эпохи, когда принципъ взаимопомощи приходилъ въ упадокъ, въ теократіяхъ и деспотическихъ государствахъ Востока, или при паденіи Римской имперіи—даже новыя религіи всегда являлись только подтвержденіемъ того же самаго начала. Онѣ находили своихъ первыхъ послѣдователей среди смиренныхъ, низшихъ, попираемыхъ слоевъ общества, гдѣ принципъ взаимной помощи является необходимымъ основаніемъ всей повседневной жизни; и новыя формы единенія, которыя были введены въ древнѣйшихъ буддистскихъ и христіанскихъ общинахъ, въ общинахъ моравскихъ братьевъ и т. д., приняли характеръ возврата къ лучшимъ видамъ взаимной помощи, практиковавшимся въ древнемъ родовомъ періодѣ.

Каждый разъ, однако, когда дѣлалась попытка возвратиться къ этому старому принципу, его основная идея расширялась.

Отъ рода она распространилась на племя, отъ федераціи племенъ она расширилась до націи, и, наконецъ,—по крайней мѣрѣ, въ идеалѣ—до всего человѣчества. Въ то же самое время она постепенно принимала болѣе возвышенный характеръ. Въ первобытномъ христіанствѣ, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ мусульманскихъ вѣроучителей, въ раннихъ движеніяхъ реформаціоннаго періода, и въ особенности въ этическихъ и философскихъ движеніяхъ восемнадцатаго вѣка и нашего времени, все болѣе и болѣе настойчиво отметается идея мести или „достодолжнаго воздаянія"—добромъ за добро и зломъ за зло. Высшее пониманіе: „никакого мщенія за обиду" и принципъ: „Давай ближнему не считая—больше, чѣмъ ожидаешь отъ него получить", провозглашаются какъ дѣйствительные принципы нравственности, какъ принципы, стоящіе выше простой „равноцѣнности", безпристрастія и холодной справедливости, какъ принципы, скорѣе и вѣрнѣе ведущіе къ счастью. И человѣка призываютъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ не только любовью, которая всегда имѣетъ личный, или въ лучшихъ случаяхъ, родовой характеръ,—но понятіемъ о своемъ единствѣ со всякимъ человѣческимъ существомъ.

Въ практикѣ взаимной помощи, которую мы можемъ прослѣдить до самыхъ древнѣйшихъ зачатковъ эволюціи, мы, такимъ образомъ, находимъ положительное и несомнѣнное происхожденіе нашихъ этическихъ представленій, и мы можемъ утверждать, что главную роль въ этическомъ прогрессѣ человѣка играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. Въ широкомъ распространеніи принципа взаимной помощи, даже и въ настоящее время, мы также видимъ лучшій задатокъ еще болѣе возвышенной дальнѣйшей эволюціи человѣческаго рода.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 3

Глава I.—Взаимная помощь среди животныхъ. 12
Борьба за существованіе.—Взаимная помощь — законъ природы и главное условіе прогрессивнаго развитія.—Безпозвоночныя животныя.—Муравьи и пчелы.—Птицы: ихъ союзы для охоты и рыбной ловли.—Ихъ общительность.—Взаимная охрана у мелкихъ птицъ.—Журавли; попуган.

Глава II.—Взаимная помощь у животныхъ. *(Продолженіе).* . 33
Перелётъ птицъ.—Сообщества для гнѣзднванія.—Осеннія сообщества. — Млекопитающія: малое число видовъ необщительныхъ. — Охотничьи сообщества волковъ и т. д. — Сообщества грызуновъ, обезьянъ.—Взаимная помощь въ борьбѣ за жизнь.— Аргументація Дарвина для доказательства борьбы за жизнь въ предѣлахъ вида.— Естественныя препятствія чрезмѣрному размноженію. —Предполагаемое уничтоженіе промежуточныхъ звеньевъ.—Устраненіе соперничества въ природѣ.

Глава III.—Взаимная помощь среди дикарей 64
Предполагаемая война каждаго противъ всѣхъ.—Родовое происхожденіе человѣческаго общества. — Позднее появленіе отдѣльной семьи.—Бушмены и Готтентоты. — Австралійцы, Папуасы. — Эскимосы, Алеуты.—Черты жизни дикарей, съ затрудненіемъ понимаемыя европейцами.—Понятіе о справедливости у Даяковъ.—Обычное право.

Глава IV.—Взаимная помощь среди варваровъ 92
Великія переселенія. — Возникшая необходимость новой организаціи.—Деревенская община.—Общинная работа. — Судебная процедура.—Между-родовое право.—Поясненія, заимствованныя изъ теперешней жизни.—Буряты.—Кабилы.—Кавказскіе горцы. — Африканскія племена.

Глава V.—Взаимная помощь въ средневѣковомъ городѣ. . 116
Ростъ власти въ варварскомъ обществѣ. — Рабство въ деревняхъ.—Возстаніе укрѣпленныхъ городовъ; ихъ освобожденіе, ихъ хартіи. Гильдіи —Двойственное происхожденіе свободнаго средневѣковаго города.—Его автономная юрисдикція и самоуправленіе.— Почетное положеніе, занятое трудомъ. — Торговля, производимая гильдіями и городомъ.

Глава VI.—Взаимная помощь въ средневѣковомъ городѣ. *(Продолженіе)* 139
Сходство и различія между средневѣковыми городами.—Ремесленныя гильдіи: аттрибуты государства въ каждой изъ нихъ.—Отношеніе города къ крестьянамъ; попытки освободить ихъ.— Феодальные владѣльцы. — Результаты, достигнутые средневѣковыми городами: въ области искусствъ, въ области образованія. — Причины упадка.

Глава VII.—Взаимная помощь въ современномъ обществѣ . 163
Народныя возмущенія въ началѣ государственнаго періода.—Институціи взаимной помощи въ настоящее время. — Деревенская община; ея борьба противъ государства, стремящагося ее уничтожить. — Обычаи, сохранившіеся со времени періода деревенской общины и сохранившіеся по настоящее время.—Швейцарія, Франція, Германія, Россія.

Глава VIII.—Взаимная помощь въ современномъ обществѣ. 188
(Продолженіе) . . . . . .
Ростъ рабочихъ союзовъ послѣ разрушенія гильдій государствомъ.—Ихъ борьба.—Взаимная помощь при стачкахъ.—Кооперація.—Свободныя ассоціаціи для различныхъ цѣлей.—Самопожертвованіе. — Безчисленныя общества для объединенныхъ дѣйствій со всевозможными цѣлями.—Взаимная помощь среди бѣднѣйшаго населенія городовъ.—Личная помощь.

Заключеніе 209

65-6